Павел Мурузи

Александра Федоровна

OZON.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальный роман-биография известного французского писателя, драматурга, поэта, журналиста Павла Мурузи рассказывает о жизни императрицы Александры Федоровны, жены последнего российского императора Николая II. Годы царствования Николая II оказались отнюдь не радужными не только для дома Романовых, но и для всей России. Несмотря на очевидные экономические успехи, страна стремительно катилась в пропасть, подталкиваемая внутренними и внешними врагами. Первая мировая война, Февральский и Октябрьский перевороты привели к гибели империи, жестокой расправе с царской семьей, братоубийственной гражданской войне. На этом фоне писатель показывает жизненный путь Александры Федоровны, ее становление как личности и как монархини, ее женскую судьбу - радости и горести невесты, жены, матери, ее переживания за безнадежно больного сына-наследника и мужа, "хозяина Земли Русской".

- I.
-
- II.
- III.
-
-
- IV.
-
-
- V.
-
-
- VI.
- VII.
-
- VIII.
-
-
- IX.
- X.
-
-
- XI.
-

- XII.
- XIII.
- XIV.
- XV.
- XVI.
- XVII.
- XVIII.
- XIX.
- XX.
- XXI.
- XXII.
- XXIII.
- XXIV.
- XXV.

I.

Боже, как далеки и все же как близки воспоминания о «безумных годах», о моей парижской юности, когда я вращалась в переливавшемся яркими цветами высшем свете, куда более фривольном и легкомысленном, — не чета нынешнему, — захватывающем по своей зрелищности мире, и вместе с тем в этом катившемся к своему закату обществе, с его приемами, скорее похожими на панихиды, когда имена старых аристократов кружили, как кружат, падая, опавшие листья, на этих уже старомодных балах, на которых мои сестрицы записывали приглашения на танец своих воздыхателей, запоминая нелицеприятные реплики моей матушки!

А эти немногие благотворительные вечера, организуемые обычно представителями высшего русского света, укрывшимися в Париже! Многочисленные эмигранты «голубых кровей» отважно приспосабливались к новой жизни, одни садились за руль такси или грузовика, другие разгружали на заре продовольственные товары на рынках, третьи, устроившись в торговле, продавали газеты, нитки жемчуга, иконы, духи, а при случае и секретные сведения, — их жены, сестры, ста1зшие продавщицами, или моделями, рекламирующими достижения «высокой моды», или певичками в кабаре, — и те и другие, — хоть на несколько часов с присушен им неистовостью стремились позабыть свалившиеся им на головы несчастья из-за потерянного рая, покрасоваться в жалких лохмотьях прежде такого волшебного декора, вновь услыхать отзвуки этого торжественного имперского парада, когда гибла старая, святая Русь! Мне так нравились их столь знакомые мне попытки каждого из них хотя бы на один вечер стать тем, кем они когда- то были.

В салонах отеля «Рояль Монсо», где их Императорские высочества, великий князь и великая княгиня, заправляли на этой своей манифестации утраченного престижа, все они забывали о своей повседневной серой посредственности: старый гофмейстер, худой как палка, с уставшим, изможденным лицом, в своем черном строгом сюртуке с желтоватым отливом, больше похожий на служащего похоронной конторы, расхаживал с таким важным видом, словно он — видный дипломат из Петрограда; а вот Вера Дагилева, убежавшая из России в день своего обручения; теперь она, выйдя замуж за своего соотечественника, такого же эмигранта, как и она, продает игрушки в большом магазине, и ей с трудом удается наскрести три сотни франков, чтобы заплатить за квартиру.

К моим родителям, сохранявшим постоянную связь с русскими эмигрантами, почти каждый день приходили члены семей, которым удалось вырваться из большевистского ада, — одни выбрались сюда через Балканы или Германию, другие прибыли в Марсель через Турцию, Афины или Белград.

Пережитые ими несчастья сразу бросались в глаза, — бледные, исхудалые лица с резко очерченными чертами, поношенная одежда, — все это свидетельствовало об их тревогах и нищете.

Этих несчастных размещали, где только могли, — в учреждениях, в магазинах, в частных домах, где окружавших поражала такая счастливая, вызывающая удивление, способность приспособления этих, удаленных с родной почвы славян, для большинства которых их прежняя, роскошная, изобильная, прочно защищенная богатством жизнь, становилась хуже существования их обездоленных крестьян; они теперь находились вдалеке от своей земли, которую они не умели обрабатывать, и теперь им ничего не оставалось, кроме как взывать к гостеприимству чужих народов и выражать свое упрямое желание жить, вызывая к себе жалость Господа.

Но сколько было на их лицах написано мужества, сколько надежд на лучшее будущее! Но что это было на самом деле, — мужество или скорее восточное смирение со своей судьбой, — то что мы называем фатализмом, через который лучше всего передается смысл их глубокой веры?

Мой дядя, генерал от царской авиации, только что женился на очаровательной вдовушке одного из своих офицеров — Михаила Осипова. Оба теперь жили в гостиничном номере, постоянно предаваясь воспоминаниям об империи, в окружении фотографий самодержцев и великих князей с их дарственными надписями. У них царила довольно приятная семейная атмосфера, несмотря на затрапезность их обиталища и, глядя на них, можно было бы подумать, — вот обычная супружеская русская пара проводит свой отпуск за границей. Мой дядюшка Алек по военной привычке с необычайным педантизмом вел свои дела, а все бумаги составлял с необыкновенной аккуратностью и тщательно хранил их. Моя тетя Тамара, эта женщина, обладавшая изысканным вкусом, дама заметная и очень красивая, была не чужда чарующему легкому кокетству. Обычные банальные стулья были обиты приятной шелковой тканью. Кровать превращалась вдруг в настоящий восточный диван с разбросанными по нему чудными подушечками, а одна его сторона была покрыта одеяльцем из соболиного меха.

Мне так нравилось убегать из дома, чтобы посетить снова эту

уже немолодую бездетную пару, которая никогда не теряла хорошего настроения, свежести и беззаботности, — такими чертами не обладали представители французской буржуазии, среди которой у меня было немало родственников.

Там никогда не велись разговоры о будущем, все старались жить лишь своим прошлым, тесно связанным с настоящим, и как только раздавался стук в дверь их волшебной комнатки, я уже настраивалась увидеть перед собой живущих «инкогнито» принцесс или королев, которые, — кто знает! — бежали из своих дворцов, ставших добычей взбунтовавшей черни; в общем, любой новый человек, оказавшийся в этой обстановке, меня очаровывал, так как я видела в нем какого-нибудь знатного ссыльного!

По вечерам от своих повседневных трудов сюда приходили эти новые обездоленные, которые с большим презрением относились к своей нищете. Полковник Ромашов, этот старый вояка, не утративший своего высокого морального духа, обычно садился в удобное кресло и курил иностранные сигареты, а голубоватый дымок от них, колечками поднимаясь вверх, наполнял заставленную комнатку. Этот старый царский солдат теперь жил своим ручным трудом: из ценных пород древесины он делал портсигары, которые украшал инкрустацией на мотивы старой России или заказываемыми ему инициалами. Мой отец с матерью старались не давать ему сидеть без работы, — ее у него всегда было много. Я частенько подходила к нему. Он говорил по-французски с ужасным акцентом, несколько хриплым голосом, но все, что он мне говорил, наполняло меня очарованием.

Он часто предавался воспоминаниям, рассказывал нам о днях, проведенных в Л ивадийском дворце, когда императорская семья обычно проводила свой отпуск в октябре на Черном море, которое там казалось таким же фиолетовым, как и окружающие горы. Кроме своих прямых обязанностей, он выполнял еще одну, — присматривал за окружением цесаревича.

Когда я смотрела на него, на его честное, закаленное лицо воина, перехватывала его волевой взгляд блестящих глаз, то невольно еще и еще раз задавала себе вопрос, — как царь с такими вот людьми в его стране смог все же стать жертвой какой-то банды мятежников?

Моя тетка суетилась, наливала гостям чай, угощала их бутербродами, предлагала на тарелочках сладости.

Вот вошла княжна Баратова. Какой-то молодой человек с каштановой шевелюрой, с голубыми глазами, довольно бледный, и эта бледность придавала ему какой-то болезненный вид, видимо, сопровождал эту очаровательную женщину с черными как смоль волосами, а смуглый цвет ее лица делал ее похожей на

цыганку.

— Ольга, не захватили ли вы свою гитару?

Княжна посмотрела на него с недоброй улыбкой.

—Для чего вы, Александр, спрашиваете меня об этом. Вы же отлично знаете, что гитара — это мое ружье... с ним я разоружаю всех...

Варя Смирнова, разодетая, как некогда, молодая женщина, с пышными кружевами на корсаже платья, с камеей на груди, ожерельями на красивой шее, на руках браслеты, на пальцах кольца, — умоляющим тоном обратилась к ней:

— Спойте же нам «Очи черные», Ольга!

Княжна сделала недовольную мину.

— Постоянно эти «Очи черные». К несчастью, я вам не Пола Негри.

Она отхлебнула из чашки чая, уставилась на своего молодого сопровождающего.

— Николай, а ты что хочешь послушать?

Рассеянный Николай, словно сильно уставший, колеблющийся, наконец, тихо произнес:

— Может, «Грезы»?

— «Грезы», — повторила за ним неуверенно княжна, словно вспоминая... — Ах, вы хотите сказать романс Сергея Рахманинова, так? Но здесь я не вижу фортепиано...

— Я подыграю на гитаре... он такой короткий...

— Ну что ж, давайте попытаемся.

Она встала. Романтически настроенный Николай извлек из футляра гитару. Все тут же замолчали. Ольга Баратова закрыла глаза, словно старалась вспомнить слова романса.

Первые аккорды, взятые на гитаре, казалось, подтолкнули ее. Этот напев пронзительной меланхолии тут же всех настроил на ностальгический лад. Ее чуть хриплый голос, как у робкой птички при распеве, заполнил всю комнату. В этом романсе были такие слова:

Но это был всего лишь сон... дивные грезы...

Сон... Теплый, проникновенный голос Ольги Баратовой умолк... Никто не захлопал. Все молчали. Все, казалось, находились под впечатлением этого пронизанного меланхолией утверждения, — да, это был только сон...

Плотная тишина окутала, словно одеялом, эту молчащую группу эмигрантов.

Вдруг зазвенел дверной звонок. Всеобщее оцепенение схлынуло. Моя тетка зажгла лампу и направилась к двери.

Вошел новый визитер:

— Володя, это ты?

— Да, княжна, только что прибыл...

— ИзЖеневы?

— Да, только что. На Лионском вокзале взял такси, чтобы побыстрее к вам приехать. Шофер, нужно сказать, не сводил с меня настороженного взгляда.

Он даже вышел из машины, открыл для меня дверцу и сказал, приветствуя меня, на добром русско-украинском наречии.

— Ваше превосходительство мене не помнит. Но як же не узнать графа Игнатьева.

Потом он представился: Кирилл Павлович Мадинков, член дирекции императорского Мариинского театра...

Со всех сторон посыпались восторженные восклицания. Граф Игнатьев учтиво целовал дамам ручки. Тут все его хорошо знали. Он помедлил возле Ольги Баратовой. Она смотрела на него с серьезным видом, словно что-то молча выспрашивая:

— Скажите, Володя, вам что-нибудь известно? — Он сделал еще один шаг к ней.

— Да, Ольгушка... Он жив, не волнуйтесь... Глаза княжны Баратовой наполнились слезами, но напряженные черты ее лица сразу разгладились, Она опустилась на свой стул и, пытаясь совладать со своими эмоциями, только повторяла...

— Он жив! Слава тебе, Господи! Да благословенна будет память о нашем императоре-мученике... Игорь жив... Может, я скоро его увижу?

Граф Игнатьев напустил на себя вид заговорщика, что совсем не вязалось с его веселым лицом бонвивана.

— Будьте благоразумны, сударыня! Мне предстоит организовать его приезд сюда... Нужно быть очень осторожными. Вы знаете, что наши враги повсюду его ищут...

Мой дядюшка, который до этого молчал, будучи всегда таким экономным в расходовании слов, вдруг заметил:

— Владимир Петрович, и не только его одного... Но его все здесь знают, за его голову установлена награда — миллион франков...

Моей тетке не понравилось его замечание, она быстро своей ладошкой закрыла ему рот:

— Замолчи, Алек. Прежде, тут хвастаться нечем, и потом...

Разговоры в комнате возобновились. Граф Игнатьев взял

со стола свою чашку чая. Две девушки помогали хозяйке за ширмой готовить бутерброды и раскладывать их на тарелки. Полковник Ромашов поднялся со своего места, подошел к новоприбывшему.

— Не нуждается ли Ваше превосходительство в какой- либо помощи?

Мой дядюшка, прервав свое молчание, присоединился к хору предложений.

— Володя, если тебе понадобится мое такси...

Граф Игнатьев благодарил всех, раскланиваясь во все стороны.

— Мне нужна помощь всех вас, друзья мои! Как здорово, если можешь рассчитывать на всех вас. Знаете, наше общее несчастье порой для меня принимает парадоксальный оттенок какого-то чуда. Доброта часто скрывается от нас...

— Измена тоже, — перебила его княжна Баратова. Кто мог подумать, что Алексей Лавров погибнет? И где, в Женеве!

— Будем же благоразумны, — прошептал Николай. — В Париже нас все любят, но все равно здесь полно шпиков...

Я была просто поражена тем, что я услыхала в этом номере гостиницы на улице Карно, Время шло. Давно пора возвращаться домой. Я знала, что дома получу взбучку, но все равно у меня не хватало силы-воли, чтобы оторваться от участников этой теплой встречи, такой странной, такой искренней, и в то же время такой таинственной.

Там произнесли одно имя, которое, как мне казалось, я слышала от своего отца, — Алексей Лавров.

Я не осмеливалась спросить об этом у тети. Я затерялась среди ее гостей, меня никто не замечал и таким образом мне удалось остаться...

Княгиня Баратова уступила мольбам своих почитателей и снова запела.

По ее черным, словно угольки, глазам, можно было догадаться, что она находится во власти сильнейших эмоций, которые не так просто скрыть. Как у настоящей цыганки, голос ее жаловался, умолял, молил... все разговоры в комнате умолкли. В ней воцарилось нечто, похожее на скрытую религиозную пылкость. Она превратилась в тайный храм во время богослужения.

Само это место встречи, обстоятельства, приведшие к ней, судьба каждого присутствовавшего, его сущность, — казалось, теперь были где-то далеко, обо всем этом было забыто, или скорее, все растворилось в общем духовном причастии.

Подобные впечатления я испытывала во время долгих стояний с отцом в храме Александра Невского, что на улице Дарю.

Беда, постигшая страну, ее религию, настолько остро переживалась всеми эмигрантами, что их искусственной

беззаботности теперь как не бывало, и все они демонстрировали единение славянского духа в чужом краю.

* * *

В доме отца, когда заходил разговор о русских самодержцах, все непременно осеняли себя святым знамением.

То, что мне становилось известно о пережитой ими трагедии, меня волновало, но я всегда при этом чувствовала едва заметное умолчание, о чем-то важном, касающемся самой царицы. И это наблюдалось не у мужчин, а, как это ни странно, у дам, которые демонстрировали свою сдержанность порой на грани враждебности. Часто по вечерам к моим родителям приходила дочь одного знаменитого скульптора по фамилии Юрьевич. В ней не было особого величия, но ее очаровательное личико было столь совершенных черт, что можно было без всяких преувеличений назвать ее внешность истинно царской. Она была подружкой детства моего отца, и они постоянно предавались воспоминаниям о Санкт-Петербурге, об их жизни в деревне, недалеко от Москвы, где часто летом собирались все члены их семей. Они часто говорили о том, как они подолгу, часами, катались на коньках зимой, как мчались на санях, как посещали вместе редкие балы, на которых и состоялся их общий дебют.

Ольга Юрьевич, с несколько надменной улыбкой, упрекала моего отца, действуя ему на нервы:

— Ну-ка, вспомните, Константин Александрович, вы абсолютно не обращали никакого внимания на мое красивое новое платье, которое я надела в первый раз... а венок из роз, который был у меня на голове, вас ничуть не трогал!

Мой отец, конечно, возражал, но она, не давая ему говорить, продолжала:

— Вы устремляли свой взор только в глубину зеленой гостиной, где императрица принимала столько почестей...

Не без мягкой дерзости мой отец отвечал ей:

— Помилуйте, дорогая моя Ольга, я ведь был тогда молод и поступал точно так, как все молодые люди, там присутствовавшие ...

— То есть вы хотите сказать, что я там не была самой красивой? Так?

Ее уверенность кокетки усиливалась из-за нахлынувшей на нее ревности.

— Вы, конечно, были самой красивой, — завышал оценку мой отец, но, согласитесь, императрица сияла, словно солнце».

— Северное солнце, — уточнила разочарованная Ольга

Юрьевич.

— Как вам угодно... но у меня северное солнце вызывает большее очарование...

— Потому что оно обманчиво...

— Любой свет создает свой мираж, Ольга. Северное сияние уводит вас значительно дальше...

Явно недовольная такими словами, наша очаровательная визитерша повернулась к моей матери, которая прислушивалась к их разговору со сдержанной к ней симпатией, к этой подружке детства моего отца, которая каждый раз, когда приходила к нам, казалось, старалась ослепить его своей красотой, неотразимой силой своих чар.

— Вашему мужу, дорогая Адриана, императрица с самого начала крепко вскружила голову...

— Подумаешь, какая невидаль, — спокойно отвечала мать. — Все русские офицеры, которых я знала, вели себя точно также и испытывали те же чувства. Она на самом деле была очень хороша, очень красива...

Ольга Юрьевич обидно надула губки:

— Может, если вам угодно, и красива, только ее холодность придавала ей особую привлекательность, здраво оценить которую мужчины не могли...

— Не холодность, а северное сияние, — перебил ее отец с долей иронии.

— Да, если хотите. Я этого не понимаю не потому, что в моих жилах течет украинская кровь... вы только вспомните, какая у нее была застывшая улыбка...

— Может, ей было вовсе неохота улыбаться, — вставила моя мать. Может, она была там по обязанности.

— По обязанности! Вот именно! Александра Федоровна всегда исполняла обязанность, даже когда кому-то отпускала милый комплимент.

Теперь стал возражать мой отец:

— Иногда мне приходилось слышать, как она совершенно искренне смеялась остроумным шуткам своего гостя при разговоре с ним...

— Костя, не преувеличивайте! Неужели вы слышали, как смеется императрица?

— Несомненно! И при этом через ее раскрытые, немного тонкие, но тем не менее восхитительные губки был виден безупречный ровный ряд белоснежных зубов, чуть отливавший желтизной, словно драгоценный жемчуг.

— Ваши воспоминания вас подводят, друг мой, — у нее был совсем некрасивый рот.

— Ах, что это вы на нее нападаете!

— А для чего вы ее так защищаете? Всем моим сестрам, всем моим совоспитанницам в Смольном институте наши братья, кавалеры прожужжали все уши похвалами в адрес чудной царицы.

— Вот именно, — их чудной царицы! Вы сами только что это сказали, Ольга, и вам никогда не запретить хранить в нашей памяти почти волшебные воспоминания об этой великой даме!

Явно раздраженная наша визитерша снова повернулась к моей матери.

— Моя дорогая Адриана, пусть себе Костя восхищается ею на здоровье! Разве мы с вами не красивые и не имеем таким образом права подвергать критике других?

Но Ольга Юрьевич не получила ожидаемой поддержки со стороны моей матери. Напротив, та оказалась на стороне отца.

— Я бы никогда не стала ревновать своего мужа из-за чувств, испытываемых им к императрице. Нет ни одного князя, генерала, вельможи или офицера, которые передо мной не восхваляли бы чар царицы, выражая ей просто трогательную верность— Да, мужчины — странные создания, — пробормотала недовольная Ольга, еще сильнее надувшись. Эта Александра Федоровна, эта известная своими претензиями, наделенная комплексом своего величия, который всегда давал знать о себе, женщина вызывала у всех мужчин такое восхищение, природу которого мне никак не понять, увы.

Мой отец, кажется, уже разозлился:

— Она никогда не выражала особых претензий. Может, была несколько высокомерной, но это — уже другое дело. Бесспорно, в ней не было кокетства, что могло вводить в заблуждение о ее характере некоторых женщин. Она никогда не считала себя выше всех, нет, не думаю. Но она всегда подчеркивала достоинство своего высокого положения, — но разве передашь символ своего могущества обычным женским портретом?

Ольга Юрьевич не собиралась складывать оружия.

— Вы слишком приукрашиваете ее портрет, — начала она. — А это ее невыносимое уродство, в котором ее не без причины упрекают, объясняется ее корнями, германской расой... Ведь она — немка...

— Нужно ли быть непременно немкой, чтобы подавлять окружающих своим чувством превосходства, — парировал мой отец. — Я знавал многих русских светских дам, да и сейчас довольно часто наведываюсь к ним, и могу заявить, что их высокомерие отнюдь не прусское, а доморощенное, наше, русское.

Наша гостья понимала, что уступает. И она решила искать

преимущества в новом нападении.

— К тому же она была совсем неумной...

— Откуда вам это известно? — спросил уже довольно строго отец. — Вы, насколько мне известно, не были во власти, и судите о ней лишь по отрывочным словам, которые услыхали из ее уст... в сущности, вы повторяете все то, что слышали от лиц ее окружения.

— Видите ли...

— Прошу прощения. Не перебивайте меня. Когда я говорю о таких «лицах», я имею в виду некоторых членов императорской семьи или некоторых еще более напыщенных аристократов, которые высказывали свое мнение о царице, вернее, то, что им казалось в Ее величестве. Спросите кого угодно, — ее супруга, ее дочерей, ее горячо любимого сына, ее близких подруг, наконец, ее слуг, и все они вам скажут, что она всегда, беседуя с ними, была такой простой, тонкой и справедливой.

— Нет, я не люблю эту женщину, — наконец, призналась Ольга Юрьевич. — И как вы, Константин Александрович, можете ее защищать, зная, что она ускорила гибель прежнего режима.

Мой отец встал. Он был явно взволнован. Он резко вы- палил:

— Вы не имеете никакого права говорить подобные вещи! Поверьте, несколько летя был скромным чиновником нашей несчастной империи. Я знавал много секретов. Разве ныне не мой долг, моя обязанность, бороться со всей этой ложью, с этой злостной пропагандой, во имя торжества истины? К тому же у нас есть дети. У вас их трое, как и у меня, — два мальчика и девочка. Послушайте, дорогая Ольга, научите с уважением относиться Ирину, Ксению и Кирилла к той, кто была государыней их родителей. П остарай- тесь скрывать ваши женские чувства, в чем я совершенно не желаю вас упрекать. Не поощряйте этих глупцов, которые ради придания большего интереса к своей личности, без всякого колебания прибегают к непростительной клевете, чтобы опорочить безупречное это создание, которое прошло через двойную Голгофу и которое не обладало самой элементарной своей привилегией — любви других к себе! Это говорю вам я.

— Вы останетесь ее последним кавалером и рыцарем после ее смерти, — заключила мадам Юрьевич, поднимаясь со стула, давая тем самым хозяевам понять, что она уходит.

— И я не один в таком ее почитании, Ольга Петровна! Да и к тому же какой с меня спрос? Я теперь живу в Париже, у меня французская семья... сегодня я уже ничего не могу предпринять.

И когда он произносил эти прочувственные слова, я заметила, как в глазах моего отца блеснули слезы. Сердце мое глухо забилось. Я, правда, ничего не понимала, но мне казалось, что

истина на его стороне, и что у него есть, что защищать.

Моя мать сделала гостье такое предложение, правда, не очень на нем настаивая:

— Почему бы вам не остаться, моя дорогая, не отобедать вместе с нами?

— Нет, меня ждет дома Ксенюшка. Нас ждут в магазине великой княгини Ирины, где мы будем продавать вещи русского Красного Креста... к тому же Костя все время меня поддразнивает. Ему так хочется доказать, что наша императ- рица была чудом, просто шедевром!

— Я этого не говорил. Нужно следить за своими словами. Вы на нее нападали, а я — защищал.

— Вам следовало бы стать адвокатом.

— Когда я был молодым, в Каире я начал учиться праву... но не смог продолжать учебу..,

Она обняла мою маму, протянула для поцелуя руку отцу.

Они проводили ее в прихожую, где слуги открыли перед ней двери. Она хотела было уже переступить через порог, но, помедлив, повернулась и сказала:

— Константин Александрович, если вам удастся как следует подготовить защиту, то в результате все мы полюбим Александру Федоровну!

Мой отец не часто вспоминал о России, России своего детства, с ее чисто азиатской роскошью и повседневным, несколько архаичным образом жизни. Но он проявлял громадное почтение к последним самодержцам, которым он всегда служил верой и правдой с большим усердием. Каким счастливым он был, когда к нему приходил какой-нибудь соотечественник, укрывшийся в Париже, и они с ним подолгу, часами, разговаривали об «их стране», о тех незабываемых деньках, которые навсегда канули в прошлое.В такое время нам обычно запрещали им мешать. Когда бы в доме не появлялся такой визитер, после их разговора на стол обязательно ставили еще один прибор.

Так, день за днем я с удивлением и восторгом узнавала состояние этих горемык, оказавшихся в стесненных обстоятельствах, награни нищеты, одолеваемых множеством проблем, среди которых самыми главными были плохое состояние здоровья, поиск средств существования и чувство чужака. Они затемняли все прочее.

Там, на нашей улице Дарю, я смешивалась с этой толпой на тротуарах, на мостовой, перед русской церковью, и в ней узнавала многих друзей моего отца, его родственников, его «протеже». Они скапливались группками во дворе, вели между

собой беседы на языке, который я до конца не понимала, ибо едва знала его, и от этого успокаивалось мое сердце. Старые женщины в скромной одежде получали почтенные знаки внимания от мужчин такого же, как и они, возраста, таких чопорных, в потертых пальто, — они срывали с головы старый котелок зеленоватого цвета или шапочку.

Голубизна церковных куполов, холодная луна на небе, холодная, по-сибирски, ночь, вызывали во мне своеобразные чувства. Мне казалось, что эти люди помогают мне возродить в воображении святую Русь; эти люди, хотя и побежденные внешней стороной жизни в своем большинстве, все же сохраняли свою свежую жестокую чувственность. Несчастная, трогательная любовь к прошлому освещала их, как освещают свечи, горящие перед иконами; в их глазах, казалось, поблескивали всполохи могучих струй Невы-реки, проходили чередой омертвевшие дворцы, где больше не было ни роскошных празднеств, ни мятежей, а также дивные украшения монастырей, вольные степи, мрачные крепости, высокие горы с белыми снежными шапками, в них чувствовалась эта вечная потребность в чуде, эта никогда не иссякающая вера в Бога.

Прислушиваясь к их разговорам, к их молитвам, я чувствовала запах ладана, а в их спорах на стародавний манер проявлялась их несгибаемая верность своим корням. История Александры Федоровны, этой носительницы покаяния, прибывшей в эту громадную империю, чтобы сгинуть там вместе с ней на кострах ненависти, только раззадоривала мои нежные чувства к ней, усиливала мое детское любопытство, а также дочернюю мою жалость к ней, ибо в молитвах моего отца я постоянно слышала благословенно повторяемые имена, отныне вошедшие в легенду — имена Николая и Александры!

II.

В гостиничном номере, ставшем последним салоном для русских эмигрантов, мой дядя тихо говорил своим красивым голосом, с самого начала таким строгим и важным, и этот его тон внушал чувство доверия всем его слушателям.

— Речь вдет об умело разработанном преступлении, жертвой которого станет ваш несчастный брат, мой дорогой Игорь...

Довольно молодой человек, но уже с седыми висками, сжал сильнее рукой подлокотник кресла.

— Князь, я прекрасно понимаю, что не желаю встречаться с Женевским комитетом. С тех пор когда мне был представлен граф Игнатьев, я прислушиваюсь к его советам.

— Вы верно поступили! Несмотря на то, что эта трагедия разыгралась давно, нас повсюду загоняют в угол, преследуют... Даже те ужасные условия жизни, в которых мы с вами находимся, не отвращают наших врагов... Они все еще опасаются, как бы мы не выскользнули из их рук...

— Князь, — перебил говорившего визитер, — я думаю, что мы уже не можем внушать им никаких беспокойств. Вот уже пятнадцать лет они — хозяева России, их официально признали все европейские державы, они захватили всю власть без остатка.

— Кроме власти над душой, — оборвала его Софья Кост-жановская, раскуривая погасшую сигарету. — Они сейчас опасаются только одних свидетелей... а ваш брат, несомненно, очень много знал...

— Мой брат посвятил как свою жизнь, так и свою смерть императорской чете!— Особенно царице? — спросил мой дядя.

— Бесспорно. Царица доверила ему одну чрезвычайно секретную миссию...

Мое сердце учащенно билось в груди, когда я слушала этот разговор, который меня сближал с этой очаровательной личностью, о которой я, по существу, ничего не знала или знала слишком мало, а все вокруг рисовали ее как врага, который приносил одни несчастья и не мог вызывать к себе ни малейшей симпатии.

Моя тетка позволила мне остаться в комнате. Она сама вступила в беседу.

— Игорь, все это уже в прошлом. Вы теперь — парижанин. Ради сохранения памяти о вашем брате, постарайтесь хоть немного позабыть об этой драме... Приходится лишь сожалеть, что такая благородная натура, как Алексей, захотел служить безнадежно проигранному делу, а главная его героиня ни у кого

не пользовалась симпатией...

Софья Косгжановская посмотрела с упреком на мою тетку:

— Тамара, как же ты можешь так говорить об этом! Кто же не может не испытывать сильного волнения, думая о несчастной судьбе Александры Федоровны?

— Но ее никто не любил. А ей это ужасно нравилось. Это была такая гордячка...

Игорь Лавров встал и, щелкнув каблуками, резко возразил моей тетушке:

— Княгиня, я прошу вас простить меня, но я никому не позволю говорить в такой манере о нашей горячо любимой государыне...

Тут вмешался мой дядя:

— Княгиня совсем не хотела умалить ее престиж. Просто она сказала то, что говорили о ней очень многие.

— Весьма печально, вынужден вам заметить. Княгиня, несомненно, слышала отзывы о царице от представителей той аристократии, которые были враждебно настроены против ее жестких мер экономии...

— Но это касалось и членов ее семьи, — перебила его моя тетка, все более нервничая.

— Члены ее семьи, говорите? То есть вы имеете в виду всю эту банду великих князей, которые, чтобы угодить вдовствующей императрице Марии Федоровне, постоянно принижали перед ней все ее качества, подчеркивая все недостатки. Но сегодня многие из них, которым удалось избежать кровавой революционной расправы и прибыть без особых затруднений сюда, в ссылку, рядятся в павлиньи перья, хвастают своими щедрыми, лишь воображаемыми благотворительными делами и теперь предпочитают не говорить о своей трусости, которая и породила всю эту драму.

В накуренной комнате обстановка накалялась. Назревал крупный скандал. Тогда мой дядя, проявив свою обычную твердость великого пилота, снискавшую ему уважение в авиации у его сослуживцев, положил конец опасному развитию такой темы.

— Каждый, конечно, вправе иметь свое мнение и высказывать его. Но прошу ни на мгновение не забывать, что речь идет о мертвой императрице, о мученице, перед которой мы все должны почтительно склонить головы и не упрекать ее в совершенных ошибках!

Но Игорь Лавров не успокаивался, он опять бросился в бой:

— Брат мой, моя семья после революции поплатилась своей жизнью за сохранение верности этой августейшей государыне.

Это обязывает меня с ее дневником, оказавшимся в моих руках, по крайней мере, высказать всем вам ее мнение и донести до вашего сознания неопровержимые факты, которые противоречат большей части высказанных в ее адрес упреков.

Все вдруг склонили головы, и в глазах собеседников, казалось, погас огонек враждебности. Моя тетка теперь молчала, но не из-за симпатии к царице, а в силу своего воспитания.

Игорь продолжал:

— Я должен исполнить миссию, порученную моему брату.

— Для чего? — спросила моя неисправимая тетушка. — Кому это сейчас интересно, кроме кучки таких жалких людей, как мы?

— Не скажите ли, княгиня, чьи это слова, — «это слишком хорошо, так как бесполезно?» Что бы вы там не говорили, но я чувствую себя избранным, чтобы разрушить злобные легенды, чтобы пообщаться с теми, кто еще может вспомнить прошлое, вспомнить эту ужасную историю. Сколько еше важных среди нас персонажей способны испытывать в своей душе терзания, напоминающие угрызения совести?

Историки будущего должны знать, что ни в чем безобразном, низменном, нечистом нельзя упрекнуть эту великую даму, ставшую жертвой своего слишком высокого положения,

Софья Костжановская, немного полноватая, с очаровательным лицом, с белыми кудряшками, зачесанными за уши, вдруг воспламенилась.

— Короче говоря, — начала она, — почему и для чего ваш брат сыграл свою фатальную роль в этом деле?

— В то время наша семья проживала в Киеве, — стал рассказывать Игорь. — Мой старший брат Алексей заканчивал учебу в украинском университете, анаша матушка, овдовевшая, после того, как наш отец был убит под Порт-Артуром, не могла жить на скудную пенсию, выделяемую офицерским вдовам. Ее друзья из царского двора добились для нее должности первой кастеляншн в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге.

Словно испугавшись своего бодрого начала или, может, в силу природной скромности, Игорь Лавров вдруг замолчал. Он раздавил последний окурок сигареты в пепельнице, которую участливо протянул ему мой дядя. Он продолжал усталым голосом:

— Для чего, право, наскучивать вам столькими деталями...

Но все тут же запротестовали, и он был вынужден продолжать в том же духе:

— Знаю, знаю... условности, этикет, вежливость... но к тому же сейчас я очень взволнован. Моя мать была с первой встречи искренне предана императрице. И вопреки тому, чему обычно все

верят, такие важные персонажи порой с большим удовольствием доверяются людям простым, незаметным, а не тем, которые составляют их близкое окружение.

Так произошло с Александрой Федоровной. И лето 1905 года это наглядно доказало. Портсмутский мирный договор, положивший конец позорной для России русско- японской войне, был от имени императора подписан его уполномоченным, премьер-министром Сергеем Витте.

Мой дядя одобрительно кивал головой, вероятно, его одолевали какие-то личные воспоминания. Вдруг он прервал рассказ Игоря:

— Его величество пожаловал Сергею Витте графский титул за то, что он сумел свести до минимума уступки непомерным требованиям японцев.

Но Игорь продолжал:

— Это очень непопулярная в народе война стала причиной недовольства большей части русского общества. Кровь пролилась в ставшее печально известным Воскресенье, — 9 января 1905 года. Смиренная толпа, которая пришла к царю, чтобы умолять его покончить с этой войной, была расстреляна отрядом полиции, в результате чего оказалось большое число безвинных жертв. Императрица вопреки своей репутации холодной и жестокой правительницы, пыталась убедить царя выйти к народу, чтобы тем самым не допустить этого кровавого восстания. Ей была дорога древняя честь рода Романовых, ее сына, совсем еще маленького цесаревича, родившегося всего год назад.

В глазах Игоря Лаврова вспыхнул какой-то потаенный огонь.

Софья Костжановская не спускала с него своих восхищенных глаз. Она просила его продолжать:

— Как интересно, как увлекательно слушать вас! Но каковой была роль вашего брата на самом деле, прошу простить меня за настырность.

— Мой брат стал тайным курьером Ее величества царицы.

Но моя тетка, которая всегда проявляла свою враждебность, как только речь заходила о государыне, осведомилась:

— А с какой стати супруге царя вдруг понадобился тайный агент, скажите на милость?

— Вдовствующая императрица, ее свекровь, Мария Федоровна, уже много лет ненавидела Ее величество, и она знала об этом. Рождение цесаревича подлило еще больше масла в огонь, усиливая ее антипатию к ней.

— Почему же?

Моему дядюшке уже стали надоедать вопросы тетки:

— Ну что вы, Тамара, постоянно всех перебиваете, пусть наш

друг рассказывает.

Игорь Лавров теперь ни на кого не глядел. Он уставился в пол. Глаза его, казалось, были закрыты.

— Когда умер царь Александр III, Мария Федоровна еще была довольна молодой женщиной. Она любила своих сыновей, любила нежно, ревниво, навязчиво... в этом она была похожа на некоторых матерей! Ее младший сын — великий князь Михаил взошел бы на трон, если бы старший, будущий Николай II, по каким-то причинам не смог бы обеспечить продолжение царской династии. Рождение цесаревича Алексея лишало великого князя всех надежд на трон, на что так надеяласъего мать. Теперь Марии Федоровне волей- неволей приходилось искать сближения с новой императрицей, которая рождением своего ребенка обеспечивала престолонаследие...

Между свекровью и невесткой шла тайная, подспудная война. Нельзя сказать, что Александре Федоровне очень нравилось критиковать мать своего мужа или любыми способами вредить ей, — нет, ей приходилось самой все время защищаться от нападок. Последним человеком, которому она могла довериться, был император.

Все свидетели совершившейся трагедии утверждали в один голос, что у царицы была лишь одна неразлучная подружка, Анна Вырубова. Ни в одной работе, посвященной царице, вы не найдете никакого упоминания об одном человеке, настоящем рыцаре, который был генералом и конфидентом этой молодой государыни, подвергаемой разносной критике!

— Кто же он такой? — воскликнула удивленная Софья Костжановская.

— Об этом человеке почти не говорили, — продолжал Игорь Лавров, — но он пользовался абсолютным доверием нашей государыни. Она делилась с ним своими тревогами, выражала свои опасения по поводу способности своего мужа эффективно играть роль высшего руководителя великой нации. Так вот, императрица поручила моему брату присматривать за этим человеком, ибо она знала, что в высших кругах он вызывал озлобление из-за своей преданности ей.

К тому же этот человек, как военачальник, имел высокую репутацию. Его имя всегда порождало большую путаницу в мемуарах различных свидетелей, рассказывающих в своих книгах о последних годах русской монархии...

Ибо при дворе Николая И существовали два Орлова, причем они не были связаны никакими родственными узами.

Князь Орлов, потомок знаменитого фаворита Екатерины II, был сыном бывшего русского посла в Париже. Хорошо известно,

что на протяжении нескольких поколений, члены этой семьи имели честь быть близкими друзьями нескольких царей.

Сейчас я говорю о начальнике военного кабинета императора. Он женился на княгине Ольге Белосельской. Он был, несомненно, верным слугой царской короны. Все его советы диктовались самой великой преданностью царю. Александра Федоровна его, нужно сказать, ненавидела. Рассказывая вам обо всем этом, я испытываю некоторые сомнения, — не отличаются ли мои слова слишком большой расплывчатостью.

Мой дядя замахал на него руками. Лавров, ободрившись, продолжал:

— Я буду говорить о другом Орлове. Только из-за него одного моему брату придется заплатить своей жизнью за оказанную ему честь, —- за порученную ему важную миссию.

Этот другой Орлов, гораздо старше первого, командовал полком улан, шефом которого была императрица Александра. Он слыл одним из самых больших соблазнителей в империи, особенно, в пору своей молодости, когда служил в гарнизонах, вначале в Москве, а затем в Киеве. Он был кавказского происхождения, часто приезжал на землю своих предков, где еще жила его мать.

Императрица познакомилась с ним на официальном балу в Зимнем дворце. Он позволил себе пригласить ее на вальс. Она приняла его предложение. Самый искусный фехтовальщик в империи, этот блистательный офицер был ее лучшим представителем. Он был ловок, отчаянно смел, бесстрашен, — кто же лучше его, надежнее его мог бы защитить государей? Эта встреча открыла для Александры Федоровны тропинку взаимной симпатии. Она, привыкшая к плохо скрываемому враждебному к себе отношению со стороны всего своего окружения, напуганная этим светским гримасничанием, уязвленная лицемерным почитанием этого клеветнического двора, она вдруг ощутила внутри себя искренний душевный порыв, подталкивавший ее к этому дворянину, который явно не собирался за ней ухаживать, подчинить ее себе, а выражал лишь свое желание быть ей полезным, служить ей.

Нужно иметь в виду, что в это время, как никогда прежде, царица подвергалась злобным нападкам со стороны клана Марии Федоровны. Рождение цесаревича, ее пятого по счету ребенка, после четырех дочерей, вызывало у нее не только большую радость, но и немалую тревогу.

Низко, почтительно поклонившись перед своей августейшей партнершей по вальсу, генерал Орлов прошептал:

— Сударыня, Ваше величество, позвольте же мне сохранить

до последнего мгновения моей жизни столь приятные для меня воспоминания о той высокой чести, которую Вы мне оказали.

Императрица, взволнованная таким кратким, но тем не менее искренним комплиментом своего кавалера, пригласила его к себе на свою ближайшую среду, — этот день она обычно посвящала частным приемам.

Но знаменитый барон Фредерикс всегда был настороже. Навострив уши, он услыхал предложение императрицы и тут же доложил о нем великому князю Михаилу.

Великий князь, обладавший таким же злым языком, как и его матушка, на это ответил:

— Чему же здесь удивляться? У нас в России императрицы всегда имели своих фаворитов.

После таких его слов, клевета побежала по проторенной дорожке. Узнав о том, что теперь повсюду говорили о ней, она возмутилась:

— Это генерал Орлов мой-то фаворит? Если достаточно согласиться на вальс с мужчиной, чтобы он тут же стал моим фаворитом, то к их числу следовало бы отнести и барона Фредерикса, князя Голицина, генерала Дрентельна, князя Нарышкина и еще Бог весть сколько претендентов! Моей свекрови следовало бы предупредить меня заранее, еще до моего брака с ее сыном, что отныне мне будет запрещено танцевать на балах.

Начиная с этого дня, императрица постоянно принимала у себя генерала Орлова в частном порядке. У нее была такая потребность поделиться с ним своими тревогами, довериться ему. Император, который был поставлен об этом в известность, не пожелал разбираться с соперницей своей жены, вдовствующей императрицей, и отказывался выслушивать все ее жалобы.

Почему же эта встревоженная женщина своим чутьем почувствовала необходимость иметь при себе тайного, постоянно присутствующего защитника для своего новорожденного младенца, слабость которого так терзала ее сердце матери. Тогда она еще не знала о той страшной болезни, которой был подвержен маленький Алексей. Ее материнский инстинкт подсказывал ей необходимость окружить своего ребенка самыми хлопотными заботами, принять все меры предосторожности. Все вокруг теперь представлялось ей в угрожающем свете.

Очень скоро генералу было позволено посещать самые интимные сбориша, устраиваемые государыней. Мало-по- малу она все подробнее признавалась ему в тех страхах, которые не оставляли ее в покое.

И вот высшие сановники, статс-дамы дворца, члены императорской семьи принялись измышлять «любовный роман», в

который каждый из них вносил свою воображаемую скабрезную деталь. Боже, какая удачная находка, какой удобный предлог, чтобы подвергнуть критике все действия несчастной Александры, занимаемую ею позицию. Николай II знал, что ему не в чем упрекнуть свою безукоризненную супругу. Он слишком хорошо ее знал, чтобы усомниться в ее верности ему. Но из-за надоедливых жалоб матери, которая продолжала выдвигать против его жены самые худшие подозрения, из-за ехидных улыбочек своих дядьев, кузенов, придворных дам ему приходилось демонстрировать свою власть. При каждой встрече с сыном Мария Федоровна непременно затрагивала эту тему, изливая на невестку весь свой накопившийся яд. Она даже утверждала, что интимные отношения царицы с генералом длятся уже давно, о чем никто прежде и не подозревал. Перед своей фрейлиной Тютчевой, графиней Игнатьевой и другими придворными дамами она, имея в виду своего внука, заявила: «Никогда какой-то “бастард” не взойдет на русский трон».

Фрейлина Тютчева, заливаясь слезами, сообщила царице отаком ужасном предположении ее свекрови. Почему же ее муж не мог оградить ее от всех этих унижений, наветов, почему своей властью не заставил замолчать все эти злые языки, способные добиться того, чего желала мать императора, — раздора в императорской семье, которая, насколько было известно, была вполне счастлива?

Вряд ли стоит портить вам всем настроение, посвящать в малейшие подробности той тайной борьбы, скрытой борьбы, которую вели между собой эти две женщины. Мария Федоровна без устали преследовала свою невестку. Но необходимость соблюдения приличий заставляли ее удерживаться от слишком язвительных, постоянных атак. Имлера- тора, занимавшегося решением сложных проблем, связанных с поражением русской армии в Японии, выводили из себя все эти сплетни, нацеленные на то, чтобы омрачить его прежде такую простую, без всяких огорчений, супружескую жизнь.

Но осенью 1905 года было все же принято решение направить генерала Орлова с важной миссией в Каир, где Россия имела большие интересы.

Вдруг мой дядя перебил Лаврова:

— Дорогой друг, прошу прощения за то, что перебиваю вас.

Но мне куда лучше вас известна вся история этой миссии. О ней мне часто рассказывали мои родители, отец — Александр Павлович Мурузи, моя мать. Отец служил уполномоченным по возвращению задолженности в Каире. Насколько я помню, как мне рассказывали, в этом городе в гостиничном номере был обнаружен труп генерала Орлова, — он покончил с собой, пустив себе пулю в л об из револьвера, оружие валялось на полу рядом с креслом, в котором сидел самоубийца.

Лавров, словно получив невидимый электрический заряд, вскочил со своего стула, энергично заходил взад и вперед по комнате, чтобы справиться с ох на ппщшм его гневом, и громко закричал:

— Все это ложь, чистая ложь! Генерала Орлова на самом деле Николай II направил с секретной миссией в Египет, в Каир, и он там на самом деле умер в гостиничном номере в каирском отеле. Но он не покончил с собой. Его убили!

Этот неопровержимый факт и привел к драматическому исходу судьбы моего брата, которого императрица назначила следить за каждым шагом несчастного генерала во время его поездки в Каир или, если лучше и точнее выразиться, во время его египетской ссылки. Чутье императрицы ее не подвело.

Когда мой брат прибыл 19 октября 1905 года в Каир, генерала уже не было в живых. Его казнь состоялась часов сорок назад.

«Александрийская газета» преподнесла его смерть как обычный, банальный факт. Мой впавший в отчаяние брат, которому императрица поручила передать кое-какие записи из ее дневника ему в руки, чтобы он их сохранил, приехал на место слишком поздно.

Но у него еще было время, чтобы провести до конца расследование его гибели, так как ему была известна вся правда. Участники масштабного политического заговора, используя слабости царя и эту выдуманную от начала и до конца любовную идиллию, хотели обмануть, ввести в заблуждение тех, кто хотел разоблачить истоки революционного движения, направленного на разрушение трона Романовых!

Игорь Лавров, давая такое долгое объяснение, каким-то странным образом изменился в лице. Он побледнел, лихорадочно сжимая пальцы. Все вокруг него молчали. На меня эта сцена произвела гораздо более сильное впечатление, чем на остальных. Глубокое почтение, выражаемое моим отцом к этой государыне-

мученице, преследовало меня, не давало покоя. Мне хотелось знать все. Попытаться все восстановить, все пережить самой.

В тот вечер, когда я вернулась домой, я дала себе твердое торжественное обещание все сделать для того, чтобы лучше, поподробнее узнать об этой странной истории.

Я расспрашивала всех русских друзей нашей семьи. Князь Феликс Юсупов немало написал об этом периоде истории России, да и рассказывал немало. Я познакомилась с одним старым сотрудником Охранного отделения, укрывшегося в Париже, Жаном Якоби, который, выучив французский, сделал себе превосходную карьеру историка.

Повсюду, нужно сказать, мне помогал случай. Самых неожиданных встреч, которые обогащали мои знания, становилось все больше. Мои девичьи тетрадки заполнялись все новыми и новыми записями. И вдруг источники моей информации пресеклись, в них образовался зияющий пробел, сопровождаемый гнетущей тишиной: мой горячо любимый дед Константин Мурузи скоропостижно скончался в клинике Нейли.

Другие, неотложные проблемы возникали передо мной, бросая вызов моей девичьей воле. Мой отец, лежа на предсмертном одре, нанизывая мне на палец семейный перстень с печаткой, заставил меня поклясться, что я буду и впредь чтить память Той, которой он так поклонялся.

Вот уже столько лет я стараюсь выполнить данное ему обязательство. Я занимаюсь с истинно религиозным рвением тем, что мой незабвенный отец хотел завершить сам. Александра Федоровна подает мне таинственный знак. Она подает его всем нам. Ее блуждающая душа, ее тело, не преданное земле в соответствии с обрядами, требуют немного любви, немного справедливости.

III.

Есть такие владения, княжества, даже герцогства, которые хотя и занимают весьма скромное место на географических картах, тем не менее имеют важное историческое значение, если судить по той роли, которую играли в свое время те, кто получил эти земли в удел.

Это касается и одного абсолютно средневекового, тихого городка старой Германии с его горбатыми улочками, уложенными небольшими булыжниками, которые преувеличенно называют мостовой, с его домами, некоторые из которых выстроены в стиле рококо, с их большими крышами и фасадами с перебором скульптурных украшений, напоминающими о романтическом духе Германии Гете и Гофмана.

Дармштадт, город в великом герцогстве Гессенском выстраивал свои очаровательные, как на картинке, кварталы бывшей столицы, расположенной в нескольких милях от Рейна, к югу от Франкфурта, в регионе, густо покрытом лесами.

Теплые, нежные, семейные отношения связывали это великое герцогство с британской короной. Местная аристократия поголовно говорила по-английски и усвоила множество английских обычаев. Эти узы, усиленные различными браками, были очень прочными и крепкими, в то время как отношения между Гессеном и Пруссией, где правил дом Гогенцоллернов, были напряженными и натянутыми. В 1866 году, когда началась австро-прусская война, Гессен принял в ней участие на стороне Австрии, которая была разгромлена при Садовой. В результате союзник Вены, Гессен, превратился в вассала новой, нарождавшейся империи — Германской. Великий герцог Людвиг Гессенский ненавидел Пруссию и Гбгенцоллернов. Он был женат на английской принцессе Элис, дочери британской королевы Виктории, и великий герцог быстро перенял все английские привычки своей жены и их дети с колыбели получали чисто английское образование. Их старшая дочь Елизавета выйдет позже за великого князя Сергея Александровича, брата русского императора Александра II, вторая — Виктория — свяжет свою судьбу со своим кузеном, князем Людвигом Баттенбергским, третья — Ирина — выйдет замуж за князя Генриха Прусского, их младший брат Людовик-Эрнест Гессен-Дармштадтский долгое время будет оставаться холостяком, а самая младшая в семье девочка получит такое же имя, как и у матери — Алиса, только на немецкий манер, — Алике.

Итак, Аликс-Виктория-Елена-Луиза-Беатрис, принцесса

Гессен-Дармштадтская появилась на свет 6 июня 1872 года в Дармштадте, этом уютном городе своих родителей.

Великая герцогиня в письме к матери, королеве Виктории, с удовольствием сообщала ей: «Алике — такое миленькое, такое веселенькое создание, она все время смеется и на одной щечке у нее — ямочка».

Когда ее крестили (крестниками были будущий царь Александр III и будущий английский король Эдуард VII), мать, очарованная этим живым младенцем, дала ей прозвище —

«Sunny», что на английском означает «Солнышко». Она писала матери, жившей в Виндзоре: «Наша Солнышко, такая вся розовенькая, ею все ужасно восхищаются, и я заранее знаю, матушка, что вы будете просто обожать это наше сокровище*.

Дворец великого герцога Людвига IV Гессен-Дармштадтского стоял в самом центре города. Его окружал прекрасный парке красивыми деревьями, липами и каштанами, которые своей густой листвой скрывали счастливую жизнь его обитателей, украшая собой светлые аллеи, проложенные на английский манер.

Дочь английской королевы Алиса, ныне великая герцогиня, хозяйничала в этом большом и светлом дворце. Она устанавливала в его комнатах все то, что напоминало ей о ее родине. Стены комнат украшали многочисленные английские гравюры. Гостиные были увешаны портретами королевы Виктории, принца Альберта и всех ее английских кузенов. Великая герцогиня выписала из Лондона гувернантку для детей — миссис Орчард. Эта миссис Орчард, прямая, как палка, чистенькая, словно вымытое стекло, и негнуща- яся, словно застывший солдат на часах, совсем не любила стильбарокко с его украшениями, который главенствовал в старой Пруссии. Она привезла с собой из Англии не только вкус к здоровому образу жизни, свежему воздуху, но и любовь к строгому порядку. Она добилась от великой герцогини, чтобы ее дети жили вхороших, светлых, приятных на вид комнатах без всяких безвкусных украшений. Мебель в них была простой и удобной. Ее вкус к твердому распорядку дня, к гигиене, трезвости сказывался на всех пристрастиях миссис Орчард. Даже в вопросе питания... Она сама составила список всех меню и представила его на одобрение матери. Алике росла, питаясь печеными яблоками, рисовыми пирожными и пудингом. Спорт занимал видное место в системе обучения, разработанной миссис Орчард. В пятилетнем возрасте Алике уже каталась по аллеям парка в легкой коляске, запряженной пони, которым управляла сама. На всякий случай лакей в ливрее шествовал рядом с этим экипажем.

Алике безумно любила прогулки. Ей нравилось бывать на свежем воздухе, вдыхать запах деревьев, высокой травы, заросли которой находились чуть дальше, ей нравилось прятаться в них, чтобы вызвать тревогу у матери, которая довольно громко звала ее: «Куда это подевалось мое маленькое Солнышко? Ну-ка, выходи!»

Ребенок, конечно, обожал свою мать, и мать отвечала ему тем же. Глядя на свою маленькую дочку, Алиса чувствовала, как у нее тает сердце.

Великий герцог с женой и детьми проводил все лето в охотничьем домике, в лесной глуши, в местечке Вольфсгар- тен. Там Алике была по-настоящему счастливой. В парке, еще более ухоженном, чем в Дармштадте, был небольшой овальной формы бассейн, в котором разводили золотых рыбок. Их пыталась руками поймать Алике. Через довольно большой двор дорога вела к большим каменным лестницам, по ступеням которых можно было подняться прямо в большой помещичий дом, правда, без особых претензий.

Алике любила бегать по двору, залитому солнцем, где большей частью играла одна, так как сестрам, которые были старше ее, ее компания не подходила. Иногда она, сидя на краю бассейна, опускала свои ручки в прозрачную прохладную воду, чтобы схватить своими пальчиками золотую рыбку, которая, однако, оказывалась куда более ловкой и быстро уплывала. Иногда миссис Орчард заставала ее в кладовке для белья, где она, открыв дверцы шкафа, рылась в нем, стараясь найти забытые там материнские вещи. Она обожала надевать платья матери и расхаживать в них по большой гостиной, утопая в слишком большом для нее кринолине. Так как у нее не было под рукой веера, она расхаживала, помахивая большим каштановым листком, зажатым в левой руке, а правой она поддерживала платье, и, чтобы невзначай не упасть, благоразумно замедляла шаг, словно замирая на месте. Алике ужасно нравилось изображать из себя знатную даму, такую как «маман», или тех, которых принимали в Дармштадте в дни торжественных церемоний.

Этот развитый не по годам ребенок предавался фантазиям, развивая дальше сказки о феях и волшебницах, которые ей читала гувернантка только в виде поощрения за хорошее поведение. Какое милое, тихое детство, такое приятное, без всяких трудностей, протекавшее в гармоничной обстановке счастливого семейного очага!

Рождество в ее доме отмечалось на английский манер. В большом дворцовом зале устанавливали высокую елку, на ее ветвях висели игрушки в виде яблок и позолоченные фольгой орешки. Множество маленьких свечек загоралось на ветвях, заливая комнату своим свечением и яркими, рассыпающимися искорками, похожими на крошечные звездочки. Восседавшая на английском троне бабушка присылала им традиционный английский пудинг и сладкие пирожки. Праздник начинался с традиционного рождественского гуся на столе, который был перевязан ленточками государственных цветов великого герцогства и Великобритании.

Каждый год, в мае месяце, вся семья уезжала в Англию, чтобы посетить королеву Викторию. Виктории нравилось баловать своих внучек, и она принимала их в разных местах: в Виндзорском замке, в Бэлморале, посередине этой таинственной Шотландии, в высоких горах, затем в Осборне, в этом странном каменном замке, возведенном прямо над морем. Алике просто пожирала глазами все эти величественные строения, громадные размеры которых и их роскошь убранства порождали в ней сказочные мечты. Королева явно отдавала предпочтение маленькой Алике. Она сама читала ей добрые сказки, в которых действовала целая толпа таких симпатичных животных.

Она гуляла по угрюмому пляжу, где наблюдала, как умирают на песке достигшие отмели морские волны. Бабушка подарила Алике рыбачью сеточку для ловли крабов. Она с сестрами строила на берегу замки из песка, которые ее злюка-кузен, этот шалун, за одно мгновение разрушал, бросая в сооружение на песке свою палку... Александра в своих воспоминаниях возвращалась к этому счастливому времени, когда была маленькой девочкой, строила песочные замки, купалась и ловила крабов на побережье Англии.

Окруженная нежными заботами, обожаемая своими родителями Солнышко распускалась как цветок шиповника в этом саду материнской любви, в среде английской королевской фамилии.

Ал ике безгранично восхищалась своей бабушкой по материнской линии. Ей казалось, что королева Виктория наделена точно такой же властью, как феи из сказки. Она часто думала об этом в своем мечтательном детском одиночестве; как хорошо иметь все эти красивые дворцы, золотистые пляжи, скалы, это бескрайнее море с его набегающими одна на другую волнами, пена с гребня которых иногда попадает даже налицо; как хорошо иметь таких легконогих, словно птички, лошадок, слуг в красивых, вышитых золотом ливреях... Быть королевой, — какое

блаженство! Как ее добрая бабашка Грэни, которая в своем кружевном чепце казалась ей такой простой, совершенно забывшей о своем могуществе, лишь наслаждавшейся своей красивой жизнью!

* * *

Зимой 1878 года предвестник несчастья в странной жизни Алике набросил на большой дворец в Дармштадте свое ужасное покрывало-саван.

Как и каждый год, все в доме только и говорили о предстоящей в марте месяце поездке в Виндзор, где бабушка-королева уже приготовила свои удивительные подарки-сюрпризы для внучек. Но однажды утром миссис Орчард с тревогой обнаружила, что самый маленький ребенок — четырехлетняя Мей — не мог говорить. Девочка лежала в своей маленькой кроватке вся в жару, и, казалось, ей было трудно дышать, она задыхалась.

Гувернантка тут же сообщила о болезни дочери Алисе, и она, увидав в каком состоянии находится ее маленькая до- чурка, потребовала немедленно вызвать придворного лекаря, профессора фон Мюллера. Меди к вскоре я вился. Короткий, поставленный им диагноз сразу набросил черную тень на их семейное счастье: ребенок заболел тяжелой формой дифтерии. Нужно было незамедлительно применять сильнодействующие медицинские средства.

Великий герцог Людвиг IV и его несчастная супруга меняли друг друга у изголовья маленькой больной, несмотря на предостережения миссис Орчард, которая опасалась заражения.

Английскому двору была направлена отчаянная телеграмма. Ответ королевы Виктории не заставил себя долго ждать: в тот же вечер на континент отправился ее личный врач, чтобы помочь своими знаниями немецким коллегам.

Но с каждым днем болезнь все прогрессировала. Всего за три дня заразились все дети, кроме Эрнеста. Ужасная эта болезнь, с которой можно справиться только разработанными в XX веке медицинскими средствами, переходила на всю семью.

Несмотря на предостережение медиков, мужа, который приходил в отчаяние оттого, что не мог отогнать свою же ну от изголовья маленькой страдалицы, Алиса без минуты отдыха все сидела возле своих больных детей, проявляя всю свою нежность к каждому из них. Ее маленькая Мей, младший ребенок, которого эта чудовищная болезнь — дифтерит — избрала в качестве своей первой жертвы, умерла, несмотря на все предпринятые меры.

Весь дом превратился в больницу и приобрел похоронный

вид. Гувернантки, слуги, секретари — все разговаривали только шепотом. Все верили, что хороший сон может бытьэффективным лекарством, и поэтому ходили на цыпочках, неслышно и с большой осторожностью открывали и закрывали двери, чтобы не создавать ни малейшего шума.

Увы! Все же пришлось положить в маленький гробик маленькую Мей, их последнего ребенка...

Алике, как и ее брат и сестры, сразу не осознала, что это такое, — горестный уход из жизни. Может, именно тогда они впервые столкнулись со смертью?

А миссис Орчард запретили объяснять детям, что это такое. Когда Елизавете и Беатрис стало немного лучше, и они спросили, как чувствует себя их маленькая сестричка, им ответили, что ее «крестная» увезла ее далеко-далеко.

Алике еще не было и шести лет, но она обладала каким- то особым чутьем, которое заставляло ее так терзаться. Она тоже была заражена этой болезнью, но доктор заявил, что ее жизни теперь ничто не угрожает, и потребовал перевести ее в другую комнату, подальше от ее двух больных сестричек. Алике постоянно звала к себе маму и начинала сразу плакать, заметив, что она собирается от нее уходить.

Постепенно здоровье всех детей восстанавливалось, правда, слишком медленно.

Только одна несчастная мать, великая герцогиня Алиса, измотанная своими ночными бдениями у изголовья больных детей, расстроенная бесконечными тревогами за их жизнь, с каждым днем теряла силы. Однажды вечером к изголовью ее кровати вызвали великого герцога. Тот лишь успел опуститься на колени перед своей женой, которая уже переживала предсмертную агонию. Венская герцогиня Алиса, эта самая счастливая из жен, эта самая счастливая из матерей, больше не могла оказывать сопротивления пожиравшим ее изнутри микробам и испустила свой последний дух в объятиях супруга.

Великолепный герцогский дворец, красивый парк без особых претензий, уставленные цветами окна, казалось, вдруг исчезли под черным покровом. Весь город оделся в траур. Веселый перезвон колоколов уступил место тягучему скорбному гулу.

Это была первая, насланная Богом жестокая голгофа, которая ранила беспорочную душу девочки.

Весна заявляла о своем приходе. Через несколько дней Алике исполнится шесть лет. На еще сырой земле, на клумбах в парке уже пробивались первые слабые зеленые росточки. Робкие еще птички пытались своим шебетом приветствовать пробуждение заснувшей природы.

Возле миссис Орчард, которая постоянно проливала слезы, она чувствовала себя посторонней, что враждебно настраивало ее к вернувшемуся к ней здоровью, и с подчеркнутым презрением, столь необычным у такой маленькой девочки, оглядывала она горы новых игрушек, купленных для нее отцом: куклы в забавных нарядах, кукольные столовые сервизы из дрезденского фарфора, маленькие плюшевые мишки, ослики из папье-маше, бабочки с кружевными крылышками.

Алике, кажется, ничего не могла понять. Она выходила на середину комнаты, дотрагивалась до смеющегося полишинеля или до деревянной лошадки с неподвижными глазами, и, казалось, смотрела на них. Но она ничего перед собой не видела, словно ослепла, она больше ничего вокруг не узнавала.

Все ее старые игрушки сожгли по распоряжению врача. Все так хорошо знакомые ей предметы, даже детское белье, были уничтожены по той же причине, а теперь перед ней было все новое. Новое ли? Может и так, только пустое, без души.

Этот избранный судьбой ребенок жил и сам в пустоте, так как из этого мира со временем все уходят. Через каждое мгновение миссис Орчард приходилось отвечать ей на один и тот же вопрос:

— Ваше высочество отлично знает, что миссис Алиса, ваша мать вернется...

Алике, вновь заливаясь слезами, поворачивала** гувернантке голову и твердо говорила: «Нет, не вернется!» Она еше не могла отделить правду от лжи, и ее неверие удивляло, тревожило несчастную англичанку, которую выводили из себя эти ее постоянные призывы:

— Мама! Где же ты! Почему она не возвращается? Может потому, что я наказана?

Старшие сестры старались с ней не разговаривать. Просто обнимали ее своими маленькими ручками. Елизавета, которая была старше на восемь лет, старалась ее утешить, поласкать, но разве можно было сравнить эти ласки с нежными ласками мамы, этой настоящей феи, которой стоило только прикоснуться губами к ее мягким золотистым волосам на головке, чтобы наполнить всю ее несказанным счастием! Ах, мама, мама!

Первые месяцы года проходили вместе с весной оживляемой яркими цветами, и ребенок переходил от периодов полного самоотречения, когда он все время молчал, открывая рот только для того, чтобы произвести самые необходимые слова, к периодам жалобных стенаний, которые становились все более и более глухими. Это горделивая натура, этот ребенок, считал, что ее печаль позволит ей унизить себя перед другими. Маленькое Солнышко, названное так родителями, казалось, теперь отреклась

от всякого веселья, от любой, даже самой незаметной улыбки.

Эта великодушная упрямица, когда миссис Орчард хотела приласкать ее, погладить рукой или поцеловать, тут же укрывалась за стеной возросшего чувства собственного достоинства. Можно было бы сказать, что только хранившийся в ее маленькой душе секрет заменял ей любую компанию, необходимость кому-то довериться. С горечью отец, сестры, брат отмечали, что она становилась какой-то подозрительной. Иногда она с укоризненным видом отказывалась отвечать на вопросы. С каждым днем утолщался панцирь сдержанности. С приближением лета нервных припадков у нее становилось все меньше, но росла и тревожащая непреклонность, за которой она скрывала малейшие эмоции. Была ли она абсолютно безразличной к тому, что происходит вокруг? Казалось, что для этого она предпринимала все усилия.

Вскоре все заметили, как она искала одиночества при прогулках по парку. Ее и без того узкий окружающий мир продолжал сужаться. Она воспринимала знакомые, близкие лица, но отказывалась принимать новых персонажей. Все те, кто составлял ее первое окружение, могли ее видеть, но, заметив незнакомцев, она тут же убегала. Все старались каким- то образом отвлечь ее от переживаний продолжительными прогулками в экипаже или даже далекими экскурсиями за пределами герцогства.

Она ни на что не обращала внимания, заметно страдала, и эти терзания не прекращались даже перед теми достопримечательностями, перед теми красивыми пейзажами, которые так нравились всем членам ее семьи.

Ее спрашивали:

— Разве вам не нравится видеть такие прекрасные вещи?

— Если бы рядом со мной была мама, мне бы они понравились, — отвечала она, не проливая при этом ни одной слезинки.Ее отец, явно обеспокоенный такой неизбывной печалью дочери, старался вывести ее из такого тяжелого состояния. Этого всем сердцем желали и ее сестры и брат.

Иногда, когда та или иная встреча не выходила за семейные рамки, когда любое вторжение извне было просто невозможным, Алике, словно приручаемое животное, брала Елизавету или Викторию за руку, вдруг улыбалась, начина- ла говорить о милых вещах, приободренная теплым к ней отношением и тем пониманием, которое ей щедро все оказывали. Она словно выходила из своих ограничительных рамок, распрощавшись со своей прежней холодностью, робостью, и, превратившись вдруг в слишком серьезного ребенка, появлялась посередине гостиной,

где каждый разглядывал глазами восхищенного мальчугана эту маленькую нежную девочку, щебечущую словно птичка, не насмешничающую, страстно желающую ласки, нежности, любви... Она снова становилась прежним Солнышком. Ее отец был вне себя от восторга! Миссис Орчард, наконец, утешилась и, заключив ее в свои объятия, стала напевать ей детские стишки, — разумеется, по-английски, и ребенок сладко закрывал свои глазки, ужасно довольный этой возможностью засыпать так, как прежде, словно дыхание матери, как чарующее дыхание смерти, опаляло ее лицо, придавая ей уверенности в себе.

* * *

После смерти дочери королева Виктория постоянно укрепляла родственные отношения со своим зятем. Алике, ставшая теперь самой младшей в семье, ее любимица, вызывала у бабушки особую нежность и любовь. Она писала великому герцогу Людвигу IV: «Ни в коем случае, мой дорогой Людвиг, нельзя допустить, чтобы погасло наше Солнышко, наше Солнышко — Алике. Не стоит ее слишком бранить. У этого ребенка болезненная чувственность. Чаще говорите ей обо мне. Скажите, что мои объятия всегда для нее открыты, чтобы крепко прижать к груди и убаюкать».

Когда миссис Орчард сообщила об этих излияниях королевы своей воспитаннице, ей, конечно, было очень приятно. Но обостренное чувство стыда, которое все принимали за высокомерие, не позволяло ей внешне проявлять свои эмоции.

Вскоре был найден воспитатель, француз, для младшенькой. Ее отец скрупулезно исполнял все советы английской королевы.

Их сменилось несколько за долгие годы; один из них, месье Анри Конти, оставил свои воспоминания, в которых рассказывал, с какой тщательной аккуратностью великий герцог Гессенский постоянно сообщал своей теще об успехах в образовании этого ребенка, которое было связано с некоторыми трудностями из-за неизбывной пока печали Алике. Девочку воспитывали на обычный манер буржуазной Англии, с разработанной методикой, с требованиями строжайшей дисциплины. Ее мать всегда требовала от первой гувернантки постоянно бороться с нарождающейся у ребенка гордыней, которая часто влечет за собой иссушение сердца.

В одном из своих писем королеве она писала:

«Я изо всех сил стараюсь изжить гордыню у своих детей из-за их высокого положения, ибо оно, такое положение, — ничто, если ты сама из себя ничего не представляешь. Я целиком разделяю Ваше мнение о различии в рангах. Как, однако, важно, чтобы и принцы и принцессы осознавали, что они совсем не лучше других, не выше их, и что их высокое положение вовсе не их личная заслуга, и только возлагает на них двойную обязанность — жить для других и быть для всех образцом доброты и скромности!..»

Королева Виктория часто приглашала девочку с миссис Орчард летом в гости, чтобы лучше узнать любимую внучку и лично следить за процессом ее обучения и воспитания. В отличие от того, что потом писали многие биографы, более или менее осведомленные, но большей частью не очень объективные, Ее величество открывало в своей маленькой внучке такие душевные сокровища, такую любовь, которые в ней не замечали близкие.Однажды во время пребывания великого герцога Гессенского со всеми детьми в Виндзоре по случаю Рождественских праздников, королева всех радушно принимала в своем замке, и там высказала отцу Алике свои умозаключения:

— Людвиг, ваша младшенькая — это океан печали. Нужно с этим бороться. Я разработала для нее повседневный «модус вивенди», чтобы она не чувствовала так остро отсутствие матери. Я знаю, что Вы — не воспитатель, это — не Ваше призвание. Эта область не для Вас. Она будет весьма прилежной, предупреждаю Вас. Старайтесь избегать любой несправедливости, при любом незаслуженном замечании она может взбрыкнуть, взбунтоваться. Но хочу Вас заверить, — сердечко ее жадно жаждет любви.

Проницательная Виктория хорошо понимала, что отец Алике, этот еще совсем не старый вдовец, теперь не станет сильно интересоваться семейным очагом.

Она продолжала свои наставления:

— Когда у нее каникулы, присылайте ее ко мне. Она должна быть постоянно рядом со мной. Ее дядья и тетки здесь к ней очень хорошо относятся.

Я должна быть в курсе всех ее успехов во всех областях жизни. Она требует только одного, чтобы ее понимали, ей хочется постоянно совершенствоваться. Но всего самого лучшего от нее можно добиться лишь двумя способами, — самым строгим распорядком дня и истинной любовью.

Каждый месяц Алике с нетерпением ждала ласкового письма от бабушки. Время постепенно затягивало ее душевную рану, и девочке казалось, что королева Виктория защищает ее точно так,

как это делала бы мать, будь она жива. Она оставалась такой же, если не больше, молчаливо-сдержанной, но ее неповиновение уже не было таким резким.

Грэни выработала для нее такой распорядок дня: после пробуждения скромный, без изысков, завтрак, после чего начинались занятия; повторение уроков, заданных накануне, затем строгое исполнение всех своих обязанностей. Только после этого — прогулки и развлечения. Весь ее день был регламентирован до минуты.

Дом, казалось, жил сам по себе, оченьдалекоотнее. Старшие сестры принимали приглашения от многих принцев в видах заключения брака, о чем они никогда в ее присутствии не говорили.

Из развлечений, которые ей оставит королева до ее шестнадцатилетия, были только крикет, теннис, верховая езда, катание на лодке и на коньках.

Никаких дорогих туалетов. Нечего слишком подчеркивать свою природную красоту, свою бесспорную элегантность, свое врожденное отличие от других, что могло привести к слишком опасным для ее возраста комплиментам. Все ее девичьи платья шили в Дармштадте, портным было приказано соблюдать в изготовляемых ими нарядах умеренность, непременно принимать во внимание, при каких обстоятельствах и когда будут демонстрироваться их изделия.

На карманные расходы Алике получала от пятидесяти пфеннигов до одной марки, за которые она должна была отчитываться перед воспитательницей.

Когда ей исполнилось шестнадцать, после официальной конфирмации, свидетельствующей о принятии ею религии своих предков — лютеранства, королева Виктория пригласила ее в Бэлморал. Там ей было впервые позволено надеть длинное платье и надевать особое — бальное, для балов.

Алике пользовалась своим преимуществом — постоянным нахождением поблизости от Грэни и по нескольку раз на день прикладывалась к ее сухонькой ручке. Ее импозантная бабушка умела быть простой, доброй матерью для ребенка, она часто прижимала девочку к груди, ласкала ее, гладила по красивым белокурым волосам, которые все заметнее становились шатеновыми.

— Дитя мое, мое маленькое Солнышко, как мне хочется, чтобы вы стали очаровательной принцессой. Ваше усердие в учебе только подтверждает мое мнение, моя маленькая, вы станете прекрасной великой дамой и найдете себе мужа, который сумеет оценить вас по достоинству.

Алике внимательно слушала, усевшись возле ног государыни. Она следила за тем, как горят большие поленья в громадном камине. Обе при этом молчали, как две заговорщицы. Наконец, Виктория продолжила:

— Отныне вы больше не будете сидеть за одним обеденным столом с вашими гувернантками и воспитателями. Вы будете сидеть за моим столом, как прежде сидели за столом отца.

— Но ведь папы часто не бывает в Дармштадте, — прошептала Алике с плохо скрываемой грустью в голосе.

— Вы уже в таком возрасте, что можете помогать сестрам или даже подменять их, тем более что обе они — уже невесты. Ваш отец ничем не отличается от других мужчин, мое маленькое Солнышко, он не покинет своего семейного очага, если в нем тепло, уютно и весело. Теперь вам, детка моя, предстоит заменить мать, вы ведь теперь уже почти сформировавшаяся женщина. Я не сомневаюсь в вашем успехе. У вас такое же чистое сердце, как и глазки. От вас, можно сказать, исходят светлые лучи любви.

Как хорошо понимали друг дружку эти существа, вдали от окружающего мира и семьи — без долгих и нудных речей!

Алике выучила два языка, вначале французский, потом английский, и в совершенстве говорила на обоих.

— Вот никогда не думала, что французский мне дастся так легко, особенно его произношение. Кажется, дома я говорю на нем гораздо лучше сестер и брата.

— Не стоит тщеславиться, мое нежное Солнышко, — увещевала Виктория внучку. — У вас склонность к этому языку, так как корни вашей семьи — французские.

Алике даже подскочила на месте. Она, быстро поднявшись с пола, на котором сидела, схватила за руку бабушку.

— Вот как! А папа мне никогда об этом не говорил.

— Ваш отец принадлежит к тем людям, которые считают, что история — не для дам. Но он в этом очень заблуждается...

— Ах, Грэни, скажите мне, почему же я чувствую такую привязанность к Франции?

— Потому, дитя мое, что ваши предки были по происхождению французами.

— Как так?Королева, польщенная тем, что заинтересовала своими словами внучку, не заставила себя долго упрашивать и снисходительно продолжала:

— В Германии ваше имя, тот герцогский дом, к которому вы принадлежите, всегда считались иностранными.

Фамилия Гессенов — это отдельная ветвь Лотарингского дома, который находился у истоков французской монархии.

Слушайте меня внимательно: Регудер Великий, по прозвищу

Длинная Шея, герцог обеих Лотарингий (верхней и нижней), главный герой самого старинного романа, написанного на примитивном языке франков (Рейник Фукс) — «Роман о лисице», как утверждает автор, является одним из прямых потомков Лотарингского дома. Когда он умер в 916 году, все франки облачились в траур. Его правление для его подданных было поистине «золотым веком», а своими подвигами и благодеяниями он добился такой высокой репутации, что французский король, его сюзерен, пожелал лично присутствовать на похоронах отважного герцога и на его могиле произнес свое слово прощания с ним, о чем и сохранился рассказ в истории.

Алике с широко раскрытыми глазами, раскрыв рот, слушала бабушку, словно та открывала ей великий секрет.

— Его сын Жизельберт, — продолжала Виктория, — который стал наследником в Лотарингском герцогстве, женился на сестре Отона Великого, а вторая сестра нового Карла Великого вышла замуж за Гуго Великого, герцога Французского и графа Парижского. Она и стала матерью Гуго Капе- та, прямого потомка всего королевского дома Франции.

Таким образом, могущественный герцог Лотарингии стал самым близким родственником двух великих королевских династий Европы. Когда он умер, его вдова, родившая ему сына, предка дома Гессенов, вышла снова замуж за французского короля, и таким образом стала матерью последних королей — династии Каролингов.

— Ну, детка моя, не будем так углубляться в историю, чтобы не затеряться в дебрях вашей семьи. Вам следует знать, что вы являетесь потомком святой Елизаветы, благочестивой и мягкосердечной королевы Венгрии. Ее дочь в тринадцатом веке вышла замуж за Генриха Великодушного, герцога Брабантского, князя Лотарингского. В этом супружеском союзе появился на свет «инфант» Генрих, который составил другим князьям из своего рода герцогство Брабан- тское, а часть Нижней Лотарингии отходила ко владениям его матери. Так появилась новая ветвь, дом Гессенов. Вот, мое маленькое Солнышко, кто вы такая...

Алике с мечтательным выражением на лице с восхищением глядела на красивое лицо королевы, освещаемое золотыми отблесками полыхавшего в камине огня. И словно, следуя своей мечте, она прошептала:

— Грэни, ведь Франция отсюда недалеко; вы должны туда повезти вашу внучку, которая вас так сильно любит...

IV.

Со временем Алике выходила из своего добровольного уединения. Впервые она приехала в Санкт-Петербург, когда ей исполнилось двенадцать лет. Великий герцог Людвиг IV всегда с большим удовольствием следовал традиции старинных уз, соединявших его семью с семьей Романовых. Его старшая дочь Елизавета (или просто Элла) выходила замуж за младшего брата царя Александра III, великого князя Сергея Александровича. Вся Европа аплодировала этому браку; все помнили, что еще одна принцесса, Мария Гессенская, когда-то вышла замуж за императора Александра П.

Таким образом, через этот брак, заключенный в 1884 году, Елизавета превратилась в «звезду» династии. Ее отец, все три сестры, брат, теперь оказывали ей особые знаки внимания и почтения, которых требовало ее новое высокое положение...

В своем муслиновом платье, с розочками в волосах она широко открытыми глазами любовалась красотами Санкт-Петербурга, о котором ей так много говорили, но который она сама пока не знала. На украшенном цветами и зелеными гирляндами вокзале толпились военные в парадных мундирах и женщины в дорогих платьях, увешанные драгоценными украшениями. Она с любопытством наблюдала за тем, как к перрону подкатила золоченая карета, запряженная шестеркой белых лошадей. Она повезла Эллу и всех членов их семьи по городским улицам, запруженным народом.

В домашней церкви в Зимнем дворце царь Александр III и царица Мария Федоровна ожидали будущих новобрачных.Православное богослужение произвело на Алике большое впечатление. Она с интересом слушала молитвы, произносимые на непонятном ей языке, молитвы этого нового для нее религиозного культа. Таинственный душистый ладан легким туманом окутывал облачения священников — ризы и рясы, — украшенные золотым шитьем и драгоценными камнями. Странные для ее уха песнопения, которые, поднимаясь, затихали где-то под высокими сводами, возбуждали ее. Она стояла между двух сестер и, казалось, никак не могла собраться, как это обычно бывало с ней в храме там, в Дармштадте. Она в эту минуту думала несколько вызывающе, с безобидной иронией: «Вот вам, праведный Бог наш устраивает свой прием! Как все же красиво! У нас не найти такой роскоши, такого буйства красок...»

Несмотря на торжественную обстановку, царившую в церкви, на торжествующее пение хора, звеневшее у нее в ушах, она

почему-то невольно, вначале украдкой, быстро, а затем все с большей настойчивостью погладывала туда, где стояли члены императорской семьи. С чего бы это? Там, рядом с импозантной, могучей фигурой царя стоял наследник короны, цесаревич, шестнадцатилетний великий князь Николай.

После довольно долгого коленопреклонения взгляды их встретились. Алике почувствовала, как оба они вспыхнули. В этом брошенном на нее взгляде цесаревича было столько мягкой нежности, которой не было даже у ее матери. Может, она сходит с ума? Ей так вдруг захотелось выйти из церкви, пойти в свою комнату, запереться там. То, что она тогда почувствовала, было таким прекрасным, что ей не хотелось делиться своими эмоциями с кем бы то ни было.

Свадебные празднества продолжались несколько дней. Алике не могла принимать все приглашения подряд, и она была еще слишком мала, чтобы ехать на бал. Но Мария Федоровна организовала для детей полдник на открытом воздухе, и там Алике столкнулась лицом к лицу с цесаревичем. Он, улыбнувшись, поклонился ей, словно старой знакомой.

Она сделала перед ним робкий реверанс. «Месье», — чуть слышно прошептала она.

Он сразу оценил по достоинству ее французское произношение и ответил ей на том же языке:

— Кажется, я вас вижу во второй раз, маленькая принцесса. Где же мы виделись, как вы думаете?

Алике, вскинув голову, казалось, рылась мысленно в своих небогатых воспоминаниях:

— Однажды моя гувернантка, читая мне книжку сказок, показала в ней картинку, — на ней было изображено лицо принца... может, это было ваше лицо...

— Но ведь мы живем довольно далеко друг от дружки, к тому же мама мне говорила, что вы много времени проводите в Англии.

Она была так взволнована, так удивлена, — еще бы такой очаровательный принц, как он, так просто разговаривает с ней, но ведь вокруг так много других девушек, более подходящих ему по возрасту, и от сознания этого она только сильнее заробела... она умолкла, чувствуя, как сильно у нее колотится сердце в груди, и оставалась глуха к призывам других детей идти с ними поиграть.

Пользуясь всеобщей суматохой, цесаревич подошел к ней еще ближе и протянул ей какую-то маленькую четырехугольную коробочку.

— Что это? — спросила она.

Он покраснел точно так, как и она, пробормотал что-то

невразумительное, но тут же ясно уточнил:

— Возьмите, прошу вас, Ваше высочество. Я знал, что сегодня снова увижу Вас. Это будет вам служить воспоминанием о тех взглядах, которыми мы с Вами обменялись во время богослужения в церкви при обручении моего дяди Сергея...

Она приняла подарок. К ней подошли фрейлины. Она тут же попрощалась со своим поклонником и направилась к саду, где разыгрывались лотереи, решались шарады, где целая толпа молодых, беззаботных людей принимала участие в играх.

Она открыла на ходу крышечку. Там лежала маленькая брошь. Скромное украшение, несомненно, — маленький золотой голубок, держащий в своем клювике сердечко. Она тут же спрятала подарок в ридикюль, висевший у нее на руке, и, опасаясь, как бы не привлечь к себе повышенного внимания, быстро смешалась с возбужденной толпой ребят.

Когда веселая детская встреча подходила к концу и за ней пришла миссис Орчард, чтобы отвезти в карете в Санкт-Петербург, она вдруг с необычайной ясностью представила себе, что же произошло на самом деле. Нет, нет! Нельзя принимать подарки от незнакомца, будь он хоть сыном императора! Грэни, несомненно, не похвалит ее за это... она сделала знак миссис Орчард, чтобы она ее подождала, а сама быстро пошла к далеким аллеям, где резвились вокруг Николая Александровича дети, гораздо старше, чем она.

Великий князь заметил ее издали и поспешил ей навстречу. Все его товарищи по играм потянулись за ним, но ему все же удалось от них оторваться и подойти к Алике. Она с ним попрощалась. И когда он учтиво пожимал ей руку, то вдруг почувствовал в своей ладони коробочку. Она извиняющимся тоном прошептала:

— Я не могу принять от Вас, Ваше высочество, эту брошь. Просто не могу...

Он не успел ничего ей ответить, не произнести ни слова, когда она резко повернулась и тут же исчезла в толпе детей, которые, завершив свои развлечения, теперь шумно прощались друг с дружкой.

Николай был озадачен. Немного разочарован. Он кусал нижнюю губу. Он считал, что тем самым уязвлена гордыня мужчины. Чем больше он об этом думал, тем был больше уверен, что отказом принять от него брошку ему нанесено ощутимое оскорбление.

В тот же вечер, за семейным обедом, обиженный Николай предложил брошку своей младшей сестре, Ксении, которая, не подозревая, кому прежде предназначался этот подарок, с

радостью его приняла, — для чего ей теряться в догадках?

* * *

У пылких молодых людей бывает столько душевных порывов, а некоторые из них, особенно стойкие, не покидают их всю жизнь. Алике возвращалась к своим темным гессенским лесам с тяжелым сердцем, с каким-то странным чувством вины.

Она вдруг перестала проявлять интерес к фортепиано, за которое частенько садилась. Но ей всегда хотелось играть только для себя, себя одной, и оставаться наедине со своими мечтами, принуждавшими ее к еще большему обету молчания, чем прежде.

В небольшом Дармштадтском дворце царила тишина. Великий герцог Людвиг очень редко в нем трапезничал, присутствовал лишь на официальных обедах, на которых Алике, несмотря на свой ранний возраст, должна была играть роль хозяйки.

А думал ли Николай о той легкой ране, нанесенной невольно его гордыне Алике?

В этом «зеленом раю детских любовей», о котором говорил Бодлер, есть свои зоны молчания, зоны тайны, которые никогда не раскроются. Как бы там ни было, но цесаревич, не забывал об этой невинной встрече в церкви при горящих свечах, когда совершалось бракосочетание его дядюшки, и все, включая жениха с невестой, были в праздничных нарядах. Ему довольно часто предоставлялась возможность наблюдать за семейной жизнью великокняжеской четы. Тетя Элла, великая княгиня Елизавета, испытывала к нему большую симпатию. Она была старшей сестрой его дорогой Алике, но вот осмелится ли он заговорить с ней о ней? Ну еще эта брошь, которую она отказалась от него принять...

У цесаревича было столько дел, что ему было некогда долго размышлять об этом. К тому же, наделенный характером фаталиста, чрезвычайно славянским по существу, несмотря на его германские корни, он не хотел подгонять Судьбу и охотно отдавался капризам повседневности.

Так прошло пять лет. Скучное, монотонное существование Алике в родовом замке счастливо прерывалось визитами к ее доброй бабушке, которая всегда требовательно приглашала ее к себе. Учеба шла хорошо. Юную принцессу интересовали различные предметы — история, география, немецкая литература. В Виндзорском замке, чтобы понравиться королеве Виктории, она соглашалась поиграть ей на фортепиано, но с хорошо скрытой большой неохотой, что не укрылось от внимания

старой королевы.

— Деточка моя, Солнышко, неужели для тебя это пытка, на которую я тебя обрекаю?

— Ваше высочество ведь может требовать от меня все, что угодно.

Алике вспыхнула, но была все же очень довольна, что Виктория догадалась о ее истинных чувствах.

Ей привели нового учителя английского языка. Теперь она выполняла задания, которые ей давала некая Маргарет Джэксон, которую звали просто Мэджи, и которая просто сходила с ума по политике.

Некоторые из ее биографов полагают, что такая неожиданно возникшая близость между преподавателем и августейшей ученицей вызвала у нее ее любовь к политике. Следуя строгой системе английского образования, Алике вполне справедливо полагала, что политика вовсе не должна быть областью деятельности, предназначенной только для мужчин. Разве не было у нее перед глазами такого примера? Разве та роль, которую играла ее бабушка в определении судеб Европы, не была достаточным основанием, чтобы убедить ее в этом?

Виктория иногда удостаивала внучку разговорами о своих «служебных» обязанностях, для нее почти святых. И делала она это без всякого нажима, так просто и доходчиво, чего не могла не заметить девочка.

— Солнышко мое, я совсем не советую тебе в твоей жизни, жизни женщины, взваливать на свои плечи такие обязанности, которые всегда давили на меня тяжким грузом... Ты еще пока слишком мала, чтобы это понять, но я не желала бы ничего другого, кроме как быть такой же, как все женшины, заниматься чисто женскими заботами. От этой Британской короны у меня частые мигрени! К тому же разве женщины призваны Судьбой управлять? Меня порой называют, явно чтобы мне польстить, — Викторией Великой. А враги мои кричат, что я действую, как настоящий тиран. Но есть ли в моем таком положении какой-то иной выбор? Будь я слабой правительницей, то тут же оказалась бы жертвой. До сих пор вижу перед собой своего жениха — моего горячо любимого принца Альберта. Разве он не был также сильно привязан ко мне, как я к нему?

Этот немец, этот уроженец Кобурга, Готы, всегда был мечтателем. Ему лишь нравилось исполнять сонаты Гайдна... Я поняла, что моя великая любовь к нему возвышала меня до уровня монарха с железной волей, чтобы не быть рабой событий, самой направлять их, чтобы в качестве самого убедительного доказательства своей ему преданности добиться процветания

королевства, которому угрожали со всех сторон.

Алике внимательно слушала. Ей казалось сей час, что где- то в потаенном, самом далеком уголке ее сердца, творилось что-то неладное, и она видела перед собой его, Николая, взгляд, перехватываемый ее взглядом, она чувствовала слад- кое прикосновение его руки, которая опускается на ее руку... цесаревич... цесаревич, о котором она, в сущности, ничего не знала...

Виктория, перебирая, словно четки, свои воспоминания, удивленно смотрела на нее.

— Дорогая моя, твоя матушка сейчас наверняка нас видит. Ты стала такой красивой, затмила всех остальных девушек своей красотой! И тебе уже семнадцать! Не хочу быть нескромной, но разве твое сердечко еще не ощутило тревожной сладости? Но не торопись, не нужно. Я желаю тебе такого же большого счастья, какое испытала сама. То есть счастья всего мира...

Алике колебалась, не зная, стоит ли рассказать бабушке о том, что от легкого покалывания в сердце немного убыстрялось дыхание, когда в Дармштадт приходили письма от ее старшей сестры, письма, от которых приятно пахло Россией, Россией, одновременно такой далекой, такой близкой и такой таинственной... нет, не стоит! Она не осмелилась доверить ей свою тайну...

В том же 1889 году Алике после возвращения из своей ритуальной поездки в Англию и своего пребывания у бабушки, вдруг к своему большому удивлению, обнаружила в своей почте письмо от старшей сестры. У великой княгини Елизаветы вдруг проснулось желание увидаться снова с младшей сестрой, что было довольно странно, так как она никогда не отличалась избытком любвеобильных чувств. Среди всего прочего она ей писала: «Солнышко мое, как было бы прелестно, если бы в этих северных туманах, которые не имеют ничего общего с туманами лондонскими нашей дорогой Грэни, увидеть тебя, чтобы ты засверкала здесь в расцвете своей юности. Великий князь часто вспоминает о тебе. Нам так хотелось бы увидеть тебя у себя. Ну, решайся же. Когда тебе удобнее? Мы проводим всю зиму в Зимнем дворце... Кажется, наш горячо любимый император с каждым днем сближается с Францией. Поторапливайся, ждем телеграммы от тебя о твоем приезде».

Алике, слишком сдержанная, чтобы признаться в возвращении «тревожной сладости» в ее сердце, где она и прежде прокладывала для себя долгую и тайную тропку, испытывала большую радость...

И пусть себе идет серый, частый дождь, пусть его упругие

струи стучат по пустынным аллеям дворца великого герцога, пусть почивает весь Дармштадт в своей провинциальной зимней стуже, ведь в сердце у нее расцветала золотая весна.

Для поездки в Россию нужно было получить разрешение отца. Но великий герцог постоянно пропадал на охоте или путешествовал по всей Европе и дома появлялся крайне редко.

Алике любила рисковать. В ней говорил ее энергичный темперамент. В тот же вечер она поговорила со своей гувернанткой, добрейшей миссис Орчард.

— Мне нужно ехать в Россию, к сестре, повидаться с ней. Она не поймет моих колебаний.

— Да позволит мне Ваше высочество посоветовать дождаться мнения на сей счет вашего отца...

Алике взбрыкнула:

— Папа, вероятно, уже и забыл, что я существую на этом свете...

— Разве можно так говорить, Ваше высочество? Ведь у вашего отца столько забот...

— Да, на охоте, — съязвила возмущенная Алике. Она не могла объяснить себе его поведения. Честно говоря, у великого герцога Гессен-Дармштадтского не было особой работы. Этим никак нельзя было бы объяснить его небрежения семьей. У его долгих отлучек из дома могло быть только одно объяснение: тот траур по усопшей жене, который он носил в своем сердце до сих пор. Ведь он так сильно ее любил...

Она составила чрезвычайно почтительное письмо отцу, в котором информировала его о том, что никак не может ждать его возвращения домой, — ей нужно поскорее сообщить сестре о том, что она с большой радостью принимает ее приглашение приехать в Россию.

Но ей так и не пришлось испытать на себе последствия такого смелого своего поступка. Через день, словно отвечая ее пожеланию, во дворец вернулся Людвиг IV. В этот день он устраивал торжество в честь одного важного итальянца, большого друга Его сиятельного высочества.

Алике даже не стала дожидаться обычного первого завтрака, чтобы поговорить с отцом.

Она подкараулила его, когда он сидел в своем большом, едва освещенном кабинете, как будто на дворе уже стояла ночь с ее холодными январскими туманами. Она вошла сама, без всякого церемониала, даже не попросила объявить о своем приходе.

Великий герцог был страшно удивлен ее приходу. Его маленькая дочка, его Солнышко, такая робкая, такая незаметная, вдруг так бесцеремонно входит в его личный кабинет, не

выказывая при этом никакого почтения к церемониалу,,.

— Вы, Алике, вероятно, заболели, коли приходите ко мне рано утром, не соблюдая должных приличий?

Алике сделала самый глубокий реверанс, чуть при этом не упав на колени.

— Отец, умоляю вас простить меня... но я должна сообщить вам одну большую новость, это не терпит отлагательства.

Великий герцог оглядывал дочь довольно холодно, но уже без раздражения.

— В чем дело?

Алике не могла найти нужных слов, чтобы оправдатьсвое неожиданное, смелое вторжение. Она начала бормотать что- то невразумительное. Отец, понимая ее возбужденное состояние, жестом пригласил ее сесть в кресло. Пододвинул к ней свое.

— Ну, так что произошло?

Наконец, она, собравшись с мыслями и немного осмелев, решилась:

— Отец! Моя горячо любимая старшая сестра, великая княгиня России приглашает меня к себе, в Санкт- Петербург. Могу ли я принять такое удивительное, просто чудесное предложение?

Великий герцог Людвиг IV не был плохим человеком. К тому же он любил своего зятя. Он медлил со своим решением, чтобы немного подразнить эту такую дерзкую и вместе с тем такую восхитительную свою дочку, свое Солнышко.

— Ладно, решено! — заявил он, поднимаясь с кресла, чтобы проводить Алике до двери. — Ступайте, собирайте чемоданы! Мы отправляемся туда как можно скорее!

Алике, обезумев от радости, поцеловала руку отца.

— Вы будете меня туда сопровождать?

— Непременно, дитя мое. Воздух Невы очень благоприятно на меня действует. Сейчас я не могу вернуться в Париж, так что подышу там, на севере, чистым, прозрачным воздухом, он мне так необходим...

* * *

В последние годы царствования Александра III Санкт-Петербург приобретал более славянский вид, чем в прошлом.

Миллион пятьсот тысяч горожан жили под сенью державы монарха. Старые русские не любили столицу, считали ее городом искусственным, не имеющим на себе налета старины, которая так притягивает многие славянские души.

Это всегда был один из главных упреков, высказываемых «передовыми умами» русской буржуазии, — он всегда звучал в их

сочинениях и в их беседах: почему этот самый нерусский в обширной империи город стал вдруг «мозговым центром» их нации? И каждый из них при этом устремлял свой взор в сторону Москвы с трудно скрываемой ностальгией. Многие художники, музыканты, артисты подвергали суровой критике этот город, эту аномалию и надеялись, что в один прекрасный день она будет сопряжена с непредсказуемыми последствиями.

Алике, сидя рядом с отцом в роскошном экипаже великого князя Сергея Александровича, присланном за ними на вокзал, разглядывала в тумане, смешанном с дождем, этот город, который пах терпким морским воздухом и гарью.

Громадный Невский проспект, протянувшийся до самого Адмиралтейства, не был новинкой для молодой путешественницы. Она видела знакомые ей фасады многочисленных дворцов, довольно строгих, даже суровых, в которых носились воспоминания об имперских временах, — вот Аничкин мост, Гостиный двор, низенькая сводчатая галерея, напоминающая о восточном влиянии с ее лавками под арками, вот Казанский собор, который слишком похож на базилику Святого Петра в Риме. Великий герцог объяснял дочери, что ограда иконостаса и сам иконостас этого великолепного громадного храма были сделаны излитого серебра. Этот драгоценный металл был отобран у французов, которые разграбили все московские церкви во время своего вторжения.Донские казаки после разгрома наполеоновской армии сумели вернуть награбленное.

Среди сокровищ, находящихся в Казанском соборе, была и чудотворная икона Казанской Божьей Матери. Там же хранились захваченные у противника французские знамена, императорские орлы, ключи Наполеона от двадцати восьми иностранных городов и даже маршальский жезл Даву.

Красивые, величественные кварталы проплывали перед глазами Алике. Но что-то особенное отличало Санкт-Петербург от других городов, через которые она проезжала. Никакого сравнения с Лондоном или Берлином!

Проехав по Морской, она увидала две громадные площади и была просто потрясена красотой другого собора, куда большего по размерам, чем Казанский. Это был Исаакиев- ский собор, построенный из розового гранита и мрамора, с его громадными монолитными колоннами, украшенными каменным орнаментом. Она видела золоченые купола, синева неба над которыми делала их еще более воздушными, какими-то нематериальными; особое любопытство у нее вызвало здание Имперского сената.

Великий герцог Людвиг рукой указал ей на памятник царю

Николаю I, верхом на коне. Император представлен в мундире кавалергарда. Четыре статуи окружали пьедестал — Правосудие, Сила, Мудрость и Религия. Для них скульптору позировали его жена и три дочери...

Теперь их карета катила по набережной, по этой розоватой дамбе из финского гранита, и в этих двух набережных была заключена Нева, широкая, как морской залив.

Боже, как же привлекал ее, Алике, этот Санкт-Петербург! Она не осмелилась признаться отцу, как сильно у нее колотилось сердце в груди. Да она и сама не знала толком, стоит ли ей в результате радоваться или огорчаться...

Великая княгиня оказала своей сестренке радушный прием, но без особых чувственных бесполезных излияний. Во взгляде красивых глаз Елизаветы сквозила суровость, сумрачность; ее близкое окружение фамильярно называло ее

Эллой, оно внимательно следило за ней, за малейшим проявлением нежности, которое могло бы свидетельствовать о том, что она совсем другой человек, не такой, каким она хочет предстать перед другими. Великий князь Сергей Александрович был куда более любезным и естественным, он заключил свою маленькую свояченицу в объятия, похвалил тестя за здоровый цвет лица и предоставил в их распоряжение свой дворец.

Алике поместили на этаже для высоких гостей. Теперь ее уже не считали ребенком.

Из императорского дворца тут же прислали приглашение вновь прибывшим гостям.

Николай с Алике встретились первый раз за ужином в Гатчине. Император Александр Ш в своих частных апартаментах, запросто, без всяких церемоний, словно хлебосольный помещик, принимал своего брата, его свояченицу и членов их семей.

На Алике было очень простенькое платьице, чуть, может, провинциальное, из кремового шелка, с небольшим кружевным воротничком.

Императрица Мария Федоровна разглядывала ее с такой надменной холодностью, которую не могла не заметить даже великая княгиня Елизавета.

В одной из больших гостиных дворца за чаем после трапезы молодые люди, наконец, уединились. Можно сказать, что к этому их подталкивало окружение.

Алике не осмеливалась поднять глаза на цесаревича. А он, тоже проявляя робость, в своей военной форме, смущенно крутил пуговицу на мундире, причем так неловко, что заставил улыбнуться молодую девушку...

— Ваше императорское высочество, надеюсь, простит меня,

— начала она, — зато, что я нарушаю молчание...

— Что вы... напротив... напротив... — пробормотал сильно сконфуженный Николай, явно выражая ей глазами благодарность за то, что она, наконец, освободила от сковавшего его страха, не дававшего ему возможность заговорить с ней первым.

— Но, я хочу получить от Вашего высочества, — продолжала Алике, — не только такое прощение.

Он был сильно этим удивлен и, казалось, стал еще более серьезным. Он взял ее за протянутую ему руку и подвел Алике к канапе, на котором они оба устроились весьма церемонно, не торопливо.

— Что вы хотели сказать, принцесса?

— Я хотела бы попросить у вас прощения, если такое все еще возможно, за тот поступок, о котором мне приходится теперь так сожалеть.

Н иколай, этот сентиментальный юноша, все сразу понял. Он приложил палец к губам.

— Прежде позвольте мне называть вас просто Алике, как Вас называет мой дядя. И потом, для чего просить прощение, которое уже было загодя дано. Я знаю, почему...

На глаза Ал икс навернулись слезы, она не осмеливалась посмотреть на собеседника.

А цесаревич тем временем продолжал:

— Эта маленькая брошка — лишь признание того неизъяснимого притяжения, которое я испытываю к Вам... Не скрою, я был тогда несчастен, как обманутый ребенок... сегодня все забыто...

— Забыто? — Ей вдруг показалось, что вот этот выложенный плитками пол разверзнется под ними, и они рухнут вниз, в бездну вместе с канапе... Забыто — ничего себе! Что же этим он хотел сказать? Может, это просто мальчишеская выходка? Может, он хотел сказать, что теперь я о Вас не думаю? Ах, если бы только она была кокеткой, умела притворяться, как ее сестра Ирина! Нет, ей этого не дано... Ей даже не удавалось скрыть своего отчаяния, в которое ее погрузило это ужасное сомнение.

— Ваше высочество...

Он ее тут же перебил:

— Называйте меня просто — Николай. Мы ведь с вами почти родственники. Я — племянник вашей сестры.

— Я никогда не осмелюсь...— Ну, что вы! Попытайтесь! Вы уже настоящая барышня. Со мной хотят сблизиться многие молодые девушки из- за моего высокого положения, разумеется. Они поэтому называют меня — Ваше высочество. Но сейчас — мое самое заветное желание — сблизиться с Вами.

Он говорил это так красиво, скороговоркой, почти глухим голосом, он был в эту минуту таким искренним.

Алике закрыла глаза. По всему ее телу внутри разливалась незнакомая прежде сладость. Нужно ли признаться и ей, что в ее девичьих мыслях он был ее избранником, тем человеком, с которым она связывала ту великую мечту, которая влечет любую молодую девушку? Как дать ему понять, что он был ее очаровательным принцем из сказки?

Первый вечер их пребывания в Санкт-Петербурге продолжался недолго. Он быстро закончился по желанию великокняжеских хозяев.

Но прощаясь, они условились о свидании назавтра, после полудня.

...В глубине души надменная Элла радовалась за свою сестричку. Она уже давно замыслила осуществить эту любовную идиллию — ее племянника с ее Солнышком. Она знала, что эта милая девушка умирала от скуки в своем Дармштадте, а где цесаревичу найти для себя такую образцовую во всех отношениях невесту, где? Однако прежде следовало бы узнать, понравились ли друг дружке молодые люди?

Почти каждый день цесаревич приходил к Алике, брал ее за руку и вел кататься на замерзшие пруды по соседству. Алике демонстрировала всем свое искусство на льду, — она могла запросто даже исполнить на коньках вальс, и сделать это легко, непринужденно.

Предлогами почти ежедневных встреч становились ужины, приемы, различные мероприятия.

Великая княгиня при любом удобном случае выспрашивала у царицы Марии Федоровны ее мнение по поводу своей младшей сестры.

— Она просто очаровательна, Элла, не спорю. Но мой сын еще так молод, а ваша сестра тем паче... Неужели вы считаете, что у них может зародиться серьезное чувство, о котором можно было бы говорить всерьез?

И эта миниатюрная, красивая императрица с копной каштановых волос не скрывала своего скептического отношения к замыслу Елизаветы. Но та все время ее теребила, и вот однажды она высказала свое суждение:

— Элла, мне не хотелось бы иметь невестку — немку... Уж ты меня извини. Не забывай, что мой сын — наследник престола. Его положение несколько отличается от положения вашего мужа. Если Судьба водружает вам на голову царскую корону, то не лишне принять чрезвычайные меры предосторожности.

Великая княгиня была ошарашена таким недружелюбным

заявлением государыни. Неужели она до такой степени гордилась своим датским происхождением, чтобы позволить себе такие замечания? Как может такая женщина, как она, счастливая в браке, мать нескольких детей, обладать такой скудостью ума? Елизавета кисло улыбнулась. Да, конечно, у императрицы красивое лицо, в ней полно шарма, но эта такая маленькая головка! А разве не говорят, что в маленькой башке и мысли коротенькие...

На протяжении всего пребывания в Санкт-Петербурге немецких гостей Алике с Николаем постоянно сближались, — они находили друг у друга общие вкусы, интересы, устремления.

Несколько приемов во дворце позволили молодой немецкой принцессе познакомиться с санкт-петербургским высшим светом. Несомненно, императрица шепнула на ухо ка- кой-нибудъ своей фрейлине о своем прохладном отношении к гостье, и, разумеется, весь двор, как по команде, проявлял холодность к несчастной молодой девушке.

Украинские, кавказские княгини, балтийские баронессы, да и дамы рангом помельче злословили, укрывшись за своими большими веерами.

— Вы только посмотрите, как безвкусно она одевается... даже на балу где-нибудь в провинции, в Орле или даже Одессе ни одной достойной женщине не пришла бы в голову мысль так скверно одеваться...

— Знаете, я не скажу, — шептала какая-то светская дура с маленькой диадемой на замысловато убранных буклях на голове, — я не скажу, что она не красива, но такая несуразная. Нет, на самом деле, при таком дворе, как наш, подобная креатура не должна появляться... Пусть сперва научится одеваться по последней моде... в полном соответствии со своим высоким положением...

Ее соседка не оставалась безучастной:

— У этих немок такой вид, словно их воспитывали в солдатской казарме.

Какая-то молодая, более доброжелательная дама, вступилась за Алике:

— Что вы, она воспитывалась в Англии... Разве вы не знаете, что она — внучка королевы Виктории?

Это замечание вызвало у всех вопль негодования. Многие дамы прыснули со смеха.

— Тоже мне, нашли образец хорошего вкуса и элегантности! Да эта королевская английская семейка такая чопорная, в ней нет ни грани шарма...

Некоторые недовольные принцессой считали ее невежливой,

так как она делала реверансы не достаточно, по их доению, глубокие. Да и говорила она так мало, словно нехотя. Атанцует-то как. Уж лучше кавалеру вальсировать со стулом... Настоящая провинциалка, — никакого шарма.

Николай, конечно, был иного мнения. Весьма тактично он отвергал нелицеприятные суждения своей матери, которая постоянно говорила ему о предмете «его флирта».

Он продолжал, как и прежде, проявлять свое уважение к царице и, сохраняя благопристойность, продолжал жить своей внутренней жизнью, в которой этой чудесной Алике, этой северной принцессе, этому Солнышку, как называли ее близкие, уже отводилось главное место.

Перед отъездом немецких гостей на родину, ему удалось организовать с позволения родителей в Царском Селе, вАлександровском дворце официальное чаепитие в честь «его принцессы».

Но это еще был и вечер танцев. Вся «золотая молодежь» столицы получила на него приглашения. Во время ужина подавали блины с черной икрой.

Никогда еще молодому цесаревичу не было так весело, никогда он еще не вел себя так непринужденно, никогда не испытывал такой большой радости жизни. Императрица там появилась только на несколько минут. Император оставался с молодежью гораздо дольше; ему так нравились забавы этих милых молодых людей, глядя на которых он забывал хотя бы на пару часов о государственных делах...

Когда Алике с отцом, великим герцогом Гессен-Дармштадтским прощались, великая княгиня Елизавета была рядом с племянником.

— Ваше императорское высочество, — обратилась она к нему, — вы организовали превосходный прощальный вечер. Мой отец и моя сестра будут хранить самые живые воспоминания обо всем во время их возвращения домой. Они уезжают завтра.

— Завтра, — повторил невольно за ней удрученный Николай. — Завтра Алике нас покидает, да?

Алике чуть не расплакалась, но огорченный вид Николая, как ни странно, вселил в-нее уверенность.

Он легко коснулся губами ее руки. Слишком много глаз было на них устремлено. Он не мог позволить себе более прочувствованный поцелуй. Он лишь сказал ей при этом:

— Возвращайтесь поскорее, принцесса... не заставляйте себя долго ждать!

V.

После возвращения в Дармштадт противоречивые чувства терзали душу несчастной Алике.

Если судить по тому, что ей сообщали, в частности в письмах королевы Виктории и сестры Эллы, ей так и не удалось пленить цесаревича. Она так неуклюже танцует, одевается из рук вон плохо, и лишь в силу императорской своей галантности цесаревич был вынужден ухаживать за ней. От таких слов принцессе было не по себе.

Теперь она так страдала в своем пустынном дворце, не имея никаких дружеских отношений ни с кем, словно ей на голову свалилась тысяча несчастий. Может, она обманывала себя? А что, если ее окружение говорило ей правду? И как ей во всем удостовериться у избранника своего сердца, если он — иностранец, высокое должностное лицо, так далек от нее в стране, которую она увидела лишь мельком, в которой исповедуется совершенно иная, по сравнению с ее родной, вера?

Впервые Грэни, ее бабушка, разошлась с ней во мнениях, впервые не разделяла ее восторга. Почему, интересно? Может, ей было что-то известно, гораздо больше того, о чем она пишет?

Дождь нудно, монотонно барабанил по стеклам высоких окон, выходящих на безжизненный парк. На голых ветках деревьев громко каркали вороны.

Алике не находила себе места, и заботливое нахождение постоянно рядом с ней верной гувернантки миссис Орчард ей не помогало. Ах, если бы только Николай дал бы о себе знать! Она рылась в каждой прибывавшей во дворец почте, надеясь выудить оттуда заветное письмецо от него. Что же мешало ему написать? Может, его робость. Алике во время одной из коротких встреч наедине поняла, что цесаревич не отличался особой храбростью, но некоторая его вялость лишь усиливала его природный шарм, придавая всему его облику загадочную мягкость,..

Пытаясь выкарабкаться из этой бездны замешательства, Алике постоянно пытала свое сердце. Эта отважная по природе девушка, решимости которой добавляла ее затворническая жизнь, успокаивала саму себя: да я его люблю, я уверена в этом. Я буду его любить, даже если он этого не захочет. Я буду любить и за себя, и за него... Но об этом никто не должен знать...

Из Виндзора к ней постоянно приезжал курьер. Старая королева очень беспокоилась за свою любимицу. Каждое ее письмо заканчивалось приглашением приехать к ней в Англию и побыть немного рядом с ней*..

Однажды утром Алике поняла, что больше тянуть не в силах. Она сообщила отцу о своем новом отъезде.

— Я еду в Лондон, — заявила она. — Бабушка испытывает ко мне такую материнскую нежность. Вы должны понять это, отец.

Великий герцог Гессенский, конечно, все хорошо понимал. Он дал свое согласие на поездку, присовокупив при этом:

— Вы там, мое Солнышко, будете гораздо счастливее, чем здесь; я вижу, как вы убиваетесь после этого нашего путешествия в Россию, которое оказалось таким неуспешным...

Она возмутилась его словам:

— Неужели вы, отец, считаете, что наше путешествие не было таким приятным? Знаете, я постоянно возвращаюсь к нему и не могу думать об этом без восторга...

— Дитя мое, вы сами прекрасно знаете, что вы — единственная из всех нас, которая выражает свое удовлетворение. В моем окружении я слышу только критику, все заявляют о своем разочаровании... Даже Элла, которая так хотела вашего сближения с цесаревичем, утратила веру...

Алике, чувствуя, как слезы выступают у нее на глазах, все же пыталась сдержать себя. Она не могла целиком рассчитывать на искренность отца, его откровенность. Но все же он мог пойти на риск и передать ей свои тайные личные наблюдения. Она прямо спросила его:

— Разговаривал ли с моей сестрой Николай Александрович?

— Не стоит говорить об этом, дитя мое. Вы знаете, что цесаревич — человек неразговорчивый, а Элла — отнюдь не болтушка...

— Я чувствую, отец, что вы что-то от меня скрываете. Для чего?

У великого герцога Людвига был явно разочарованный вид, о чем свидетельствовала и его недовольно выпяченная нижняя губа.

— В жизни можно ошибиться... даже с самыми лучшими в мире намерениями... Имею ли я право высказать свое личное мнение об этом чаровнике, Николае? По правде говоря, мне он показался слишком мягкотелым, слишком цепляется за юбки матери... я ожидал увидеть более выразительную личность...

— Но ведь царица — просто невыносимая женщина, — пошла в атаку Алике. — Даже при общении с сыном она не оставляет своего привычного кокетства. Если ее муж молится на нее, то она возомнила, что все вокруг должны быть у ее ног.

— Совершенно верно, дитя мое... Николай Александрович находится под гипнозом ее власти... Стоит ей улыбнуться, и он тут же становится веселым! Он, наверное, и живет лишь с ее позволения...

Алике в отчаянии кусала губы. Отец был, конечно, прав.

Но почему она сама видела нечто скрытное в его благородной натуре, не только сыновнюю почтительность? Николай не мог раздвигать границы своей личности, — мешала стоявшая рядом мать, но у него — доброе сердце, у него есть душа, свой темперамент...

Великий герцог покачал головой:

— Я вижу, что вы проявляете большой интерес к этому человеку. Не могу вас в этом упрекнуть. Но вы еще так молоды. Не спешите ограничить чертой ваше будущее. Жизнь так коротка, моя дорогая.

Алике больше не могла этого выносить. Нужна была разрядка. И в тот же вечер в Виндзор полетела телеграмма, извещающая королеву о ее скором приезде.

* * *

Конец зимы не делал Темзу более привлекательной. Лондон, казалось, был весь окутан серой ватой тумана. Только в Виндзорском дворце царило какое-то веселье. Добрейшая королева тут же взяла под свое крыло внучку и теперь баловала ее как только могла.

Плохая погода не давала возможности выходить часто на улицу, и Алике приходилось проводить долгие вечера в личных апартаментах монархини. Ее кузен принц Уэльский и ее кузина принцесса Александра, его жена, оказались очаровательными родственниками. Их старший сын принц Альберт-Виктор, большой весельчак и затейник, которого все домашние называли просто Эдди, не только не скрывал своего интереса к кузине Ал икс, но и всячески это демонстрировал.

Виктория разделяла чувства своего внука и выражала по этому поводу свое полное удовлетворение. Она делала все, что моща, чтобы донести это до сознания Алике.

Алике хотела поговорить с бабушкой о Николае. Но не осмеливалась. А старая королева, эта болъшаяупрямица, не жалела своих похвал в адрес второго по преемству принца, тоже претендента на английский престол.

— Ты только подумай, Солнышко мое, как мне приятно осознавать, что в один прекрасный деньты займешь мое место, станешь, как и я, английской королевой...

И тут же принималась перечислять все преимущества такого брачного союза для всей королевской семьи. К тому же Эдди — такой хороший парень, ему, конечно, не хватает здравости ума, но это все со временем придет,.. Да и исповедует он ту же

религию, что и она, Алике.,,

Сколько раз государыня развивала эту тему перед Алике! Но она старалась поскорее от нее улизнуть. Она совсем не хотела оскорбить этого спортивного вида молодого человека, который постоянно навязывался ей в провожатые на прогулках, запрещала делать комплименты, от которых ей становилось неловко.

С присущей ей тактичностью, которой королева Виктория постоянно восхищалась, молодая девушка противилась такому брачному союзу...

— Грэни, послушайте меня, если я выйду замуж за Эдди, то никак не смогу сделать его счастливым... Я не испытываю к нему ничего другого, кроме дружбы кузины.

Королева приходила в отчаяние от ее отказа. Она так писала своему зятю, оставшемуся в Дармштадте:

— Какое горе для всех нас, этот отказ Алике от такой завидной партии. Она говорит, что, если ее заставят, она подчинится, но она никак не желает принести ему несчастье. Это несчастное дитя заставляет меня страдать, ибо я вижу, как она встревожена, как испытывает какой-то страх, но какой? Сие мне неизвестно. Вы, мой дорогой Людвиг, вы ее отец, так откройте тайну, выясните, что гложет ее сердечко. Она всегда была такой доверчивой со мной, но ее весьма прохладное отношение к этому супружескому проекту меня удивляет,., но мне нравится сила ее характера. Она такая хорошая, моя внученька! Как это ни странно, но я горжусь ею. Какая у нее крепкая воля, как она умеет хранить верность. Как это ни печально, я моту лишь воскликнуть — браво! — а это уж совсем худо!

Алике очень серьезно относилась к своему положению принцессы. Она посещала больницы, открывала школы, проводила под своим патронажем благотворительные акции.

Она сопровождала бабушку в ее поездке по шахтерским районам в Уэльсе. Она даже настояла на том, чтобы ей разрешили спуститься в шахту, и там побродила по лабиринту зловещих подземных галерей.

На придворных балах она вела себя гораздо менее искусственно, чем в Санкт-Петербурге. После отказа английскому принцу она чувствовала себя более уверенно. Теперь она уже не колебалась. Дорога была ясно очерчена перед ней. Все эти тщеславные торжества, праздники, костюмированные балы, все эти званые вечера с одними и теми же пустыми разговорами утомляли ее слух, мешали ей чувствовать человеческую естественность других, все эти показушные демонстрации, парады нарядов создавали у нее впечатление какого-то громадного театра, представления которого могли бы состояться и без нее.

Или Николай вскорости объявится, чтобы ответить на ее любовь, или она уединится, отойдет от мира сего,.. Она уже знала, знала на собственном опыте одинокой владелицы замка, что можно найти забвение в благотворительной деятельности, в других занятиях, не только в искусах власти и гордыни. Она посвятит себя религии, но в монахини не пострижется, если только избранник ее сердца не будет разделять те чувства, которые она испытывала к нему.

В костюме принцессы эпохи Возрождения, в бледно-зе- леном бархатном платье, с великолепными изумрудами, украшавшими ее золотистые с медно-красным отливом волосы, появилась она на бале-маскараде, устроенном королевой в честь герцогини Текской.

Эдди просто пожирал ее глазами. Она выделила ему один вальс. Во время танца с ним, однако, не проронила ни единого слова.

А ее партнер ласково нашептывал ей на ухо:

— Дорогая кузина Алике, отдайте мне предпочтение на следующем балу.

Она, сложив свой веер и прямо поглядев в глаза своего обожателя-кавалера, громко сказала:

— Следующего бала не будет. Этот танец был последним. Завтра я уезжаю в Россию...

И когда она произнесла это слово — Россия, лицо ее, казалось, озарилось,

— На другой край света? Ну что же, у русских есть свой шанс!

Она ему мило улыбнулась, после чего попрощалась с ним.

С какой слабой надеждой в сердце бегала она от одного чемодана к другому. Миссис Орчард не успевала разгребать горы белья, платьев, обуви и разных нужных женщине предметов туалета.

— К чему такая спешка, Ваше высочество? Опять в путь. Вы носитесь, словно ласточка по свету, словно ласточка. Ну, куда летим теперь?

— К великой княгине. К моей сестре! Она меня пригласила, но на сей раз не в столицу, а далеко от нее. В свое имение! В деревню. Наконец-то я увижу сельскую простоту. Kakoii счастливый случай...

* * *

Ильинское, довольно скромное имение по сравнению с ухоженными владениями императорской семьи и даже некоторых княжеских родов империи, раскинулось на девятистах гектарах

земли, на берегу задумчивой, неторопливой Москва-реки, в сорока километрах от Москвы.

По словам княгини Марии, которая провела там все свое детство и часто говорила о нем моему отцу, именно Ильинское из всех загородных русских имений обладало самым большим очарованием, как раз в силу своих довольно небольших размеров.

Большой просторный дом в несколько комнат, сложенный из старых дубовых бревен, без всякого архитектурного стиля, без всякой вычурности. Великий князь получил это имение по наследству от матери, императрицы Марии Александровны, первой жены императора Александра II.

В парке Ильинского стояло несколько дач, летних домиков, предназначенных для размещения приезжавших сюда гостей или членов княжеской свиты. Этот парк почти до своей дальней границы протянулся вдоль берега. Порой он становится просто непроходимым из-за густых зарослей кустарника, травы, колючих изгородей. Но там были и великолепные аллеи с вековыми деревьями по обочинам, которые тянулись далеко, теряясь в перспективе.

Эта скромная собственность дохода не приносила, или почти не приносила, но для своего содержания требовала больших денег, Великий князь сходил по своему поместью с ума. Он говорил, что там отдыхает его душа. Во время каждого из многочисленных посещений, он проводил там все новые работы. Там он выращивал сельскохозяйственных животных, пользовавшихся самой высокой репутацией во всем мире, и прежде всего, арденнских лошадей. Это был единственный в России центр выведения такой породы, У него было стадо крупного рогатого скота самой лучшей голштинской породы, несколько курятников, в которых разводили самых породистых кур. Огороды, фруктовые сады, многочисленные оранжереи, целые поля для выращивания цветов — все это превращало довольно небольшое имение в земледельческий и лесной заповедник Европы.

Однажды вечером, напоенным пахучими весенними запахами, поезд, на котором ехали принцесса Алике, ее гувернантка и две горничные, остановился на маленькой станции Одинцово.

Карета великого князя Сергея Александровича ожидала путешественниц у перрона. Кучер, сидевший на козлах чуть криво, держал в одной руке вожжи от трех лошадей, а другой вежливо приподымал свою маленькую фетровую круглую шляпу, украшенную павлиньими перьями.

Узкая, прямая, песчаная дорога шла через поля. Пока еще

зеленая пшеница была такой высокой, что доходила чуть ли не до окон экипажа,

Они проехали через небольшой лесок, затем вновь перед ними открылась степь; вдали они увидели в низине ленту реки, которая капризно извивалась, словно змейка. Вскоре над вершинами деревьев показалась высокая крыша барского дома.

После того как они замедленным шагом проехали через плавучий мост, построенный на случай частых здесь наводнений, Алике увидала несколько маленьких домиков. Чуть слева стояла скромная деревенская церковь с зеленой крышей, и вскоре перед ними она увидела большие распахнутые настежь деревянные ворота, которые словно приветствовали их, приглашая въехать во двор.

Великий князь Сергей Александрович с великой княгиней Елизаветой ждали их на крыльце.

Алике бросилась в объятия сестры. Они крепко обнялись, но тут же разъяли свои объятия. Это было типично для всех членов гессенской семьи. Они, конечно, любили друг друга. Они это и доказывали при случае, но всякая излишняя подобная демонстрация оскорбляла их стыдливые чувства.

Алике была просто очарована этой просторной избой, в которой было столько чисто деревенского обаяния. Ничего церемонного. Никаких прямых готических форм, как на английских зданиях в королевстве ее бабушки, ни этого завезенного из Франции тяжелого архитектурного стиля Людовика XV немецких дворцов, который совсем не нравился молодой принцессе.

Здесь все дышало отдохновением, покоем, простотой.

Алике так понравилась ее большая комната, простая без всяких претензий мебель, глубокие кресла, в которых можно было при случае и вздремнуть.

Алике чувствовала, как ее покидает тревога, которая не оставляла ее со времени пребывания в Бэлморале. Она переживала из-за отца, который тоже немало от всего страдал. Она боялась того, что ее сестра могла наговорить ему по поводу разговоров в императорской Гатчине.

Виделась ли Элла снова с цесаревичем?

В первый вечер во время обеда без всякого церемониала, попросту, и потом, после краткой встречи в гостиной, окна которой были распахнуты на лес с его вековыми деревьями, что так располагало к мечтательности, Алике не хватило духа задать сестре этот вопрос.И на следующий день, и во все последующие, когда все совершали прогулки верхом или подолгу купались в реке, теплая вода которой пахла степными травами, или

посещали соседей-помещиков, Алике все не находила подходящего момента для доверительного разговора. По правде говоря, она рассчитывала, что Элла заговорит по этому поводу первой.

Золотое русское лето было в разгаре. Каждый день к ним приезжали кареты с гостями. Соседи приглашали их к себе. В нескольких верстах от Ильинского находилось поместье князей Юсуповых с великолепным дворцом, и совместные обмены визитами проходили без остановки, и объяснялись не светскими обязательствами, а простым вкусом к совместному отдыху.

Молодые люди, друзья, дети, прислуга — все бродили по полям, ловили бабочек, которых в этих местах так много, причем самых разнообразных и живописных, собирали полевые и лесные цветы, которых там тоже было видимо-невидимо.

Потом все дружно отправлялись в лес по грибы под руководством доктора Зверева, который лично осматривал каждое лукошко, прежде чем отправить его содержимое на кухню. Иногда все шли собирать ежевику, дикие ягоды или малину — самую душистую во всей России, — хвастался великий князь, — потом эти ягоды сушили на больших досках, но не на солнце, а в тени, чтобы потом делать из сушеных ягод малиновый чай, единственное эффективное, как утверждают, средство от бессонницы.

Алике, открыв для себя необозримые подмосковные просторы, наслаждалась свободой. Ей нравилось бродить по березовым рощицам, где легкий, ласковый ветерок приводил в трепетное движение листочки, которые, казалось, становились крошечными инструментиками в большом оркестре природы. Однажды на сельской ярмарке, в воскресенье, Алике увидела нечто весьма любопытное, что глубоко взволновало ее. Ей, простой посетительнице праздника, все бедняки низко кланялись. Это был день святого Ильи, патрона церковного прихода Ильинское. Согласие на проведение в этот день ярмарки дал великий князь. Коробейники раскладывали свой нехитрый товар. Повсюду возводились ярмарочные балаганы, карусели с разноцветными лошадками для катания, Отовсюду к этому месту подъезжали телеги, набитые до отказа празднично одетыми крестьянами. Красивые девушки с узорчатыми платками на головах громко распевали песни, а пригожие молодые смуглые парни подбадривали их, не в лад подыгрывая на своих старых балалайках.

Алике следовала за великокняжеской четой повсюду, от одной лавки к другой. Великий князь не пропускал ни одной из них, ведь там продавалось столько самых необычных диковин.

Элла сама водила сестру повсюду. За ними по пятам следовали слуги с большими корзинами в руках, куда они складывали купленный сестрами товар: грубое полотно для деревенских простыней, узорчатую ткань — кретон, носовые платки, разные шали — от самых легких, воздушных до плотных, теплых; копеечные безделушки, оловянные колечки, лихо разукрашенные картонные сердечки, гончарные изделия, глиняную посуду, большие пивные кружки, горшочки для сметаны, стеклянную посуду, графины под хрусталь, стаканы самой различной формы, клубки лент, печенье, колбасу, конфеты...

Алике остановилась перед одним торговцем, который продавал графин. В нем стеклодув поместил маленькую разноцветную птичку.

А какие забавные эти табакерки из папье-маше, покрытые глазурью с портретами императора Александра III и императрицы Марии Федоровны.

От всей этой ярмарочной карусели могла закружиться голова, но Алике даже в такой обстановке постоянно ощущала свое нестерпимое, до боли, желание узнать, поговорит ли, наконец, с ней сестра о Николае Александровиче?

Однажды вечером, когда все домочадцы, переехав через реку, добрались до Усово, где находился другой дом великого князя, построенный им из белого и серого кирпича, и где обед подавали в большом зимнем саду, в котором росло множество тропических растений и экзотических цветов, Алике случайно оказалась в пустом флигеле рядом с Эллой. Забыв на время о твердости своего характера, она довольно робко спросила ее:

— Элла, ты никогда не говоришь мне о нем...

Великая княгиня сделала вид, что страшно удивлена. Как будто она не понимала вопрос, заданный сестрою.

— Кто это — он? Почему ты говоришь загадками...

— Ты что, Элла, обо всем забыла?

Алике не отрывала пристального взгляда от лица великой княгини. Не из-за своей злости, а скорее из шалости, что никак не вязалось с ее привычной холодностью и выдержкой, Элла намеренно продолжала молчать. Наконец, ей, видимо, надоело издеваться над сестрой и она сказала:

— Да, мое маленькое Солнышко, у меня есть вести о цесаревиче. Ты, конечно, хочешь, чтоб я с тобой поговорила о нем, не правда ли?

Алике была готова опуститься в эту минуту на колени перед сестрой, чтобы та только все ей рассказала. Но какая- то неведомая сила, умение владеть собой, которому она научилась во дворцах, напичканных всевозможными запретами ее бабушки

королевы Елизаветы, удержали ее от этого.

— Меня восхищает твоя выдержка, Солнышко. Ты дотянула до этого вечера, чтобы поговорить со мной об этом. Ты, наверное, догадываешься, что если мне захотелось видеть тебя здесь, у меня этим летом, то для этого у меня была веская причина. Немногие в этой стране могут похвастаться тем, что им удается заставить Николая излить свою душу. Думаю, что мне это удалось. Это теперь известно и его дяде, потому что, как мне кажется, он должен быть в ку рсе дела. Мне кажется, что он обворожен твоей притягательной личностью. И не потому, что хочет мне понравиться... нет.

Алике так хотелось сейчас заплакать. Она, взяв сестру за руку, прильнула к ней долгим поцелуем.

— Прошу тебя, Элла, не смейся надо мной, из-за такого жеста! Я представила себе, что целую руку мамочки... Да, все, что ты мне говоришь, меня ободряет, утешает. Мне передавали такие ужасные веши о моем пребывание при царском дворе...

Но Элла, которая не любиладавать волю своим чувствам, перебила ее:

— Все, что ты сейчас говоришь — неважно. Важно другое, и ты должна об этом знать. Николай не только тебя не забыл, но он просто горит желанием увидеться с тобой вновь, это он попросил меня пригласить тебя сюда в июле...

Алике, чувствуя, что больше не сможет сдерживаться, выпалила:

— Так он скоро приедет?

Великая княгиня, слишком высокомерная в своем обычном поведении, вдруг ласково потрепала сестренку за шеч- ку, проявляя странную для нее нежность.

— Увы! Дорогая моя, знаешь, все было уже готово к его приезду. Мы с твоим шурином были бы просто счастливы, от такой благословенной встречи.

— Он хотя бы не болен?

— Что ты! Он —- крепкий юноша, и чувствует себя хорошо. Но не забывай — он наследник трона! И его отец отправил его в продолжительное путешествие по разным странам. Он даже побывает на Дальнем Востоке. Ему предстоит совершить официальный визит в Японию... Его путешествие продлится пол год а...

Краска бросилась в лицо Алике. Она впопыхах произнесла фразу, о которой тут же пожалела:

— Я уверена, что не император выбрал это время, чтобы отправить сына с дипломатической миссией. Это — императрица.

Но ожидаемых упреков со стороны Эллы не последовало. Ее

сестра молчала. Она приложила палец к губам.

-Т-с-с! Дорогая моя. Оставь при себе свои мнения. Мария Федоровна на самом деле нас не любит. Она считает нас слишком немками, но не падай духом!

Николай любит тебя, я в этом уверена!

VI.

Вернувшись домой, в Дармштадт, Алике столкнулась вновь с привычным одиночеством. Великий герцог Людвиг, здоровье которого сильно пошатнулось, вел фактически затворническую жизнь. Брат Алике Эрнест, единственный наследник короны Гессенской жил, в основном, за пределами домашнего очага, в Пруссии, Англии и Скандинавии.

Куда бы она не шла, где бы не находилась — совершала ли прогулки верхом или присутствовала на официальных приемах в обязательном порядке в силу того, что она оставалась единственной принцессой в семье, перед ее глазами постоянно стояли голубые глаза ее дорогого Николая. Когда же я снова увижусь с ним? Долгое ожидание казалось ей иногда худшей из казней. Куда ему писать? Неизвестно. Но, тем не менее, внутренний голос ее ободрял. Ее уверенность в том, что отсутствующий сейчас ее не забывал, придавала ей сил. Новая поездка в Англию ее не соблазняла, несмотря на всю проявляемую к ней постоянно нежность со стороны старой королевы. Да и ее кузен, Альберт-Виктор (Эдди), ей досаждал. Он продолжал ей делать авансы, в рамках приличий, конечно, но с присущим ему упрямством, и требовал обручения, хотя она уже столько раз говорила ему — «нет».

В перерывах между долгими разговорами с Маргарет Джэксон о европейской политике, она занималась изучением русского языка. Ей приходилось вести продолжительные дискуссии с братом о Германии, к которой она с детства чувствовала совершенно необъяснимое отвращение.

Зимой 1891 года великий герцог так разболелся, что все довольно скромные вечера при его дворе были отменены. А балы, устраиваемые некоторыми высокими сановниками Гессена, совсем больше не интересовали Алике. Она посылала устроителям цветы, направляла свои сожаления, использовала любой предлог, и, прежде всего, плохое здоровье отца, чтобы только не присутствовать на этих званых сборищах, на которых никогда не бывало искреннего веселья.

В газетах, которые ежедневно доставляли во дворец, она читала о всех важных событиях в России. Так из них ей стал известен весь маршрут путешествия цесаревича: Греция, Египет, затем Индия. Его спутники — князья Оболенский и Барятинский — застрелили там по тигру. Но Николай охотиться не умел. Его все чаще покидало хорошее настроение. В пространных письмах к матери, он все время жаловался на ужасный климат, на

невыносимую жару. Его еще сопровождал в пути его брат Георгий. Он внезапно заболел, у него началась лихорадка, сильный грудной кашель. По приказу царя пришлось прервать путешествие. Больного посадили в Индии на миноносец и отправили назад, в Россию.

Элла постоянно сообщала Алике новости о путешественнике либо через свои слишком длинные, насыщенные мельчайшими подробностями письма, либо через постоянно высылаемые сестре в Германию вырезки из газет, что позволяло ей постоянно быть в курсе всех перипетий своего очаровательного принца!

Теперь, уже в одиночестве, без своего брата, цесаревич посещал различные районы Индии, ее порты, а также побывал на Цейлоне, а потом в Сингапуре и Батавии (Индонезии), Бангкоке, где король Сиама лично встречал его и устроил в его честь пышные празднества.

Алике следовала за маршрутом цесаревича, словно чайка за кораблем. Он весной прибыл в Сайгон, а оттуда в Гонконг, летом же приехал в Японию в тот момент, когда зацвели знаменитые японские вишни.

После посещения Нагасаки и Киото он добрался и до Оцу на острове Хоккайдо.

Оцу! Там дал о себе знать странный знак Судьбы в жизни этого молодого человека. Никто не мог заранее предположить, как он поведет себя, после того, как водрузит себе на голову русскую корону.

Однажды утром, Алике из газет, а не из письма Эллы, узнала, что на цесаревича на одной из улочек Оцу напал какой-то самурай и ранил его ударом сабли по голове. Она чуть с ума не сошла от такой страшной вести! Она не могла поверить, что такое могло произойти, — покушение на царского наследника. Два дня спустя последовало официальное сообщение японских властей, и в нем говорилось, что цесаревич самым чудесным образом остался в живых только благодаря своему хладнокровию. Алике с облегчением вздохнула. Она получила несколько телеграмм от сестры из Санкт-Петербурга. Оказывается, лезвие сабли убийцы лишь скользнуло по черепу цесаревича, разрезав ему лоб. Рана оказалась неглубокой. Нападавший хотел повторить удар, но сопровождавший цесаревича рослый греческий князь Георгий, вовремя подоспев, отвел занесенную саблю своей палкой. Что же там на самом деле произошло? Часто говорилось о покушении на жизнь цесаревича со стороны религиозного фанатика, разъяренного святотатственным поведением Николая и его спутников. Во время посещения священного храма он якобы совершил непростительные оскорбительно для верующих

промахи, что и привело к попытке фанатика расправиться с наследником дома Романовых.

Но существовала и другая версия. Самурай, как говорили, был разгневан особыми знаками внимания, которые оказывал цесаревич его красавице жене, и ревнивый муж решил его убить.

Обезумев от беспокойства, Алике ходила словно разъяренный зверь по вольеру, не находя себе места. Нужно попросить совета у сестры, — решила она. Нужно ли ей выразить свое сочувствие в письме наследному принцу? Элла тут же прислала ответ: нет, ни в коем случае! Не стоит пока ничего давать знать ему о себе, чтобы он не знал, что ей все известно об этой драме, которая могла бы обернуться настоящей трагедией.

Однажды утром Алике с содроганием сердца заметила среди почты, поступившей из Санкт-Петербурга небольшой конвертик с национальным гербом России. Она быстро вскрыла его.

«Дорогая Алике, видите, я жив... Теперь у меня на лбу шрам. Для Японии нет места в моем сердце, и это можно понять, только посмотрев на мое лицо. Будьте здоровы, я ничего не забыл. Николай».

Охваченная нахлынувшими эмоциями, Алике бросилась на свою кровать и разрыдалась. Она перечитывала эту коротенькую записочку, единственную весточку, которую получила она после теперь такой давнишней встречи.

Ответит ли она ему?

Элла посоветовала ей пока подождать. Не объясняя при этом, почему. Она умоляла ее не раздражать императорскую чету, не забывать о ней. Ни царь, ни царица и слышать не хотели о немецкой принцессе в их семье. Оппозиция приобретала ясные очертания, но Элла выжидала...

Алике превратилась в сиделку у изголовья кровати отца и теперь со страхом, ежеминутно думала, что она его вот-вот потеряет. Он тихо отошел в мир иной в своем деревянном домике в Вольфсгартене. Его наследником стал Эрнест. Но этот великовозрастный холостяк мало заботился об обязанностях, возлагаемых на него короной, и старался любыми способами избегать такой «скуки».

Все правящие княжеские фамилии Германии прислали Алике свои соболезнования.

Алике в черных, траурных одеждах скорбно шествовала за катафалком. Она не могла плакать, видно уже все слезы были выплаканы. Теперь она была сиротой, ставшей хозяйкой дома. Брат переложил на нее все обязанности по организации повседневной жизни во дворце, а также все те, которые были связаны с их положением правящих особ, — приглядывала теперь

она и за прислугой. Она предпринимала весьма похвальные усилия, чтобы быть на высоте своего нового положения, аккуратно исполнять все, что ей надлежит, и стараться не думать ни о своих тайных желаниях, да и мечтать поменьше.

Она действовала как автомат, утратив свою прежнюю гибкость стана, — как утверждали официальные лица, остававшиеся в это время при Дармштадтском дворе: Алике отдавала распоряжения, готовила приемы, передавала текст постановлений брата местной прессе, важным сановникам и дипломатам, проживавшим в великом герцогстве.

Постепенно ей приходилось возвращаться к куртуазной придворной жизни этого крошечного государства, щедро расточать всем улыбки. После официальных ужинов начинались балы, на которых молодые девушки, дочери высоких должностных лиц, военачальников отчаянно вальсировали, полагая, видимо, что тем самым они способствовали славе их крохотной родины. Все более уверенно входя в свою новую роль, которую ее заставляли играть, Алике до- казывала всем, какая она превосходная принцесса, которая с присущей ей элегантностью заменяла своего брата. Королева Виктория сильно переживала за свою внучку. Она говорила: «Молодость проходит гораздо быстрее, чем твердят придворные. Нужно непременно изменить ситуацию, сложившуюся в Дармштадте. Сколько может мое дорогое Солнышко приносить себя в жертву ради поддержания дома брата?»

И так как королева Виктория всегда твердо знала, чего она хочет, то, видимо, судьба, принимая облик галантного мужчины, не могла ей не повиноваться.

С каждым днем Алике наделяла себя все большей ответственностью, исполняя свою роль великой герцогини Гессенской — по доверенности. Ее брат, большой ленивец по характеру, взваливал на ее плечи все домашние дела* до самых мелочей. Теперь за столом реликого герцога появлялись только такие лица, которые вызывали симпатию у Алике. Эта серьезная девушка всегда принимала свою новую роль близко к сердцу. Порой страдающие души стремятся найти убежище в этой показной эквилибристике слов и жестов, чтобы меньше терзаться, и за внешним проявлением своей властности скрыть свою истинную сущность, сохранить ее самую строгую анонимность.

Великий герцог Эрнест, который так же, как и она, обожал свою английскую бабушку, однажды летом согласился провести его у нее, в Бэлморале.

И там он впервые в жизни по-настоящему влюбился. Королева Виктория на самом деле, видимо, обладала даром соединять в

брачном союзе самые неподходящие пары. Соблазнительная Виктория Эдинбургская завоевала сердце своего кузена. Теперь он даже не мог и думать о возвращении в Германию, хотя бы без обещания жениться на ней. Королева Виктория настаивала только на этом. Во-первых, старая королева, насколько известно, имела слабость ко всякого рода любовным историям, и в последние годы ее жизни ее любимым развлечением было создание различных брачных союзов. А этот предполагаемый брак Эрнеста с Викторией вполне устраивал английский трон. Королева пообещала своему внуку — свадьба будет сыграна, причем в самое ближайшее время. Весь двор одобрял такое ее решение, ну а что касается невесты, Виктории Эдинбургской, то ее мнением никто, в сущности, не интересовался. Она стала официальной невестой, не успев даже осознать, желает ли она сама этого брака или нет.

Вся Шотландия заранее радовалась такому важному для нее событию.

Алике в своем Дармштадте ничего не знала о том, какие события назревают в Бэлморале, и, когда она получила телеграмму, и звещавшую ее о близком бракосочетании ее брата с ее кузиной, Эдинбургской принцессой, она вся похолодела.

Удивление сменилось приступом ярости. Она уже чувствовала, что будет изгнана из этого дома, где она царствова-jfa, где была хранительницей прошлого, священных воспоминаний о их предках. Разве все ее сестры не покинули родительское гнездо, не отправились на поиски своего эгоистического счастья? И вот теперь и ее братец, который был таким беспомощным без нее, устремился к личному счастью. Но это еще не самое главное. Есть кое-что и посерьезнее. Разве сможет она жить здесь, в Дармштадте, в отцовском замке, где так чтятся обычаи предков, рядом с какой-то иностранкой, которой придется уступать дорогу? Она не хотела поздравлять с этим событием своего брата, но ее фрейлины все же заставили направить ему телеграмму.

Алике совсем не нравилось грозившее ей новое испытание. Разве она не замкнулась в себе, не отказалась от поездок в Европу, в Россию, чтобы там осуществилась ее тайная мечта о встрече с цесаревичем? Фактически она приносит свою жизнь в жертву своему брату, и вот теперь, благодаря умению интриговать, ее дальняя родственница готовила ей новое место, явно недостойное ее бьющей через край энергии и твердой воли.

Великий герцог Эрнест вернулся в Дармштадт полный решимости предоставить своей будущей супруге полное превосходство над сестрой.

Алике вновь страдала, чувствуя себя затворницей. Кто, черт подери, была эта кузина Виктория, которая даже ни разу не побывала здесь, в Дармштадте, которая вот-вот явится сюда как самозванка, чтобы самой приглядывать за ее прекрасными садами, усеянными цветами, за ее уютными гостиными, где так хорошо сидеть в окружении книжных полок и глядеть на потрескивающий в камине огонь. Таким образом, она получит право рыться в ее белье в шкафах, ворошить кружева ее забытых предков, сортировать коллекцию материнских вееров. Будет смотреться в те зеркала, в которых отражалось лицо и фигура великой герцогини Алисы, державшей на руках ее, свое маленькое Солнышко.

Алике понимала, что ей придется смириться с таким положением вещей, но ее воля бунтовала против этого.

Все эти дни ее мучили приступы гнева, особенно тогда, когда со всей Европы приходили поздравительные телеграммы. Ее брат только улыбался, едва удостаивая эти бумажки взглядом.

Брачная церемония должна была состояться в Кобурге, колыбели их рода. Семидесятипятилетняя королева Виктория сообщила о своем приезде. Этот брак, который одобряли все европейские королевские дома, стал еще и предлогом для дружеской встречи многих сюзеренов. Каждый монарх приезжал со своей свитой, приглашенные приглашали своих, в результате гостей оказалось так много, что было принято решение кормить всех обедом в два приема, — в восемь часов вечера и в девять.

Принц Уэльский Эдуард, будущий английский король Эдуард VII, сопровождал свою матушку, о прибытии которой оповестил целый отряд английских драгун.

За тридцать шесть часов до этого, теплым апрельским днем в своем императорском вагоне из Санкт- Петербурга в Кобург отправился и Николай в сопровождении трех своих дядей — великих князей Владимира, Сергея и Павла.

Алике, сгорая от нетерпения, испытывая великую радость, приехала на вокзал, чтобы там его встретить. Сердце ее колотилось в груди. В своих многочисленных письмах Элла сообщала ей, что цесаревич, желая угодить желанию родителей, рассматривал возможность брака с французской принцессой... но несокрушимая уверенность Алике стойко противостояла всем этим горьким для нее слухам, которые стремились разрушить все ее светлые надежды.

Николай, едва выйдя из вагона, с самым серьезным видом поклонился принцессе.

Важные сановники, фрейлины, почетные гости, ожидавшие на перроне, когда им подадут кареты, чтобы ехать во дворец,

наблюдали за этой встречей молодых людей, которые глядели друг на друга с нескрываемой нежностью.

— Николай, — прошептала Алике, не чувствуя себя от радости, — сколько времени прошло! Вы хоть меня узнаете?

— Я никогда не забывал Вас, ни на мгновенье...

У нее отлегло от сердца. Ах, все эти злые языки, глупые болтуны из ее свиты доносили до нее злобные слухи, чтобы ее обескуражить.

Но Николай стоял передней, вот он, он ей улыбался, ласково смотрел на нее своими голубыми глазами, даже не глядел, а пожирал... Как им обоим хотелось в эту минуту оказаться подальше от этой разодетой толпы со звонкими титулами, заботящейся только о старшинстве по чину да о соблюдении придворного этикета. Ах, если бы они только могли, взявшись за руки, убежать вдвоем куда-нибудь, словно влюбленные, испытывающие сентиментальное притяжение. Но он был наследником трона русской империи и здесь, в Дармштадте, ее представлял, а она, сестра жениха, должна была учтиво принимать представителей европейской аристократии по случаю такого важного события, — бракосочетания, на которое слетелось столько журналистов со всего мира!

Был устроен семейный обед. Баттенберги, князь Генрих Прусский и его жена Виктория просто пожирали их глазами, великая княгиня Мария Павловна (тетя Михен) строила из себя важную персону в потрясающем выходном платье, кайзер со своей свитой, все были чрезвычайно взволнованы.

После обеда, к которому гости едва притронулись, вся «компания» отправилась в оперетту, которую давали в честь будущей супружеской четы герцогства Дармштадтского.

Николай все время не спускал глаз с Алике* На ней было очень красивое зеленое муслиновое платье. Скромное ожерелье из изумрудов ее матери оттеняло белизну ее шеи. Цесаревич все время старался подойти к ней, поговорить, но все его попытки были напрасными... Этот вечер она посвятила только семейным заботам, только соображениям династического свойства.

На следующее утро, не в силах больше терпеть проволочек, Николай вошел в апартаменты принцессы Алике.

Миссис Орчард бросила на него благожелательный взгляд. Она проводила его в маленький будуар перед спальней своей воспитанницы.

— Извольте подождать здесь, Ваше императорское высочество, — сказала она, — сейчас к вам выйдет принцесса. У нее еще там ее парикмахер. — Она церемонно откланялась, но в глазах ее проскочила лукавая искорка.

Николай смотрел через большое окно на ухоженные аллеи в саду, покрывавшиеся первой весенней зеленью. Он увидел в комнате большую корзину цветов, которую он еще на рассвете приказал своему камергеру сюда доставить. Он, подойдя к корзине, хотел удостовериться, хорошо ли приколота его визитная карточка, и в это мгновение дверь спальни распахнулась,

Алике радостно подбежала к нему:

— Николай!

— Алике!

Он опустился перед ней на колени, его губы прикасались попеременно к ручкам принцессы.

Она подняла его, и не спеша, словно речь шла о каком- то предмете, не имеющем никакого отношения к ее личной жизни, осведомилась:

— Значит, вы меня любите?

Николай, который заготовил пламенную речь, молчал. Он чувствовал что-то вроде опьянения, которое не позволяло ему разжать губы.

Она пригласила его сесть на канапе перед собой. Но он не сел, подошел к ней и, взяв ее за руку и устремив на нее взор своих голубых глаз, с дрожью в голосе спросил:

— А вы?

Помолчав немного, она ответила:

— И вы еще спрашиваете! Вы же знаете, Николай, что я Вас люблю, будьте уверены в этом. Что Вы есть и будете единственной моей любовью в жизни... Я была еще ребенком, мне, если вы помните, было двенадцать лет... и, когда я впервые увидела Вас, сердце мое сильно забилось. Это был для меня праздник, но праздник весьма печальный. Эта маленькая девочка жила с отцом, вдали от всех празднеств, от всех великих людей. Будет ли у меня когда-нибудь возможность вновь увидеть того, которого я выбрала для себя раз и навсегда, — спрашивала я тогда себя.Он подошел к ней ближе, обнял ее, прижал к себе, поцеловал ее золотистые кудряшки, спадавшие на ее ушки, и впервые прошептал ей такие слова:

— Дорогая! Дорогая моя, я Вас люблю... Эта свадьба Вашего брата — лишь предлог. Я решил приехать сюда, чтобы снова увидеть Вас и попросить Вашей руки. Алике, обожаемая Алике, хотите ли Вы стать моей женой? — На сей раз выдержка изменила Алике. Она крепче прижалась к нему, заливаясь слезами, прижалась к тому, чьи только что произнесенные слова говорили о том, что перед ней — ее жених...

Николай открыл двери соседней комнаты. Там, в гостиной >

удобно устроившись у камина, сидела великая княгиня Елизавета, глядя на то, как в камине гасли раскаленные угольки.

—Тетя Элла, — закричал цесаревич, — тетя Элла, — я вам всем обязан, мой ангелочек теперь рядом со мной. Она согласилась стать моей женой. Вы, тетушка, та фея из сказки, которая раздает счастье...

Сестры молча обнялись. Чтобы не вызывать излишнего шума, великая княгиня под каким-то предлогом улизнула, бросив на своего племянника проникновенный взгляд. Молодые люди остались наедине. Николай чувствовал, что наступает самый ответственный момент. Стоя перед невестой, цесаревич взял ее за руки. Спокойно, тихим голосом он перешел к главной, самой важной теме:

— Обожаемая Алике, теперь мне придется потребовать от Вашей любви ко мне одной большой жертвы...

Алике вдруг испытала безотчетный страх. Какая еше трудность возникла на пути к их союзу, что за препятствие?

— Алике, после свадьбы вы станете русской, великой цесаревной, наследницей престола, потенциальной императрицей. По вековым законам нашей империи Вам нельзя оставаться в лютеранской религии. Вам нужно от нее отказаться и принять православие.

Лицо у Алике смертельно побледнело. Она, обхватив голову руками, зарыдала. Из-за рыданий она не могла произнести ни единого слова.

— Алике, наше Солнышко, как говорит тетя Элла, неужели Вам так трудно стать истинной православной, чтобы быть моей женой?

Алике подняла на него свое заплаканное лицо.

— Николай, нет, такое мне не по силам... я не могу, я думаю, что это просто невозможно...

— Но Ваша сестра подала Вам пример, она добровольно поменяла свою религию, когда вышла замуж за моего дядю Сергея Александровича, хотя этого от нее и не требовалось. Он — не прямой наследник престола. Могу назвать Вам, дорогая, сколько угодно прецедентов. Вспомните о других государынях, которые предшествовали Вам, о нашей Екатерине Великой. И хотя не пристало шутить атакой серьезный момент, могу напомнить вам слова короля Франции Генриха IV, который изрек вот эту бессмертную фразу: «Париж стоит мессы». Я не предлагаю Вам Париж, дорогая, но, кто знает, все же когда-нибудь я стану императором, я этого хочу...

Алике, несколько разочарованная тем, что Николай вдруг заговорил о своих амбициях, вдруг вновь обрела хладнокровие и

с достоинством сказала ему:

— Николай, даже если бы Вы были простым лейтенантом в армии моей бабушки, я все равно бы вас также любила. Ваш высокий ранг, я бесспорно уважаю, я им восхищаюсь, но даже он не может заставить меня смириться. Не ранг, а ваши голубые глаза, любовь моя, овладели моей душой. Господу угодно, чтобы я была рядом с Вами, но прошу Вас оставьте в покое мою веру, уважайте ее, как я уважаю Вашу...

Время шло. И того, и другого ждали свои обязанности, и сейчас было недосуг заниматься личной жизнью. Маятник неумолимо раскачивался. Пробило двенадцать — полдень.

Алике встала, сделала неловкий реверанс, слезы поблескивали в ее глазах.

— Прошу Вас простить меня, мой единственный друг... Мне нужно спешить. Новобрачные, наверное, заждались меня. После окончания брачной церемонии мы, наверное, увидимся, если только нам позволят другие гости. Каждый требует к себе внимания.Он опустился перед ней на одно колено. Его голубые глаза заволокла пелена слез.

— Солнышко, мой долгожданный ангел... Для чего Вы заставляете страдать нас обоих, кто дал Вам на это право? Если Господу было угодно соединить нас, то почему религиозные различия должны нас разделять? Ноя вас так сильно всем сердцем люблю, если Вы будете упорствовать и отказывать мне в том, чего требуют придуманные не мной законы, то, вероятно, мне придется отказаться от своих прав на корону и передать ее своему брату — Михаилу... Но такого трагического исхода не перенесет мой августейший отец. Но мать...

— Ваша мать? — удивленно переспросила принцесса.

— Моя мать посоветовала мне прислушиваться к голосу своего сердца.

— Вот никогда бы не подумала, — невольно вырвалось у Алике, которая старалась скрыть свое неверие.

Он хотел было ее снова обнять, но она выскользнула и сказала ему на прощание:

*— Я обещаю вам, Николай, подумать, собраться с мыслями. Если мне когда-нибудь придется стушеваться, уйти в тень, ради вашего восхождения на царство, то я это послушно сделаю... но отказаться от религии моей матери...

Она не договорила. Цесаревич остался один в гостиной, которая в это мгновение показалась ему такой враждебной, словно площадь, на которой полно недружелюбного народа!

Расстроенный цесаревич в тот же вечер написал матери: «Я пытался объяснить ей, что она не может, не должна отказываться

выходить за меня замуж... а она все плакала и только повторяла: “Нет, нет, я не могу”. Но я настаивал, настаивал на своем, и эти уговоры продолжались часа два, но не дали никакого результата,,.»

На следующий день все дальние родственники, члены дружеских семей, прибывшие со всей Европы в Кобург, были в курсе происходивших событий. Бракосочетание великого герцога Эрнеста, эта главная причина сбора стольких величеств и высочеств, отошла как бы на задний план. Предстоящая свадьба герцога бледнела, становилась чуть ли не банальностью по сравнению с надвигавшимся другим, куда более важным событием — обручением будущего императора! Теперь Николаю не было нужды брать на себя роль адвоката перед Алике. Все приглашенные, все близкие и дальние родственники старались найти аргументы поубедительнее, чтобы победить тревожную неуступчивость принцессы, заставить ее отказаться от своей религии!

Великая княгиня Элла «обрабатывала» свою сестренку. «Нужно подчиняться велению сердца», —* уговаривала она ее. Вот она, Элла, нарушила семейную традицию, добровольно приняла православие, только чтобы понравиться своему мужу, великому князю Сергею Александровичу. Никто ее к этому не принуждал. По нескольку раз надень вдалбливала она в голову строптивой Алике эту идею. Неужели она готова отказаться от такой большой, такой искренней любви к ней Николая из-за не столь уж важного вопроса о религиозных различиях? Она клялась, что их родители на небесах непременно благословили бы ее оттуда, что вступление в лоно другой церкви никак не могло отрицательно сказаться на ее совести, ведь Бог — повсюду, Ему предназначен культ души и культ любви... Алике провела бессонную ночь. Через щели в шторах она видела, как занималась заря, слышала раннее щебетание птиц. Она, стараясь быть очень честной с самой собой, не хотела слушать ничьих советов: нет, такую жертву требовал от нее не Николай. Этого требовало его положение цесаревича-наследни- ка православной короны! Разве он не предлагал ей отказаться от всех своих привилегий, ради женитьбы на ней? Какого еще более убедительного доказательства его любви к ней она могла требовать от него?

Алике унаследовала от своей бабушки ее прямодушие. Она знала какой замечательной женой для своего мужа была королева Виктория. И английская королева первой нарушила свою привычную выдержку и вовлекла внучку в разговор о религии.

Утро 8 апреля 1894 года выдалось таким светлым, просто лучезарным! Она потребовала, чтобы ей принесли пораньше чаю,

наспех умылась, оделась, чтобы не терять драгоценных часов на эту процедуру, и тут же побежала искать сестру и тетю Михен, великую княгиню Марию Павловну, жену старшего дяди Николая, великого князя Владимира Александровича. Она ее так поддержала накануне.

Это был такой солнечный денек, поистине день обручения! С решительным видом, очень быстро Алике шла по парку к тому дворцу, в котором остановилась ее тетка, Великую княгиню предупредили, сообщили о ее приходе, и та тут же приняла родственницу.

— Ваше высочество, прошу простить меня за столь раннее вторжение...

— Охотно, тем более что Вы хотите сообщить мне какую- то добрую весть, я в этом не сомневаюсь.

Алике сделала обычный реверанс. Великая княгиня любезно протянула ей руку.

— Ну, дитя мое, Вы наконец сумели преодолеть свои предрассудки? Вы намерены стать моей племянницей, не так ли?

Алике была слишком возбуждена, слишком счастлива, чтобы медлить с ответом. Она выпалила на одном дыхании:

— Да вы правы!

Она бросилась перед великой княгиней на колени, уткнулась лицом в ее платье.

Какой это был сладостный момент для обеих женщин, теперь они становились гораздо более близкими по родству.

Августейшая тетя тут же послала за племянником, который обитал в другом флигеле. Ей теперь нужно было ждать, но каким приятным было это ожидание! Алике даже закрыла глаза, чтобы получше насладиться этими дивными минутами. Николай не заставил себя долго ждать.

Обняв свою тетку, он открыл свои объятия и для Алике, теперь такой расслабленной, обмякшей, опьяненной тем счастьем, которое она, наконец, согласилась добиваться вместе со своим любимым.Николай восторженно записал в своем дневнике: «Великолепный, незабываемый день в моей жизни, день помолвки с моей горячо любимой, моей несравненной Алике. О Боже, какая гора свалилась с моих плеч! Какую радость я испытываю! Целый день я провел, как в дурмане, не отдавая себе отчета, что, собственно, со мной произошло! Кайзер Вильгельм сидел в соседней комнате и ждал с дядями и тетями окончания наших переговоров. Вместе с Алике я прямо пошел к королеве Виктории, после чего ктете Марии, где произошла долгая, чувственная сцена, когда мы все обнимали друг дружку и радовались. После завтрака мы отправились в домашнюю церковь великой княгини

Марии, где состоялся благодарственный молебен. Даже не верится, что теперь у меня есть невеста...»

Многочисленные прибывшие в Кобург гости не спускали глаз с молодой императорской пары. Все во дворце радовались, на городских улицах все были в восторге. Теперь повсюду — от самых скромных отелей до роскошных апартаментов королевы Виктории, — все говорили лишь об одном: этом замечательном событии.

С каждым днем радости у цесаревича все пребывало. Его дневник свидетельствует о переживаниях его сердца:

«Кобург, 12 апреля. Сегодняутромя проснулся,думаяотом, что начинается новый прекрасный день. В 10 часов Алике зашла за мной, и мы отправились вместе пить кофе к королеве. Она сказала, что теперь я могу называть ее просто бабушка. Во время завтрака под окнами играла военная музыка. Мне пришлось, сидя в комнате Алике, отвечать на ворох телеграмм.

В три часа дня мы позавтракали во второй раз у королевы , после чего мы с Алике пошли в «Розенау», где собралась целая компания для игры в теннис и для чая. Я оставался в комнате моей горячо любимой Алике до восьми часов с четвертью. С разрешения тети Марии я переехал из замка в небольшой ее домик, рядом с виллой, в которой сейчас живет Алике. Я занял апартаменты Альфреда, который сегодня уехал в Потсдам; комнаты очень удобные, но самое главное, что я нахожусь рядом со своей возлюбленной».

Суббота, 16 апреля 1894 г

«День холодный и серый, но на душе было светло и радостно. Мы отправились на первый завтрак к тете Марии. В одиннадцать я пошел в церковь. В пять часов прибыл особый курьер, который доставил нам почту, — такие милые письма, орден Святой Екатерины и прекрасный подарочек для Алике от папы и мамы: пасхальные яйца. Какую радость испытали мы оба! Я зачитывал ей письма от маман, полные нежной любви, радости, абсолютного удовлетворения. В шесть вечера мы отправились во дворец, чтобы попрощаться с королевой. Она уезжала в Англию, и до вокзала ее провожал целый полк немецких драгун. После обеда я, наконец, остался наедине со своей дорогой и нежно любимой Алике!»

Нужно сказать, что еще никогда эта романтически настроенная Германия не знала более светлых дней. Королева Виктория возвращалась в Лондон, очарованная цесаревичем, будучи убежденной в том, что этот брак, через который будущий царь сближался с половиной правящих домов Европы, и станет для нее, этой Европы, его гарантом на долгие годы. Таким образом, старые обвды, накопившиеся после Крымской войны,

которые до сих пор разделяли Россию с Англией совершенно улетучивались.

Но ей было мало лишь повсюду говорить о своем удовлетворении этим делом. Помолвка ее внучки состоялась как раз вовремя, чтобы способствовать смягчению проводимой ею внешней политики. Она уже строила планы на будущее, собиралась направить приглашения Алике прибыть летом следующего года к ней, в Виндзор, и там потом к ним присоединится цесаревич Николай.

В виду того, что в Кобурге собралось так много родственников, принц Альберт предложил всем сфотографироваться на память. Объектив зафиксировал замечательную панораму королевских европейских династий — тридцать членов семьи. Старая королева, маленькая, чуть сгорбленная, но крепкая, как скала, устроилась в центре, в первом ряду, с тростью в руках. Кайзер со свирепо-тор- чашими усами, разумеется, в военной форме, был единственным сидяшим из мужчин в этой компании. Николай, с красивым, почти детским лицом, в котелке, стоял рядом с Алике, на очаровательном личике которой застыла довольная улыбка...

VII.

В это же время в Санкт-Петербурге повсюду: во дворце императора, в церквях, университетах, в светских гостиных, на улице — все только и говорили об обручении наследника.

Императрица Мария Федоровна не меняла своего враждебного отношения к помолвке. Но так как она не сумела найти сыну другую невесту, отвечавшую, на ее взгляд, всем требованиям цесаревны, она несколько умерила свой пыл.

Все великие княгини, за исключением Эллы, были единодушны, считая маленькую Гессенскую принцессу не более чем самозванкой. «Разве мало в Европе других красивых девушек, — говорили они между собой, — более даровитых, чем эта маленькая высокомерная и надменная провинциальная немецкая аристократка, которая вознамерилась стать второй дамой империи!»

Александр Ш сильно недолюбливал Англию. Непопулярность Великобритании, особо разжигаемая довольно могучей в императорских кругах французской партией, никак не давала повода рассчитывать на симпатии по отношению к этой внучке королевы Виктории, которая вскоре станет русской государыней!

Эта странная, молчаливая сиротка многих не устраивала.

Более того, во многих кланах шептались о том, что здоровье императора пошатнулось, что он может скоропостижно преждевременно умереть, и, таким образом, невеста Николая сразу же после его смерти станет императрицей, не пройдя через испытательный срок в роли великой княгини.

Словоохотливые придворные дамы только и говорили об этом «досадном событии», намекая на то, что цесаревича заставили жениться на ней в силу высших государственных интересов!

Какая злобная, безмозглая глупость! Все эти россказни, слухи и толки не могли скрыть того факта, и об этом было хорошо известно окружению Их величеств, что наследник трона уже несколько лет испытывал неистребимое влечение к этой немецкой девушке. Молодой человек был влюблен в свою невесту, он сам по своей воле ее выбрал, противопоставив свою к ней жаркую любовь той холодности, с которой его родители воспринимали эту увлеченность.

Ну* а что испытывала Алике со своей стороны? Простые смертные часто стремятся унизить тех, кто выше их, чтобы сравнять их с собой. Так, повсюду говорили, и, прежде всего, в этом усердствовала принцесса Радзивилл, что Алике пошла на этот брачный союз из своего непомерного тщеславия и усталости.

Все это, конечно, злобная ложь, которая тут же пропадает, стоит лишь перейти к анализу их чувств. Алике с Николаем с раннего своего детства оказались в привилегированном кругу, очерченном взаимной любовью, любовью уникальной, любовью на всю жизнь, любовью, угорая принимает божественную сущность на этой Земле и кажется самым нежным дыханием Божиим!

У многих биографов Алике можно прочитать, что она, не фудучи способной в силу своей природы довольствоваться второстепенной ролью, обладала слишком большими претензиями. Что же могло бы говорить в пользу такого суждения в«е юные годы? Ей, конечно, льстило, что на ней остановил свой выбор молодой, очаровательный, влюбленный ВДее принц, предложил ей разделить с ним один из самых др&срасных тронов в мире. Что же здесь плохого? Это — вполне нормально. Ну, а какая другая девушка, окажись она на се месте, не почувствовала бы и умом и своим сердцем прелесть подобного одержанного ею триумфа? Разве она сверхчеловеком, чтобы оставаться абсолютно безразличной к такой чести, от такой всепоглощающей страсти, когда претендент на ее руку был даже готов отречься от престола, если бы она ему отказала в его желании связать с ней свою судьбу?

Каждый день Алике присылали все новые подарки — красивые драгоценные украшения, кружева, самые прекрасные в мире меха,.. Русская императрица постоянно спрашивала ее по поводу того, какое придано? она Зкелает, — по древнему русскому обычаю, приданое такой невесте дарил русский двор.

...После двух недель невообразимого счастья Николай собирался в дорогу, — нужно было возвращаться в Россию, домой. Последний вечер в Германии он провел в комнате Алике. Он в своем дневнике сделал такую запись: «Мы долго были вместе, она была необычайно нежна со мной... это так необычно — приходить и уходить, когда хочешь, без малейшего ограничения. Как грустно расставаться с ней, хотя бы на одну ночь...

Заперевшись в своей кающе на императорской яхте «Полярная звезда», которая увозила его на восток, к русской столице, Николай чувствовал, как его сердце переполнилось любовью и грустью. У него на пальце поблескивало обручальное кольцо. «Впервые в жизни я надел кольцо на палец. Мне кажется, что это смешно. Но ничего не поделаешь, ведь оно — символ обручения», — записал он в своем дневнике.

Но с приездом в столицу его путешествие не закончилось. Теперь нужно было ехать в Гатчину, чтобы рассказать все о своей поездке, о случившемся в Германии матери. Родители по такому

случаю созвали всех членов семьи. Царь в кос- тюме охотника обнял его. Он с рассвета охотился и даже убил утку, и не успел даже переодеться. Ему очень понравились телеграммы от Алике и королевы Виктории. После того как завтрак завершился, цесаревич увел мать в парк, чтобы там, наедине с ней, без сопровождающих, все ей подробно рассказать, доверить ей свои самые сокровенные чувства.

На следующий ;1,снь он должен был возвращаться в Санкт-Петербург. У него там оставались невыполненные обязательства. Вернее одно, но очень важное. Здесь следует подчеркнуть, что среди неопровержимых достоинств этого молодого человека верность занимала первое место. Как и большинство молодых людей, доживших до двадцатишестилетнего возраста (он родился 18 мая 1868 года), он познал женщину, и не одну. Он всегда был мало склонен к любовным приключениям, с детства отличался серьезностью, и, вероятно, долгое время вел бы монашескую жизнь, если бы сами его воспитатели не подтолкнули его к этой авантюре.

Она произошла весной 1890 года, несомненно, кем-то подготовленная с точной целью, встреча с молодой, семнад-датилетней балериной балетной труппы императорского двора, которую звали Матильда Кшесинская. Хрупкая, маленького роста очень подвижная, вся такая воздушная, с лебединой шеей, смеющимися глазками, Кшесинская стала впоследствии лучшей балериной своего поколения. Мно- 1Ие даже говорили, что она — гениальная танцовщица.

Сам царь Александр III, поздравляя балерину с ее успехом, в своей ложе представил ее своему сыну. Пожимая ее «аленькую, как у птички лапа, ручку, он сказал ей: «Так будьте же украшением и славой русского балета».

После этого ее пригласили на ужин с императорской семьей.

В тот вечер, в своей комнате, в Гатчинском дворце, Ни- вояай вспоминал эту встречу в царской ложе: как их взгляды встретились, как оба они чуть покраснели, как дрожал голос и у нее и у него, выдавая тревожное, сладкое волнение...

- 'Николай, этот неопытный кавалер, ничего не знал об «с! сусстве галантного обхождения, и даже не пытался искать Новой встречи с балериной. Но она сама, эта хитроумная девушка, очень скоро разузнала распорядок дня цесаревича. Ей стало известно, что почти ежедневно Николай со своей сестрой Ксенией выходили на балкон Аничкова дворца, Ч*«бы сверху понаблюдать за разношерстной толпой, заполнявшей Невский проспект.

Кшесинская теперь каждый день в определенное время останавливалась перед дворцом, высматривая своего

очаровательного принца, сгорая от желания поскорее его увидеть. Весь май после из встречи она украшала свою комнату русскими трехцветными флажками с голубой, белой и красной полосками.

Ее специально вызывали в Красное Село, где она давала концерты для офицеров в военном лагере.

Все лето Николай довольно часто виделся с юной балериной. Но сам он никогда к этим встречам не стремился. Он теперь постоянно думал о своей блондинке, этой северной принцессе, об Алике Гессенской, образ которой все время стоял у него перед глазами.

Но потом произошло то, что и должно было произойти. Николай по достоинству ценил громадный талант балерины и присутствовал почти на всех ее спектаклях. Он в своей ложе подолгу болтал с ней перед поднятием занавеса. После окончания представления любовники укатывали куда- нибудь на тройке, и эти долгие ночные прогулки крепче привязывали их друг к другу.

Матильда, конечно, прекрасно знала, что Николай на ней никогда не женится. Ему хватило мужества однажды признаться ей в том, что одно прекрасное видение постоянно его преследовало — видение очаровательной принцессы...

Матильда тогда часто плакала. Но ее увлеченность этим молодым человеком была настолько непреодолимой, что она была готова заранее идти на любые жертвы. Она знала, что с ним ей не видать счастья, но, тем не менее, никак не могла вырвать эту занозу из сердца. К счастью, ее карьера отвлекала ее, не давала так сильно страдать.

Николай* очарованный такой ее искренностью, непринужденностью, привязанностью ее к нему со свойственным ей чисто русским фатализмом, сам терял голову, проявляя свою полную беспечность.

Кшесинская, такая легкая, воздушная, такая проворная, как белочка, продолжала взлетать по ступенькам славы.

И в тот вечер, перед тем, как подвергнуть анализу свою совесть, он вспоминал этапы ее стремительного восхождения:в 1891 году она станцевала фею в «Щелкунчике», затем принцессу Аврору в «Спящей красавице». На всех ее репетициях присутствовал П.И. Чайковский. Однажды после спектакля он пришел к ней в грим-уборную, чтобы поздравить танцовщицу с большим успехом. Он предсказал ей великое будущее. Она станет такой же, как Анна Павлова или Тамара Карсавина, если не затмит их обеих.»

Эта похотливая женщина, больше влюбленная в себя, чем в своего императорского любовника, думающая только об одном, как оставить свой след звезды на небосводе славы, понимала, что

ей придется расстаться с Николаем, расстаться без особого шума, как можно тактичнее. Она одерживала в театре один триумф за другим, но чувствовала, что занимает в сердце Николая все меньше места.

...Николай в конце концов решил порвать со своей юной любовницей. Он пришел к ней, чтобы проститься,

—Я попросил руки принцессы Гессенской Алике, — сказал он твердо. - Ия счастлив, что она приняла мое предложение.

Слезы жгли глаза Матильды, и она не смогла их сдержать.

Они решили попрощаться на пустынной сельской дороге неподалеку от Царского Села. Она сидела в карете, набросив на плечи бледно-голубую воздушную, словно облако, шаль. Он ехал на лошади перед ней. Сухо, без особой горечи, попрощавшись с ней, он повернул лошадь. Матильда разрыдалась в своей двухместной карете. Она долго плакала. Ее учитель Мариус Петипа, увидав ее с таким изменившимся, смертельно бледным лицом на репетиции, утешил ее такими словами:

— Матильда, благодари Пречистую Деву за то, что ты испытала муки любви. Страдания от любви — лучшая питательная среда для величайших творческих достижений!

* * *

По правде говоря, Николай испытывал постоянное желание снова увидеть свою невесту. Он не мог думать ни о чем другом. Ему казалось, что дни до их встречи тянутся слишком долго. После своего разрыва с Кшесинской он чувствовал, что он стал другим человеком. Он долго раздумывал перед тем, как принять важное для него решение: рассказать ли своей возлюбленной о его холостяцкой жизни в Санкт- Петербурге, особенно его любовную историю с балериной, или же промолчать.

Алике в середине мая переехала через Ла-Манш, чтобы снова посетить своих родственников в Англии. В начале июня Николай поднялся на борт императорской яхты «Полярная звезда», которая понесла его из Балтики через Северное море в Англию, к Алике. Морское путешествие длилось четыре дня. Цесаревич аккуратно вел свой дневник. «Завтра я снова увижу свою возлюбленную... я с ума сойду от радости!»

Он высадился в Грейвсенде, а там сел на поезд, который прибыл на лондонский вокзал Ватерлоо. Издалека он уви~ дал на перроне Алике, которая нетерпеливо выискивала глазами номер его вагона.

Он сам рассказывает об их встрече. «Я бросился в объятия своей невесты, которая была, как всегда, прекрасна».

В его дневнике от 9 июня сохранилась только эта короткая запись, но и ее вполне достаточно, чтобы понять, какая радость охватила их обоих.

— Дорогой, — ласково, но твердо, проявляя свой характер, сказала Алике, — мы отсюда не поедем прямо в Виндзор. Ее величество предупреждена. Моя сестра принцесса Виктория пожелала, чтобы мы оказали ей честь, навестили прежде ее.

У четы Баттенберговбыл большой особняк на берегу Темзы, в Уолтоне. Большая река плавно катила свои тихие воды. Теплый ветерок навевал тишину. За садом этого сельского поместья начинались необозримые зеленые поля.

Принц Людвиг Баттенбергский был ужасно горд тем, что принимал у себя наследника русского трона в качестве своего будущего шурина. Простая, размеренная, провинциальная жизнь, которую вели здесь ее старшая сестра с мужем, предвещала чудесный покой. Никакого протокола, никакого двора, никаких угодливых секретарей. Слуги такие спокойные, немногословные, повсюду царила желанная интимная обстановка. Английское лето в этом году отличал ось удивительной мягкостью. Возлюбленные прогуливались по ухоженным зеленым лужайкам, которые здесь были по-особенному зелены, по утрам собирали ягоды и рвали фрукты в саду. Алике собирала цветы охапками. Она даже увезла Николая довольна далеко от дома, в соседние поля, где при их приближении пугливо разбегались стада овец...

После полудня в саду они пили чай как простые помещики, проводящие свой отпуск в патриархальном доме. Алике усаживалась на траву или в тени старого каштана и принималась вышивать скатерки для принцессы Виктории, которой нравилось вспоминать о том, как их мать собственноручно вышивала все скатерти в доме, и трудилась над ними, словно пчелка. Николай читал им вслух английских поэтов, которые просто сводили с ума его невесту и будущую свояченицу.

С наступлением сумерек, когда бабочки устраивали свои безумные пляски вокруг зажженных ламп, они возвращались в большую гостиную, откуда через распахнутые окна можно было видеть легкие пристани по всей Темзе,

Николай еще никогда прежде не испытывал такой безграничной свободы, такого счастья. В своем дневнике он записал: «Трудно даже представить, что живешь в настоящем раю, настолько я счастлив. Жить словно во сне наяву, какое удовольствие».

Он часто писал домой матери, подолгу беседовал со своей воалюбленной во время продолжительных совместных прогулок.

Алике признавалась сестре:

— Виктория, я никогда еще не была такой счастливой, как в эти подаренные тобой нам дни.

— О чем ты говоришь, Солнышко мое, куда более счастливые, еще более прекрасные дни ждут вас впереди, когда закончится лето. Нужно как можно скорее обвенчаться. Вы так подходите друг другу. Видит Бог, как я счастлива с моим добрым Людвигом. Но когда я вижу в ваших глазах целый океан переполняющей вас любви, я не ревную, а лишь говорю себе: «Пусть Господь окажет им свое предпочтение!*

Алике порывисто обняла сестру. Николай застал их в объятиях.

— Мое маленькое Солнышко, просто расцвела, благодаря вам, Виктория. Я вас за это еще больше люблю. Сейчас я с ужасом думаю, как отразится на нас наше императорское положение. Вдалеке от всех чопорных официальных церемонная чувствую себя гораздо лучше. Боже, как мне повезло, что меня так любит Алике...

— Николай! — воскликнула Алике, протягивая к нему руки. — Давай останемся здесь! Забудем обо всем на свете. Скажем всем, что речной бог превратил нас в плакучие ивы. А Людвиг с Викторией нас где-нибудь спрячут...

— Всегда готовы, дети мои. Но прежде поженитесь. В домашней жизни англичане ужасно стыдливы...

— И мы тоже, Виктория, — ответила Алике, — не находишь?

Все рассмеялись, в глазах всех пробежали лукавые искорки. Принц Людвиг, вернувшись с охоты, предложил устроить на следующий день пикник.

Все тут же принялись строить планы. Принц осведомился, не сможет ли он взять с собой своих любимых собак. Все поедут верхом. За ни ми будет следовать карета со слугами, с провизией...

Алике радовалась, словно ребенок. Николай не сводил с нее влюбленных глаз.

Страстная его любовь во время этих счастливых деньков только сильнее разгоралась. Невеста занимала все его мысли. Она не выходила у него из головы только потому, что она есть, существует — никаких больше причин.

Он решил довериться ей, рассказать о своей личной жизни. Он передал ей свой дневник. Так у нее откроется прямой доступ к его душе, откроется без всяких его слов, его жестов. К чему они?

Но Ал икс еще очень плохо знала русский. Часто на страницах этой исповеди она оставляла какие-то бессвязные замечания. Некоторыебиографы, которым удалось держать в руках этот документ непорочной любви, отмечали эти замечания,

свидетельствовавшие о странностях характера молодой девушки.

Нельзя забывать, что Алике была по отцу немкой и отличалась повышенным романтизмом, религиозной сентиментальностью, а налет наивности придавал ей пикантность, словно аромат, исходивший от стихов Гёте и Генриха Гейне.

Так, на одной страничке она оставила такие стихи:

Пусть вас сопутствует покой,
А любовь пусть вас ласкает,
Позвольте передать привет вам свой,
В словах «Господь вас не забывает!»

На другой странице читаем стихи Виктора Гюго:

Люблю я ночью, погрузившись в думу,
Глядеть на моря глубину,
Где Луна в своей затее,
Купает в ней — свой серебристый веер.

На еще одной странице написано по-немецки: «Es gibt Tage und Momente, die Strahlen werfen, konnen uber Jahre...»

Затем по-французски: «Разве сможем мы когда-нибудь забыть эти славные деньки, мой хороший, мой добрый человечек!»

Под этой фразой она нарисовала сердечко, и добавила: «Ты, ты, ты...»

И вот еще такие фразы, свидетельствующие о ее чисто женской, мистической взволнованности:

♦Сегодня ночью мне приснилось, что я любима. Проснувшись, я убедилась, что это так и есть. Я, опустившись на колени, благодарила за это Бога. Настоящая любовь — это дар Божий, который с каждым днем делает нас все более глубокими, все более совершенными, все более чистыми».

Когда читаешь эти странички дневника, то лучше понимаешь историю этой юношеской любви двух чистых созданий, которая с годами будет становиться все возвышеннее. Такую любовь можно сравнить с любовью Дафни и Хлои, Павла и Виргинии. Невольно любой может расчувствоваться, пожелать этой избранной паре молодых людей самого большого счастья и необычной нежности друг к другу.

Но при этом нельзя забывать об окружении, о человеческих слабостях, о роли благородного происхождения. Он — сын самого великого императора того времени, она — юная принцесса,

благополучие семьи которой так зависит от всех коронованных особ в Европе...

Менее чем через неделю после их приезда к чете Баттенбергов присланная туда телеграмма вернула возлюбленных к жестокой реальности. Ее величество, английская королева теряла терпение. Из своего Виндзорского замка она учтиво, но со всей своей властностью требовала к себе Алике с Николаем.

Алике, конечно, не страшилась встречи с бабушкой. Она знала, на какую беспримерную нежность к ней способна старая королева. Николай, правда, нахмурился:

— Но ведь там у нас не будет такой свободы, как здесь!

Виктория Баттенбергская без всякой злобы сделала свое

сдобренное иронией замечание:

— Николай, о какой свободе Вы говорите, если у Вас на голове царская корона? Обратитесь к Пану, к лесным шекспировским феям, пусть превратят вас в деревья в соседнем лесу, с туго переплетенными ветвями... и тогда вам уже нечего будет опасаться...Это была всего лишь порожденная романтикой шутка принцессы, но в ней было много правды.

Сборы были недолгими. Гости с грустью прощались с хозяевами.

— Приезжайте снова, как только сможете, — пожелал им принц на прощание.

VIII.

В Виндзорском дворце их ждала другая Виктория, английская королева.

Она нежно обнимала внучку, а Алике увлеченно рассказывала ей о том, как она счастлива.

— Вы, Грэни, даже представить себе не можете, какой замечательный у меня жених! Он сумел убедить меня, что очаровательные принцы существуют не только в сказках.

Королева только покачивала головой, выражая свое полное с ней согласие. Она все чаще подносила свой лорнет к старым глазам. Ей хотелось получше разглядеть свою красавицу, ее милое Солнышко, ее дорогую внучку...

— Скажи, а тебе не страшно становиться второй дамой в русской империи?

Алике не спешила с ответом. А чего ей бояться? Голова у нее, конечно, кружилась от такой неслыханной, резкой перемены в ее жизни, но ведь это вполне естественно, и она в этом никак не виновата! Прежде она относилась довольно небрежно, довольно легкомысленно ко всем добрым пожеланиям, которые выражали ей при английском дворе. Но теперь разве мало у нее оснований считать себя весьма важной личностью, которая может сделать немало добра для ее будущей страны, для возвышения ее славы?

— Нет, Грэни, мне ни чуточку не страшно! Я конечно знаю, что моей свекрови хотелось бы иметь другую невесту для своего сына... Но ведь она не одна такая. Все матери в этом одинаковы... Николай постарается, чтобы она была ко мне более справедливой в будущем... я же буду всегда почтительной с ней и наверняка добьюсь у нее отпущения грехов.

Кажется, Алике смело заглядывала далеко вперед.

Королева протянула ей портфель, битком набитый бумагами.

— Ты посмотри, сколько поздравительных телеграмм мы получили всего за несколько последних дней. Когда ты была маленькой, то для тебя мы вскрывали всю почту. Теперь ты это сделаешь сама и первой обо всем узнаешь. Его величество царь Александр III, твой будущий тесть, не забывает о твоем первом долге...

— Моем первом долге?

— Да, дорогая. Чем ближе ты подходишь к этому неудобному и своенравному сиденью, которое называется троном, тем больше ты должна отдавать себе отчет в том, что для нас, государей — важнее всего те обязательства, которые накладывают на нас наши могущественные родственники.

— И какой же у меня мой первый долг?

— Господь! Ему прежде нужно служить. Но так, как это делали в твоей новой семье на протяжении столетий Его почитания.

Твой будущий тесть попросил меня принять здесь, в нашем родовом замке, отца Яничева, личного исповедника государя.

Он находится здесь с позавчерашнего дня, и я ему сказала, что он первым после меня будет разговаривать с тобой. Кажется, он — человек большой доброты, о чем я больше сужу по его физиономии, чем по его словам, ибо он, этот славянин, говорит по-английски ничуть не лучше, чем я по-русски!

Королева улыбалась, глядя прямо в глаза молодой девушке. Она чувствовала, с каким стеснением та принимала эту весть, это было сразу заметно по ее неуверенным жестам, по ее внутреннему колебанию.

— Нужно уступить желанию твоих родственников поли- нии жениха, приступить к своему религиозному обучению, и оно, это обучение, начнется, не мешкая, с завтрашнего дня. К тому же я полагаюсь в этом на помощь твоего очаровательного Николая...Лучше его никто не приобщит тебя к православию...

Через открытые окна комнаты до них донеслась бравурная музыка военного оркестра.

Королева встала со своего места.

— Ну~ка, дай мне руку, Алике, я хочу вместе с вами полюбоваться этим чарующим меня спектаклем. Я пригласила тысячу кадетов из морской академии в Гринвиче, чтобы они здесь перед нами выполнили под музыку гимнастические упражнения в честь твоего жениха. Я знаю, ему нравится армия, парад, строевые занятия. Я и приготовила ему несколько таких сюрпризов. Завтра он примет парад у шести рот королевских гвардейцев. У него будет очень насыщенная программа пребывания у меня. Думаю, что он будет просто счастлив вместе с нами проводить время.

Николай, конечно, был уже счастлив только от того, что каждое мгновение видел перед собой свою Алике, но он не забывал и о той дружбе, которая завязалась у них в прошлом году с его двоюродным братом, Джорджем (будущим королем Георгом V), герцогом Йоркским, который в 1893 году женился на принцессе Марии Текской.

Николай с Джорджем были поразительно похожи друг на друга. Порой их путали даже члены семьи. Он, правда, был чуть меньше ростом, более щуплым, чем Николай, и у внука английской королевы было ужасно худое лицо. Но прически у них были абсолютно одинаковые. У каждого волосы разделял прямой пробор, а свою мужественность оба они подчеркивали маленькой

бородкой на манер Ван Дейка.

В Олдентоне, в огромном британском военном лагере, все они — принц Эдуард с принцессой Уэльской, Николай, Алике, все Йорки, и множество других кузенов и кузин наблюдали при свете факелов церемонию вечернего спуска флага и с удовольствием слушали выступления английского, шотландского и валийского хоров.

Николай был просто очарован воздаваемыми им повсюду почестями. Королева наградила его орденом Подвязки. В Букингемском дворце был устроен бал в честь жениха и невесты. Николай самозабвенно на нем отплясывал, и, чтобы польстить матери, написал ей:

— На этом балу не было ни одной женщины, которая могла бы с вами посоперничать!

Алике встретилась с отцом Яничевым, но без особого восторга. Она все же заставила себя совладать со своими чувствами и пришла, почтительная и покорная, чтобы послушать, что скажет ей святой отец. Ни тот, ни другой не скрывали добродушного лукавства, когда старались уладить некоторые разногласия по принципиальным религиозным вопросам на чужих для них языках, на которых они выражались.

Тем временем молодая девушка делала определенные успехи. В утренние часы в тени вековых каштанов Виндзорского парка Николай встречался со своей терпеливой, горячо любимой ученицей. Она была такой прилежной, просто удивительно. Отец Яничев то и дело хвалил Николая за сделанный им выбор, где еще найти такую внимательную невесту; будущую супругу! Надо поискать! А как эта музыка похвал была приятна для ушей некогда такой молчаливой принцессы Гессенской! Как она разительно изменилась с той поры, когда вела скучное, однообразное существование!

Однажды утром, когда Николай направлялся в личный салон своей невесты, чтобы поздравить ее с наступлением нового дня, впереди него в комнату вошла миссис Орчард. В руках она несла деревянную шкатулку из розового дерева, отделанную золотыми полосками.

Заинтригованная этой вещицей в руках гувернантки, Алике с нетерпением ожидала прихода ее дорогого жениха, чтобы он лично открыл эту шкатулку, на крышке которой золотыми буквами было выгравировано ее имя.

Николай уселся напротив нее, и они вместе стали разглядывать содержимое столь дорогого подарка.

— Дорогая, — стал объяснять Николай, — это драгоценности для Вас, они принесут Вам счастье. Эти драгоценности по случаю

нашего обручения отныне, с сегодняшнего дня, принадлежат Вам. Насколько мне известно, ни у одной из цариц еще не было таких прекрасных украшений.

Вытаскивая их из ларца Алике искренне восхищалась их красотой и изяществом, — какие дорогие украшения дарил ей Николай. Она растеряно смотрела на него, а зрачки ее бирюзовых глаз расширялись от удивления.

Все эти маленькие шедевры, сиявшие перед глазами молодых людей, создал придворный ювелир, француз, по имени Карл Фаберже, который жил в России.

Кольцо с розовым жемчугом, ожерелье из таких же камней, браслет в виде цепочки, украшенный большим изумрудом, брошка, усыпанная сапфирами и бриллиантами. С самого дна ларца Алике извлекла самое великолепное, самое престижное украшение — длинное с перевязью колье из жемчугов, которое одно стоило двести пятьдесят тысяч рублей!

Весь английский двор умолял отца Яничева прийти, чтобы полюбоваться этим сокровищем, уникальным в мире собранием драгоценностей. Он подтвердил своей императорской ученице, что еще никогда в истории дома Романовых никому не преподносили таких дорогих украшений. А ювелир Фаберже, который снискал себе мировую известность после только этого одного заказа, тут же стал самым модным золотых дел мастером! Все княгини теперь хотели непременно посетить его лавку, этот настоящий храм золотых европейских украшений, который был расположен на Большой Морской, такой широкой и элегантной улице в Санкт-Петербурге, как и знаменитый Невский проспект!

Перед таким великолепным набором драгоценных сокровищ королева Виктория только молча, чуть улыбаясь, качала головой. Взяв Алике за подбородок, она прошептала ей:

— Только не стоит тщеславиться, моя красавица!

Она, конечно, ни на секунду не сомневалась в характере Алике, в ее простоте, в ее глубокой любви к Николаю.

Алике, конечно, была поражена, восхищена, таким нежным знаком внимания к ней, несравненной красотой этих драгоценных украшений, не виданных еще на Западе, но в этом подарке она не искала удовлетворения своей женской гордыни, как мог бы написать недобросовестный, злобный свидетель!

Для проявления ее большой любви к Николаю, достаточно было бы и скромного золотого колечка или простого букета цветов, если только при этом оба они оставались искренними.

Эти драгоценности вместе с ларцом еще несколько дней были выставлены на всеобщее обозрение, и на них скорее не с радостью, а с завистью поглядывали многочисленные принцессы

и придворные дамы. Не обошлось» конечно, без злобных замечаний, язвительной критики даже со стороны членов английской королевской семьи, и в адрес Солнышка раздавались весьма недоброжелательные слова, — еще бы, эта девчонка вдруг стала владелицей самых дорогих, самых изысканных украшений во всей Европе!

* * *

Многие кузены и кузины, дяди и тети Алике, оставшиеся в Германии, однако, не скрывали своего скептического отношения по поводу тех успехов, которые все предсказывали молодой немецкой принцессе в России. Среди них особой суровостью отличалась императрица Фредерика, эта, несомненно, одна из самых умных женщин Европы, и она совсем не разделяла в этом отношении мнения королевы Виктории. Она уверяла, что кому же, как не ей, лучше знать характер своей племянницы. Она обвиняла ее в узости мышления и в старомодных взглядах на политику!

Можно, правда, было бы спросить у этой самоуверенной государыни — откуда у нее столько информации? Алике была с ней малознакома, а ее поездки в Германию отличались краткосрочностью.

— Вот увидите, она будет выражать совершенно другие идеи, абсолютно противоположные распространенному о ней мнении. Она — человек властный, поверьте мне. Она всегда будет действовать, принимая решение сама, и не уступит никому даже малой толики власти, которой, как она полагает, ее наделят. У моей племянницы слишком преувеличенное мнение о себе самой, о своем уме и своих достоинствах...

Нужно заметить, что императрица Фредерика была единственным человеком, которая проявляла столько враждебности по отношению к невесте, о которой говорили во всем мире.

Будущий ее народ видел над головой молодой принцессы сияющий нимб. Все в интеллектуальных кругах Санкт- Петербурга выражали к ней только свои симпатии. Те русские люди, которые в это время находились проездом в Лондоне, говорили послу, что они будут только рады, если их представят той, которая в один прекрасный день станет их государыней. Но эти же люди, добившись своего, тут же начинали жаловаться на холодность оказанного им приема, подчеркивали, что принцесса не сказала им ни одного ласкового слова.

Разумеется, робость Алике не способствовала завоеванию ею

требовательных светских дам, которые смотрели на нее скорее как на любопытное животное. Они сразу решили, что ей не хватает привычной любезности, и не без удовольствия злословили о ней.

В это время в русских кругах уже распространялись тревожные слухи об ухудшающемся состоянии здоровья Александра III. В Санкт-Петербурге, как и в Москве, наблюдалась заметная тенденция либерального толка. Всемогущий обер-прокурор Святейшего синода К. Победоносцев снискал ненависть всех интеллектуалов империи. Все повсюду говорили о свободе совести, об уважении прав всех граждан империи, а Победоносцев упрямо выступал против всех передовых идей и постоянно укреплял свою личную власть над царем, и это уже не могло не вызывать всеобщего осуждения.

Народы, населяющие нашу планету, во всех ее частях, остаются такими, какие они есть, и имперская традиция требовала от Алике изменить свою веру, если она хотела выйти замуж за наследника престола. Сердце ее разрывалось, когда она приносила такую великую, на ее взгляд, жертву. Отцу Яничеву пришлось прибегнуть к своей обходительности, к дипломатической тонкости, чтобы она преодолела свои последние душевные терзания. Когда летом в Виндзоре стало известно, что невеста, наконец, уступила желанию своего претендента на ее руку и намерена поменять религию, она стала подвергаться резкой критике со стороны русского общества.

Все сторонники установленного Победоносцевым сурового политического режима в глубинˆ души надеялись, что она на это не пойдет, и посему считали ее высшим существом. Ее согласие принять православие было повсюду встречено с живым разочарованием. В царском окружении об этом старались сильно не распространяться, но когда все стало ясно, то повсюду — в аристократических салонах, в высших учебных заведениях, в «элитарных» университетских кругах — вдруг начался откат назад: на самом ли деле молодая принцесса Гессенская является той сказочной птицей- феникс, которой ее представляли?

Само собой, императрица Мария Федоровна, несмотря на свои умильные депеши, дорогостоящие подарки, громко заявляла всем* кто хотел ее слушать, что ей не нравится этот брак. Она без всякого стыда утверждала, что у такой супруги, как Алике, нет необходимых качеств, чтобы даже вступить на нижнюю ступеньку трона. Сестры Николая, великие княгини, тоже не скрывали своей враждебности. Беспричинная ревность — а у какой ревности есть причина? — заставляла злонамеренных людей критиковать еще до приезда в страну ту, которая заставила себя отказаться от

самых сокровенных убеждений, только ради того, чтобы им понравиться!

В июне 1894 года Николай был все еще ослеплен своей мечтой. То, что не бы по любовью к его любимой невесте, он безоговорочно отвергал. Можно было бы подумать, что молодые люди отведали «фильтра любви», иначе как поверить тому, что происходило у всех на глазах?

Николай решил рассказать своей невесте о своей прежней жизни. Он не позволил ей самой наткнуться на интимные записи в его дневнике, посвященные его взаимоотношениям с Кшесинской, напротив, он взял на себя инициативу и рассказал ей все, подробно, об этом своем любовном опьянении.

Она спокойно, с серьезным видом, выслушала его, не сделав ему ни единственного упрека, и два дня спустя написала ему:

— Все мои мысли по-прежнему только с Вами, Моя любовь к Вам усиливается с каждым днем. Те, кто еще друг друга не любили, теперь любят, а те, кто всегда любили друг друга, любят еще сильней».

А ниже, тоже на французском, на большом листе: «Всегда хранить верность, всегда ждать... всегда любить, открывать объятия и протягивать руки. Я хочу написать только одно слово на этой чистой странице — счастье! счастье! Никогда не забывайте Вашу искреннюю, Вашу маленькую девочку, которая Вас так глубоко любит. Мой малыш, никогда не меняйтесь, доверяйте Вашей маленькой дорогуше, которая так глубоко, так всепоглощающе вас любит, что и высказать нельзя. Словами нельзя выразить Вам мою любовь, они бессильны, мое восхищение Вами, мое уважение к Вам. Нужно спокойно смотреть на то, что осталось позади нас. Мы все подвергаемся искушениям в этом мире, когда мы молоды и не можем бороться с соблазнами, ограждать себя от них. Но ведь мы потом раскаиваемся, выходим на верную дорогу, а Бог прощает нам грехи наши. Простите меня, Ники, за мою любовь, я слишком много Вам написала, но мне так хочется, чтобы Вы не разуверились в моей любви к Вам, и знали, что я Вас еще больше люблю за то, что вы рассказали мне эту маленькую историю; Ваше доверие ко мне меня так глубоко затрагивает, и мне остается лишь усердно молиться Богу, чтобы я оказалась достойна Вашего доверия. Да благословит Вас Бог, мой возлюбленный Ники...»

Двое возлюбленных, жених и невеста, она с ее девственно-чистой любовью к нему, к которому ее сердце впервые забилось еще любовью юной, и он, очищенный своей искренней, без утайки, исповедью, эти два соучастника, приобщенные к космической силе Господа, продолжающего свое Творение,

обретающие надежду, считали, вероятно, такую любовь чудом, если еще до них, поэты брали в руки свою лютню, чтобы на протяжении веков воспевать такую все торжествующую любовь, как у них!

В этот день, 23 июня 1894 года, когда оба возлюбленных искали уединения в лесных пристанищах Виндзорского парка, произошло одно не менее счастливое событие, ко- торое вывело их за пределы очерченного ими для себя магического интимного круга: герцог Йоркский чуть не обезумев от радости, сообщил королеве Виктории, что его жена, принцесса Мэй, успешно разрешилась от бремени. Правнук великой королевы появился на свет в десять часов утра.

Принц Уэльский, будущий король Георг V, записал в своем дневнике:

«Мой малышка, крохотный мальчик, весит восемь фунтов, и мистер Аскит, министр внутренних дел, явился к нам немедленно, чтобы его поприветствовать!»

Этот день начался с большой радости для Виндзора, становящегося истинным семейным раем. Будущий король Эдуард VII выберет в качестве крестных новорожденного, будущего короля Эдуарда VIII, императорских обрученных. Этот ребенок, когда станет королем, будет править очень недолго и отречется от престола из-за любви к прекрасной Уоллис Симпсон.

При церемонии крещения Николай заметил, что вместо погружения маленького принца в купель, архиепископ лишь окропил водой ему головку.

В разгар торжеств, под густой сенью массивных рододендронов в парке, где вечером был устроен пышный обед, а Николай впервые надел элегантный сюртук с красным воротником, в замке была получена потрясающая весть: вся Франция оделась в траур — только что в Лионе было совершено покушение на президента страны Сади Карно!Английскую королеву сильно взволновала эта новость. Она приказала немедленно отправить во Францию свои соболезнования. На церемонию похорон отправится принц Уэльский. Она не хотела отменять званый семейный обед, потому что им отмечалось не только рождение маленького принца Эдуарда, ее правнука, но и помолвка Алике с наследником русского престола. Она с такими словами обратилась к своим почетным гостям:

— Господин Карно стал жертвой своего долга. Сегодня покушения совершаются не только на жизнь государей, но и на мужественных руководителей, которым приходится управлять еще более безответственными детьми, чем мои — своим народом. Ну, а пока рассаживайтесь за столом и будем думать только о

жизни!

* * *

На самом деле, в этот памятный день, когда в королевской семье Англии отмечался день рождения наследника, а вместе с ним императорская помолвка, и все торжество было омрачено диким убийством президента Французской Республики, всем хотелось жить, и не думать о смерти.

Атем временем Александр III медленно умирал. Цесаревича срочно вызвали в Россию. Государь с трудом приходил в себя после тяжелой простуды. Но в его окружении к недомоганиям царя все относились довольно беспечно. Александр III, этот могучий, крепко сбитый мужчина, довольно еще нестарый, живой и властный, порождал у многих обманчивые иллюзии. Но болезни его преследовали и с каждым днем грозили ему новыми осложнениями. Царь, которому из-за его богатырского телосложения, предрекали долгую жизнь, стал заметно сдавать всего за несколько дней. Это не могло не беспокоить его окружение, да и всю его обширную империю. Но за этой тревогой скрывалась и еще одна. Был ли в достаточной степени цесаревич готов к царствованию, ведь такая возможность постоянно откладывалась на далекое будущее. Александр III, куда более деспотичный правитель по сравнению с Николаем I и Александром II, постоянно удерживал на большой дистанции от власти наследника, великого князя. Как же в таких условиях будущему императору готовить себя к столь громадной ответственности, которая выпадала на его плечи? Царь проявлял в этом плане свою беспечность, считая, что до смерти ему еще далеко, и даже не назначил никого для принятия важных решений в случае, если вдруг обнаружится вакантность трона... Когда Николай вернулся домой, то ему сообщили, от чего страдает его отец: от избытка белка в моче и сердечной недостаточности. Ноги у него сильно отекали, и он был вынужден отказаться от обуви. Он настолько ослаб, что иногда засыпал, сидя за столом. После официальной поездки в Польшу и отдыха в Спале, в своем охотничьем домике, состояние его здоровья ухудшилось, и медики посоветовали ему сменить климат, на более теплый и сухой. Тогда было решение, что Александр Ш уедет в Крым вместе с императрицей, и они на самом деле 6 октября 1894 года приехали в Ливадию. Мария Федоровна, обеспокоенная столь быстрым угасанием супруга выписала из-за границы известного специалис- та-кардиолога. Он, осмотрев царя, только печально покачал головой.

Нужно было его окончательно освободить от всякой работы, изменить постоянный, привычный образ жизни, и тогда было решено, что больного отправят для лечения на остров Корфу. Там климат, конечно, лучше, чем в Крыму.

Министр императорского двора граф Бенкендорф, прибыв на греческий остров, выразил свое опасение в связи с тем, что больному императору сюда, на остров, скорее всего не добраться.

Этот высокопоставленный вельможа рассуждал вполне здраво. 16 октября было решено, что император никуда из Ливадии не поедет. Великий князь, наследник престола, собирался в Дармштадт к своей невесте, которая жила во дворце одна, ухаживала за больным отцом. Полный тревожных предчувствий, Николай попросил Алике приехать в Ливадию как можно скорее.

В эти тяжелые, скорбные дни великий князь Владимир Александрович, дядя цесаревича, начал обучать молодого наследника основополагающим принципам его будущего правления.

Медики в один голос заявляли, что царя уже не спасти, и так как никакой надежды больше нет, то нужно заниматься сейчас самым главным, — осуществить переход царской власти от отца к сыну.

Каждый день в Ливадию со всех сторон приезжали члены императорской семьи. Каждые сутки окружение царя замечало, что ему становилось все хуже и хуже.

«Кто же будет новым монархом?» — повсюду слышался такой вопрос. Чтобы управлять такой большой страной, как Россия, нужно обладать большим умом, твердой волей, нужно уметь обращаться с высшей властью. У Александра Ш было полно энергии, это правда, но сын его был человеком робким и боязливым. В свои двадцать шесть, он ничего толком не знал о жизни и всегда находился в тени отца. Довольно оптимистические слухи проникали в народную среду. Многие говорили, что будущая императрица способна оказывать благоприятное влияние на своего молодого мужа, потому что она обладает необходимым мужеством, прямодушием и поможет своими советами ему уберечься от придворных интриг, которые уже начинали завязываться вокруг цесаревича... Алике очень быстро прибыла из Дармштадта, взволнованная срочным вызовом в Крым своего жениха, но теперь, на месте, она задавала себе кучу ужасных вопросов. Как же ей утвердиться в такой громадной стране, которую она так плохо знала? Каким образом ей добиться доверия со стороны будущей своей свекрови, которая всегда проявляла к ней свою глухую враждебность?

Она хотела во всем теперь действовать, лишь полагаясь на свою любовь к жениху, и с энергией, унаследованной от своей матери...В Берлине ее поезд совершил остановку, на вокзал встречать ее приехал кайзер и целый час там беседовал с ней.

— Дорогая моя кузина, — говорил он ей, — являясь главой протестантской церкви я не могу одобрить твое го перехода в православие. Теперь, когда тебе предстоит взойти на русской трон, подумай о том, что полезного ты сможешь сделать для Германии.

Нужно сказать, что Алике ничего не отвечала, ничего не обещала, и ее ледяное молчание, прерывавшееся короткими, ничего не значащими фразами, только сильнее раздражало Вильгельма II.

Так они и расстались в чопорной, не отличающейся сердечностью, натянутой обстановке. Алике продолжала второй этап своего путешествия только в сопровождении одной единственной фрейлины. На русской границе ее встречала сестра, великая княгиня Елизавета, которая, проявив любезность, прибыла на встречу с ней во главе отряда почетной гвардии и нескольких высших чиновников, преподнесших ей букеты цветов и адресовавших ей несколько льстивых слов.

В Ливадии, на крыльце дворца, ей был оказан торжественный прием. Вся царская семья в полном составе, национальная гвардия оказывала ей почести, развивались военные знамена, гремела музыка.

Чинопочитание этих тщеславцев, способных причинить обиду даже самому лучшему из людей, исполняющих свою сокровенную миссию, заставляло робеть молодую путешественницу, и в результате она вдруг почувствовала себя такой одинокой в чужой стране, где никто, ни один человек не смог бы разделить с ней дорогие ей воспоминания о ее детстве. Ее будущий муж, выражая свою сыновью скорбь по отцу, отягощенный своим новым высоким положением, испытывая тревожную неуверенность из-за блеска своей будущей короны у него на голове, не смог в этот важный момент окружить ее должной заботой, создать вокруг нее такую обстановку, которую требовало ее одиночество.

Через пять дней после своего приезда она записала в дневнике цесаревича такие многозначительные слова:

«Дорогое дитя мое, молитесь Богу, чтобы Он укрепил Вас. Не позволяйте ломать себя. Ваше Солнышко молится за Вас и за дорогого всем нам больного. Я Вас так нежно люблю, дорогой мой! Будьте более энергичны, не отходите от доктора Лейдена, пусть он всегда первым обо всем информирует Вас. Не забывайте об этом: очень скоро Вы будете Первым, ведь Вы — сын царя. Не

допускайте, чтобы хоть на мгновение вокруг вас забывали, кто Вы такой, что Вы стоите на пороге царствования, Любовь моя, простите меня за то, что я говорю Вам все это, но я делаю это только потому, что люблю Вас».

В четверг, 20 октября, Александр III умер.

Через час после его смерти Николай запишет в своем дневнике: «Голова кружится. Господь призвал к Себе нашего горячо любимого папу. Помоги же нам, Господи, в эти ужасные дни. Вечером, в половине десятого, все мы молились в той комнате, в которой он испустил последний дух. Я чувствую себя так, словно я тоже умер».

На следующий день, в 10 часов утра, во время богослужения в церкви Алике была обращена в православие. Они все вместе — Мария Федоровна, Алике, ее сестра Элла, Николай причастились Святых Тайн. Николай официально стал русским императором.

Понимал ли он в эти торжественные часы, что он уже больше не влюбленный молодой человек со своей собственной судьбой, но и хранитель судеб всего своего народа.

Его запись в дневнике, датированная этим днем, ничего не сообщает нам о его заботе. Ни слова беспокойства по поводу своего нового высокого положения, ни тени сомнения по поводу своей способности исполнять новые обязанности!

Николай оставался все таким же влюбленным, таким же вздыхателем, опьяненным своей страстью к Алике! Он только и думал о своей будущей жене. Кого же мы видим теперь перед собой? Государя, который вот-вот взойдет по ступеням на трон, или же все того же нежного, безумно влюбленного ребенка?

Его невысокий рост еще больше выдает в нем юношу, мало пригодного к управлению великим народом.

Он написал в своем дневнике 21 октября: «Провел весь день с Алике, отвечая на телеграммы. Погода испортилась, и на море разыгрался шторм».

Алике молилась, стоя на коленях, в комнате, в которой ярко горели свечи. В отличие от Николая, его реакции на происходящее, она только и размышляла о своем новом положении, об императорской короне, которая очень скоро ей водрузят на голову, и она находила утешение в такой вот мысли: моя любовь к Николаю, наша взаимная любовь, но теперь она — будущее России!

IX.

Когда пушки военных кораблей, стоявших на якоре в Ялтинском порту, производили последний залп по усопшему монарху, на лужайке перед Ливадийским дворцом был установлен алтарь, а отец Янииев, в золотом облачении, подошел к Николаю и торжественно совершил принятие присяги у Его императорского величества, царя Николая II.

Алике из окон своих апартаментов следила за торжественной церемонией. Страх придавал ее печальному выражению налет священнодействия. Лошади в черных попонах, тащившие катафалк, подхалимская угодливость важных вельмож, вежливое, почти безразличное отношение царской семьи, которая становилась сейчас и ее семьей, склонившей голову перед прахом Александра III, производили должное впечатление на молодую принцессу. Ее жених уже не был очаровательным принцем. Он вдруг стал императором, от- цом-батюшкой страны со ста восьмидесятые миллионами обитателей, которые были готовы теперь упасть перед ним на колени, растянуться ниц, чтобы выразить ему свое повиновение.

Могла ли она помочь ему, помочь ему своей пылкой любовью к нему, призывавшей ее к действиям? Столь стремительное превращение из неизвестной маленькой немецкой аристократки в великую княгиню, а потом и в императрицу, вызывало у нее головокружение.

Множество свидетелей, которые близко подходили к ней, обвиняли ее только в холодности, в безразличии! Но почему никто из них не думал, что вот эта погребальная помпа, которой оказывали почести усопшему императору, не могла не произвести на нее сильного впечатления?

Сколько же пустоты, тшеты во всех этих церемониях! Она, несомненно, предпочла бы всем этим бездушным, заученным, как у автоматов, поклонам, свое одиночество, как и всем этим придворным, которые теперь утрачивали перед ней дар речи. Убранные в погребальный черный наряд парк и J1 ивадийский дворец заставляли ее нисколько не доверять всем этим людям, которые подходили к ней, чтобы сделать дежурный, требуемый этикетом книксен. Давным-давно представление о смерти занимало слишком значительное место в ее детских размышлениях, и оно заставляло требовать стыдливого, почтительного к себе отношения. А тут она приходила в ужас от всех этих кривляний, от повседневных привычных жестов, будто труп, который всех их здесь сейчас собрал, был не трупом

человека, а какого-то животного; она в эту минуту испытывала определенное величие, благодаря своему новому высокому рангу, но и тщету всех этих обязанностей, которые не воспринимало ее сердце.

Принесенная совсем недавно ею жертва, смена религии, нисколько не усиливали ее религиозного усердия в отношении Господа, которому она не переставала молиться.

Она не могла проявлять такое отношение, произносить такие фразы, которые диктовались лишь какими-то обстоятельствами. Если такое можно было рассматривать как изъян, то от него, этого недостатка, совсем не страдали все эти люди, и она, обращаясь к молитве, просила Господа покончить с пресным безразличием всех этих персонажей, которые безликой чередой проходили перед ней.

Мария Федоровна в своих траурных просторных одеждах не оставляла ее ни на минуту вне своего поля зрения. Она следила и за поведением сына, и еще более требовательным, более властным тоном говорила своим своякам:

— Нужно немедленно переходить к брачной церемонии...

Эта неисправимая кокетка, давая такие рекомендации родственникам, явно рассчитывала лишить желанного блеска обряд бракосочетания своего сына, принизить, слишком не выпячивать свою невестку.

Однако, четверо братьев Александра III были против этого, против бракосочетания, проведенного здесь, в Ливадии, в узком кругу. Они единодушно выразили свое мнение, что бракосочетание их племянника неожиданно ставшего императором, —■ общенациональное, важное событие, и привилегия отмечать его должна быть предоставлена столице.

Николай записывал в своем дневнике:

«Дорогого папу в гробу перенесли в большую церковь... Г роб казаки несли на руках. Все вернулись в опустевший дом морально разбитыми. Тяжелое испытание послал нам всем Господь».

...Обитый фиолетовым шелком гроб с телом Александра III был перевезен из Ливадии в Севастополь, где его уже ждал траурный поезд, чтобы везти его дальше в Санкт-Петербург.

И днем, и ночью поезд неспешно катил на север через украинские равнины; толпы крестьян стояли вдоль железной дороги, чтобы проводить усопшего царя в последний путь. Алике трогала их верность правителю. Она теперь мысленно укреплялась в своей миссии: сделать своего мужа хорошим государем для своего народа.

В больших городах, таких как Харьков, Курск, Орел и Тула, поезд останавливался, и там жители всех этих губерний

приходили, чтобы принять участия в панихидах, устраиваемых прямо на вокзалах в присутствии городской знати и чиновников.

В Москве гроб установили на катафалк представители военной и религиозной власти и привезли его в Кремль.

Все увереннее наступала осень и низкие ноябрьские тучи неслись по серому небу; острые, как иголки, ледышки снега больно вонзались в лица москвичей, заполонивших все улицы, чтобы проститься с царем. Алике мысленно оставалась со всеми этими незнакомыми ей людьми, будущими подданными ее мужа, которые демонстрировали такую сильную любовь к новому монарху, что ей было очень, конечно* приятно.

По пути в Кремль траурная процессия останавливалась, чтобы отслужить литургию на папертях десяти самых больших в Москве церквей. Церковное пение убаюкивало Алике, и она чувствовала себя гораздо лучше в своем одиночестве. Никто не заставлял ее открывать рта, чтобы произносить те же банальные пустяки, на которые было так гораздо все окружение Николая.

В* Кремле всю ночь проходила траурная панихида с молитвами, прихожане оказывали усопшему монарху свои последние почести.

".^Наконец императорский поезд прибыл в Санкт-Петер- 0ур1Г"Красные с золотым придворные кареты, обитые чер- ндам крепом, ожидали своих пассажиров. Четыре долгих часа Кортеж медленно продвигался через весь город к собору Петропавловской крепости, где находится усыпальница рус- ских царей дома Романовых.

- Грязный, серый день, больше похожий на ночь, едва освещал городские улицы, покрытые черноватым талым снегом.

Жених посоветовал Алике стараться не прятаться от взглядов толпы в своей карете, которая следовала за каретами всей семьи.

^ Над украшенным трауром городом висела тяжелая, гнетущая тишина. По приказу Николая все окна в домах по Невскому проспекту были закрыты, а многочисленные фонарные столбы, завернутые в траурный креп, придавали этому медленно идущему кортежу какой-то особый печальный Шау как будто какие-то высокие призраки склонились над головами скорбящих людей... Алике, повинуясь требованию мужа, сидела у окна кареты. Люди в молчавшей толпе старались увидеть свою новую императрицу. Всем так хотелось получше ее разглядеть, увидеть ее лицо. На одном из перекрестков стояла толпа старух, и когда ее карета проезжала мимо, все они стали креститься, а одна, качая головой, про- Ш№тала; «Вот, посмотрите на нее! Привезла нам гроб с со-

Можно было, конечно, не придавать особого значения таким

замечаниям, но все равно они указывали на определенное бытующее мнение и не могли не сказываться на ее репутации.

От справедливости князей много не потребуешь, чего же требовать от простого народа?

С первых дней своего пребывания в России Александра Федоровна станет жертвой несправедливости, которая обычно идет рука об руку с людской глупостью.

Виновата ли она в том, что гроб с телом ее будущего тестя сейчас двигался по городу? Если подобные глупые замечания, отзвуки суеверия городской черни, говорили о недоверии народа к несчастной невесте, то для чего их с готовностью подхватывали члены императорской семьи? Вероятно, для того, чтобы понравиться вдовствующей императрице. И тут каждый старался превзойти другого.

Николая преследовали две навязчивые идеи, — его любовь к Алике, которая в эти хлопотные, ужасные дни, не могла выкроить ни минутки для интимного общения молодых людей, и страх перед царствованием, о котором он даже не осмеливался говорить своей невесте! Ну, кому же в таком случае доверять?

В этом заключалась одна из граней характера этого молодого человека, такого симпатичного и такого милого. У него не было товарища молодости, доверительного человека, своего «Пилада», который обязательно сопутствует Оресту на протяжении истории. Может, он испытывал особый вкус к одиночеству? Или чувствовал неловкость при попытке разделить с кем-то еще свои чувства, поделиться своими впечатлениями. В своей любовной страсти к Алике он оставался всегда ей абсолютно верным. Но была ли на самом деле его верность таковой? Не должна ли была и она, его возлюбленная, с максимальным тактом добиваться от него доверия, чтобы еще больше сблизиться с ним сейчас, когда он носил траур по отцу?

Более двух недель гроб с телом Александра III был выставлен для прощания. Каждый день прибывали все новые и новые делегации из губерний империи и из соседних стран. Всего — шестьдесят один представитель королевских семейств, каждый со своей свитой, собрались на этой скорбной неделе в мраморных дворцах Санкт-Петербурга. Настоящий парад императоров и коралей. На траурную церемонию приехали короли Дании, Греции, Сербии, принц Уэльский Эдуард со своим сыном Георгом, герцог Йоркский представлял королеву Викторию, Генрих Прусский — своего брата германского кайзера. Все они неизменно задавались одним и тем же вопросом, — каким будет новый русский монарх? Чтобы управлять Россией, нужен недюжзганый ум, крепкая воля. Усопший царь всегда отличался

бьющей через край энергией. Его сын с юношеской внешностью в свои двадцать шесть лет казался таким робким, испуганным...

Тысячи людей проходили мимо открытого фоба в тревожном молчании. Министры, высшие военачальники, командующие армией, флотом, представители имперской администрации, земледельческих и ремесленнических общин, —в общем весь народ в своей благоговейной отрешенности задавал себе один и тот же вопрос: «Каким будет новое царствование?» Николай довольно редко появлялся в апарта- ментах своей невесты за полчаса до чаепития. Алике встава- яа ему навстречу. Нежно и торжественно целовала в лоб.

— Столько принял сегодня делегаций, дорогая! Немного прогулялся по парку... От пожелтевших веток доносится запах снега... я его почувствовал...

, Она смотрела на него глазами, полными печали, а он продолжал:

?'•••'—Я, наверное, самый счастливый человек на земле! Мне принадлежит твое сердце... Ты — моя Алике. Что нам с тобой до других!

‘Он не закончил свою мысль. Она подошла к нему, лас- »мю провела рукой по его волосам.

- * Не поддавайся душевной боли, мой любимый.

■— Душевная боль не причиняет мне стольких страда- «ий...Ее удивили его слова, она опустилась в кресло рядом со столом, где лежала ее вышивка, и оттуда внимательно смотрела на него. Он продолжал:

— Смерть отца была слишком неожиданной, слишком жестокой. Я никогда и не представлял себе, что в один прекрасный день унаследую его самодержавную власть,.. Я поражен огромной тяжестью той ноши, которая свалилась на мои плечи.

— Не могу ли я тебе чем помочь?

Она спросила об этом просто так, без всякой задней мысли, о чем утверждают недобросовестные биографы. Она просто предложила свою помощь, ведь любая женщина всегда стремится помочь мужу.

— Иногда, — продолжал он, — мне не хочется даже думать о том, что я стал новым хозяином такой громадной империи. Иногда так хочется заплакать, разрыдаться, словно обиженный ребенок...

Растрогало ли ее такое его признание, была ли она разочарована таким его малодушием? •

Никто никогда не узнает, что творилось тогда в голове Алике, какие мысли обуревали ее. Но она явно не хотела поощрять

страхи мужа.

— Ники, впереди нас ждут великие дни. Я буду всегда рядом с тобою. Мужайся, мужайся, прежде всего, чтобы защитить нашу с тобой любовь...

— Зачем же ее защищать? — перебил он невесту.

— Неужели ты думаешь, что наша испытываемая друг к другу святая нежность, объединяющая нас до таинства бракосочетания, может понравиться «другим»?Я имею в виду, твою семью, сестер, моих родственников... Возьми на себя труд, погляди вокруг: окружающие нас супружеские пары больше объединяют общие интересы, личные мотивы, а не тот порыв, то влечение, которое позволяет нам соблюдать определенную дистанцию от них. Теперь всем следует признать, кто ты такой и кем должен стать, — царем! Отцом для многих народов, первым слугой Божиим в нашей религии. Так сохраняй и впредь во имя нашей близости способность

выражать сомнения, великую душевную чистоту, которую я в тебе так сильно люблю. Биения твоего сердца никто не должен слышать, пусть для них оно превратится в камень. Пусть никто не догадывается, что ты чего-то боишься, опасаешься.

Он ее внимательно слушал. Он знал, что она права, что она может быть его наставником и будет им, но где найти столько сил, чтобы постоянно быть неуязвимым, чтобы во всем полагаться только на свою совесть?

*.На повседневных богослужениях присутствовала разношерстная толпа, чтобы оказать последние почести усопшему Александру III.

В этот момент будущий английский король Георг V нависал своей жене Марии:

«Каждый день после завтрака мы должны быть на службе в церкви. После панихиды все мы подходили к открыто- мутробу и целовали Святую икону, которая вложена покой- ному в руки. Когда я склонялся над ним и видел очень близко его лицо перед собой, у меня от боли сжималось горло. >0н выглядел таким красивым, таким умиротворенным, хотя, конечно, и сильно изменился. Ведь прошло уже две недели». 4 Алике писала своей сестре Виктории Баттенбергской: «Как все же тяжело, — носить большой траур, оплакивать

мне человека, и в то же время думать о том, какое модное платье надеть для скорого венчания с царем. ˆПорой я спрашивала себя, — не станет ли моя свадьба лишь продолжением панихиды, с тем лишь различием, что там на мне будет белое подвенечное платье, а не черное».

©своем близком бракосочетании она не ошиблась. Большой

совет императорского дома постановил, что брачная церемония состоится 26 ноября, через восемь дней после похорон. Почему была выбрана именно такая дата? Министры очень заботились о состоянии вдовствующей императрицы Марии Федоровны, так как это был ее день рождения, * протокол по такому случаю предусматривал некоторое ослабление общенационального траура, что позволяло про- **сти бракосочетание нового царя.

Принцесса Радзивилл, о которой мы уже выше говорили, упрекала Алике в том, что та якобы не в полной мере разделяет печаль своей будущей свекрови. Какой незаслуженный упрек! Алике старалась быть как можно более незаметной, зная о весьма прохладном к ней отношении со стороны вдовы императора.

Алике по-прежнему боялась нападков этой восхваляемой всеми женщины, которая славилась своей непринужденностью, обаянием, своей утонченной женственностью и своей твердой властностью с блуждающей на губах улыбкой.

Она старалась все время держаться подальше от нее, в тени, ожидая священного обряда бракосочетания, что делало бы ее равной своему супругу, а оттесненные ею принцессы, придворные дамы наперебой объясняли такое поведение холодностью ее сердца и даже полным безразличием ко всему, что происходит во дворце.

Они даже шушукались о том, что якобы великая княгиня Елизавета со своим мужем, ее шурином, великим князем Сергеем Александровичем старались сохранить над ней свое исключительное влияние, чтобы тем самым еще больше отдалить Алике от царской семьи.

Принцесса Алике, которая всего несколько дней была великой княгиней Александрой Федоровной, — этот высокий титул она получила сразу после ее обращения в новую веру в православной церкви, — искала дружески расположенную к ней душу, чью-то симпатизирующую ей руку, которая могла бы направлять ее по извилистой дорожке, ведущей к трону.

Ей так хотелось бы получать добрые советы от своей свекрови. Она даже сделала несколько шагов навстречу ей ради этого. Даже не беседуя с ней, она понимала, что эта очаровательная вдова, окруженная верными подругами ее двора, была слишком поглощена собственными проблемами, чтобы удостаивать еще своим вниманием и ее, Александру.

Может, поэтому Аликс-Александра составляла себе предвзятое мнение об императорском окружении? К тому же она никогда не слыхала от этих вельмож ни одной самой малой похвалы в адрес ее жениха. А ведь им нужно было бы уже с ним считаться!

В конце концов она сама взбунтовалась против того безразличия, с которым к ней относились при дворе. Она поклялась себе, что ее любовь к Николаю укрепит его самодержавную власть. И вот, наступил этот долгожданный день, 26 ноября, которого так опасался Николай, с его нестойким, склонным к колебаниям, характером.

Торжества будут краткими, как и полагалось в такой период, когда вся страна погрузилась в траур в связи со смертью царя.

Дворцовый протокол предусматривал одно любопытное требование: двум императрицам — новой и прежней — предстояло в белых платьях вместе проехать по Невскому проспекту до Зимнего дворца.

С самого рассвета фрейлины, камеристки суетились возле будущей императрицы, всячески украшали ту, которая благодаря браку возвышалась до наивысшего ранга в Империи! В салон, примыкавший к ее комнате, принесли знаменитое «золотое зеркало», перед которым прихорашивалась каждая великая княгиня перед своей свадьбой на протяжении более трех веков. Допущенные к молодой брачующей- ся дамы из семьи Романовых обрядили Александру в тяжелое старинное парадное платье из серебряной парчи, прикрепили к плечам мантию со шлейфом из золотой ткани с подкладкой из горностая.

Какую же горечь, вероятно, испытывала Мария Федоровна, когда ей пришлось в соответствии с русским дворцовым обрядом, взять с красной подушечки сверкающую бриллиантами венчальную корону и собственными руками возло- жить ее на голову Александры!

Марии Федоровне в эту минуту казалось, — что, впрочем, и подтвердилось впоследствии, — что перед ней самозванка, которая лишала ее прерогатив ее высокого сана. Она прекрасно понимала, что только шумная враждебная кампания, развязанная против ее невестки, сможет умалить слишком опасное поклонение ей со стороны народа, и уже в первый день ее свадьбы она старалась усилить, насколько могла, антипатии к ней,..

Тем не менее они ехали в одной карете под любопытными взглядами тысячеликой толпы по этой торжественной, широкой улице, где несмотря на холодную погоду стали еще ночью собираться петербуржцы, чтобы поглазеть на проезд двух государынь.

Подъехав к Зимнему дворцу, обе женщины вышли, прошли через галереи в дворцовую церковь. Там их ждал Николай в форме гусара в сапогах. Такая свежая, такая воздушная, словно неземная, белокурая новая императрица держала в руке

зажженную свечу. В руке у молодого царя тоже горела свечка. Оба они подошли к митрополиту. Тот их сочетал таинством брака и благословил. Зазвонил колокол, первый весело звучавший колокол в этом скорбном тяжком перезвоне. Это означало, что отныне они становились перед Богом мужем и женой.

Герцог Йоркский Георг писал своей жене:

♦Думаю, что Ники очень повезло, что у него такая красивая и обаятельная жена, и я должен сказать, что никогда не видел двух молодыхлюдей, так любящих друг друга и более счастливых, нежели они. Я пожелал им обоим самого большого счастья, такого, какое выпало нам, — быть такими счастливыми, как мы с тобой. Надеюсь, ты со мной согласна?» Герцог Йоркский искренне восхищался своей кузиной, ставшей русской императрицей, ее красотой, статью, грациозностью, но он тогда и не мог предположить, что тем самым оказывает ей медвежью услугу.

Когда новобрачные вышли из церкви, большая толпа на улице устроила им громкие овации, большая часть которых, несомненно, предназначалась новой царице, которая была в эту минуту такой взволнованной, испытывая свои возвышенные религиозные чувства, и она раздаривала свои радушные, отнюдь не заученные улыбки, в отличие от поднаторевших в этом искусстве безразличных правителей.

В сопровождении английской супружеской пары новобрачные сразу из церкви отправились в Аничков дворец. Там жила вдовствующая императрица, которая встретила их хлебом-солью.

Такой простой, такой естественный Николай сейчас нравился всем придворным кланам. Он был счастлив, и это счастье отражалось на его совершенно изменившемся лице.

Так как траур еще продолжался, то после бракосочетания не было устроено никакого торжественного приема, не состоялось и свадебное путешествие.

Николай с Александрой провели свою первую брачную ночь в Аничковом дворце. Там и началось их царствование. Они рано легли спать, так как у Алике сильно разболелась голова. В спальне их ждало брачное ложе. Молодая жена выражала нежную надежду на успех их брака. Муж крепко обнимал ее, и никогда ни одно разочарование в их чувствах, их лучезарной, пылкой страсти не омрачило их жизнь до самой смерти, еще теснее соединившей их.

X.

Семейное счастье новобрачных не знало границ. Переживая любовный экстаз, они не спешили взваливать на себя тяжкую ответственность, связанную с троном, считающимся по существу, вакантным после смерти Александра Ш.

Их временное пристанище в Аничковом дворце не сулило им ничего хорошего. Почему Николай принял такое решение, когда вокруг полно пустующих дворцов? Взять хотя бы Зимний, почему бы им в нем не провести свой «медовый месяц»?

Он, несомненно, принимал такое решение по совету матери, которая ни на мгновение не расставалась со своей главной в жизни амбицией, — не выпускать из-под своего влияния сына — теперь уже царя. Мария Федоровна скорее всего неверно судила об истинном характере своей невестки, из-за чего многим рисковала. Александра вовсе не собиралась становиться императрицей, чтобы позволять кому-то доминировать над собой, умалять свое достоинство, которое теперь было точно таким, как и у ее супруга. После первой же брачной ночи молодая жена поняла, что ей придется постоянно бороться с этой вспыльчивой вдовой — императрицей, еше слишком молодой, слишком восхваляемой, слишком обаятельной, чтобы смириться со своим новым положением и хоть немного стушеваться.

Довольно робко она пыталась переубедить своего мужа, заставить его отказаться от принятого им такого странного решения:

— Ники, не понимаю, для чего нам жить в этом дворце, с твоей матерью, когда полно других, которыми мы можем воспользоваться ?

— Видишь ли, дорогая, — отвечал он ей, — мама все еще носит траур, и ее нельзя оставлять одну. Мне совсем не нравится, что место моего отца за семейным столом пустует... Я ее понимаю, и ее печаль заставляет меня сильно ей сопереживать...

Такая доброта Николая трогала влюбленную в него Александру, и ей не хотелось ему противоречить.

С первого же месяца из совместного проживания, — к чему их вообще-то ничто не принуждало, — яма между двумя императрицами все углублялась. Александра, конечно, могла быть первой дамой империи, но нужно было с уважением относиться к матери императора, которая заняла русский трон на тринадцать лет раньше нее, Александры. Хо- дашь не хочешь, но Мария Федоровна оставалась главной хозяйкой их жилища. Аничков дворец продолжал жить своей жизнью, своим

распорядком, ею установленным, и ничто не могло бы изменить ее привычек.

Мягкость, податливость Николая, его нетребовательность, проявлявшаяся во всем, позволяли матери безгранично расширять свою власть, но все же нужно было считаться $ молодой женой.

: Первые дни после свадьбы Александре приходилось ; проводить многие часы в одиночестве, на которые ее обрекал Николай. Ему нужно было исполнять свои императорские обязанности, давать аудиенции, принимать участие в деботе Совета министров, и все эти занятия не оставляла свободного времени для жены. По вечерам они, однако, бывали вместе. Николай любил читать книги на французском. Она часто просила его почитать ей вслух по-фран- Нуэски, чтобы совершенствоваться в том принятом для общения при дворе языке. Особенно они оба любили рассказы Альфонса Доде. Зимой, когда все дворы, улицы, Площади были укутаны снегом, и в городе царила чуткая Мишина, царь набрасывал на плечи Александры шубу, и

императорская чета убегала из семейного дворца, чтобы покататься на санях. Николай, этот лихой наездник, сам садился за вожжи, и гнал сани с такой безумной скоростью, что становилось страшно...

Ах, как стремительно пролетали часы в этой почти прозрачной светлой ночи, когда небо было выткано мириадами золотых звезд, а купола церквей и крыши дворцов исчезали под белоснежной горностаевой мантией снега, когда лошади на сумасшедшем галопе увозили их далеко из Санкт- Петербурга в заснувшие стылые поля!

Молодая чета, казалось, в своей восторженности соединялась с ночным космосом. Теперь ничто в мире для них не существовало, ничто не имело никакого значения для них, кроме этой стремительной санной гонки.

Император, казалось, мог бы гнать свои сани до самой бесконечности, преодолевая все земные, человеческие преграды. Александра, слившись с ним в едином порыве, даже не чувствовала биения их сердец, которые она обычно слышала в холодной белизне, ледяном безмолвии, в которых скользил их такой романтический экипаж.

Вернувшись, они проходили в небольшую гостиную перед их спальней, где их ожидал поздний ужин. Жарко пылающий камин освещал узкую комнатку и уставленный яствами стол. Как и все влюбленные в мире, они обменивались поцелуями, пили шампанское и ели кое-что из закусок, которых всегда было слишком много.

Так, абсолютно неожиданно для них наступил последний

день этого года — 31 декабря. Николай не пожелал принимать участия в традиционном новогоднем торжестве, когда собирались все члены семьи. Он отпразднует Новый год на следующий день, I января 1895 года!

Разочарованной старой императрице пришлось провес- ти предновогодний вечер со своими фрейлинами и самыми близкими подружками. Она говорила всем, кто ее слушал:

— После того как мой сын женился, я его больше не вижу — ну, почти не вижу. Мне кажется, что я ношу второй траур...Все это было неправдой. Николай с Александрой каждый день завтракали в компании императрицы-матери. Если он не мог присутствовать из-за какой-то важной официальной причины, то выкраивал время для встречи с ней в дневное время.

Николаю хотелось особо отметить в своем дневнике последний день 1894 года. Многие несдержанные читатели осуждали его скупой стиль, обвиняли его в отсутствии эмоциональности, интереса к деталям, тем не менее приведем те фразы, которые он написал в последние часы уходящего года.

«Как тяжело думать об ужасной потере этого года. Но, уповая на Бога, я без страха смотрю вперед, ожидая наступления Нового года, потому что самое худшее для меня, то, чего я боялся всю свою жизнь, — смерть отца и восхождение на престол — уже случилось. Вместе с таким безутешным горем Господь наградил меня также и счастьем, о каком я даже не смел мечтать. Он дал мне Алике».

Эта молодая женщина в объятиях своего мужа дарила ему чудесные восторги плотской любви, хотя эту пару глубоко связывали и другие узы.

Единение их духа и тел вели их к самой полной зависимости друг от друга.

— Я люблю тебя, — не уставала она повторять ему, прикасаясь своими нежными губами к губам своего возлюбленного. — Я люблю тебя... и в этих трех словах — содержание эсей моей жизни!

Требовалось ли им еще что-то другое, этой почти уникальной паре в истории монархических браков, чтобы познать абсолютное счастье? Конечно! Для этого им не нужно было жить вместе с кем бы то ни было, и меньше всего с матерью мужа.

Говорят, что в первые месяцы своего царствования Ни- колай нуждался в советах матери по политическим вопросам и постоянно к ней обращался с такой просьбой. При ЗГОм она, как полагают, действовала искренне, даже не подозревая, что ее невестка могла на нее обидеться из-за ее постоянных встреч наедине с сыном. В этом можно, конечно, засомневаться, если

принять во внимание, что императрица-мать была женщиной прямолинейной, инициативной, ловко управлялась со всеми дипломатическими делами и обладала большим политическим чутьем... Какой же, скажите на милость, невестке, тем более если она сама — монархиня, понравится, что каждый день после ее замужества свекровь надоедает ей своим присутствием и своими постоянными советами мужу?

Нельзя сказать, что такая несуразность принесла даже легкий, едва заметный сбой в абсолютной гармонии, царившей в отношениях мужа и жены, но она с каждым днем углубляла яму между двумя женщинами.

Александре приходилось невольно выслушивать такие вот ее «советы»: «Нет, сын мой, ни в коем случае. Твоя жена не будет возглавлять эту церемонию. Нет, она еще далеко не освоилась с ремеслом государыни. Поверь мне. Отправляйся туда сам!»

Николай соглашался, как будто получал от матери приказ. Александра никогда не выражала по этому поводу своего протеста, — лишь бы не вызывать столкновения между матерью и сыном.

Более того, последние месяцы состояние ее здоровья ухудшилось. Ей теперь требовался частый отдых, она еще страдала сильными головными болями, которые подолгу не проходили. Тем не менее иногда по вечерам, а порой и по утрам ей приходилось сопровождать Николая, появляться на приемах в посольствах, присутствовать при вручении орденов и других отличий.

Она еще пуще опасалась постоянной критики в свой адрес, и порой, чтобы не разочаровывать своего мужа, все чаще проявляла свои колебания, становилась какой-то неуклюжей и неловкой. Придворные тут же заключили, что она слишком чопорна и высокомерна, как англичанка. Светские люди, заполнявшие обычно праздничные гостиные, обменивались между собой условными знаками по ее поводу. Они, тем не менее, оказывали ей свое глубокое уважение.

Она мило улыбалась. Но уста ее молчали, настолько она боялась сказать что-нибудь такое, что не могло пойти на пользу короны...

Очень скоро знатные дамы дворца, жены важных сановников, генералов и высоких должностных лиц настолько осмелели, что стали отпускать скабрезные шутки в ее адрес.

Правильность черт ее лица, несравненная ее красота не могли, конечно, избежать ничьего внимания. Мужчинам так хотелось сказать ей какой-то особый комплимент. Но она холодно воспринимала малейший знак уважения к ней от них, а дамы, уже

не стесняясь, сразу замечали любую совершенную ею ошибку, отмечали ее колебания, ее робость, столь естественную в ее положении, когда она вдруг из затворницы превратилась в идола всей нации, и все открыто насмехались над ней.

Вдовствующая императрица просто упивалась всеми этими пересудами, этим насмешничеством, которые тут же доводились до слуха Александры.

Она ужасно от всего этого страдала. Ее слишком открытый характер не воспринимал всех этих плутней, светских ухищрений, откровенной злобы двора, который теперь стал ее двором; двор этот, хотя и считался европейским, сохранял многое из опасной и неприемлемой азиатской практики.

Она восставала против этого с самого начала и жаловалась мужу:

— Ники, мне так хотелось бы вызывать у всех симпатию, но я все чаще замечаю, что все меня здесь ненавидят...

— Ты слишком все преувеличиваешь, дорогая! Будь поделикатнее со всеми этими дамами двора, который тебя ревнует, и надейся на лучшее будущее...

Александру не утешали такие слова мужа, и она все же решила повести борьбу против этой необъяснимой для нее антипатии со стороны двора.

* * *

С приходом весны Нева постепенно освобождалась ото Явда. Большие ледяные глыбы отрывались от берегов, и плыли по течению реки, проплывая под мостами, словно стеклянные лодки. Александра писала своей сестре, принцессе Баттенбергской: «Полгода как мы уже женаты. Николай и представить себе не может, какой счастливой он сделал меня, да и сама я себе этого до конца не представляю... Ах, если бы мы с ним только были одни, далеко от других, от всех забот...»

Когда молодая царица говорит о заботах, то, несомненно, подразумевает, прежде всего, свою свекровь, которая поистине обладала даром делать ее жизнь невыносимой. Тем не менее Николай с удивительной тактичностью и ловкостью лавировал между двумя государынями, чтобы ни одно облачко не бросило тень на его такую безмятежную семейную жизнь. Но все равно со временем обстановка накалялась.

Озлобленная своими неудачными попытками с помощью интриг разделить супругов, Мария Федоровна решила, наконец, уехать на родину, в Копенгаген, чтобы там побыть какое-то время в лоне своей семьи. Эту новость Александра восприняла со

вздохом облегчения. Теперь, казалось, дни стали куда светлее и даже длиннее. А мысль о том, что скоро они с мужем останутся вдвоем во дворце, укрепляла ее терпение.

Хорошая весть, как и плохая, никогда не приходит одна, и вот однажды утром, после обычного утреннего визита к ней ее врача, Александра узнала, что беременна. Светлая радость отразилась на ее бледном, печальном лице. Она тут же сообщила о своем счастливом открытии мужу, — молодой император радовался куда более будущей матери.

— Видишь, любовь моя... у нас будет сын... не может быть никакого в этом сомнения... Мои тетки, которые советуются по всем важным.вопросам с духами и звездами, мне это твердо пообещали... Он будет таким же красивым, как ты, таким же обаятельным, и у него будет, точно как и у тебя, вели коле пное, восхитительное сердце...

Она упала ему на колени, он, аккуратно подняв ее на руки, отнес на шезлонг, обитый горностаем. Она обвила его шею руками. Отсюда, с террасы, было отлично видно все необъятное небо над Санкт-Петербургом, особенно когда ярко светило солнце.

Можно ли себе представить более счастливую супружескую пару?

— Может, поедем за город, там ты гораздо лучше отдохнешь, — предложил ей царь.

Его слова лишь усилили в ней нежность к нему, и она, бросив на него долгий, проникновенный, любовный взгляд, сказала:

— Ники, мой дорогой. Ты — моя любовь. Ты ведь не так часто бываешь рядом со мной, поэтому я хочу остаться здесь.

— Может, мы ускорим наш отъезд в Петергоф?

Царь не ответил. Он не знал, когда он сможет покинуть столицу, даже для поездки в ее предместье. Вдруг он сделал ей другое предложение:

— Почему бы тебе не пригласить к себе свою тетю Эллу, — она составит тебе компанию. Она такая спокойная, такая услужливая, и вы вместе сможете решить, какой вам нужен отдых и где, в каком месте...

Александре такая идея очень понравилась, и она тут же Отправила телеграмму сестре. Ее ответ из Никольского не заставил себя долго ждать, — на следующий день она сообщала о своем выезде из Москвы.

Тем временем Николай отдавал распоряжения поскорее приготовить для них Александровский дворец в Царском Селе, который когда-то там возвела великая княгиня Екатерина.

Они с мужем часами обсуждали обстановку их собственного

первого дома, где никто не мог бы неожиданно появиться, без их на то разрешения. Когда Александра стала представлять, как она проведет первую ночь в своем доме, ей показалось, что у нее за спиной выросли крылья…

Великая княгиня Елизавета приехала к ней в мае месяце. Она вместе с родителями так радовалась будущему ребенку, наследнику престола. Сестры жили в уединенной обстановке, занимались музыкой, вышиванием, читали по-французски, старательно рисовали акварельки, катались по парку в своем экипаже. Дни летели один за другим с удивительной быстротой.

Вдовствующая императрица постоянно сообщала о своей жизни на родине, царь часто писал матери, призывая ее порадоваться вместе с ним их светлой надежде на наследника: «ребеночек становится уже большим, он сучит ножками в животе Алике и толкается, словно чертенок».

Мария Федоровна оставалась довольно сдержанной в своих ответах по поводу их будущего.

Когда наступило лето, Элла вернулась в Ильинское, где ее ждал великий князь Сергей Александрович, а императорская чета отправилась переждать летние горячие денечки в Петергоф. Морской свежий воздух был полезен им обоим. Они жили в маленьком, уютном, словно игрушка, домике прямо на пляже, свита была небольшой, а число слуг сокращено до минимального.

Вместе с тем, когда частная, семейная жизнь супружеской четы становилась с каждым днем все счастливее, новости о внутренней политике в стране становились все более серьезными, даже угрожающими, и Николаю в его новом положении царя приходилось на них реагировать. Этот пока еще не государь, а лишь его подмастерье, уже совершил несколько ошибок психологического порядка, хотя в доброте молодого царя, его чувстве справедливости, его великой верности своему народу никто не мог, вполне естественно, усомниться.

Несмотря на сильно затянувшийся период траура в силу всем хорошо известных печальных обстоятельств, новому императору не терпелось встретиться с представителями дворянства и членами многочисленных земств.

Во время одной из официальных аудиенций произошел неприятный инцидент. Если бы о нем умолчали, то оппозиция не получила бы в результате стольких причин для выражения своего недовольства и своей суровой критики властей. В двух словах дело обстояло таким образом: земство (орган местного самоуправления) Тульской губернии, известное своими либеральными тенденциями, направило свои соболезнования Николаю II. Некоторые официальные круги, ознакомившись с

содержанием этого адреса, сочли его противоречащим самим принципам самодержавия. Тем не менее другие министры и более здравомыслящие люди не нашли в этом документе ничего крамольного или опасного. Иностранные политики увидели в нем первую предпринятую русским народом попытку донести до государя реальные нужды того народа, которым он управлял!

Но этот документ сильно не понравился министру внутренних дел, особенный гнев у него вызвал такой абзац: «Мы твердо верим, что Ваше Величество при Его царствовании станет признавать права как отдельных граждан, так и существующих народных представительств, к которым будут относиться с постоянным должным уважением...»

Министр счел необходимым обратить внимание государя на подобную дерзость (!), и молодой царь, еще находившийся в плену различных теорий отца, согласился с мнением своего высокопоставленного чиновника.

Легко поддаваясь чужому влиянию, Николай II заявил, что земству Тверской губернии следует преподать урок и чтобы все его члены были оповещены и проинформированы о недовольстве хозяина.

Если бы этому не столь значительному инциденту не придали столько публичности, то популярность царя ни в какой мере не пострадала бы, — но вероятно, чья-то опытная ловкая рука в императорском дворце уже передвигала пешки на доске, чтобы приблизить падение царской династии. Многие историки, занимающиеся Россией XX века, видят в этом злосчастном адресе земства Тульской губернии прелюдию к той трагедии, которая приведет к падению дома Романовых и окончанию их самодержавной власти в стране...

У мелких причин — большие последствия, — говорится в пословице. На официальном приеме в Санкт-Петербурге, устроенном в честь делегатов губернских народных представительств, собравшихся в столице для поздравлений новой императорской супружеской четы, Николай, воспользовавшись представленной ему возможностью, решил свалить всю вину на свой народ. В его речи особых угроз не содержалось, но он произнес ее с такой яростью, что во всех кругах ее стали комментировать с большим разочарованием. Речь его заканчивалась такими словами: «Я хочу, чтобы все знали, что я буду предпринимать все свои усилия, чтобы во благо всего народа сохранять и впредь принцип абсолютного самодержавия, сохранять столь же твердо и энергично, как это делал мой отец, об уходе которого все мы так скорбим...»

Несчастный! Он мог вполне иметь подобное намерение, но

зачем о нем заявлять публично? К тому же сопровождавшая царя императрица была в траурной одежде. Она, видимо, не знала о древнем русском обычае, запрещающем молодой жене облачаться в траур, при получении поздравлений по поводу ее бракосочетания! Несчастная принцесса, действуя из лучших побуждений, тем самым только озлобляла свой народ.

За такую оплошность царя, которая окажется фатальной, полную ответственность нес Константин Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода. Три дня спустя после этой примечательной речи, царь поручил генералу Череви- ну, шефу его личной охраны, сообщить ему, какой наблюдается общественный резонанс на произнесенную им речь.

Озадаченный генерал ответил:

— В любом случае, Ваше величество, это — очень важное событие...

Увы! Оно таким стало, чего, конечно, никто не желал. Обманутый, оскорбленный народ искал козла отпущения. В конце концов, кому предъявлять претензии по поводу такой безответственной декларации государя, который еще никому не доказал, чего он стоит как царь?

Во всем стали подозревать императрицу. Это она, — кто же еще? — хотела превратить своего мужа в деспота. И клевета набирала силу... тем более что этому способствовали некоторые члены императорской семьи...

Восемь дней спустя после строгого выговора, вынесенного царем своему народу, на его рабочем столе, словно невзначай, оказалось открытое письмо Женевского Революционного Исполнительного комитета рабочей партии. В нем говорилось: «Ваша речь только усилила оскорбления в адрес мятежно настроенных людей. Они пойдут до конца в своей борьбе с тем, что они яростно ненавидят, и можете не сомневаться в том, что они будут бороться любыми способами, которые окажутся в их распоряжении. Вы первый вступили в бой, и никто не сомневается, что очень скоро вы окажетесь в самой гуще схватки...»

Санкт-Петербург, 19 января 1895 года

...Студенты организовали шествие от университета и технологического института до Аничкова дворца, — это была первая массовая манифестация такого рода. Полиция быстро их разогнала, никаких серьезных инцидентов отмечено не было.

Но вина была уже обозначена, улица теперь предназначалась не только для торжественного выезда государя.,.

Все эти события, казалось, были лишь легким облачком на ясном небосводе перед счастливым происшествием, к которому

готовился император, и вся империя уже знала об этом, — горечь взаимных обид вскоре развеялась, и жизнь вновь вошла в привычную колею,

Мария Федоровна спешно прибыла из Копенгагена, чтобы находиться рядом с невесткой, когда той потребуется ее помощь.

Александра решила рожать не в Санкт-Петербурге, а в Царском Селе.

С каким нетерпением, с каким религиозным пылом, верующие опускались на колени перед иконами втысячах русских церквей, молились за рождение у императрицы мальчика, наследника трона. Салюта в триста залпов из пушек в день рождения наследника так и не прозвучало. Пожелания самодержцев, как и всего населения Санкт-Петербурга не оправдались! На свет появилась девочка. Великая княгиня Ольга Николаевна вошла в этот мир, который обманулся в своих ожиданиях. Младенец весил девять фунтов. Радость родителей затмевала разочарование окружения. Отец уже не думал о своем разочаровании, — он уже смирился, что у него не будет наследника. Не беда! Ему всего двадцать семь, а жене — двадцать три...

У него еще будет шанс...

Молодая мама пожелала лично кормить свою новорожденную. Александра сама нянчила и купала ребенка, пела малышке колыбельные песенки, которые она уже произносила на безупречном русском языке, с очень приятным немецким акцентом.

Она была счастлива, сердце ее переполнялось радостью. Поглядывая на спящую девочку, она писала своей сестре Виктории: «Ты себе не представляешь, как мы счастливы; у нас появилась такая чудная малышка, о которой так приятно заботиться...»

Когда маленькая Ольга спала, мама, сидя у детской кроватки, вязала и мысленно высказывала ей свои пожелания: «Пусть это дитя подольше рассчитывает на своих родителей, и пусть ее жизнь будет безоблачной и счастливой!»

* * *

Шли месяцы, но положение Александры не менялось. Ее непреодолимая тяга к уединенной семейной жизни со всех сторон подвергалась критике, все только и говорили об исполнении дворцового протокола, о надлежащем официальном поведении, которое должно было всем бросаться в глаза, что вызывало еще большее неудовольствие у ее свекрови.

Решительно, эти две женщины не находили общего языка, и, скорее всего, никогда не найдут. Великие княгини под влиянием своего окружения заявляли, что молодая императрица делает все, чтобы отдалить мужа от его матери, от членов царской семьи. Фрейлины из числа той аристократии, которая еще недавно составляла двор Александра III, нисколько не желали понравиться императрице. Той пришлось не раз их менять. Повсюду распространялись слухи о том, что этой капризной немке не угодишь, что служить ей — одна каторга. После того как своих постов лишились графиня Ламсдорф и княгиня Барятинская, трудно было, судя по всему, подобрать им замену, найти достойных кандидаток. Но одну все же нашли. Княгиня Оболенская, заняв эту должность, более двадцати лет, до самого конца царствования оставалась верной Ее величеству. Этот неоспоримый факт опровергал все коварные инсинуации придворных статс- дам, которыми с удовольствием пользовалась княгиня Рад- зивилл в своих мемуарах, но все, что она в них писала, было так далеко от истины.

Короче говоря, чтобы молодая императрица не говорила, чтобы не делала, какие бы решения не принимала, все тут же вызывало суровую критику, самые неблагоприятные комментарии.

Утверждали, что она, пользуясь своим положением, настойчиво всем протягивала руку для поцелуя, что раздражало многих, считавших, что такой жест их унижает.

НобудЬунее другой характер, будьона излишне веселой, даже фамильярной, то непременно нашлись бы такие, которые стали бы упрекать ее в недостаточном чувстве собственного достоинства и неуважении к короне.

Царствование этой молодой несчастной женщины началось в обстановке постоянной, угнетающей критики, главным источником которой служили неприязненные чувства к ней со стороны свекрови, которая выражала к ней свою антипатию еще до того, как она стала членом семьи, — она считала, что только одна она может судить о том, как ее невестка должна вести себя!

Но в дружном хоре этих разодетых светских дур, осуждавших все ее слова, все ее поступки, раздавались и более здравые голоса. Мол, пока еще слишком рано судить о ней, пусть вначале немного привыкнет к своему стремительному возвышению. Такое мнение разделяли многие, но праздношатающаяся санкт-петербургская толпа, которая ни в чем не уступала точно такой же толпе парижской, прислушивалась только к тем мнениям, которые выражались громче других, то есть к мнениям членов императорской семьи.

Наступил, наконец, момент, когда оба противостоящих друг другу придворных клана все решительнее выражали свое мнение по этому поводу. Два инцидента, произошедшие этой зимой, всполошили всех.

По чину православного богослужения русское имя императрицы при литургии произносилось сразу после имени императора. Но Павел I своим указом в конце прошлого века установил полное преимущество в этом отношении вдовствующей императрицы при ее жизни.

Мария Федоровна, воспользовавшись этим царским указом, не пожелала отказаться от своего преимущества в пользу новой императрицы и потребовала, что ее имя, как и встарь произносилось при богослужении первым.

Царь пытался каким-то образом уладить этот острый, вызывающий у него беспокойство, спор. Но Александра тоже не сдавалась. Она потребовала, чтобы Святейший синод, — этот высший орган религиозной власти, — разобрал это дело и решил, наконец, какая из двух императриц по своему рангу следовала сразу за императором.

Мария Федоровна принялась «обрабатывать» своего сына. Святейший синод собрался для обсуждения этого вопроса. На совещание были созваны известные в России архиепископы, протоиереи, священники. После проведенных консультаций, после тайного голосования предпочтение клира было отдано молодой императрице.

Таким образом, Синод не удовлетворил требования вдовствующей императрицы, и та очень рассердилась на своего сына, — еще бы, ведь он вполне мог своим новым указом подтвердить действенность первого, составленного Павлом I, таким образом проявить свое уважение к древним обычаям... В окружении Николая многие выражали недовольство тем, что царь не лишил такого преимущества свою жену, и тем самым нанес болезненное оскорбление матери.

О втором инциденте предпочитали не упоминать даже горячие защитники Марии Федоровны, так как он противоречил всем усилиям оправдать ее притязания.

Когда готовились первые официальные приемы, которые должны были возвестить об окончании общенационального траура и траура двора, возникла проблема драгоценностей короны. Фамильные драгоценности Романовых со времен царствования Петра Великого составляли наследие Святой Руси и всегда хранились в вековых сундуках в Зимнем дворце. Такая практика соблюдалась до восшествия на престол Александра ПК Он, уступив просьбам жены, приказал, чтобы эти драгоценности

были перевезены в Аничков дворец, где они теперь хранились вместе с личными драгоценностями императрицы. Мария в результате избавлялась от неприятной процедуры, — требовать их перед каждым официальным мероприятием у дворцового хранителя казны. Тиары, диадемы, ожерелья, усыпанные россыпью драгоценных камней, которые обычно до нее по официальным случаям надевали предыдущие царицы, таким образом, теперь переходили к ней, — если она ими и не владела, то по крайней мере, могла ревниво за ними приглядывать.

Александре было об этом известно, и так как у нее пока не представилось какого-то важного случая, чтобы их надеть, она и не думала об этом, и такое положение вещей не привлекало ее особого внимания. Но министр двора Его величества в один прекрасный день, когда за несколько месяцев началась подготовка к торжествам по случаю коронации, обратил на это внимание царя, считая, что такое положение противоречит установленным правилам.

— Ваше величество! Не угодно ли Вам отдать распоряжение о том, что все драгоценности российской короны были возвращены на прежнее место, в Зимний дворец? Оттуда они будут передаваться царствующей императрице как только она этого пожелает, незамедлительно...

Николай одобрил предложение своего министра. На следующей день в Аничков дворец за драгоценностями явился высокий сановник двора, чтобы с самым большим тактом потребовать у вдовствующей императрицы вернуть драгоценности короны.И тут в Аничковом дворце разразилась настоящая буря. Эта странная, не у дел государыня, еще слишком молодая и слишком большая кокетка, и не собиралась отказываться от драгоценностей. Она кричала на весь дворец:

— Мой почивший супруг поручил мне хранить эти сокровища. Моя невестка не имеет на них никакого права (!), и вообще для коронации не может нацепить ни одну из вещиц. Я буду противиться из всех своих сил тому, что не побоюсь назвать глупым капризом еше слишком молодой и неопытной женщины...

Эта миниатюрная женщина впала в такой яростный гнев, что ее глаза, обычно обладавшие далеко не императорским, явно провокационным шармом, чуть не вылезли из орбит.

Когда гофмейстер двора пришел к императорской чете, чтобы сообщить им о результате предпринятого им демарша, Александра непринужденно, с искренностью, в которой ей не могли отказать даже самые ее худшие враги, воскликнула:

— Да пусть мама оставит драгоценности себе. Пусть хранит у себя, я не приду к ней за ними. Или пусть вернет в казначейство,

там их наверняка хорошо сохранят. Меня эти побрякушки совсем не волнуют. Моя главная амбициозная мечта — не украсить себя с ног до головы жемчугами, а сделать счастливыми мужа и мой народ. Мне много чего чудесного предложили моя собственная семья и мой муж, и я не собираюсь из-за этих драгоценностей начинать войну со свекровью. Пойдите и передайте ей, что мне они совершенно не нужны...

Но, к сожалению, такое простое решение никак нельзя было принять, так как оно не соответствовало правилам, установленным для казначейства, которые ее глава не собирался менять. Александра делала все, чтобы ослабить недружеское расположение к ней со стороны свекрови, пыталась ее успокоить, но та не желала тихо-мирно уладить скандал, — она не хотела отдавать победы без истошных криков и воплей.

Когда однажды утром разгневанная Мария Федоровна явилась сама в кабинет своего сына, чтобы пожаловаться ему на «похищение» у нее драгоценностей короны, он не без нежной к ней иронии твердо сказал:

— Мама, Вашему величеству придется возвратить ценности нашего Дома в казначейство, потому что там получены от меня строгие указания готовить их к нашей с Александрой коронации...

Мария Федоровна, эта большая гордячка, не желала, конечно, склонить голову перед сыном. Она, вероятно, позабыла, что после окончания национального траура, первые официальным шагом ее сына станет получение миропомазания Божиего на царствие, чтобы его подданные народ видели в таком акте волю Божию.

Выпрямившись, без тени улыбки на устах, она сердито зашагала по кабинету назад, к двери, а из плотно сжатых ее тонких губ вырывалось злое шипение:

— О чем говорить! Я принесла империи моего мужа прекрасных наследников, которые способны обеспечить будущее нашей династии. Так пусть твоя жена уступает мне не только свои привилегии, — что очень просто, — но и те обязанности, по которым о ней будут судить. Всего хорошего, дитя мое!

...Драгоценности короны, в их числе знаменитое ожерелье Екатерины Великой, о котором мечтало столько принцесс, большая корона с самым большим в мире прекрасным бриллиантом в скором времени будут-таки отправлены на хранение в казначейство...

XI.

Сколько незаслуженных упреков, сколько злобной критики получила в свой адрес всего за год новая императрица!

Казалось, все во дворце ей были чужими, и она не желала общаться там ни с кем! Она к тому же плохо танцевала, и танцы не любила. Ее беседы не отличались живостью, и она не обладала даром привлекать к себе симпатии. Все проявляли к ней свою враждебность. Балы, устраиваемые русским двором, эти знаменитые балы, с неизменной аккуратностью проходившие во дворце на протяжении многих поколений, были самой большой достопримечательностью Санкт-Петербурга, — сколько важных лиц с тоской вздыхало, не получив на них приглашения! Эти балы, вызывавшие такой неописуемый восторг как у молодых, так и не очень молодых людей, казались ей ужасно пресными. На них не было прежней живости, пропала куда-то веселая венская беззаботность, которую в них лично вносила Мария Федоровна, в этот вихрь вальса под яркими люстрами Зимнего дворца, когда все соперничали друге другом в элегантности, изяществе, остроумии, заливистом смехе. Все горело, все искрилось, все переливалось, словно море шампанского!

Петербургское общество сходило от этих балов с ума, высший свет ими гордился, так как они просто поражали своим великолепием всех иностранцев. Тот, кто побывал на них хотя бы разок, мог ходить с высоко поднятой головой...

Все эти шумные праздники служили еще и средством наказания, — ведь по общественному статусу о тех или иных судили по количеству полученных теми или другими приглашений. Тайно, шепотком, но поголовно, все эти дамы из аристократической среды, осуждали иностранную принцессу, которая явилась сюда в их страну за короной, и теперь мешала им всем беззаботно отдаваться любимым развлечениям. Разумеется, сама Александра ничего не запрещала. Но ее поведение, ее нелюбовь к танцам и всевозможным светским раутам вызывала у многих разочарование и недовольство.

Александра, конечно, ничего не отменяла, но отчетливо давала всем понять о своем пристрастии к куда более серьезным развлечениям и торжествам. Они с мужем отдавали предпочтение театральным вечерам, и зима 1895 года была вся посвящена театральным спектаклям в частном дворцовом театре. Именно они, эти спектакли, позволяли судить об увешанных медалями богатых бездельниках и осыпанных драгоценностями богатых бездельницах, об их интеллектуальном уровне и

«оригинальности», когда они получали от церемониймейстера заветную блестящую, глянцевую карточку — приглашение в театр.

Одна княгиня говорила другой:

—Л идия, в будущую среду я не пойду в театр! Какая ужасная скука, дорогая! Дают трагедию Расина, французскую, но тем не менее, трагедию... Она мне явно действует на нервы...

— Уж лучше бы она проявляла свой вкус к оперетте, право, не знаю, — подхватывала подруга с презрительным видом, скорчив недовольную гримаску, — такому знатоку с таким вкусом уж лучше просидеть весь вечер в трактире, чем в партере императорского театра.

Мужчины старались перещеголять друг друга. Граф Маслов признавался:

— Она даже не умеет вести «Полонез». Вспомните, с каким блеском это делала наша горячо любимая государыня, — Мария... Ах, что там говорить! Какой славный вход, какое изящество, какая легкость, воздушность шага, а этот танец с шалью, — никто так больше танцевать его не будет... сегодня все утрачено... Эта маленькая немка, которая кичится своим английским воспитанием, вздумала нас всех учить...

В неприятных для Александры беседах кампания ее повал ьного унижения продолжалась, и все больше приглашенных отказывались от билетов в театр по самым непредвиденным предлогам.

Александра только недоуменно качала головой:

— Кажется, нашим подданным не нравится комедия!

Министр двора князь Сергей Трубецкой вежливо поклонился:

— Вашему величеству, лучше меня известно, какое важное место в календаре развлечений и праздников занимают дворцовые балы...

— От такого количества танцев у меня кружится голова... А разве я не открывала в начале года первый из таких балов..,

— Да, на самом деле, Ваше величество...

— Кажется, император со мной открыл первый тур «Полонеза». За мной следовала Ее королевское высочество инфанта Эвлалия, а в третьей паре танцевала жена английского посла... Я пообещала танцы двум Их превосходительствам, — французскому послу Палеологу и послу турецкому. Разве вам этого мало?

Князь Трубецкой снова низко поклонился:

— Ваше величество сами могут судить об этом. Но мне хотелось бы ради истины заметить, что так много придворных дам выражают горячее желание возобновить подобные бальные

вечера...

— Могут танцевать сколько угодно и без меня. Коли они к этому привыкли. Прежде, сиятельный князь, мне следует следить за своим слабым здоровьем, да и вообще, — я отдаю предпочтение театру. Кстати... не забыли вы направить еще одно приглашение мадам Режан, — пусть приедет из Парижа, продемонстрирует нам свое дивное искусство. Императору так хочется вновь увидеть ее в «Сапфо», она так хорошо играет эту роль. Подготовьте Михайловский театр к ее будущим гастролям. Пригласите всех наших общих знакомых. Те, кто откажутся и не придут, лишат себя такого исключительного удовольствия.Слабо улыбнувшись, кивком своей гордой головы она дала понять министру двора, что он свободен.

А тем временем при дворе, в близлежащих дворцах, продолжали распространяться тревожные слухи о намерении императрицы отказаться от слишком многочисленных бальных вечеров в пользу театральных представлений, причем опере и балетам отдавалось явное предпочтение.

А злопыхатели только усердствовали!

Графиня Шереметева говорила тихим голосом:

— Ну и что здесь удивительного? В темной ее ложе не видно будет ее нарядов. Она ведь совсем не умеет одеваться...

— Да, какая жалость! Как ей не стыдно. Ведь государыня...

В разговор вступила Ольга Нарышкина:

— Конечно, наряды у нее хороши, но нет утонченности, изыска... Известно ли вам, что она сама рисует свои платья и при этом требует, чтобы портнихи строго следовали всем ее малейшим указаниям. Ничего нельзя изменить! Ни малейшей детальки...

— В этих германских княжествах все только и думают об экономии, — фыркнул молодой барон Сивере, который был просто счастлив вставить и свое словечко...

— Какие смешные у нее претензии! На последнем балу, моя дорогая, представьте, у нее был шлейф вишневого цвета. Какой гротеск! Поневоле начнешь вспоминать очаровательные туалеты нашей дорогой Марии Федоровны! Как давно мы ее уже не видели во время большого выхода на крыльце большой дворцовой лестницы...

— Сегодня кажется, что мы возвращаемся к мастерству неумелых портних, которым только и шить форму для де- тей-сирот в наших школах! — высказалась еще одна добрая душа из высшего общества.

Послышался злобный смешок, и в завершение тайного сборища все его участники потянулись за чашкой чая...Перед

самым окончанием зимы Александра заболела корью, и в результате два запланированных больших бала были отменены, вызывая негодование всего высшего общества.

Злословие в ее адрес усилилось. Одна графиня жаловалась, что гордыня государыни поражает воображение и по этому поводу тихо произнесла поговорку, которая когда-то была очень модной в Варшаве:

— Когда пьет Август, в Польше — похмелье!

Говорили, что всего несколько ее улыбок смогли бы соблазнить всю эту галерею придворных льстецов, которых ничего не стоило подкупить с потрохами!

Но врожденная прямота Александры, ее строгое воспитание, привычка действовать при любых обстоятельствах с предельной искренностью, не позволяли ей идти на уступки такого рода. Она, конечно, не могла скрывать своего нерасположения к этому разноголосому оркестру, в котором скрипка каждой, и еще больше — каждого, была настроена на выражение презрения к ней.

Влияние вдовствующей императрицы не спадало. И чаще всего, без всякого объяснения, без всякой причины, все уничижали молодую императрицу только ради того, чтобы доставить удовольствие Марии Федоровне, этой тигрице в овечьей шкуре, славящейся своим женским обаянием.

Ее исключительная красота не спасала ее от злобных суждений исподтишка в ее собственном окружении, напротив, она лишь распаляла недоброжелателей. Кто теперь с большим удовлетворением не тыкал пальцем в ее чуть располневшую после первых родов талию, на легкое покраснение на лице, на плечах.

Могли ли в таких условиях ей нравиться балы, разного рода торжества, которые она была призвана организовывать?

Существуют люди, которые не знают, что такое притворство, которые не способны поступиться внушенными им сдетства принципами, тем более если их натура вполне соответствует тому, чему ее так старательно обучали.,.

Чтобы немного забыться и противодействовать такому действующему ей на нервы положению, ей в голову пришла идея создать императорскую рукодельную мастерскую, причем куда более разнообразную, чем обычно. В ней будут работать придворные дамы, а также представительницы высшего света. Каждая из мастериц должна была сшить по три платья за сезон, и эта одежда потом будет распределяться бесплатно среди бедных.

Николаю нравилась такая инициатива жены, она его так трогала.

— Алике, ты проявляешь такую похвальную щедрость,

уделяешь так много своего времени, почти весь свой досуг, такому занятию, но неужели ты на самом деле считаешь, что этим должна заниматься такая красивая, такая могущественнаяженщина, как ты, неужели у тебя нет никаких амбиций, и ты не хочешь заняться какой-то иной деятельностью, гораздо более увлекательной и веселой?

Александра долго не сводила взгляда с мужа:

— Любовь моя, должна тебя разочаровать... Ты был воспитан в обстановке постоянных праздников и дворцовых балов. Мне в детстве приходилось много работать, о многом передумать... Прежде нас учили позаботиться об обездоленных, и только потом думать о своем развлечении...

— Это, конечно, весьма благородно с твоей стороны, но...

Она перебила его:

— Будь всегда со мной искренним. Если на самом деле считаешь, что я поступаю благородно, то не следует мне возражать. Разве мы с тобой не находимся на вершине, а ведь, как говорится, положение обязывает, не так ли?

Император, испытывая нежность к жене, подошел к ней поближе:

— Да оставь ты это вязание... У тебя такие тонкие пальчики, такие красивые глазки, Солнышко мое, для чего тебе надрываться на такой работе? Портить пальцы, зрение?Именно потому, что положение обязывает, ты должна первой подавать пример своему окружению и повести кампанию милых улыбок...

— Что, у меня кислый вид?

— Да нет, что ты! Но ты сейчас такая серьезная, такая сдержанная, ты совсем не общаешься со своими дамами...

— Но они все такие глупенькие! Пустышки! По крайней мере я в своем положении императрицы заставляю их делать кое-что более полезное и разумное, чем просто сидеть у самовара, грызть баранки и судачить о других!

Ты их совсем не знаешь, к счастью для тебя. Они занимаются всяким вздором, городскими скандалами, сплетнями, выясняют, кто кого из их соседей любит, и только мечтают о балах, на которых можно встретить жениха, смазливого офицерика или неженатого дипломата, и, прежде всего, они змеюки, выискивают для себя очередную жертву.

— Нет, что ты, дорогая, кажется, ты сильно преувеличиваешь. В нашем окружении есть весьма почтенные дамы. Многие наши друзья организуют в своих владениях больницы для народа, открывают школы для деревенских детишек, обучают их различному полезному ремеслу, чтобы таким образом помочь им выбиться из ужасной нищеты...

Александра была явно недовольна тем, что он сказал, но на мужа не обиделась.

— Не знаю, где такие люди, о которых ты говоришь. Здесь, во дворце, я только вижу таких, которые весной отправляются в Париж или в Вену за модной одеждой, а потом все лето пропадают в морских путешествиях, в которых безумно веселятся, безбожно флиртуют, а осенью все прилежно делятся свои ми впечатлениями. Ну, как тебе нравится их жизненная программа?

Прости меня, любимый, но я никогда не сумею заставить себя жить среди этих глупых ветрениц...

Николай недовольно сморщился:

— Тем не менее тебе нужно попытаться их завоевать на свою сторону... нужно достучаться до их сердец...

— Сердца? Где ты их у них нашел? Когда в их присутствии начинаешь только говорить о благотворительности, можно подумать по выражению на их лицах, что их склоняют к какому-то просто тяжкому труду, который невозможно исполнить...

За этот первый год ее царствования высшее общество Санкт-Петербурга разделилось на два клана: первый воскурял фимиам вдовствующей императрице, которую в течение тринадцати лет нахваливал двор, проявляя свое искреннее желание безудержно веселиться и развлекаться; второй делал все, чтобы соблазнить молодую жену Николая, приехавшую из Германии. Их первый ребенок, который только что родился, не был даже наследником, — гарантом продолжения династии Романовых!

Вот в такой атмосфере готовилась церемония коронования, которая намечалась на май месяц.

Москва с Санкт-Петербургом соперничали, разрабатывая свои проекты организации пышного общенационального праздника.

Обряд коронования должен был проходить в полном соответствии с вековой русской традицией, и в первые дни апреля уже не было никаких сомнений в том, что коронация будет в Москве.

Увы, Москва, в эту весну 1896 года в последний раз брала на себя роль ревностной хранительницы прошлого, обязав императора — своего последнего правителя — подчиняться выработанный ею законам.

По взволнованному городу прокатился радостный слух, слухи все множились, царь, говорят, собирается короноваться по старинному обычаю предков, и по этому случаю будут проведены массовые народные гулянья. Такой радости давно в городе не царило. Она волнами вместе с вновь прибывающими накатывалась на Москву. Москвичи теперь только и думали о том, как весело они проживут эти торжественные, праздничные

дни. Каждый час в старую столицу прибывали тысячи иногородних. Это было похоже на чужеземное вторжение, — такого потока разношерстного народа никто здесь не ожидал.

Все принимали участие в этом ярком, шумном торжестве, вероятно, одном из последних, если не последнем, перед наступлением сумерек кровавой Революции...

Три дня до коронования царям полагалось проводить в молитвах, чтобы лучше подготовиться к принятию священного таинства миропомазания на царство.

В полдень 25 мая выдался теплый, почти летний денек, слепящее солнце сияло на золотых куполах церквей, на окнах дворцов и особняков, словно бросая в них горсти бриллиантов. Николай совершал торжественный въезд в Москву. На протяжении всего шестикилометрового парадного шествия выстроились две шеренги солдат, словно живые цепи, вдоль пути, по которому должен был проследовать царский кортеж, сдерживая разволновавшуюся толпу. На каждом балконе любопытных, желавших поглазеть на своего императора, — битком, казалось, что он вот-вот может рухнуть под тяжестью многочисленных тел. В некоторых местах на улицах были возведены специальные смотровые площадки для привилегированных приглашенных. Торжественную процессию открывал отряд Императорской Конной гвардии. В касках, блестящих кирасах, — все они казались большими золотыми пешками на мозаичной шахматной доске, положенной прямо на землю.

За ними ехали казаки в длинных накидках фиолетового или темно-красного цвета, за ними — московская знать, важные сановники, высокие гражданские и военные чины в своих блестящих сюртуках и мундирах, с яркими шарфами, разукрашенных золотыми ленточками, медалями и орденами на груди, в которых поблескивали на солнце драгоценные камни. Далее за ними шли придворный военный оркестр царя, императорские егеря и придворные лакеи императорского дома в париках на французский манер, в красных, по колено, панталонах и белых шелковых чулках.

Медленно в золоченых каретах продвигались обе императрицы, великие княгини, великие князья со своей свитой на конях. Карета императрицы-матери ехала впереди второй, в которой сидела еще не коронованная молодая императрица. На голове Марии Федоровны поблескивала маленькая корона из бриллиантов.

Она в эту минуту, вероятно, не без горечи вспоминала о том, как сама тринадцать лет назад принимала участие в собственном

короновании, и тогда вот такой же пышный кортеж медленно ехал к Кремлю. Она потребовала, чтобы ее карста ехала впереди кареты невестки, — ведь она еще не коронована, и церемониймейстер удовлетворил ее каприз.

Николай ехал перед ней на белом коне в мундире полковника Преображенского полка. Когда проезжала карета Марии Федоровны, толпа устраивала ей шумные овации. Она сидела в карете одна, с сосредоточенным, строгим лицом, и лишь вяло приветствовала рукой свой народ, купаясь в последних лучах своей уходящей славы.

Ее великолепную карету, на которой когда-то ездила дочь Петра Великого Елизавета, по такому случаю вновь позолотили. На ней установили императорскую корону, а рамы, стекло и ручки кареты были украшены россыпью бриллиантов.

Вдовствующая императрица, наконец, сняла свой годичный траур, и теперь на ней было роскошное белое платье, несколько жемчужных ожерелий подчеркивали белизну ее шеи.

и Часто она подносила носовой платочек к глазам, чтобы скрыть охватившие ее эмоции.

Кортеж продолжал медленно двигаться вперед, а народ ликовал, устраивая невообразимый шум. Очень красивая Александра без короны и без головного убора, сидела, слов- но застыв, за стеклами окон своей кареты. На ней тоже было белоснежное платье, расшитое драгоценными камнями. Вдруг кортеж остановился, подъехав к чудодейственной иконе Иверской Божьей Матери. Обе императрицы вышли изсвоих карет, чтобы смиренно, как и простые нищие, поцеловать ее.

► Тогда и произошел один памятный инцидент. Как только Мария Федоровна вступила с лесенки на землю, как тол ь- ко толпа увидела ее миниатюрный силуэт, направлявшийся к иконе Пресвятой Девы, то все разразились оглушительными рукоплесканиями. Овации становились все сильнее, все напряженнее, так что из-за этого шума там больше ничего не было слышно. Так Москва выражала свой пылкий восторг этой женщине, которую каждый в толпе считал своей Матерью.

Вдовствующая императрица не могла больше сдерживать своих чувств. Крупные слезы катились у нее по щекам, и она ничего не могла с ними поделать.

Тринадцать лет назад она ехала вот по этой дороге в той же карете, чтобы получить из рук Александра III корону Петра Великого и Екатерины II, А сегодня она ехала только за тем, чтобы посмотреть, как ее, эту корону, будут передавать другой, которую она так не любила. Какое трудное испытание для такой самовлюбленной, как она, женщины, ее доминирующего надо

всеми шарма и ее громадной популярности!

И вдруг, словно кто-то с небес послал свой приказ, — этот громкий, оглушительный поток славословий в ее адрес прервался, наступила полная тишина. Что такое? Что произошло? Оказывается, приближалась другая карета, без императорской короны на крыше, ибо та, кто сидела внутри, не имела пока на нее никакого права. Александра собиралась тоже поклониться знаменитой иконе. Губы у нее были плотно сжаты, глаза покраснели, сердце колотилось в груди. Сколько она ни старалась, но она не могла улыбнуться народу, хотя ей так этого хотелось.

Все в толпе молчали, словно лишившись дара речи, когда новая императрица медленно выйдя из кареты, подошла к святой иконе и запечатлела на ней свой проникновенный поцелуй. Никто в толпе не выдавал своих чувств. Никакого намека на поклонение Ее величеству, лишь холодная, жестокая враждебность. Товарищ моего отца, который давным- давно умер, прошептал на ухо стоявшей рядом княгине Рад- зивилл:

— Боже, как все это странно! Ведь императрица едет на свое коронование, а кажется, что, напротив, она начинает свой путь на голгофу...

У въезда в Кремль, у Никольских ворот, государей встречал городской голова. По православному русскому обычаю он преподнес им хлеб и соль, а на серебряном подносике — ключи от города. Александру с утра мучила острая головная боль. Утром ее парикмахер, примеряя на ее голове корону, прикрепил ее к волосам длинной бриллиантовой заколкой. Но по его неосторожности, он вонзил слишком глубоко ее в волосы императрицы, и та даже вскрикнула от боли. Правда, она вскоре прошла, так что ни у Николая, наблюдавшего за этой утренней ее церемонией, ни у фрейлин, ни у близкого окружения не возникло ни малейшей тревоги.

В Кремле слуги расстелили малиновый бархатный ковер на ступенях знаменитого Красного крыльца, ведущего к Успенскому собору, где должна была состояться торжественная церемония.

Во главе процессии, спускавшейся с Красного крыльца, шествовала целая толпа священников в золотых ризах. Мария Федоровна шла сразу за ними в расшитом бриллиантами белом платье из бархата, длинный шлейф которого несли двое слуг. Наконец на самой высокой ступени Красного крыльца появились Николай с Александрой. Они возвышались над волнующейся толпой.

Коронационная церемония длилась целых пять часов. По русской традиции царь должен короновать себя сам. Он

принимает корону из рук митрополита и возлагает ее на себя. Для своей коронации Николай предполагал использовать в качестве короны шапку Мономаха с золотой филигранью, которой насчитывается восемьсот лет. Это была довольно непритязательная корона, которую, как предполагалось, водрузил себе на голову Владимир Мономах, правивший Киевской Русью в XII веке, к тому же очень легкая по сравнению с другими; она весила всего каких-то два фунта (698 г). Но «железный* церемониал этого не допустил, и Николай был вынужден надеть на голову другую, сделанную для Екатерины Великой в 1762 году по случаю ее коронования, — она была ужасно тяжелой и весила три килограмма шестьсот граммов.

Так что императору пришлось подчиниться вековым обычаям своей империи! Он был вынужден выдерживать ее вес на голове целых два часа, после чего, со всей осторожностью, сняв с головы, водрузил ее на голову Александры.

Можно себе представить, как разрывалась голова у Александры во время этой долгой болезненной церемонии.

Императрица-мать подошла к теперь уже коронованной императорской чете, и поочередно обняла сына и невестку. Александра, несмотря на все испытания, писала одной из своих сестер, что несмотря на продолжительную церемонию, она почти не чувствовала усталости, этому препятствовали переживаемые ею сильнейшие эмоции. Она теперь навсегда прошалась с маленькой девочкой из Дармштадта и становилась не только императрицей, но и государыней- матушкой, матерью всего народа русского.

Установившаяся в соборе благоговейная, почти мистическая тишина вдруг была прервана грохотом колоколов на колокольне Ивана Великого, и с ним смешались залпы орудий и громкие крики толпы.

Николай и Александра, совершив вековой обряд коронования Романовых медленно покидали собор, чтобы пройти по установленному традицией маршруту, — посетить все Кремлевские церкви и поклониться хранившимся в них святым реликвиям.

Потом императорская чета вышла из Кремля на Красную площадь, где их приветствовала неистовая толпа.

Позже, с наступлением ночи, для знатных гостей был устроен коронационный банкет.

* * *

В старинном русском городе и в его самых отдаленных

предместьях один бал сменял другой фактически без остановки. Пьянящее желание разгуляться во всю овладевало всеми москвичами. Все они — от самых богатых до самых бедных, от самых утонченных аристократов до самых неприметных скромняг — осознавали, что, по-видимому, им больше никогда не увидеть столь пышных торжеств.Великий князь Сергей Александрович, дядя царя и генерал-губернатор Москвы, был человеком, славящимся своей добротой, своей гуманностью, что выделяло его из числа всех его братьев, которые только и интересовались своей материальной выгодой и удовольствиями, а не серьезными жизненными проблемами.

Женившись на Елизавете Гессенской, он стал шурином императора и теперь из кожи лез вон, чтобы оказать своему близкому родственнику ревностное восторженное радушие в святом городе и доставить городскому населению самую большую радость по случаю коронационных праздников.

Ее императорское высочество великая княгиня Мария, дочь великого князя Павла Александровича, была еще совсем ребенком во время коронации. Она постоянно хвалила своего доброго дядюшку Сергея, который взял ее с ее братом Дмитрием к себе, когда их отец женился во второй раз. Сам великий князь Сергей Александрович не мог иметь детей, — что, конечно, сильно омрачало его личную жизнь, — и он отдавал всю свою любовь племянникам, которые как будто возвращали его к его счастливой молодости.

Он хотел сделать эти три праздничных дня в Москве чем- то незабываемым, чтобы все потом говорили об их величии, не забывая и его похвалить за такую бескорыстную доброту.

Он задумал организовать массовое народное гуляние в пригороде старой столицы, — так называемую Ярмарку любви, которую должны были посетить Николай и Александра. Для гуляния выбрали Ходынское поле, расположенное при выезде из Москвы по дороге на Тверь. Завзятый либерал, Сергей Александрович не пожалел значительной суммы из своих средств для организации гулянья, которую он добавил к выделенным государственным субсидиям.

Уже два дня все в столице и в предместьях только и говорили о том, какие развлечения ожидают москвичей на этом поле, какой состоится великий праздник в честь государя и государыни. Толпы людей, представители всех слоев населения, словно волна за волной, все пребывали на Ходынку, угрожая затоптать тех, кто стоял впереди, чтобы и задние могли получить объявленные угощение, выпивку и подарки. На телегах туда подвозили горы провизии. Все поле было украшено самым диковинным образом.

Там были установлены фонтанчики, из которых текло вместо воды вино, которым можно было утолить пьяную жажду, — оно доставлялось туда прямо из царских подвалов. В павильонах на козлах возвышались горы сушеного мяса, жареной птицы, колбас, а на поле все выкатывали новые бочки с пивом и водкой. Народу все пребывало, места всем явно не хватало.

Прибывшие с утра посетители ярмарки могли полюбоваться невиданными диковинками, — со всех концов света, — экзотическими птичками, учеными обезьянками, слонами, доставленными из Индии и Индокитая. Деревенские красавицы могли выбрать здесь себе блестящие бусы, получше еще, чем у цыган, дешевенькие кружева, рулоны красивого, добротного полотна для постельного белья для молодоженов. А сколько разных подарков ожидало народ! Никогда еще ничего подобного не видели в России!

На рассвете этого памятного ужасного дня на Ходынское поле стал стекаться народ, — там, по некоторым данным, собралось около пятисот тысяч горожан и жителей близлежащих деревень, привлеченных обещаниями невиданного «дождя подарков». Задолго до того, как раздался колокольный звон, возвещавший об окончании процедуры коронования в Кремле Николая и Александры, многие из зевак на поле уже начали напиваться.

Ходынка, — так называлось поле, — обычно служила учебным плацем для маневров войск московского гарнизона. Все поле вдоль и поперек было изрыто траншеями и неглубокими рвами. Оно и было выбрано городской управой для проведения гулянья, так как городскому голове не удалось подыскать место больших размеров, довольно близко расположенное от города, которое могло бы вместить сотни тысяч людей.

Бродячие актеры на подмостках балаганов творили чудеса. Говорят, что они заставляли говорить человеческим голосом обезьянок, что собаки плясали «казачка* и что все присутствовавшие там люди, не испытывая особого голода или жажды, больше всего хотели собственными глазами увидать даровые угощения, попробовать их, посмаковать да еще выпить великолепного вина, о котором многие знали лишь понаслышке...

В какой-то момент разнесся слух, что пива завезли мало, что хватит только тем, кто стоит впереди, а задним рассчитывать нечего. И тогда задние стали напирать на передних...

Так началась эта страшная драма, ставшая началом, как утверждают, борьбы против империи!

Сейчас трудно об этом судить. Но ради сохранения беспристрастности, следует подчеркнуть, что государь, государыня, члены их семьи, руководствовались в своих

действиях только собственной щедростью, благотворительностью, искренней любовью к своему народу!

Можно, конечно, возразить, сказать, что будь Сергей Александрович человеком более проникновенного ума, он мог бы предположить, что при таком сборище народа, — целом людском море, — могли возникнуть неприятности. Но стоит ли упрекать тех, что думает о других, в излишнем оптимистическом настрое, в том, что касается их действий, их поведения?

Несправедливость, проявляемая некоторыми мемуаристами конца эпохи царизма и нечестными биографами, желающими во что бы то ни стало непременно очернить царствование Николая II, заставляет нас все поставить на свои места.

В то время, когда семь тысяч гостей, собравшихся в Кремлевском дворце, провозглашали здравицы в честь императорской коронованной четы, разве не сама обезумевшая толпа — а толпа всегда остается толпой, только в России она куда более ребячливая, чем где бы то ни было, — разве не она сама превратила эту благотворительную ярмарку, устроенную без всякой задней мысли ради нее самой, в ужасную братскую могилу? Жертвами Ходынки стали как минимум тысяча триста восемьдесят девять убитых и тысяча триста раненых.Что же там на самом деле произошло?

Когда разнесся слух, что пива, выпивки всем не хватит, люди стали пробиваться вперед. Задние давили на передних и, чтобы добраться до цели первыми, подминали под себя всех — молодых и старых, женщин и детей, мещан и бродяг, — людей топтали, давили, калечили; проложенные через рвы и траншеи мостки не выдержали веса толпы и надломились, люди падали вниз, на землю, друг на дружку, верхние давили под собой нижних, горы трупов росли, и все это из-за безумного желания выпить кружку пива или стакан вина, съесть кусок пирога или жареной птицы, и из- за этого многие, словно в ослеплении, жертвовали своей жизнью.

Единственный эскадрон казаков, оказавшийся на месте, пытался навести порядок, но его тоже вскоре отбросили в сторону, опрокинули. Среди казаков тоже оказалось много раненых в этой катастрофе. Люди спотыкались и падали в траншеи > Женщин и детей топтали и давили ногами. Они истошно вопили, задыхаясь от набивавшейся в рот и ноздри земли и пыли.

На помощь казакам прибыла полиция. Но уже было поздно, сотни москвичей уже погибли в давке. Все больницы были заполнены ранеными. Город с содроганием узнавал об истинных масштабах постигшей его катастрофы.

В самом разгаре банкета о ней сообщили царю.

Николай смертельно побледнел, как и те многочисленные мертвецы на злосчастном поле, которых теперь стаскивали к шатру, раскинутому на поле в его честь. Он передвигался словно в полузабытьи, как лунатик, и этого не могли не заметить его приближенные. Царица, сильно напуганная масштабами катастрофы, потребовала, чтобы ее немедленно отвезли в самую большую городскую больницу. Вдовствующая императрица тоже захотела принять участие в уходе за несчастными жертвами.

Счастливое оживление, царившее в залах Кремлевского дворца, ярко освещенных праздничной иллюминацией, сменилось зловещей, давящей тишиной.

Реакция на это царя указывает на одну из сокровенных черт его характера, и если к ней приглядеться, то можно будет лучше понять другую, более, на наш взгляд, странную, которую он проявит позже, во времена революции. Он вдруг заговорил о своем желании уйти в монастырь, чтобы там молиться по своим усопшим подданным, чтобы его больше не трогали, оставили одного!

Александра по своей молодости наделенная большей энергией, чем муж, сумела преодолеть свое отчаяние и фатальность Судьбы, свалившейся на них обоих. Она подавала всем пример присутствия духа. Она пожелала немедлен- но присоединиться к страдальцам, к тем, кому удалось избежать гибельной давки.

Но тут возникла еще одна серьезная проблема. Вечером в этот трагический день посол Франции маркиз Монтебелло устраивал бал для дипломатического корпуса, который, по его словам, станет символом того громадного прогресса, который был достигнут во всех областях франко-русского союза, задуманного Александром III. Его сын Николай II теперь настаивал, чтобы этот дружеский союз был разработан до конца.

Николай в виде таких прискорбных событий отказался пойти на бал, на этот прием, организованный в его честь. Для Французского правительства этот бал был куда более важным мероприятием, чем просто дипломатический бал. Для украшения бала Республики из Версаля в Москву прислали бесценные гобелены и серебряную посуду, в которой подавали яства на столах Людовика XIV и J1 юдовика XV. Прованс тоже продемонстрировал свою симпатию к монарху, прислав сто тысяч дорогостоящих роз для украшения столов и интерьеров дворца.

Дядья Николая II вступили по этому поводу в жаркую перепалку с великим князем Сергеем Александровичем. Стоило ли отменять такой праздник накануне заключения столь важного

дружеского союза с Францией? Не лучше ли действовать как было намечено, позабыть на несколько часов о своей скорби, чтобы стать главным героем такого празднества, и своим на нем обязательным присутствием поблагодарить ту страну, которая демонстрирует вам наглядно доказательства своего реального сближения?

Николай II никак не мог решиться. Александра оставалась бесстрастной, как сфинкс. Она тут же вернулась из ближайшей больницы. На нее стали тоже оказывать давление. Николай никак не мог отказать маркизу Монтебелло, как и всему персоналу французского посольства.

Министр финансов Сергей Витте воздерживался от окончательного ответа, колебался. Александра уже не могли себя сдерживать! По ее щекам текли крупные слезы. Посол Англии был вынужден сделать ей замечание, — не следует забывать о своем высоком положении. Она в ее ранге не имеет права демонстрировать всем свое состояние!

И, действуя словно автоматы, — а кто действует иначе на европейской дипломатической службе? — Николай с женой направились в дом, где разместилось Французское посольство.

Вечер был тягостным для всех. Александр Извольский, который позже получит портфель министра иностранных дел и, таким образом, станет «патроном» моего отца Константина Мурузи, написал по этому поводу следующие строки, чтобы развеять злобные инсинуации, — ведь каждый свидетель толковал эту ситуацию на свой манер: «Они далеко не были равнодушными к тому, что произошло, напротив, очень сильно переживали это несчастье. Первым побуждением императора было прекратить все торжества и удалиться в один из монастырей в окрестностях Москвы и объявить общенациональный траур по погибшим, — его желание так и не было удовлетворено...»

Целых три дня во время своего визита в Москву Николай и Александра посещали больницы. Николай к тому же распорядился, чтобы каждого опознанного погибшего хоронили в отдельном гробу за его счет, а не в братской могиле, как это обычно делалось при таких катастрофах. Каждая пострадавшая семья получила по тысяче рублей из личных средств Александры. Но никакие пожертвования не могли загладить страшных последствий этой трагедии. Она еще раз показала императорской чете, что они оба — и он и она, отныне являются отцом и матерью русского народа, а он, русский народ, — их детьми.

Но и среди детей бывает столько неблагодарных!

XII.

Вся внешняя политика России в эти годы была направлена на достижение той цели, которую ставил перед собой в конце жизни Александр III: углубление дружеского союза с Францией. Уже давно дипломатические отношения между Берлином и Санкт-Петербургом охладели и оставляли желать много лучшего. Хотя оба двора внешне старались сохранять прежние сердечные отношения, Александр III имел свое нелицеприятное мнение о своем кузене, кайзере Вильгельме II. Александр, наконец, осознал, что его предки, способствуя доминирующему положению Пруссии в Германии, тем самым забывали элементарный принцип внешней политики любого государства — не позволять окружающим вас небольшим странам становиться большими, а большим становиться еще больше...

К тому же Австрия, вытесняемая Германией и Италией со своих позиций, все больше поглядывала на Восток и на Балканы, что, естественно, препятствовало расширению той славянской империи, которая называлась Россией.

В 1890 году один из членов семьи так писал об Александре III: «Сегодня император-мистик, император-притвора царствует в Санкт-Петербурге, это человек, — с сильной, властной волей, а его душа, это зерцало, не отражает тех потайных мест, где прячется его мысль. Александр создан для понимания Франции, как Франция для понимания его, Александра. Восстанавливая с взаимного согласия баланс сил, которому угрожает опасная подрывная работа Германии в видах упрочения ее гегемонии, игнорирующей сами принципы справедливого управления, он, идя на сближение с Францией, проявляет тем самым свой самый высокий здравый смысл».

В 1891 году император, принимая французского посла Лабуле, сказал ему: «Если нам уже нечего подписывать, то это уже хорошо...»

Тем временем Германия разворачивала громкую кампанию клеветы, чтобы помешать сближению двух наших народов, искавших союза.

Император особенно поощрял все то, что приходило в Россию из Парижа. В русской столице уже не было никаких следов немецкого театра, и все три главные театральные сцены Санкт-Петербурга были предоставлены французским труппам. Там овациями встречали Рейхенберга, Тео и пев- ца Паул юса.

Специальным указом императора президент Республики Сади Карно был награжден Большим крестом ордена Андрея

Первозванного, самым высоким и почетным орденом империи. Такое жалованное ему отличие свидетельствовало о том, что окончательно ликвидированы все следы враждебности, существовавшей между двумя странами во времена правления императора Наполеона III. За этим последовал визит французской эскадры в Кронштадт, а за ним — подписание военной конвенции в декабре 1893 года.

Теперь уже в гораздо более благоприятной обстановке новому послу Франции маркизу де Монтебелло предстояло выполнять его важную задачу.

Николай 11 был намерен только лишь продолжать труды своего отца, будучи убежденным, что лучшего баланса всех сил в Европе и прочного в ней мира можно добиться только через союз с Францией.

Неделю спустя после катастрофы, произошедшей на Ходынском поле, высокие гости покидали Москву, под аккомпанемент жидких рукоплесканий, и каждый из них считал, что императорская чета отправится прямо из Москвы в Царское Село, чтобы там продолжить принимать официальные поздравления по случаю их восхождения на престол. НоНиколай с Александрой после стольких треволнений, после такого нервного напряжения нуждались в кратком, на несколько дней, отдыхе. Они приняли любезное приглашение от великого князя Сергея Александровича с супругой приехать на отдых к ним, в их имение Ильинское, расположенное в нескольких километрах от Москвы.

Само собой разумеется, их политические враги, вся эта камарилья вдовствующей императрицы, увидели в таком приглашении оскорбление, наносимое всем знатным московским семьям, которые облачились в траур по случаю постигшей империю катастрофы. Все они возмущались — почему это царь не принял серьезных карательных мер против своего шурина? И, вне всяких сомнений, окружение старой императрицы во всем винило несчастную Александру. «Это она, — они твердили открыто, — подталкивает своего мужа к милосердию по отношению к мужу своей сестры».

Другие, более проницательные, объясняли такую допущенную политическую ошибку царя тем фактом, что императрица была в интересном положении, и посему ей требовался отдых в сельской местности, причем как можно скорее.

Тем не менее в тот же вечер было начато расследование драмы, случившейся на Ходынке, с целью определения виновных, и в результате лишь один человек, московский обер-полицмейстер, полковник Власовский был вынужден подать в

отставку.

Повсюду, во всех регионах обширной империи раздавалась громкая, суровая критика. Повсюду чувствовалось всеобщее недовольство. Наступление лета в сельской местности, уже хорошо известной Александре по предыдущему ее пребыванию в Ильинском, пряным запахом сена и трав услаждало отдых этой супружеской пары, настолько расстроенной и выбитой из обычной колеи трагическими событиями.

Но они не могли уйти от жизни, избавиться от череды официальных приемов, перестать быть бессильными жертвами тех утомительных обрядовых порядков, установленных предками их династии.

После коронации царской чете по протоколу полагалось совершить свой престижный вояж за границу, нанести государственные и частные визиты августейшим царствующим особам Европы.

Николай II сразу подумал о визите во Францию, о чем ему так часто говорил отец и советовал туда отправиться. Александра была ужасно рада такому проекту. Но вначале они поедут в Вену, чтобы выразить свои соболезнования стареющему императору Австро-Венгрии Францу Иосифу, у которого только что умер брат, эрцгерцог Карл-Людвиг, принц Лихтенштейнский. Австрийский посол поставил в известность министра двора князя Трубецкого, о том, что такой визит считается весьма полезным для достижения взаимопонимания между двумя императорами.

* * *

В пяти километрах от Ильинского находится Архангельское, чудо архитектуры, владение князей Юсуповых. Там находится великолепный дворец, в котором собраны выдающиеся произведения искусства, большой парк, разбитый на французский манер «гран сьекль», с его прудами, на которых разукрашенные лодки скользили по водной глади в полной тишине. Этот замечательный ансамбль мог запросто по своей красоте и величию посоперничать с другими летними дворцами, принадлежащими царской короне. Сюда после своего коронования и прибыла императорская чета.

В это время там, в Архангельском, гостили князь Фердинанд Румынский с княгиней, своей женой, старшей дочерью принцессы Саксен-Кобург-Готы.

Юсуповы никогда не скупились на расходы и всегда удивляли всех своей беспримерной расточительностью. Так, они пригласили из Санкт-Петербурга знаменитую итальянскую

оперную «звезду» Маццини и несравненную диву, певицу Арнольдсон вместе с кордебалетом.

Однажды вечером, когда для императорской четы должен был состояться спектакль «Фауст», перед самым поднятием занавеса, к хозяйке, Зинаиде Юсуповой, подошел управляющий имением и сообщил ей, что госпожа Арнольдсон петь отказывается, — видите ли, для декорации в сцене в саду были использованы живые цветы из дворцового парка, и их сильный запах мешает ей петь! Тут же по ее приказу цветы заменили на обычную траву!

Александра отдыхала, стараясь забыть о тех волнениях, которые ей пришлось пережить во время своей коронации, но все же ей было там не по себе, — она постоянно, каждый день была свидетельницей непомерного тщеславия, непомерных растрат, невиданной роскоши высшего общества, которое сейчас напоминало ей римское эпохи упадка.

Однажды вечером, когда князь Юсупов с княгиней устроили интимный обед в честь государя и государыни, они вдруг услышали топот копыт на прилегающей к столовой террасе. Все за столом вздрогнули. Это еще что такое! Что там происходит? Откуда в доме лошадь? Вдруг дверь распахнулась, и на пороге все увидели молодцеватой выправки всадника верхом на кобыле рыжей масти с букетом цветов в руке. Учтиво поклонившись княгине Зинаиде, он величественным жестом бросил цветы к ее ногам.

Царь узнал в нарушителе спокойствия одного из своих лучших офицеров эскорта, князя Витгенштейна, этого завзятого дон жуана, экстравагантного красавца, перед которым не могли устоять столько слабых женщин...

Это был большой скандал! Разгневанный князь Юсупов приказал больше никогда не впускать этого ловеласа на порог своего дворца.

За столом вместе с ними сидел девятнадцатилетний юноша, младший сын хозяина дома, князь Феликс Юсупов, который был потрясен суровостью отца. Он даже заплакал с досады. Когда императрица спросила его, почему он плачет, он ответил ей: — Разве Ваше величество не видит, что этот человек так похож на рыцарей из моих книжек сказок? Для чего с ним так поступать?

Александра ласково погладила юношу по голове:

— Феликс Феликсович, ваш этот «рыцарь» не умеет сдерживать себя, дает слишком большую волю своим необузданным чувствам. Он тем самым нанес оскорбление вашему отцу, и вам следует это понимать!

Александра просто купалась в океане нежности, который

дарил ей Николай. В компании своей сестры и своего шурина она на несколько дней обрела ту поистине домашнюю простоту, которую ей так нравилось наблюдать, когда она гостила у своей бабушки Виктории или сестры, принцессы Баттенбергской в Англии.

Лето приглашало ее к долгим размышлениям на московской почве. По воскресным дням, когда стояла такая славная погода, ей хотелось покататься верхом на лошади великого князя Сергея Александровича, но доктор был против, он запретил ей подобные физические нагрузки. В окружений Ее величества считали, что она беременна, что ждет ребенка, но все такие надежды оказались напрасными, — просто она испытывала боли в пояснице, и ее ишиас с каждым днем давал о себе все больше знать.

По вечерам, в своих апартаментах супружеская чета готовилась к своему далекому путешествию, заранее предвкушая все связанные с ним удовольствия. Они вначале поедут в Вену, но после того, как завершится этот официальный визит, их ждал Дармштадт, дворец Вольфгартен в окружении густого леса с зарослями колючего кустарника и полянами, усыпанными грабами. Там, наконец, они забудут о надоедливом этикете, перестанут заботиться о том, кого они собой представляют. Николай пообещал ей ходить в простом охотничьем костюме и сказал, что потребует от своих адъютантов держаться от него подальше, прятаться за деревьями, чтобы он испытал хотя бы иллюзию уважительного отношения к своему одиночеству.

...В конце июля императорский поезд переехал через австрийскую границу. Император Франц Иосиф лично встречал их, позаботившись о том, чтобы все проходило в скромной обстановке, без излишней помпезности. Императрицы Елизаветы в это время в Хофбурге не было, она велела мужу за нее извиниться и передать русским молодоженам свои великолепные, очаровательные подарки...

Их десятимесячная дочка Ольга путешествовала со своей гувернанткой, кормилицей и всей полагающейся великой княжне свитой.

Их пребывание в ее родном Дармштадте, к сожалению, было недолгим, из-за тех многочисленных встреч, которые ожидали императорскую чету впереди.

Во время поездки в Бреслау кайзер воспользовался возможностью устроить своему кузену Николаю неприятную сцену, когда под видом большой заботы об их дружбе дал волю своему гневу и стал осыпать царя упреками, так как из местной печати ему стало известно о дальнейшем маршруте государя. Через несколько недель он отправлялся с дружеским визитом во

Францию! Как это так!

Приведем собственные слова по этому поводу Вильгельма 11.

— Не могу сказать, что я не одобряю дружеских отношений между Францией и Россией; мне не нравится та форма, в которой проявляется такая дружба, ибо в ней кроется большая опасность для самих основ монархии. Те отношения, которые ты поддерживаешь с Францией, ставят Республику на высокий пьедестал. Постоянное нахождение русских великих князей, государственных деятелей, генералов в Ели- сейском дворце, позволяет французским республиканцам вообразить, что все они пользуются большим уважением и что они вполне могут разговаривать с коронованными особами, как со своей ровней.

Николай в ответ только улыбался, упреки германского дяди не производили на него никакого впечатления, — он на деле осуществлял великую мечту своего отца, делал большой шаг навстречу Франции, хотел стать ее другом и союзником, чтобы в результате сохранить сложившееся в Европе равновесие политических сил. Вильгельм II все больше входил в раж и даже стал прибегать к угрозам:

— Неужели ты забыл, что мы христианские императоры, и посему не имеем никакого права поддерживать близкие отношения с Французской Республикой, Поверь мне, Ники, поверь моему слову. Долгие века над французским народом будет довлеть Божественное проклятие...

Александра с тревогой следила за стратегией германского императора. Она его не любила. Она его боялась. Ей так хотелось сократить этот неприятный визит. Николай был решительно намерен осуществлять тесное сближение с Францией во всех областях, — такое было его искреннее желание.

В отличие от Вильгельма, он видел в таком сближении возможность возрождения русской империи, создания новой атмосферы в международной жизни. Из вежливости он не перебивал кайзера.

— В твоей империи есть демократы, есть они и в моей. Если ты будешь упорствовать в заключении такого союза, они явятся и к тебе и ко мне и будут повсюду трубить: вон посмотрите на Францию. Поглядите на их такие близкие отношения с царизмом! Почему бы в таком случае не создать Республику и у нас?

Николай, впитавший в себя убеждения своего отца, как и он, считал, что русский народ испытывает безграничную свою веру в царя-батюшку. Для чего это бездоказательное сравнение с Германской империей? Все эти возражения Вильгельма его не одурачат!

Он видел во франко-русском сближении опасность для

Германии, политика которой тайно была направлена против Франции и Англии.

Он считал, что Франция давно повержена, что она переживает упадок, что она не способна на какие-то заметные военные усилия. В 1871 году он видел, как его дед с отцом прошли триумфальным маршем во главе прусских войск по главной улице Берлина — Унтер ден Линден. Он помнил об унизительном пленении Наполеона III, Он теперь надеялся только на одно — необратимое падение величия Франции.

Но Александр Ш всего три года назад указал ему на его место.

Когда он расхаживал, энергично жестикулируя по своему кабинету, желая продемонстрировать царю, сидевшему напротив, свое желание укреплять союз, направленный против Франции, когда он своим грубым голосом рубил каждое слово, Александр ему спокойно заметил:

— Достаточно, Вильгельм! Прекрати! Посмотри-ка лучше на себя в зеркало, ты сейчас похож на вертящегося дервиша!

Крепкие объятия, горячее излияние чувств не произвели на Николая того эффекта, на который Вильгельм рассчитывал.

Александра, как известно, принадлежала к династии Гессенов, которые в настоящее время были вассалами Гогенцоллернов, и Вильгельм в глубине души надеялся, что его молодая родственница станет неоценимой помощницей в деле перетягивания Николая на свою сторону.

Не тут-то было! Вильгельм сильно заблуждался на этот счет. Молодая царица в свое время достаточно настрадалась от узости мышления всей этой семейки, ее угнетало их презрительное к ней отношение; она, как и Николай, живо воспринимала новые идеи, ей нравились намерения мужа обновить русскую дипломатию, она мечтала о Франции, которая казалось ей глотком свежего воздуха в этой затхлой атмосфере.

В Бреслау встреча продолжалась недолго, гости попрощались с хозяином, который был, несомненно, всем разочарован, и теперь дурно судил о своих царственных родственниках.

Царь с женой, с маленькой Ольгой и небольшой свитой прибыли в Данию, где в Копенгагене их ждали бабушка и дедушка Николая король Христиан IX и королева Луиза Датская.

Там, в Копенгагене, они провели десять спокойных дней. Престарелому королю Дании приходилось сильно страдать из-за господства Гогениоллернов, которые во время войны 1864 года отобрали у него почти половину территории страны. Он, конечно, гордился, что его дочь Дагмар была императрицей России и что ее сын теперь стал тоже императором, поэтому он не мог не

поощрять желания Николая сблизиться с Францией и в то же время отойти подальше от кайзера Вильгельма JL

* * *

Трудно было противостоять такому соблазну, Александре так хотелось показать свою крошечную дочку королеве Виктории. В конце концов до Англии из Копенгагена — рукой подать! Хотя в сентябре дни становились короче, можно было отправиться в путь по водам Балтики, которые в это время еще не демонстрировали свой нрав. Императорская яхта «Штандарт», подняв якорь, отправилась в плавание, оставляя за собой дружелюбные датские берега и приятные воспоминания об оказанном там царской чете приеме.

Английская королева в это время находилась в Шотландии, в замке Бэлморал, расположенном в диких Грампианских горах, неподалеку от Абердина. По привычке каждую осень королева встречала в этом громадном, мрачного вида гранитном замке, похожем на скалу из легенды, с его таинственными башнями. Окружающий замок первозданный, суровый пейзаж, плавающий в тумане, казался полуреальным, полуфантастическим.

Побережье Шотландии, где постоянно наблюдается серая, промозглая, сырая погода, встретила молодых русских путешественников проливным дождем. Императорская яхта бросила якорь на рейде в Лейтоне. Дядя Альберт, принц Уэльский, встретил русских гостей на борту. Принц не предполагал, что погода так быстро изменится и, проявив беспечность, приехал за своими гостями в одном, открытом экипаже. Каково же ехать в такой карете по шотландским горам под сильным дождем! По дороге их в национальных костюмах приветствовали горные жители. Они с гордым, важным видом оглядывали приезжих. Некоторые качали на руках рыжеголовых младенцев, закутавшись в свои теплые цветастые пледы, не закрывавшие их голые коленки, приветливо махали своими шляпами с перьями, а многие прижимали к бокам свои волынки на фоне полуразрушенных старинных замков.

Александра, широко открыв глаза, глядела на величественный окружающий пейзаж, не обращая внимания на этот противный дождь, который, казалось, проникал повсюду. Николай мирно разговаривал о будущей чудесной охоте в этих первозданных, созданных природой местах, которая непременно будет удачной.

Впереди показался замок. Наконец-то! Промокшие до нитки пассажиры, казалось, уже перестали обращать внимание на свое

плачевное положение. Надвигалась ночь. Эта мрачная серая громада не допускала никакого предположения о том, что их там ждет тепло и удобства. На самом верху лестницы, которая, казалось, уходила под облака, стояла королева Виктория в ожидании приезда своих гостей, в окружении крепко сбитых горцев, по крайней мере раза в два выше и толще ее. В руках у них горели зажженные факелы.

Когда Александра коснулась ножкой земли, черному небу, по-видимому, захотелось продемонстрировать свое к ней расположение, и в нем вдруг образовалась серебристая прогалина, и дождь, который шел до этого, не переставая, вдруг прекратился.

Последовали теплые семейные объятия. Бабушке сразу захотелось взглянуть на свою правнучку, и крошечная Ольга мило ей улыбнулась.

Александра со старой королевой могли часами забавляться с малышкой, которая охотно реагировала на все их сюсюкания.

Как приятно было там находиться, в этом Бэлморале, вдалеке от всех светских обязательств Лондона и Виндзора!Дядя Берти, этот неутомимый охотник, не давал Николаю ни минуты покоя. Император даже˄притворно жаловался своей матери в письме: «Вы себе представить не можете, дорогая матушка, как меня утомляет настойчивость дяди Берти. Он взял меня под свое крыло и постоянно заставляет меня охотиться так, словно мы все еще живем в пещерные времена. К тому же здесь ужасная погода, дождь и ветер каждый день, здесь похуже, чем в степях Польши, в дополнение ко всему меня преследует неудачаг как нарочно, — верите, я до сих пор даже оленя не подстрелил. Нас сопровождает Георгий, и я рад, что он здесь, несмотря на то, что дичи нет, я доволен, — мы с ним беседуем часами и это мне так нравится...»

Королева проявляла к внучке невероятный такт, и вскоре к своему удовлетворению поняла, что и после ее коронования ее не волнуют все эти «party» и официальные церемонии.

4

Весь их визит протекал в семейной обстановке. Бабушка и внучка, — обе, — не отходили от колыбельки очаровательной малютки, великой княжны, а по вечерам обе женщины доверительно беседовали.

— Скажи-ка мне, Солнышко, ты счастлива?

Александра откинулась в своем глубоком кресле табачного цвета. Эта скромница чуть покраснела:

— Грэни, у меня самый великолепный муж на свете...

Виктория вдруг мечтательно задумалась. Она отдавалась нахлынувшим на нее воспоминаниям.

—Да, дорогая моя, и у меня был такой обожаемый мною муж, что и представить себе трудно... Даже здесь, в этом замке, который мы с моим Альбертом с такой любовью возвели, я постоянно, каждое мгновение, вижу его... Следи за своим мужем, оберегай его здоровье, его мечты, рассеивай тревоги. Береги себя тоже... потому что где-то поблизости всегда присутствует злая волшебница, которая стремится разделить двух любящих существ...

Да, я часто вижу своего Альберта... Вон там, рядом с бедными хижинами в Алтнаинтасака... Как мы увлеченно, с какой страстью лазали по горам... Нужно было взбираться так ловко, как белочка. Альберт был таким сильным... Он меня брал на руки... А по вечерам мы танцевали танец с саблей вместе с моими верноподданными шотландцами... Мне даже хотели давать уроки игры на волынке...

Зрение королевы ухудшалось, и теперь она закрыла глаза, чтобы мысленно углубиться в прошлое.

Александра, воспользовавшись долгим молчанием, тишиной, царившей в слабо освещенной гостиной, подошла поближе к бабушке и задала ей довольно смелый вопрос:

— Грэни, любовный роман с принцем Альбертом не помешал вам стать королевой. Великой королевой. А были бы вы с ним так же счастливы, без этой короны, английской короны?

— Я никогда не задавала себе такого вопроса, дитя мое. Когда два любящих существа соединены навечно в этой жизни и за ее порогом, в смерти, то важны ли какие-то должности, обязанности, привилегии, окружение? А почему ты задаешь мне такой вопрос?

Александра не торопилась с ответом. Она колебалась, казалось, подыскивала правильные слова, не скрывая своего смущения.

Потом решилась:

— Грэни, порой у меня складывается впечатление, что Николаю страшно от его царствования...

— Ну, ты тоже скажешь! Что за глупая идея! Члены его царской семьи жили ради короны и умирали за нее. Может, он слишком в тебя влюблен, и такая любовь отодвигает на задний план его прямые обязанности... Тебе предстоит направлять его мысли в нужную колею...

— Мне не нравится политика...

— Никто не принуждает тебя заниматься политикой, ты должна постоянно заботиться об усилении престижа своего мужа. Разве ты не понимаешь, что вы управляете громадной империей?. Империей, о который мы, например, часто говорим, ничего

толком о ней не зная, ее не понимая... Приблизь же ее к нам. Вам Запад просто необходим! России еще предстоит развиваться. Ее громадность порой представляет собой опасность. Сделай ее ближе народу, не доверяйте всего своим министрам, будь они хоть трижды хороши.,. Сами глядите в оба, вместе старайтесь лучше познать свой народ...

— Грэни, — ответила Александра, — я разделяю ваше мнение и всегда буду следовать вашим советам. Но я не могу не признаться вам, что моя свекровь оказывает слишком большое влияние на своего сына, и это меня просто угнетает...

— Такие, злоупотребляющие своим положением матери будут всегда, Солнышко ты мое. Но не уступай, не забывай о своем высоком ранге. Ты — первая ответчица перед своим народом, перед Богом. Не забывай никогда об этом. Ты должна быть для своего мужа каменной стеной, нотакой, которую все чтут. Не позволяй себя уничижать. Если он не в состоянии преодолеть пока своей робости, то заяви сама о себе, действуй за вас двоих...

— Это вызовет еще большую ненависть ко мне вдовствующей императрицы...

— Ну и что? Если ненавидят — значит боятся. Стань для него щитом, дорогая. Я уже поняла, что у твоего доброго Николая легко уязвимая душа...

— Дело не в душе, Грэни, просто он — мечтатель...

— Но и мечтатели способны проявить свою силу, когда умеют навязывать свои мечты другим. Не отставай от него ни на шаг. Не делай ему никаких уступок. Не забывай, враг недалек, он постоянно рядом...

В королевском очаге потрескивали поленья. По стеклам без устали барабанил дождь. Гнетущая напряженность разливалась по гостиной с ее тяжелыми шторами на окнах и дверях, с диванчиками с россыпью подушечек на них; в темных углах, заставленных стульями, в чехлах из ткани, маленькими столиками и книжными полками, где, казалось, маячили чьи-то силуэты.

Александра не смела нарушить молчание старухи. Она с ласковой нежностью, доверчиво глядела на огонь. Ей всегда нравилось смотреть на пылающее пламя. Она теперь сама чувствовала огонь жизни со всеми ее амбициями, ревностью, плотской неутоленностью Николая, который своими ласками шедро осыпал ее мягкое молодое тело, в котором должен зародиться плод.

Казалось, что обе женщины, — и бабушка и внучка, — каждая мечтала о своем. Они, видимо, не сговариваясь, подумали в эту

минуту об одном, потому что Александра, воспользовавшись мгновением разрядки, тихо сказала:

— Если бы вы, Ваше величество, только знали, с каким ужасным нетерпением ожидаю я появления наследника...

— Это должно волновать вас обоих, — продолжала королева. — Только так, дитя мое, ты одержишь свою победу, и твоя свекровь первой склонит голову перед таким твоим триумфом. Кто же осмелится с этого момента критиковать тебя, тебе перечить? Тебе — обеспечить наследие династии, и у тебя будут потом полные полномочия...

Александра опустилась на колени перед королевой.

— Ах, я молю об этом Бога каждый день...

— Я знаю, дитя мое, уверена, что ты подаришь такую радость, такую отцовскую гордость своему мужу. У вас будет много детей, вы для этого с ним созданы...

— А если будут одни дочери?

— Нужно будет поступить так, как мы в Англии... Но пока не отчаивайся! Всегда помни: станешь сомневаться в себе — не отгонишь от себя злую волшебницу... К тому же у тебя будет сын, т- это записано в моем предсмертном дневнике...

Королева лукаво хихикнула и уже более серьезным тоном добавила:

— Знаешь, я уже начала свой предсмертный дневник, — я не могу долго ждать...

* * *

Со времени подписания «Сердечного согласия» ни один царь не посещал Францию. Когда Николая II через посла Моренгейма сообщил, что он прибудет с официальным визитом во Францию и будет гостем президента Республики, вся страна радовалась такому доброму известию.

Уже Александр III, главный архитектор союза с Францией, планировал такую поездку, а когда его к этому подталкивал Николай, торопил с визитом, император отвечал ему:.

— Посмотрим,.. Нужно еще немного подождать... мой союзнический проект еще должен отстояться... мы туда поедем вместе с твоей матерью.

Но, к сожалению, царь умер и не смог осуществить свой проект, и теперь Николай делал все ради его успеха.

...Попрощавшись с королевой Викторией на крыльце ее шотландского замка, получив от нее благословения, молодая императорская супружеская чета отправилась в Портсмут, чтобы оттуда выехать во Францию.

Часть русского общества подвергала суровой критике этот официальный визит, считая, что первые шаги новый царь должен предпринимать в другом направлении, а не посвящать их встречам с президентом Республики, который в любом случае никогда не будет ему ровней, потому что его образ правления в корне противоречил царскому.

Французская печать, напротив, с восторгом подхватила эту идею. Все ежедневные газеты сообщали о предстоящем визите императорской четы, словно о каком-то чуде. Заканчивался сентябрь. Листва на знаменитых парижских каштанах опала, и теперь их украсили тяжеловесными искусственными цветами.

В Европе такой визит сулил какие-то торжественные, грандиозные перемены.

Разве для французских политиков не самый лучший путь к реваншу в отношении Германии — заключение военного союза с Россией? Не самый ли это эффективный способ отмщения за унижение, которому подверглась их страна в 1871 году? Самая видная в старом мире Республика объединялась с самодержавной, абсолютистской империей в Европе, чтобы таким образом продемонстрировать всем свое могущество и внушить всем страх. Утрата Эльзаса и Лотарингии оставила в сердце каждого француза кровоточащую рану. Растущая сила армии кайзера вызывала большую тревогу у французских военачальников. Поэтому Франция не только требовала объединения своих интересов с интересами русского государства, но и намеревалась предоставить ему неограниченный кредит, в котором нуждался Александр 111 для реорганизации армии, усиления своего оборонительного потенциала и строительства сети железных дорог, благодаря которым Россия могла бы усилить свое присутствие на Западе.

К этому времени относятся первые русские займы на французской бирже в период с 1888—89 гг. под небольшие проценты. В своих мемуарах Раймон Пуанкаре, президент Франции во время Первой мировой войны, в 1914 года писал: «Те из нас, кто были свидетелями событий 1894 года, не смогут забыть того особого чувства, того потрясающего впечатления, которое произвело на нас сердечное миролюбие Александра III».

Николай намеревался воспользоваться такой благоприятной для него обстановкой.

В книгах записей о рождениях как в парижских префектурах, так и в мэриях провинциальных городов, все чаше стали появляться странные для французского уха русские имена, — Иван, Сергей, Ольга! И их становилось все больше!

Национальная полиция повсюду установила свои посты

наблюдения. Терроризм существовал уже в ту эпоху, все остерегались анархистов, революционеров, немецких шпионов и просто «нигилистов», чтобы те не устроили покушения на жизнь царя.

По всему маршруту следования царского кортежа на каждой сотне метров стояло по пяти полицейских. Французский флот в праздничном убранстве барражировал посередине пролива Ла-Манш, чтобы принять с большими военными почестями с музыкой оркестров на борт императорскую чету, после того, как английский корабль с ней войдет во французские территориальные воды.

Александра, сильно успокоенная нежным к себе отношением такой заботливой бабушки-королевы, с радостью предвкушала свое пребывание во Франции.Впервые, после отъезда императрицы Евгении, которая тайно покидала Тюильри, возле него раздавались давно забытые крики «Да здравствует император! Да здравствует императрица!»

Как только императорская чета появилась на разукрашенных в их честь парижских улицах, там повсюду вспыхивали громкие овации.

Когда их карета выехала на Большие бульвары, то восторженные крики французов уже не прекращались ни на минуту, Взволнованный царь улыбался и всех радушно приветствовал . И мператрица была так довольна тем, что хоть в этот день она не слышит злобной критики в свой адрес, — одни Лишь громкие, многократно повторяемые здравицы в ее честь доносились до ее ушей, и она краснела, словно ей было из-за этого стыдно.

В другой карете с кормилицей ехала маленькая Ольга, иг парижане к обычным здравицам добавляли еще и озорную — «Да здравствует малютка! Да здравствует великая ккяжна!» и даже «Да здравствует нянька!», и когда та поняла, что это толпа приветствует ее, няньку, то на повороте на улицу Ришелье она встала в карете и принялась посылать воздушные поцелуи толпе, вызывая хохот у стоявших в первых рядах!

Александра вдруг заметила своему мужу:

— Как, однако, все здесь не похоже надень нашего коронования!

Николай недовольно нахмурил брови. Сердце у него заколотилось в груди. Сильное волнение охватило его...

— Дорогая, Солнышко мое, нет пророка в своем Отечестве.

Александре его ответ не понравился. Она сказала ему:

— Ники, наша страна нас любит. Наша семья меня ненавидит. Доброхоты наговорили им о якобы прохладном

отношении к нам со стороны наших подданных...

Она замолчала. Для чего предаваться горьким размышлениям? Не лучше ли упиваться вот этими восхитительными первыми часами их первого появления во французской столице?

С первого вечера их ждали утомительные приемы.

Сейчас царь вспоминал об одном казусе. Его перед отъездом предупредили, что на официальном обеде в Елисейском дворце у президента Франции он должен присутствовать в черном фраке. Но такого костюма не было в его довольно впечатляющем гардеробе, где висели его военные мундиры, дворцовые одеяния, усеянные драгоценными камнями, домашние халаты, в которых он был похож на святого на иконе. Когда в последнюю минуту его главный камердинер узнал о том, что такой вечерний костюм необходим его хозяину, то тут же отправил адъютанта к придворному портному, которому и был заказан фрак. Портной, который до этого не имел дела с подобными выходными вечерними нарядами, оказался в затруднительном положении. На следующий день он отправил своего лучшего закройщика прямо в Париж, чтобы там тот собственными глазами посмотрел на последние образцы этих злосчастных фраков. Закройщик три дня изучал эти туалеты в городе всемирной моды. После его возвращения портной сшил то, что от него требовалось, и фрак обошелся царю в семьсот рублей, — сто — материал и работа, а шестьсот — расходы на пребывание в Париже закройщика!

Царь тогда осведомился, не будет ли он в этом фраке не настолько элегантным, как всегда, не разочарует ли он своим видом приглашенных светских дам, жен послов и министров?

Императрица сияла своей красотой и молодостью. Она обладала отменным вкусом и решила не слишком обвешивать себя украшениями, для чего портить природную красоту? Только одна очаровательная сияющая диадема в ее воздушно-сбитой прическе. Даже на платьях ее фрейлин было куда больше драгоценностей, чем на ней.

Статс-дама двора, княгиня Голицына, урожденная Пашкова, была в то же время образцовой фрейл иной. Чтобы отличаться от других, она появилась в бархатной тунике изумрудного цвета, вышитой серебром.

Все остальные фрейлины с монограммой императрицы, вышитой на шелковой голубой ленте через плечо, предстали перед всеми в атласных белых платьях с большими шлейфами, застегнутых на все пуговицы из бриллиантов от горла до ног, и в расшитых золотом туниках из красного бархата, с расширяющимися от локтя до запястья рукавами на китайский

манер.

Восхищенные восклицания приглашенных дам, удивленных роскошью и богатством нарядов ее свиты, были словно бальзам на сердце Александры. Она мило беседовала со знатными соотечественницами, — мадемуазель Васильчиковой, отец которой был директором Эрмитажа, княгиней Оболенской и многими другими.

Все по достоинству оценили грациозность, элегантность молодой дамы, в голосе которой порой явно чувствовались усталые нотки. Посол в России Моренгейм на следующий день устроил роскошный завтрак в своем посольстве на улице Гренель. Там присутствовали все знаменитости Парижа. Жены высших государственных деятелей Республики находились рядом с представителями и представительницами древних родов французской аристократии,

Александра очень страдала от сильных болей в пояснице. Она, предприняв невероятные усилия, заставила себя туда поехать, но, к сожалению, не смогла поговорить на завтраке со всеми тема, с которыми ей хотелось, поблагодарить всех тех, кто пришел засвидетельствовать ей свое уважение.

Воспользовавшись этим, посол распустил слух о том, что впечатления знатных дам о государыне были не из приятных.

«Ваша императрица совсем неприветлива», — таким был один из выводов.

Как мало, однако, требуется, чтобы в силу некоторых обстоятельств, не зависящих от чьей-то воли, на одном нелицеприятном замечании построить репутацию!В депешах, отправляемых из Парижа в Санкт-Петербург правительству, вполне естественно, отражались все такие неприятные отзывы об императрице. К счастью, Александра не сомневалась, что она там на самом деле — первая дама, что именно ей оказывают такие высокие почести и была этим весьма удовлетворена. Повсюду, где бы она ни появлялась, она сразу приковывала к себе всеобщее внимание. Княгиня Радзивилл, эта ее самая строгая критикесса, сообщает нам, — все это, мол, щекотало ее тщеславие, удовлетворяло ее природный эгоизм!

Ну, что можно сказать об этой злобной даме? Могла ли она на самом деле знать, что творится в душе у государыни, о чем она думает? И какая же женщина не будет польщена такими восхвалениями в ее адрес, которые, конечно, «щекочут» ее тщеславие?

Все эти нелицеприятные суждения были весьма по вкусу Марии Федоровне, доставляли ей большое удовольствие, потому что она из принципа старалась принизить все действия и все

поступки своей невестки.

Короткое путешествие от Парижа до Версаля просто очаровало царицу. Когда карета коронованной четы выехала на Парижскую улицу, и перед их глазами открылась величественная площадь и знаменитый дворец, оба они не сдержали своих возгласов восхищения, и тут же сообщили о своем восторженном впечатлении сидевшему рядом президенту Республики:

— Когда видишь все эти чудеса здесь, во Франции, то легко понимаешь, почему наша Екатерина Великая хотела любой ценой сделать точно такое же у себя. Ваш утонченный вкус диктует всему миру, он демонстрирует всем, что такое 1рациозность стиля и его очарование. Такие волшебные архитектурные пропорции! Какое величие и вместе с тем никакой мегаломании. Все так просто, человечно...

— У нас вы не увидите этих тяжеловесных немецких дворцов, — ответил ей польщенный президент.

Александра находилась под таким сильным впечатлением от всего увиденного, что пообещала президенту вновь посетить Париж и его предместья, только инкогнито, когда здесь будет открываться большая Всемирная выставка. Сколько о ней разговоров!

Их визит во Францию завершался грандиозным военным парадом в Шалоне, на берегу реки Марны.

Николай на лошади рыжей масти в казачьей форме объезжал войска. На плацу выстроились войска, шестьдесят две тысячи солдат, — альпийские стрелки, зуавы, спаги (африканские кавалеристы) в своих развевающихся накидках, обычные пехотинцы в красных панталонах. Промчавшийся перед гостями отряд африканской кавалерии поднял облако пыли. Парад закончился проездом Николая на лошади между двумя рядами пехотинцев, которые дружно скандировали в его честь «Да здравствует император!»

Александра увозила с собой самые яркие впечатления о своем путешествии в Париж, атакое большое уважение к ней всего народа настраивало ее на мечтательный лад... Однажды вечером, в Енисейском дворце, она долго любовалась в своих апартаментах знаменитым ковром, на котором была изображена королева Мария-Антуанетта со своими детьми. Когда об этом доложили президенту Феликсу Фору, тот заявил, что французское правительство сочтет за честь заказать для нее копию этого прекрасного шедевра.

Александра испытывала какое-то странное, почти мистическое тяготение к несчастной французской королеве. Она тут же приняла предложение, не скрывая своей радости.

Президент объяснил ей, что с удовольствием подарил бы своей высокой гостье и оригинал, но французские законы запрещают передачу кому бы то ни было произведений искусства из национальных музеев.

На следующий же день мастерские Гобеленов энергично принялись за работу. И этот ковер был на самом деле отлично воспроизведен в точности до последней детали, до последнего оттенка цвета, до последней нитки. Позже он был отправлен в Царское Село в качестве дара, служащего залогом укрепления франко-русской дружбы.

Был ли этот ковер каким-то символом? Если и был, —то каким? Какой зов из небытия, где обретается, несомненно, столько людских душ, несчастной австрийской принцессы достиг ушей молодой немецкой принцессы, ставшей коронованной императрицей России?

На вокзале де Бони Николай с Александрой официально попрошались с президентом Республики. Они на самом деле были искренне взволнованны. Слезы поблескивали в глазах царицы. Она заставила первого из французов пообещать ей, что он нанесет им ответный визит в скором времени в Санкт- Петербург, который будет с нетерпением этого ждать.

Вот что написал Николай своей матери по поводу своего возвращения на родину:

«Мы прибыли на германскую границу в 11 часов вечера. Несмотря на позднее время, мы услыхали звуки нашего гимна. После этого появились германские каски, и это было неприятно видеть из окна. На каждой станции во Франции слышалось «ура!» и повсюду были добрые и радостные лица; здесь же все кажется зловещим, неприветливым и скучным. К счастью, уже нужно было ложиться спать. Но утром вся эта картина за стеклом казалась нам еще более гнетущей».

Царица переживала точно такие чувства, что и ее муж. Она пользовалась теми редкими моментами, которые им предоставляло долгое путешествие на поезде в интимной обстановке одного купе, чтобы излить ему свои чувства и высказать свои сокровенные желания:

— Дорогой, мы на самом деле скоро вернемся в Париж? Страна, открывшая нам свое сердце, заслуживает быть нашим другом, заслуживает нащей любви. Ах, если бы мы только могли, как наши дядья, великие князья, жить счастливо и спокойно в маленьком домике, которых мы столько видели с тобой в эти дни! Для чего нам опять все эти тяжкие обязанности, весь этот непереносимый груз ответственности!

Николай, вероятно, гораздо меньше жены верил в то, что

император может быть счастливым человеком. Он, бросив на нее самый нежный взгляд* и чтобы, видимо, утолить свою печаль, стал ободрять ее:

— Любовь моя, первая наша с тобой обязанность — сохранить себя, и оставаться на том троне, от которого нам обоим приходится так страдать, теми, какие мы есть, двумя неразлучными возлюбленными!

XIII.

Возвращение из Франции домой наполняло их сердца горечью меланхолии. Николай так боялся этой чудовищной работы, — управлять страной, которая хотя и была его страной, но все равно была ему так мало знакома. Наступила тревожная осень. Александра все больше времени уделяла совершенствованию русского языка. Ее неистребимая робость заставляла ее быть постоянно молчаливой, скупой на слова. К тому же императорская чета боялась шумных парадов, бросающейся в глаза имперской роскоши, вообщем всего того, что заставляло их выходить из своего укрытия и приниматься играть порученную им роль. Можно сказать, что будь они оба на сцене, то стали бы плохими актерами. Они осознавали почти священную суть своей миссии, постоянно подчеркиваемой православными церковными обрядами, понимали, что только славянская православная вера давала им силы для того, чтобы преодолеть не только их неприязни, не только их страхи, но в каком-то смысле и их комплекс неполноценности, которому, однако, явно противоречило их родовое наследие.

Тем не менее нужно было готовиться к первому зимнему балу 1896—1897 годов, где ей придется танцевать с императором, чувствуя его руку на талии! Несмотря на постоянные советы старой королевы Виктории, которая умоляла ее ни на минуту не забывать о своем высоком положении государыни, Александра смертельно скучала от общения с двором, который проявлял к ней полное безразличие или уважение по принуждению, если только самое банальное любопытство не подталкивало приглашенных дам явиться к ней, чтобы ее поприветствовать.

Ее саму обвиняли в безразличии. Острые стрелы ежедневно долетали до нее из Аничкова дворца. Ни одна из этих придворных дам никогда не задумывалась о том, что молодая женщина, ставшая русской императрицей, всегда вела самую строгую, затворническую жизнь в своей молодости, и никто ее на родине не готовил специально к такому ее высокому нынешнему положению.

С самого начала ее упрекали в пуританстве. Всегда одна, без настоящей подруги, которой она смогла бы доверять. Александра считала всех приглашаемых в Зимний дворец светских львиц женщинами ужасно фривольными и к тому же дурно воспитанными. Было ли это правдой? Я располагаю большим количеством воспоминаний эмигрантов из русской аристократической среды, в том числе и членов моей собственной

семьи, которые противоречат таким слишком скорым, слишком суровым суждениям несчастной русской императрицы. Она однажды имела неосторожность признаться одной из своих фрейлин, финке по происхождению. «Мне совсем не нравятся петербургские дамы, в голове у них только мысли о молодых, смазливых офицерах».

Ну, вполне естественно, на следующий же день, это ее высказывание стало достоянием всего дворца, а потом и всего высшего общества. Дамы, о которых шла речь, кипели негодованием.

В январе 1897 году во время бала в Зимнем дворце, на котором она верховодила, несмотря на ужасные боли из-за своей новой беременности, Александра заметила одну молодую девушку с весьма смелым декольте. Она послала к ней одну из своих гессенских фрейлин, чтобы та сделала ей выговор:

— Сударыня, Ее величество поручили мне сказать, что в их великом герцогстве Гессенском женщины не носят таких открытых туалетов.

— На самом деле? — переспросила та, еще сильнее опус- кая обеими руками корсаж. После чего с вызывающим смешком, добавила: — Я вас прошу, передайте Ее величеству, что у нас в России как раз носят только такие платья!

Разве могла императрица не обидеться на подобную вольность? Она не могла преодолеть своего отвращения к подобным проявлениям неуважения к ней, к ее высокому рангу, которое стало проявляться с самого начала, с первого ее столкновения с высшим женским обществом в Санкт-Пе- тербурге, с последовавшего за этим охлаждения, постепенно довольно быстро переросшего в презрение и открытый вызов. Ее упрекали еще и в том, что всем приходилось отчаянно скучать на организуемых императрицей вечерах. Она, несомненно, могла бы поставить на место всех тех в ее окружении, кто проявлял к ней злобное недружелюбие, и для этого у нее, в отличие от того, что пишут о ней, вполне хватало ума и чувства ответственности. Можно подумать, что скромность — это настоящее преступление для тех, кто в силу своего рождения призван играть свою престижную, отмеченную величием роль среди пошлой толпы, которая именует себя элитой. Вот только почему?

Александра совсем неплохо танцевала. Ее природная фация, тонкая талия, очаровательные ножки могли ей обеспечить успех у самого привередливого кавалера. Но не ее призвание — быть распорядительницей на балу, да и ее новое положение в первые эти месяцы не слишком этому способствовало!

Если бы только сам император проявлял хоть какой-то, пусть

слабый интерес к устраиваемым ею танцевальным вечерам, которыми так увлекалось все русское высшее общество! Все, возможно, было бы иначе. Но беда в том, что он целиком разделял вкусы жены и истинные моменты счастья они переживали, когда оставались наедине друг с другом в интимной обстановке своего семейного очага.

К тому же царь сильно страдал из-за своей новой роли, — ведь его прежде никто не ставил в известность о чем бы то ни было, никто с ним не обсуждал никаких проблем даже во времена царствования отца.Тем не менее год 1897-й обещал быть благоприятным.

Весь январь Александра изо всех сил надеялась на появление у нее наследника. О ее беременности было объявлено официально, а так как состояние ее здоровья заставляло желать лучшего, медик советовал ей почаще отдыхать и стараться как можно меньше волноваться.

Из Аничкова дворца, где обитала Мария Федоровна с осколками своего бывшего двора, долетали до императрицы невежливые, обидные ремарки:

— Говорят, она ждет ребенка...

— Это тоже будет беременность на нервной почве, как и та, во время коронации... В любом случае наследника у нее никогда не будет. Само небо, кажется, настроено против нее...

Все эти пересуды заставляли ее все больше осознавать свою священную обязанность, — непременно произвести на свет наследника престола, чтобы тем самым обеспечить преемственность династии для народа, который устал от раздоров в лоне царской семьи и от беспрерывной пропаганды нигилистов, которые своими действиями стремились подорвать у крестьянской массы вековое уважение к дому Романовых...

Часто Александру упрекали и в ее слишком усердном религиозном рвении, в частом посещении церквей, в знании церковных реликвий и в страсти к собирательству редких икон.

Из-за великой любви к мужу, она стала такой христианкой, словно и родилась в православии, тем более сейчас, когда сам Бог давал ей тайные знаки и готовил ее к новому материнству.

Почему же в этот момент, когда она чувствует все больше свою слабость и силы ее покидают, не находить их в религии? Разве это не логично?

Очень скоро у всех этих богатых кумушек, у этих гарпий, украшенных диадемами, этих праздных и горделивых дам империи не останется ничего, кроме презрения к глубокому отнюдь не показному благочестию той, которая никогда не желала осыпать их упреками, и которая только и мечтала о

симпатии к себе; той, которую саму тайно упрекали, —■ о чем сегодня говорит один известный психиатр, — в ее повышенной сексуальности, которой так не хватало тем, которые насмехались над нею...

С необъяснимой злобой Екатерина Радзивилл заявит: «Напрасно она думала, что рождение у нее дочери разочарует весь народ; свой народ она уже совсем не интересовала...»

Интересно, где же этот биограф черпал свою информацию для подобного утверждения? Во-первых, народ еще слишком мало знал свою государыню, чтобы совсем ею не интересоваться, к тому же в ту зиму еще никто не знал, кем разродится императрица, — мальчиком или девочкой?

Жизнь будущей мамы проходила тихо и спокойно, без особых тревог, как она того и желала. Музыкальные вечера, концерты для избранных во дворце, на которые приглашались музыканты-виртуозы, как отечественные, так и иностранные. Чтение, театральные спектакли. Она рисовала, занималась вышивкой по несколько часов ежедневно, она присутствовала при пробуждении маленькой Ольги, которая в свои пятнадцать месяцев заявляла о своем раннем развитии; она была такой болтушкой, и ужасно любила полепетать на ручках у мамы. Она обладала крепким, пышущим здоровьем.

Хотя Николай и унаследовал от отца пятнадцатилетие мирной жизни, молодой царь все же, несмотря ни на что, плохо знал международное положение России.

Он прилежно исполнял все свои государственные обязанности, и, прежде всего, стремился следовать той же политике, которую до него проводил его отец; он стремился всеми средствами гарантировать сохранение мира, который, казалось, в это время укреплялся.

К весне 1897 года планы его на сохранение мира уточнялись, он искал не только военных союзов, но и кое-что еще, чтобы продвинуть свою империю дальше, по всему миру. Этот, бесспорно, утопист, наделенный, однако глубоким гуманизмом, что признают в нем многие историки, очень хотел всеми фибрами своей души, стать носителем новых идей, чтобы идти вперед, к всеобщему разоружению.

Ради этого он обратился ко всем с торжественным призывом к миру во всем мире и ко всеобщему разоружению. Он таким образом по праву заслужит завидное звание предтечи пацифистского движения, которое впоследствии будут на все лады восхвалять коммунистические глашатаи, забывая при этом, что именно русский монарх, этот самодержец, первые высказал такую благотворительную мысль...

Ни мегаломан Вильгельм II, ни принц Уэльский, будущий английский король Эдуард VII, ни французская демократия, все еще залечивавшая раны, нанесенные ей поражением в войне Наполеона III с немцами, ни другие монархи — скандинавские, испанские, итальянские, ни константинопольский султан, никто из них не был таким альтруистом, не обладал простой политической мудростью, чтобы задуматься над этим.

Как же нам принять презрительные суждения о характере Николая и о его царствовании тех его современников, которые из чисто партийных интересов станут обвинять его, если не в глупости, то в слабоволии или безразличии?

Справедливость следует всегда восстанавливать, и все народы, и прежде всего, народ русский, — должны знать, что последний император дома Романовых, этот двадцатишестилетний молодой человек, в самом начале своего царствования стал первым в истории монархом, который выдвинул идею единения между всеми народами.

К инициативам молодого императора все же прислушивались. В министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге была создана специальная комиссия, которая занималась составлением дипломатических нот различным правительствам, учитывая при этом стиль изложения, приемлемый для каждого из них. Так благодаря трудам Николая, его воле и его идеализму, был учрежден Международный постоянный арбитражный суд, о чем, судя по всему, забывают многие современные политики и дипломаты, — а этот суд стал первым краеугольным камнем, заложенным в величественный небоскреб Организации Объединенных Наций, организации, созданной в полном соответствии с идеями, выражаемыми когда-то этим русским императором, которого все мы так плохо знаем!

Международный постоянный арбитражный суд в своих заявлениях, рассылаемых правительствам, выражал свое предостережение: курс многих стран на вооружение порождает множество финансовых и моральных проблем.

Само собой разумеется, заинтересованные страны положили этот призыв под сукно. Некоторые дипломаты того времени высказывали предположения, что такая экстравагантная идея пришла в голову царю потому, что он опасался перевооружения Австрии, что не могло его не беспокоить. Нужно в этой связи заметить, что Франц Иосиф всегда проявлял свою воинственность по отношению к Востоку, во имя так сказать психологического реванша в отношении Севера, где новая Германская империя не могла не внушать ему страха и заставляла вести себя довольно благоразумно. В некоторых немецких газетах появились

сообщения о том, что австрийская артиллерия получает новые современные полевые орудия, которых у России на тот момент не было. Один украинский издатель выпустил в свет шеститомный труд некоего Ивана Блиоха, крупного русского экономиста, статистика и финансиста еврея по национальности, который в своем труде убедительно, с привлечением множества фактов и удручающей статистики говорил о возможных массовых человеческих жертвах в будущей войне, об экономических потерях и ужасных разрушениях во всех странах. Царь, ознакомившись с его трудом, был настолько им поражен, что дал ученому секретную аудиенцию. Он не только одобрил его идеи всеобщего разоружения, но и выделил личные средства для перевода этого труда Блиоха на иностранные языки, чтобы найти таким образом поддержку своей идеи в других странах.

Александра с искренним усердием поддерживала все усилия мужа в этом направлении. Она целиком одобряла его здравую инициативу и часто обсуждала с ним наедине, как, какими средствами помочь этой идее пробить себе дорогу. А тем временем во дворце вдовствующей императрицы, в ее салоне, продолжались грязные инсинуации по поводу ее беременности.

Одним из самых главных критиков такого благородного предложения царя, стал принц Уэльский. Он в своем дневнике сделал такую запись по этому поводу: «Николай выдвинул идею, глупее и смешнее которой я в жизни не слыхал...»

А кайзер был настолько ею возмущен, что тут же телеграфировал в Санкт-Петербург: «Николай, что с тобой. Уж не бредишь ли ты? Вообрази монарха, распускающего свои полки, овеянные славой пятисотлетней истории, и отдающий свою столицу демократии и анархистам!»

Но все же многие страны благожелательно восприняли такой масштабный призыв. Выходит, Россия не такая уж примитивная страна, за которую мы ее принимали?

Европа на самом деле не интересовалась Россией и, по сути дела, не знала до 1897 года что там, в этой далекой стране, происходит. Тогда еще не знали, что очень скоро в первые годы царствования Николая II культура России получит два довольно лестных эпитета: «Русский Серебряный век» и «Русское Возрождение». И это вполне соответствовало действительности!

Новые идеи возникли не только в политике, они затронули философию, науку, музыку, театр, балет, искусство вообще. Особый всплеск творческих сил наблюдался в области поэзии и литературы.

Один малоизвестный в стране автор по имени Антон Чехов написал пьесу, которую отказывались ставить театральные

режиссеры. Но через два года его «Чайка», получила такой бешеный успех, что писатель вписал свое имя в список крупнейших русских классиков. Молодой постановщик Константин Станиславский впервые открыл двери созданного им знаменитого Московского художественного театра. В это время создавал свои острые, гениальные сочинения романтического реализма писатель по имени Максим Горький.

В 1894 году выдающийся русский философ и поэт Владимир Соловьев начал публиковать свои труды. В Петербургском институте экспериментальной медицины русский ученый Иван Павлов, достигший выдающихся результатов в медицине, проводил свои замечательные опыты по физиологии животных, связанной с центральной нервной системой, за что в 1904 году получил Нобелевскую премию.

Молодые художники, отходя от академизма и декадентства, пытались возродить древнее русское религиозное искусство. Один русский художник-портретист стал одним из самых знаменитых в Европе, — его звали Валентин Серов. Великие пианисты из Москвы и Санкт-Петербурга соперничали в своем искусстве друг с другом.

Николай Римский-Корсаков дирижировал Санкт-Петербургским симфоническим оркестром, среди его учеников был один, очень талантливый, развивавший в музыке совершенно иное, чем у учителя, направление. Он искал в народном фольклоре, в народной музыке такие музыкальные темы, которые потом обеспечат ему бессмертие в искусстве. Его звали Игорь Стравинский! Позже во весь голос заявил о себе еще один ученик Римского-Корсакова — Сергей Прокофьев.

В Санкт-Петербург из Москвы приехал мелкопоместный дворянин, чтобы учиться музыке у Чайковского и Танеева. Это был Сергей Рахманинов. Один молодой человек с красивым басом начинал свою карьеру оперного певца. Это был знаменитый Федор Шаляпин. Сергей Кусевицкий создал свой симфонический оркестр в Москве, которым и дирижировал. Между двумя оркестрами началось беспримерное музыкальное соперничество, которое только приветствовали изысканные музыкальные вкусы государя с государыней, которые устраивали концерты, поощряя таким образом, и того и другого.

Во всех крупных городах империи, во многих одновре- менно, возникали оперные труппы. Тифлис, Киев, Одесса,

Москва соперничали, своими творческими постановками, своими престижными программами спектаклей. Музыкальный сезон обычно длился восемь-девять месяцев в году. Только в одном Санкт-Петербурге работало четыре оперных театра.

Николай уже думал о создании Народного музыкального дома, в котором простые русские люди с небольшим достатком смогли бы слушать шедевры музыкальной культуры или песенного искусства за чисто символическую плату — двадцать копеек! Такой Народный дом на самом деле был построен через несколько лет, в 1901 году.

Тем не менее такая его идея была принята в штыки консерваторами и всякими реакционно настроенными меломанами, которые считали, что тем самым делается уступка в искусстве вульгарщине!

В конце весны 1897 года уставший от напряженной работы царь уехал на несколько дней, чтобы поохотиться и отдохнуть в сельской местности, на природе. Александра, измученная своей беременностью, почти не вставала со своего шезлонга. В июне у нее родилась здоровая, пухленькая девочка, великая княжна Татьяна, к великому огорчению роженицы и великой радости вдовствующей императрицы, которая повсюду трезвонила:

— Моя невестка не способна дать нам наследника!

Интересно знать, почему она так считала?

Императрица сама кормила грудью новорожденную Татьяну. Этого имени уже давно не было в семье Романовых. Поэтому молодая императорская чета и настаивала на нем во имя прошлого своего престижа и своей религиозности, — в память о святой Татьяне.

Александра выглядела очень усталой. Она так любила свою маленькую дочурку уже только за то, что ее появление освобождало государыню от всякой светской деятельности в конце этого года, когда петербургская знать проявляла свою особую жадность к различного рода праздникам и торжествам.

Император, очарованный тем, что он снова стал отцом, часто уходил из своего рабочего кабинета, чтобы навестить малышку. Что тут же дало одному злому журналисту повод написать: «Вот вам, император, — да он гораздо больше проводит времени в детской, чем за своим рабочим столом...»

Их семейная жизнь отличалась, как и прежде, простотой, свойственной добропорядочным счастливым буржуа, которые ужасно рады видеть, как их семья увеличивается, и от этого их взаимная нежность с каждым днем только усиливалась.

А эти увешанные бриллиантами придворные гадюки исправно выделяли свою ежедневную порцию яда:

— Императрица настолько ослабла, что не может кормить ребенка. Она наверняка подорвет здоровье девочки!

— Она настолько разочарована тем, что у нее родился не сын, а дочь, что теперь постоянно недовольна, дуется на всех...

— Она не показывается на людях, не может пережить своего поражения!

— Это — ее последняя попытка, вот увидите. Говорят, что ее личный акушер весьма пессимистично настроен, а царь не скрывает своей горечи...

Боже, как же нравится приличным людям представлять действительность в соответствии со своими низменными инстинктами!

К счастью, во всех этих россказнях, передававшихся из уст в уста в гостиных императорского дворца и в аристократических салонах столицы, не было ни грамма истины.

* * *

Все единодушны в том, включая и недружелюбно настроенных к ней биографов, что после рождения второй дочери — Татьяны — императрица стала куда щепетильнее относиться ко всяким суждениям о ней, а постоянные поиски надежных подруг, которые могли бы вывести ее из добровольной изоляции, заставляли иногда терять самообладание и даже не контролировать свои поступки.Можно ли в такой связи утверждать, что такая атмосфера, противоречившая ее доброжелательной натуре, натуре, жаждущей постоянно человеческого тепла, предвещала в ней первые признаки психической неуравновешенности?

Говорят также, что она ничего не понимала в русском характере. Не потому ли, — заметим мы в ее оправдание, — что ее характер тоже было не так легко понять.

Капризный, нетерпимый характер большинства дам из высшего света, хотя некоторые из них и могли стать ее доверительными компаньонками, напротив, отдалял от них Александру, которая совсем не важничала, но не могла, была не способна, терпеть их резких перепадов в настроении, непредвиденных крутых поворотов, так как сама привыкла к простоте в обращении, к прямоте и искренности.

Стоит ли после этого удивляться, что несчастная царица все больше углублялась в изучение православия, постоянно искала в религии, в сверхъестественном, ту сердечную теплоту, которую ее сердце в полной мере ей не давало. Ее несгибаемый характер не позволял ей легко менять свои пристрастия, — симпатии и антипатии, — что резко контрастировало с духом угодничества и лицемерия придворных.

К тому же русская знать все больше замыкалась в своем узком кругу. Она обычно не допускала к себе и высокопоставленных

чиновников, даже министров империи, если они были низкого, не патрицианского происхождения.

Придворные дамы, ее фрейлины, — все дарили ей заученные, принужденные улыбки, но при всех ее попытках сблизиться с ними оставались холодно недоступными.

Как же ей в конечном итоге не отвернуться от такого язвительного, изливающего яд общества, которое, включая и членов ее собственной семьи, замечали и злобно комментировали каждый ее неверный шаг, каждую, совершенную ею поневоле ошибку.

Ей было просто необходимо, чтобы избегать этих льстивых реверансов и поклонов, этих многозначительных умолчаний со стороны многих в ее окружении, проявлять свое высокомерие, которое тут же вызывало град упреков. Распространялись слухи, что она — самодовольная великая гордячка и к ней невозможно подступиться.

Великая княгиня Мария Павловна, вдова великого князя Константина Александровича, так и не сумела вывести ее из того монашеского молчания, которым она отвечала на нескромные авансы большинства светских дам. Только одна королева Греции, Ольга Константиновна, всегда имелак ней беспрепятственный доступ последние три года девятнадцатого века. У королевы был замечательный характер, она была наделена чисто природной добротой, и всегда сильно переживала, когда видела с какой ненавистью императрица-мать относится к своей невестке.

Еще одному человеку удалось заручиться симпатией Александры. Это стало таким важным событием, что все петербургское общество вместе с царской семьей открыто высмеивали происходившее.

Речь идет об очаровательной смуглой молодой женщине, которой в ту пору было лет тридцать, дочери старого короля Черногории Николая I Негоша. Она была так несчастна в своем первом браке с герцогом JIейхтенбергским. Эта принцесса была вынуждена согласиться на развод, что, конечно, испортило ей всю жизнь. Жестокость, проявляемая к ней ее супругом, заставила ее покинуть неустроенный семейный очаг. Александре было об этом хорошо известно. Страдания, выпавшие на долю этой несчастной женщины, сближали царицу с ее дальней родственницей. Повсюду все говорили, что Мария Федоровна постоянно опекала княгиню вместе с ее сестрой Милицией Черногорской, супругой ее кузена, великого князя Петра Николаевича, но та ответила ей черной неблагодарностью и императрица отвернулась от нее.

Анастасия, которую обычно все называли Стана, обладала чисто славянским характером, любила все сверхъестественное,

оккультизм и все связанные с магией науки. Ее сестра полностью разделяла вкусы и пристрастия сестры, и обе они прославились при дворе тем, что принадлежали к обществам магов, теософов и имели склонность к изучению иных религий.

Так как ни та, ни другая, не желали в силу своего свободолюбивого характера, подчиняться скрытой власти вдовствующей императрицы, то все на них глядели косо. Им придумали обидные прозвища — «черная чума» за то, что они часто отпускали весьма язвительные, но правдивые замечания по поводу выходок многих членов императорской семьи.

Когда Александра узнала в каком трудном положении оказалась княгиня Стана Лейхтенбергская, она пожалела ее, ее несчастную судьбу, и увидела в ней свою союзницу, ведь и ее, как Стану, осыпали упреками из Аничкова дворца, ее, как Стану, постоянно осуждали те члены царской семьи, которых определенные дипломаты без особого уважения называли «старым двором».

В конце весны, когда царица почти никого не видела у себя из-за недавно перенесенных родов, для этой миловидной, разведенной женщины она сделала исключение. Черногорской княгини все сторонились из-за ее нового положения разведенной и из-за ее резкого, прямолинейного характера, который многим не нравился.

Великий князь Николай Николаевич и его брат Петр Николаевич тоже стали исключениями, Александра не проявляла к ним такой холодной сдержанности, как к остальным членам семьи Романовых, и поэтому те были частыми гостями во дворце императрицы в Царском Селе.

Императрица очень скоро стала «спасать» свою протеже, ограждать ее от презрительного к ней отношения из-за того, что она теперь — «разведенная». Николай Николаевич, старший дядя Николая II, слишком легкомысленно с юмором, относился к своему высокому титулу — Ваше высочество. Он на самом деле был человеком высоким, его рост — два метра, и, как и его племянник Александр III, внушал всем уважение только одним своим присутствием, своей подтянутой фигурой военачальника и воинственным видом.

Александру вдруг осенило: почему бы этому свояку Анастасии не стать еще и мужем молодой разведенной женщины? Она не ошиблась в расчетах. Она проявила инициативу, чтобы покончить со всеми злостными слухами в отношении Анастасии и усмирила быстро тех, кто выступал с критикой ее матримониального прожекта.

Великий князь Николай Николаевич все же женился на Стане

(в 1907 году), и таким образом обе дочери короля Черногории стали еще и свояченицами, — случай довольно редкий и оригинальный!

Сколько было сказано, сколько написано о том, что с этого времени императрица стала увлекаться практикой спиритов, которой увлекались черногорские сестрички, постепенно стала жить в атмосфере если и не магии, то, по крайней мере, в такой, в которой она испытывала тяготение к различным оккультным науками.

Эти уроженки южного края, черногорские княгини, вносили в дворцовую жизнь такую радость, такое веселье, без которых императорской чете никогда бы не выбраться из черной меланхолии.

Стана, как и ее сестра Милиция, излучали просто веселую цыганскую бесшабашность, и она, конечно, действовала на окружающих. У обеих был такой неудержимый, такой экспансивный характер, что он многих просто шокировал, и те только дивились почему это царица с таким упорством оказывает им свою поддержку и защиту? Но чего там! Ведь их мужья принадлежали к узкому семейному кругу самого царя, и посему не рекомендовалось слишком громко выражать кому бы то ни было свое неодобрение их поведением.

Благодаря черногорским сестрам, молодая мама получила хоть какое-то развлечение, чтобы развеять свою скуку, но в августе 1897 года ей пришлось все же вспомнить о своих тяжких, «противных» обязанностях.

Ее положение государыни заставляло ее принять во время официального пребывания в Санкт-Петербурге своего кузена, любителя пустить пыль в глаза, словоохотливого гер- майского императора Вильгельма И, кайзера, который прибыл 7 августа в сопровождении императрицы Августы-Виктории, своего канцлера, князя Гогенцоллерна, и своего министра иностранных дел графа фон Бюлова.

Роскошный дворец в Петергофе, с его прудами, монументальными лестницами, фонтанами, способными соперничать с фонтанами Версаля, был приготовлен для приема Гоген цоллернов.

Семь дней приемы, парады, концерты, банкеты сменяли друг друга, но все они служили лишь помпезным обрамлением, которое так нравилось германскому монарху, для продолжительных уединенных бесед один на один с русским императором.

С плохо скрываемым раздражением кайзер подвергал упрекам русскую империю и, разумеется, ее хозяина, своего

кузена Николая II.

Ему не нравились ни поездка царя во Францию, ни подписание союзнического договора между Парижем и Санкт-Петербургом, и он высказывал по этому поводу свое мнение. Вильгельм II был человеком самодовольным. Он заранее решил, что его личное обаяние, превосходство ума, виртуозное владение словом, наконец сама помпезная, грандиозная атмосфера, в которой проходили все его государственные визиты, помогут ему успешно затуманить мозги этого слабого русского царя и подчинить своей воле того, в руках которого судьба всей России,..

Обширная переписка кайзера Вильгельма II с его большим другом, который пользовался не без причины репутацией парижского Калиостро, — графом Филиппом Эйленбургом, свидетельствует о том, как проходил этот визит в Россию, и какие тяжелые последствия имел он для русской империи.

Обратимся же к ней.

«Результаты моей поездки превзошли все ожидания. Во время наших нескольких бесед я выразил свое полное согласие с Ники по всем самым важным политическим вопросам, в результате складывалось впечатление, что мы с ним вдвоем являемся хозяевами всего мира!»Один лишь этот отрывок из письма германского императора очень много говорит о его тщеславии, об отсутствии у него прозорливости, о его словоохотливости и его стремлении к господству.

Прежде всего, Вильгельм II хотел добиться от Николая одного, чтобы тот оказал влияние на курс французской внешней политики, чтобы в Париже не поднимали вновь вопрос о принадлежности Эльзаса и Лотарингии.

Николай II, всегда загадочный и немногословный, словно сфинкс, возражал, приводя убедительные доводы:

— Вильгельм, но я не вижу, как я могу вмешаться в решение такой проблемы...

— Ну, а мир во всем мире тебя не волнует? Разве ты не обратился более чем к двадцати нациям, призывая их к разоружению и проведению эффективной, постоянной дипломатии, а это* позволь тебе откровенно сказать, на мой взгляд, большая глупость.

Николай, давно привыкший к резким упреком со стороны своего родственника, сохранял спокойствие. Его собеседник настаивал на ответе, и тогда он заговорил:

— Вильгельм, но мне прежде придется поговорить с моим союзником, Францией. Франция — великая страна, и любой демарш мирного характера...

— Ты не прав, — перебил его нетерпеливый кайзер. —

Французы прежде всего — галлы. Они так любят драться, что-то завоевывать, провоцировать всех... Нечего уповать на свои прежние о них впечатления. Этот народ так унижен поражением Наполеона III... Он жаждет реванша, это точно. Любой ценой мы не должны этого допустить. А цена этому — равновесие политических сил в Европе... К тому же поведение Англии выводит меня из себя. Этот ее колониальный тон превосходства, эта мания постоянно совать нос в наши дела, все могут испортить. Ты ничего не смыслишь в больших делах, в международной торговле, так что позволь уж мне тебе сказать, что нужно положить конец таким высоким ее амбициям. Если будем ждать, то можем и опоздать... Я предлагаю объявить блокаду... Поклянись мне, что ты заставишь присоединиться к ней и Францию... Этого я, как ты сам понимаешь, сделать не могу...

Золотые фонтаны Петергофа выстреливали свои тугие струи в небо, и те падали, рассыпаясь водяными кружевами, назад, в бассейн, взбивая в них пену, словно на рукотворном море, звучали мощные залпы орудий, офицеры блистали своими яркими мундирами, обе императрицы в роскошных, модных платьях, обменивались заранее приготовленными фразами, сохраняя строго монотонный тронный политес, хотя ни та, ни другая не доверяли ни в чем друг другу, а кайзер только и получал букеты цветов и рассыпался в самых бестактных похвалах самому себе в письмах своему корреспонденту, другу Эйленбургу: «Мы с Ники прошаемся, став еще более близкими друзьями. Я на самом деле — самый ловкий дипломат моей империи, да и всей Европы».

Вот вам, истинный характер этого «великого» человека!

Неужели ему на самом деле удалось обмануть царя, как он говорит об этом?

Беседы в Петергофе, которые продолжались целых восемь дней, по существу, ничего не изменили в царской внешней политике. Николай просто подчеркивал мирный характер франко-русского союза, главная цель которого — не допустить больше никакой агрессии в будущем со стороны любой империи. Чтобы развеять страхи Вильгельма, Николай бросил ему только одну фразу:

— Я послежу за тем, чтобы французы закусили удила.

Все остальное — фанфаронство чистой воды, болтовня

Вильгельма. Как только немецкая эскадра кайзера отошла от берега в Петергофе, царь в беседе со своим дядей Алексеем доверительно сообщил:

— Этот надоедливый Вильгельм вызывает у меня тревогу. Он

утомил меня своими бесконечными речами. Не могу понять, почему это он позволяет себе в беседе со мной затрагивать подобные вопросы, даже не поставив меня заранее об этом в известность, и я в результате не смог согласовать свои ответы с моими министрами.

Николай чувствовал себя вполне уверенным в самом себе после этого тяжкого визита, который ужасно измотал Александру, но, тем не менее, следует, хоть это и трудно, заметить, что кайзер, этот дьявол во плоти, породил в нем искушение и оно, это искушение, куда гораздо страшнее и губительнее всех совершенных им потом ошибок, способствовало десакрализации его власти и его определенного ему Богом положения в стране, — этим губительным искушением стали пропитанные ядовитой сатанинской серой слова, произнесенные кайзером по поводу Дальнего Востока:

— Ники, Господь приберег для тебя великую славу. Он поручает тебе сделать все, чтобы воссиял Крест Спасителя на берегах Тихого океана... Так будь же достоин этой великой миссии, осознай всю важность и святость такого похода...

И Николай, в гораздо большей мере, чем обычно полагают, плененный этой навязчивой идеей, идеей служить величию России, служа Христу, из-за этих непритязательных слов собирался совершить самую тяжелую свою ошибку за все свое царствование — начать войну в Манчжурии!

XIV.

Двух императоров — Германии и России — сближала одна особенность: супружеская верность. Как это неудивительно, ни у того, ни у другого вне крепких брачных уз с императрицами, их супругами, не было ни одной женской при вязанности.

В 1881 году Вильгельм женился на Августе-Виктории, дочери герцога Эрнеста Шлезвиг-Гольштейнского. Августу никак нельзя было назвать красавицей, — она была высокого роста и довольно полная. У нее не было ни женского шарма, ни изящества, она одевалась без всякого вкуса, и постоянно краснела; ее главное предназначение состояло в том, чтобы плодить детей. У нее было шестеро сыновей и одна дочь. Вильгельм всегда придерживался в жизни трех весьма примитивных концепций, которые определяли всю жизнь немецкой женщины, —дети, церковь, кухня. Нужно сказать, что она просто обожала своего мужа. Желчный князь Эйленбургский довольно злобно описывает ее в молодости, когда она была влюблена и повиновалась любовным порывам: «Она бежала, скорее, летела к императору, словно пчелка... не могу же я, не осмелюсь, сказать, — как корова, убегающая от лающих собак..

Александра с трудом мирилась с присутствием рядом своей кузины. Со своей стороны, Августа-Виктория сурово осуждала императрицу за то, что та отказывалась от своей религии, в этом она усматривала святотатство и даже позорную брачную сделку.

Брачную сделку? Как будто юная принцесса Алике в это время имела хоть какое-то пусть слабое представление о том, что такое брачная сделка! Корыстные, амбициозные расчеты, в которых Августа-Виктория обвиняла несчастную императрицу существовали лишь в ее воображении. Но психология германской императрицы в полной мере соответствовала ее шарму — то есть нулю!

Августа всегда считала своей первейшей обязанностью — беспрекословное исполнение воли своего хозяина и господина. И она в этом всегда была на высоте. Теперь она получила строгие инструкции — добиться как можно большего расположения к себе Александры. Она абсолютно не справилась с такой задачей во время недельного пребывания в Петергофе, но разве в этом была только ее вина?

Две императрицы фактически были обречены на бесполезные совместные прогулки, они были вынуждены вести беседы о воспитании маленьких детей, о еде и яствах, причем каждая выражала свои личные об этом представления, и банальные

взгляды немки выводили царицу из себя и заканчивались жестокой мигренью.

Но она не теряла терпения, терпения, которое позже достигнет истинной святости, и делала все, чтобы ублажить гостью, — организовывала для нее концерты, устраивала морские прогулки по Финскому заливу, полдники с обильным угощением, на которых густой шоколад, — любимое лакомство германской императрицы, — можно сказать, тёк рекой.

Обе властвующие четы распрощались, наконец, дав друг другу взаимное обещание о скорой новой встрече. Через несколько недель они вновь встретятся в Германии. Со своей обычной бестактностью Вильгельм разузнал о том, что Николай предпочитал проводить с женой свой отпуск в семейной обстановке в Гессене, который царица особенно любила, ибо именно с ним были связаны ее лучшие воспоминания детства.

Она вновь стала думать об этом во время второго офици - ального визита, — визита президента Франции Феликса Фора, который состоялся 25 августа 1897 года. В этот памятный день, в четверг, на борту крейсера «Потуо» царем и президентом Французской Республики был провозглашен военный союз. Николай, хотя немного путался в произносимых им речах, твердо противостоял своему кузену Вильгельму, когда заявлял:

— Я счастлив, господин президент Французской Республики, оттого, что Ваше присутствие среди нас создает новые узы между нашими народами-братьями и союзниками, которые решительно настроены всеми своими силами поддерживать мир во всем мире в духе законного права и равенства.

Для русских и французских моряков были устроены грандиозные празднества, и те и другие, смешавшись, весело братались.

Александра с нетерпением ожидала завершения морского праздника. Состояние ее здоровья ухудшалось. Она постоянно думала только о своей второй маленькой дочурке. Она мечтала о скорой поездке на родную землю, где целых две недели в сельской цветущей местности Гессена она будет чувствовать себя настоящей супругой, молодой мамой, наслаждающейся восторгами материнства, забудет о всяком этикете, приемах, всех этих притворных якобы искренних приветствиях, которые мешали ее все более и более проявляющемуся у нее влечению к одиночеству...

Николай разделял радостные чувства своей жены. Их ожидала простая жизнь, — правда, к сожалению, лишь на короткое время! — в маленьком замке Фридберг, и мысль об этом наполняла всего его радостью.

Расположенный между Франктуртом и Дармштадтом особняк, который почему-то помпезно все называли замком, приютился в зеленом ущелье и обладал такой простотой и безыскусностью, к которым богатые, погрязшие в роскоши буржуа относились лишь с презрением.

Там протекала тихая, мирная жизнь, почти в анонимате, в условиях полной свободы. Ах, какое это отдохновение для императора! Никаких тебе почтительных поклонов, раболепства, никаких тебе аудиенций.

Фридберг! Там можно прогуливаться в коляске, быстро мчаться мимо свежего, зеленого подлеска. Соседей здесь немного, и они находятся довольно далеко. Николаю нравилась охота, и вот в сентябре осуществилось его желание. Отчаянный всадник, он выискивал крупную дичь. Ах, как свободно чувствовал он себя на охоте, никакой другой спорт с этим не сравнится! Его тщеславие пропало, и теперь он получал большое удовольствие от того, что сливался с лошадью, они с ней становились одним существом. У этого могущественного человека, хозяина ста восьмидесяти миллионов душ сейчас появилось ощущение полного из- бавления от ярма власти, когда ему постоянно приходилось думать об анархистах, которых он осуждал и наказывал, — но здесь ничего не поделаешь, нужно уважать собственные законы...

Александра предпочитала простые, белые платья. Ей нравились легкие прозрачные накидки, так как ее обнаженные плечи были слишком чувствительны к утренней свежести. В розарии устраивали чаепитие. Некоторые розы цвета шафрана издавали такой тягучий, приторный запах, от которого нельзя отделаться, как от данного обещания. Если сестры не навещали ее все вместе, то приезжали каждая по отдельности.

Ирина покинула скучный берлинский двор своей свояченицы. Иногда ее сопровождает князь Генрих, куда более гуманный, куда более скромный человек по сравнению с кайзером. Баттенберги знали, что самое большое удовольствие они могут доставить Александре, если нагрянут неожиданно, что будет для нее радостным сюрпризом.

Королева Виктория так ждала ее с ее младшей дочуркой! Из Шотландии всегда привозили сотни очаровательных подарков, в том числе и от королевы Виктории, которая сейчас ей почти не писала из-за болезни глаз, и ей приходилось полагаться лишь на нежные воспоминания. Какое красивое вышитое золотой нитью одеяльце для новорожденной, для этой Татьяны, которая улыбается, лежа в своей колыбельке, под вековыми липами замка.

Элла, великая княгиня Елизавета, всегда приезжала к ней на

свидание. В это время года она обычно находилась в Париже, где великий князь Сергей завязал тесные отношения со многими богатыми французскими семьями, с которыми встречался на Лазурном берегу.

Ну и что, если Эллы нет с ними? Но разве они о ней не думают, не вспоминают, разве не пьют за ее здоровье знаменитый яблочный сок, который так любят все детишки Гессе- на! Уже давно позабыты все прежние ссоры с Александрой.

В парке проходили веселые игры. Больше всего всем нравились «жмурки». Часто Николаю выпадало водить с черной повязкой на глазах. Его окружали все дамы, и им строго- настрого было запрещено разговаривать или смеяться, чтобы таким образом себя не выдать. Но всегда победу одерживало супружеское чутье царя, — когда он уверенно направлялся к этим невидимым для него из его ложной «слепоты» грациям, то неизменно в конце концов касался своей рукой руки Александры...

Все громко ему аплодировали, все смеялись, все излучали радость. Все заигрывали с маленькой Ольгой, которая ревниво следила за своей сестренкой, стоя возле ее колыбельки, словно на часах.

Повариха Гертруда расставляла в дальнем углу террасы знаменитые лукошки для сбора грибов. Почти все обитатели замка непременно принимали участие в выходе по грибы. Все разбивались на маленькие группы, у каждой был свой маршрут, и дух соперничества помогал грибникам в поисках; вскоре у них в корзинках было уже полно шампиньонов, лисичек, и, главным образом, белых, которые император так любил.

В этой непринужденной, осенней обстановке чувствовалось то особое настроение, которым пропитаны сельские рассказы Тургенева или Чехова. Полная беззаботность, главное условие, чтобы каждый получал свое удовольствие. Прямо-таки воспитанницы колледжа на каникулах!

Три сестры Гессен-Дармштадтские любили вышивать и вязать. Они порядком поднаторели в таком искусстве, и им нравилось давать все советы, — они бросали вызов другим посоревноваться в этом ремесле и устраивали чуть ли не конкурсы виртуозного рукоделия!

У Николая было свое любимое развлечение, — неожиданно исчезнуть, чтобы его никто не заметил. Со своим шурином, великим князем Эрнестом, или со своей свояченицей Ириной.

Иногда все совершали довольно далекие поездки, — до Висбадена, а чаше всего в Дармштадт, во Франкфурт или даже в Гамбург. Единственное желание всех, — чтобы их там никто не

узнал. И вот Николай, словно мелкий коммерсант из пригорода, поднимался с подножки в трамвай, покупал билет и вскоре вступал с непринужденный разговор с пассажирами, которые и не подозревали, что они разговаривают с самим императором великой России!

Какой цельной, какой приятной, какой простой, без головоломок, казалась ему жизнь в такие редкие моменты уединения, когда он забывал о своей важной роли, которая была ему навязана и которую в результате он играл, повинуясь долгу!

Когда он бывал во Франкфурте, ему нравилось войти в пивную и там заказать для себя большую кружку пива. В такие мгновения он думал о Вильгельме, и не без юмора говорил себе: «Мой кузен похож на пиво своих подданных. Сколько пены, и какой пресный вкус!»

Иногда он заходил в магазины. Он обожал носить перчатки и примерял у прилавка множество пар. Он там покупал портсигары, игрушки для Ольги, шали для жены...

Довольно часто с увесистыми пакетами в руках он терпеливо дожидался на остановке трамвая, который отвозил его до того места, где его ждал экипаж.

С каким наполненным безмятежными нежными чувствами сердцем возвращался он вечером в Фридберг. Мирный, уютный свет в гостиной подчеркивал тишину этой местности. Но порой его ждала, если и не плохая, то и не очень хорошая новость. Александра на него надулась. Ей уже стало обо всем известно. Какой-то соглядатай, явно полицейский шпик, выследил царя среди всех русских, когда он покупал газету в киоске в Висбадене. Еще один узнал его в кафе в Дармштадте: все, очарование его инкогнито кончалось. Но, как известно, беда никогда не приходит одна, и кайзер, узнав о пребывание своего кузена на территории Германии, взорвался. Не принимая никаких объяснений, он устроил головомойку великому князю Гессенскому, своему вассалу:

— И как император Германии, и как король Пруссии никогда не позволю императору всей России находиться на территории рейха и делать при этом вид, что мы с ним — незнакомые люди!

Красивые голубые глаза Николая под воздействием печальных обстоятельств помрачнели. У Александры тоже погас ясный взор. Оба были этим сильно озабочены и решили уступить воле грозного немецкого монарха. Нужно будет устроить блестящий прием в Дармштадте или Висбадене...

Решетчатые ставни захлопывались, приглушая свет веселья в окнах. Физиономии у всех гостей в Фридбурге потускнели. Нужно было теперь готовиться к худшему. Этот педант Вильгельм

своими действиями постоянно всем напоминал, что самодержцы — это, прежде всего, актеры. И этот спектакль для них будет бессрочным.

Со своей обычной бестактностью, кайзер бесцеремонно навязывал другим свои желания и порой требовал того, что не было предусмотрено программой пребывания. Он, воспользовавшись представившейся ему возможностью, перехватил Николая, где-то между полдником и обедом, стал донимать его своими скабрезными политическими вопросами.

При этом он преследовал единственную цель: настроить его против коварной Англии, которая для него с каждым днем становилась все более ясно выраженным недругом. Ему также хотелось показать, до какой степени эта декадент- ствующая Франция погружается в атеизм и как она развращена и прогнила...

Николай, совсем не подготовленный к такого рода диалогам и весьма мало расположенный к ним, ибо, вполне естественно, их опасался, позволял разоружить себя, и тот, все бил в тот же колокол, прибегал к тем же штампам и к тем же угрозам, словно бесноватый!

Царю не оставалось ничего другого, кроме как слушать, или, скорее, только делать вид, — а сам он в это время думал совершенно о другом. Он сидел с отсутствующим, мечтательным видом, за который его часто упрекала свита, но, в сущности, это был вид вежливой защиты перед напором агрессивно настроенных собеседников.

Вполне естественно, Вильгельм принимал молчание царя за молчаливое согласие, и за одобрение всех его мыслей.

Они пожимали друг другу руку с какой-то комичной торжественностью. Вильгельму страшно нравилась любая публичность. Все самые лучшие журналисты рейха были своевременно предупреждены. Нагловатые фоторепортеры — уже! — скрывались за бочками с пальмами ярко освещенной резиденции и делали множество снимков.

Вечером Александра пришла в их спальню, чтобы ободрить мужа:

— Ники, ты хорошо поступил, дал ему высказаться, он так любит поговорить...

— Если бы только это... Но он заставляет вас говорить, когда вы не произносите ни слова. Через несколько дней увидишь в газетах мои декларации, в которых нет ни слова правды...

Александра улыбнулась. Даже не улыбнулась, а расхохоталась, что бывало с ней довольно редко, ведь ее молодое лицо всегда отличалось строгостью.

Николай, ужасно довольный своей развеселившейся женой, захотел узнать, какова причина ее веселья. Она, словно нашалившая молоденькая девушка, призналась:

— Ты наверняка знаешь «Мнимого больного» Мольера. Так вот: если бы у меня был писательский талант, я бы написала комедию о Вильгельме и назвала бы ее «Мнимый гений»...

Теперь оба они засмеялись, засмеялись от чистого сердца. Но все же Николай счел необходимым напомнить ей:

— Знаешь, дорогая, приходится с ним считаться... Увы, к сожалению, он — не мнимый император...Третья беременность Александры протекала гораздо тяжелее, чем вторая. С ноября 1898 у нее участились приступы тошноты, а хрупкость ее здоровья вызывала тревогу у царя и у ее медика. Консилиум запретил ей передвигаться в карете. Николай утрачивал свое обычное спокойствие. Довольно мрачные перспективы проводимой им внешней политики оставляли его если и неравнодушным, то, по крайней мере, не вызывали особых терзаний. Но из-за слабого здоровья императрицы он все сильнее нервничал: переживал. Но супружеская пара только все заметнее сплачивалась.

Если была хорошая погода, то императрице позволяли посидеть на балконе, подышать свежим воздухом, так как она страдала и от приступов удушья. От всех приемов пришлось надолго отказаться. Всем было известно, что новая беременность императрицы причиняет ей невыносимые страдания. Во всех церквях произносились молебны на здравие. Из всех губерний присылали трогательные телеграммы, — от военнослужащих, местных администраторов, от мелких коммерсантов, которые выражали в них свою симпатию императрице и желали ей скорого выздоровления.

Об этом мало говорили, но все молча чувствовали, надеялись на рождение наследника престола.

Николай почти не отходил от больной супруги. Она хотела уехать в Крым, в дорогую ей Ливадию, и там ждать исхода родов в таком знакомом для них всех Ливадийском дворце, но и в таком удовольствии из соображений осторожности ей было врачами отказано.

Страстный, возлюбленный муж, внимательный и чуткий отец, Николай постоянно находился возле шезлонга, на котором будущая мать пыталась ему через силу улыбнуться. Он читал ей вслух роман Толстого «Война и мир», чтобы Александра не напрягала глаза.

В мае 1899 года на свет появилась Мария, третья дочь Александры.Нужно ли говорить о том, что царь, который гораздо

нетерпеливее других отцов ждал появления наследника, и хотя он пребывал в плохом настроении, все же воспринял третью великую княгиню с доброй улыбкой признательности за такой подарок своей жене от Господа.

Гораздо сильнее страдала от этого она, сетовала на упрямство Судьбы, которая, несмотря на ее жаркие продолжительные молитвы, несмотря на ее абсолютную веру в божественную доброту, каждый раз вызывала у нее разочарование после очередного рождения у нее девочки.

Это лето было безрадостным для всей императорской семьи. Вдовствующая императрица приходила в отчаяние. Ее сын, великий князь Георгий, который по праву наследия получал престол вслед за старшим Николаем, умирал в свои двадцать восемь лет от туберкулеза, который уже долгие годы подрывал его организм. Это был юноша замечательного ума. Николай просто обожал своего младшего брата. Его остроумные замечания, шутки производили большое впечатление на будущего царя, когда они, оба еще юноши совершали вместе различные путешествия, и он, Николай, все тщательно за ним записывал в специально заведенную для этого записную книжку. Но, увы, Георгий уже несколько лет жил в Крыму.

Врачи запрещали ему выбирать другое местожительство. Он умер за несколько месяцев до наступления XX века.

Небо было еще ясным, словно прекрасные летние деньки еше не прошли, когда его тело привезли из Ливадии в одетый в траур Санкт-Петербург, который провожал его в последний путь с искренней печалью и сожалением. У Александры, сразу после родов и рождения маленькой Марии, — самых трудных за два года, произошел нервный припадок, после которого она меланхолично, с горечью и тревогой, следила за душевным состоянием Николая, приходившего в отчаяние от смерти своего брата.

Со смертью Георгия перед старшим братом со всей определенностью встал вопрос о престолонаследии. Если Судьбе будет угодно отказать супружеской императорской чете в сыне, то младший брат, Михаил получает официальное право именоваться цесаревичем, наследником трона.

В глубине души Мария Федоровна за это и молилась. Она уже давненько отдавала свои предпочтения своему самому младшему сыну, и не отказывалась от самых высоких амбиций для него, так что многие люди в окружении бывшей императрицы с удивлением слышалитакие высказывания о великом князе Михаиле, которые слетали с уст его матери:

— Михаил гораздо больше, чем Николай разбирается во всех

тонкостях русской политики. У него — единственный недостаток, — то, что он родился через десять лет после моего старшего...

Все об этом, конечно, было известно Николаю. В своем траурном платье Мария Федоровна производила на него сильное впечатление- Во время задушевных разговоров этой последней в столетии осени 3 она вырвала у него обещание подписать указ о пожаловании ее последнему сыну титула цесаревича...

Требование матери сильно напутало Николая, С одной стороны, они с Александрой еще не настолько стары, чтобы не иметь больше детей, а с другой, молодая императрица твердо пообещала, что она обеспечит наследие династии Романовых по мужской линии, это, мол, ее забота...

— Матушка, — робко возразил Николай, — как может Ваше величество требовать от меня столь серьезного шага? Неужели вы хотите, чтобы я сам официально отказался от своего наследования? Не так ли?

Мария Федоровна возмутилась:

— Николай, прошу тебя, не заставляй меня рассказывать о том, что я храню в глубине своего израненного сердца. Вот, у тебя рождается третья дочь. Наши медики совершенно уверены, что у твоей жены больше не будет детей. Ну, в таком случае, чего ждать?

Он окаменел, у него появился какой-то отсутствующий взгляд, как говорят в своих мемуарах многие из его собеседников. Но врожденная мягкость не покинула Николая, и он совсем не был безразличным. Такое его состояние было чем- то вроде убежища, позволявшего ему сохранить самообладание и подготовить получше свой ответ.

Он, неторопливо наклонившись к матери, почтительно поцеловал ей руку и сказал:

— Матушка, не лишайте нас последней надежды! Я по- чему-то уверен, что в один прекрасный день Александра подарит мне сына.,,

Мария Федоровна издала смешок, не злобный, нет, а окрашенный долей иронии, которая говорила о ее истинных чувствах.

— Ты сам выбрал себе женщину, которая приносит нам одни несчастья! Это она-то даст России нового императора? Дитя мое, не рассчитывай на это, лучше подумай о своей ответственности. Лучше назначить твоего брата естественным наследником, чем ждать, когда русский народ это сделает за тебя...

Ничто не могло больнее ранить Николая, чем такое замечание матери. Он с большим уважением относился к отцу, он очень любил мать, но даже это не могло заслонить его страсти к

своей жене.

Он долго молчал. Его мать тоже не раскрывала рта.

Осенняя ночь окружала своими тенями Аничков дворец. Он поднялся, чтобы с ней проститься.

— Матушка, позвольте мне удалиться... На моем рабочем столе куча неразобранных дел... Я подумаю над тем, что вы мне советуете. Но у меня нет никакого права лишать мою жену вполне законной надежды...

— Ей нужно считаться с реальностью!

— Ее молитвы, долгие моления в церквах...

— Ничего не поможет, — резко оборвала сына вдовствующая императрица, поднимаясь, чтобы поцеловать его в лоб.

— Вот увидите! Произойдет чудо! Обязательно произойдет! И я с таким удовольствием, с такой нежностью буду прижимать к своей груди маленького цесаревича...

— Нужно было думать об этом раньше!

— Не будем же больше огорчать друг друга. Я люблю свою жену, люблю безумно; я ныне — отец трех дочерей, но мы с ней еще, по сути, молодые люди, и императрица поправит свое здоровье...

— Миражи, сын мой, миражи... Твой младший брат никогда не допускался до официальных бесед с министрами. Теперь он достиг такого возраста, когда ему пора брать на себя какую-то государственную ответственность. Зачем все время его задвигать в тень только потому, что вы с женой мечтаете о чем-то невозможном?

*

Николай медленно закрыл веки с длинными ресницами. Потом взял протянутую матерью руку, долго, ласково ее поглаживал:

— Матушка, послушайте меня, — пусть невозможное, пусть расчудесное, пусть сверхъестественное, но что-то должно произойти, чтобы избавить нас от такой тяжкой ноши... То, что вы хотите, просто чудовищно, — это — приговор... И в нынешнем состоянии Алике я не могу сообщить ей о подобном решении...

Мария Федоровна вдруг расчувствовалась. Она вспомнила, что когда-то и у нее с Александром была такая супружеская жизнь, и Бог увенчал их счастье, сразу же подарив им наследника!

— Ладно, ступай, мой сынок. Благословляю тебя и очень хочу, чтобы я заблуждалась. Ну что же, будущее покажет, кто из нас с тобой прав. Передай Ее величеству, что завтра я нанесу ей визит...

Когда наступила ночь Николай поехал в карете в Царское

Село. Густая сырость вызывала у него дрожь.

Теперь, когда он был один, он вспоминал разговор с матерью, обдумывал его. У его матушки, такой во всем совершенной, нет одного — веры! Он ведь знал, что Господь назвал его для выполнения трудной миссии, и он был уверен, что должен за это получить награду. К тому же разве Господь мог отказать очаровательной Алике исполнить свою самую дорогую, самую естественную клятву, — родить ему сына!

Он погонял лошадей. Он еще мог до темноты увидеть на руках своей жены это маленькое сокровище, — подарок Небес, — его последнюю дочь Марию...

Сердце у него колотилось в груди. Он не опоздает. Ведь он лишь наспех просмотрел все эти бумаги, которые постоянно накапливаются у него на рабочем столе. Да, он будет напряженно трудиться, чтобы заслужить такую награду, он присоединится ради этого к молитвам своей возлюбленной...

* * *

Все столицы, как Старого, так и Нового Света, казалось, застыли в едином ожидании. Последняя ночь XIX века заканчивалась на Руси... а половина Европы уже приветствовала наступление нового века, обещавшего такие дивные чудеса, невероятные технические изобретения, успехи в самых различных областях, когда осуществится, наконец, мечта молодого Николая, и все народы объединятся, и такие надежды, казалось, становились реальностью, фактом. Франция, превращавшаяся во все большего друга России, занималась подготовкой к проведению Всемирной выставки. Теперь повсюду только и было разговоров о чудодейственных новинках, о магических метаморфозах в повседневной жизни. В Париже уже появилась волшебница, которая стала сенсацией, и она направляла свою волшебную палочку по направлению к его соседям, — эту фею звали Электричество. Николай с Александрой с увлечением читали все брошюры, все газеты, поступавшие в Санкт-Петербург из Франции. Президент Французской Республики в своем сердечном Новогоднем поздравлении пригласил молодую императорскую чету оказать честь своим присутствием на громадной выставке, призванной продемонстрировать всему миру здравомыслие европейского гения и его озабоченность достижением всеобщего мира. Государь с государыней — когда позволяло состояние здоровья Александры, — посещали театры. Недавно они побывали на представлении комедии одного автора, уже довольно известного в кругах элиты, но пока не получившего

истинной оценки. Его звали Антон Чехов. Его пьеса «Дядя Ваня* пользовалась определенным успехом.

Императрида восхищалась этой пьесой. Она открывала в ней все то, что ей когда-то рассказывала сестра о русской душе.,.

Как ей хотелось бы попутешествовать инкогнито по всем этим обширным регионам России, где множество местных обычаев, семейных привычек заполняли экспонатами этот громадный сентиментальный музей под голубым небом.

Все больше и больше царившая в Александровском дворце атмосфера напоминала атмосферу богатого английского особняка, где обитатели по возможности живут, выполняя трудную, порой непосильную работу, где счастье — это собраться всем вместе, чтобы что-то почитать, послушать музыку, или, в основном, помолиться. Достаточно ли было сказано в многочисленных книжках, посвященных императорской чете, о ее постоянных религиозных занятиях?

Нужно вернуться к стародавним временам, к прошлым векам, к эпохе Средневековья, чтобы увидеть у русских правителей мистическую любовь такой же громадной силы. Можно ли упрекать человека за то, что он обрел пристанище в Боге? Император очень любил монахов, отшельников, саму атмосферу в святых монастырях, приютившихся на высоких горных вершинах или спрятавшихся в непроходимых лесах, откуда, словно защитный покров, подымается туман сжигаемого в кадилах ладана, располагающего к высоким мыслям...

Отсутствие наследника стало для царской семьи епитимьей, от которой можно избавиться лишь упрощением в повседневной жизни, отказом от тщеты, определяемой их высоким монарши м статусом.

Перед тем, как дать ответ матери, которого та с нетерпением ожидала, царь в своих долгих молитвах советовался с Христом. Что это такое, — фатальность, — которая накликает на него и его жену такую беду?

С каждым днем они становятся все более суеверными, окружают себя колдунами, предсказателями, которые говорят о них со своими оракулами. Один из них настойчиво советовал царю не жаловать своему младшему брату титул цесаревича, так как по его словам, передача такой высокой должности, лишит его, царя, натурального наследника, которого Господь непременно ему с женой пошлет.

Эта последняя фраза заставила Николая II решиться. Он с озабоченным видом сообщил об этом матери, ожидавшей его ответа, и даже Мария Федоровна смиренно склонила голову перед благочестием и глубокой верой своего сына. Но сделала это

она с горечью в сердце, ей приходилось разочаровываться в своих предпочтениях, которые она любовно оказывала великому князю Михаилу. Когда она начинала думать об этом, ее тут же охватывала холодная ярость, — подумать только, ее дорогой Мишенька, такой красавчик, такой жизнелюбец, такой энергичный, такой лучезарный, такой отважный, — не в Царском Селе, но она не могла настаивать, даже в глубине своего материнского сердца, — ведь и тот, кто царствует, тоже ее сын, — вот тебе и дилемма!

Министр внутренних дел Д.С. Сипягин посоветовал царю отправиться в Москву, чтобы поклониться там древним иконам, — через их заступничество, — заверял он царя Николая, — и получит он желанного наследника.

Путешествие состоялось без всякой помпы. Придворный медик разрешил императрице сопровождать в поездке супруга, и оба они снова приехали в бессмертный город, город их коронования. Оба они, словно обычные, скромные странники опускались на колени в церквах, потребовав от своей свиты самого незаметного поведения и минимального церемониала.

Они бродили от Успенского собора до Лобного места, от церкви Вознесения, до собора святого архангела Михаила, — целиком возведенного из уральского гранита, — но повсюду на их ревностные молитвы отвечала тишина, — Господь не отвечал на них, а те святые, которым они поклонялись, казалось, были глухи к страстным мольбам супругов.

Так постепенно Николай с женой все больше и больше стали тяготеть к спиритизму.

Великая княгиня Стана со своим супругом только поощряла своего августейшего племянника с племянницей чаще посещать спиритов, их сеансы с вертящимися столами и вызыванием духов мертвых.

Весной этого года государь с государыней жили в Ливадии, в их дорогом Крыму, где красота Черного моря, мягкий климат и высокие сиреневые горы, усыпанные цветами, в какой-то мере были им наградой за их пребывание в постоянной, скрытой тревоге. Но, судя по всему, и там их ожидала мрачная пора. Николай, которого никогда не подводило крепкое здоровье, вдруг слег с брюшным тифом.

Александра поставила перед врачом ультиматум: она будет сама лечить и выхаживать императора. Он не мог ей противоречить, несмотря на вероятность заражения в результате такого продолжительного нахождения рядом с больным. Уже давно они вызвали верную миссис Орчард, и Орчи теперь мыла лицо и руки императору... Александра не желала покидать

комнату царя даже на завтрак. Его ей приносила Орчи и ставила тарелку рядом с кушеткой, на которой она отдыхала. Когда наступило выздоровление, царица весь день убивала скуку своего пациента, читая ему вслух книги. Николай тогда и написал матери: «Алике занималась-мной куда лучше любой сестры милосердия».

Осенью супружеская чета вернулась в Царское Село. Все высшее санкт-петербургское общество знало, что государь с государыней большую часть своего досуга посвящают встречам со спиритами, занимаются с ними столоверчением и вызывают духов мертвых.

Нужно сказать, что никто не насмехался над этим их новым занятием, напротив, это в то время была просто безумная мода, охватившая все светские салоны столицы, не был исключением и двор, где ошивалось множество различных авантюристов, которые, пользуясь попустительством высшего общества и царского дворца, умело обстряпывали свои делишки.

21 января 1901 года в своем замке в Осборне скончалась самая великая королева XIX века — Виктория. В возрасте восьмидесяти одного года она без всякой скидки на года успешно выполняла свою работу, без всяких нареканий, эта вдова, которая так страстно, так сильно всю жизнь любила своего мужа, — качество, весьма редкое среди королевских супружеских пар.

Известие о ее смерти застало Александру еще в Крыму. Царю стало значительно легче. Императрица, вновь забеременевшая, несмотря на упреки медиков, опасавшихся последствий новой беременности, на сей раз была твердо уверена, что у нее появится столь желанный наследник, о чем, конечно, не меньше ее мечтал и ее муж.

Новость о кончине любимой бабушки, пронзила, словно кинжалом, ее сердце. Она хотела немедленно ехать в Англию, но получила официальный приказ не вставать со своего шезлонга, если не желает прерывать свою беременность. Она писала тогда своей сестре:

«Ах, как мне хотелось снова увидеть л ицо нашей дорогой и любимой Грэни,,. еще никогда мы не были в разлуке так долго, — целых четыре года. Если бы я не находилась так далеко от нее, то, не раздумывая, оставила бы мужа, детей, и тут же поспешила бы к ее изголовью, пусть даже всего на несколько дней. Она для меня была второй матерью после смерти моей мамы, — вот уже двадцать два года...*

Нужно было проявить максимум твердости, чтобы не позволить царице ехать в Виндзор. Пышная поминальная служба в честь королевы состоялась в английской церкви в Санкт-

Петербурге. Александра с трудом сдерживала слезы. На людях она вдруг разрыдалась. Смерть старой королевы не только означала для императрицы утрату женщины, которую она любила больше всех на свете, но она еще лишала ее просвещенного советника, которая в более чем пятидесяти письмах (к сожалению, уничтоженных в 1917 году) рассказывала своей любимой внучке о всех своих тяжких предчувствиях, давала ей рецепты против ее робости и горечи, которую она все больше испытывала в своем сердце к Марии Федоровне. Отсутствие наследника омрачало все мысли несчастной матери. И вот теперь, когда она в четвертый раз оказалась в интересном положении, вера в чудо не покидала ее ни днем, ни ночью.Жизнь в Царском Селе все больше начинала походить на жизнь в монастыре, что вызывало презрительное неудовольствие довольно легкомысленного, фривольного двора, который с каждым днем замечал, как ограничивают его распутную свободу, как царица вводит все более строгий режим, который никак не вязался с ее еще молодыми годами, и теперь всем приходилось расставаться с сотнями веселых, азартных праздников, которые уже впредь не состоятся... Казалось, голоса из потустороннего мира больше привлекали внимание Александры, чем любезные, почтительные голоса ее женского окружения.

Ее часто обвиняли в том, что она была якобы подвержена религиозному психозу, и такие предположения еще сильнее огорчали ее. Скажем, что ее большая вера переносила ее в иной, далекий от повседневного мир; в силу своего характера, полного восприятия православных обрядов, в результате выпавших на ее долю испытаний, она предпочитала другую, а не эту «нормальную» жизнь, когда вокруг много настоящих друзей, когда наступают моменты расслабления и когда так легко и свободно дышится.

В июне 1901 года Александра разрешилась от бремени четвертым ребенком. И снова девочка! Анастасия! Она станет впоследствии очень знаменитой личностью по причине мистификации одной авантюристки, некоей госпожи Андерсон, которая выдавала себя за спасшуюся от кровавой расправы Анастасию. А может, она и на самом деле была выжившей великой княжной?

Девочка с рождения была просто малюткой, крошечного росточка, но у нее были большие красивые голубые глазки, и все ее называли «маленькой прелестью»...

Рождение четвертого ребенка доставило царице множество новых страданий. Во дворце царило упаднические настроение. Император старался, как мог, чтобы окружить жену самыми

нежными заботами. Вся императорская семья, смирившись с судьбой, которая не пожелала осуществить надежду супружеской четы, и теперь благосклонно принимала новую пришелицу в этот мир.

При родах императрица потеряла много крови. Несмотря на усиленное питание, предписанное медиками, щеки у нее провалились, а ее природная бледность усиливалась, и теперь лицо у нее было цвета слоновой кости, что не предвещало ничего хорошего.

Мария Федоровна приходила навещать невестку и проявляла к ней удивительную мягкость. Что это, обычное притворство? Никто никогда не узнает, что тогда творилось в глубине сердца этой чувствительной женщины — двурушницы. Может, она надеялась, что скоро ее старший сын овдовеет, женится еще раз, и у него, наконец, появится наследник... Но ведь уже есть наследник, — этот очаровательный великий князь Михаил, что же еще нужно?

Но все весьма опасные соображения вдовствующей императрицы ни к чему не привели. Несмотря на то, что в салонах все понимающе перешептывались, государыня с привычной энергией восстанавливала силы. Император, тем не менее, подумывал о том, чтобы отменить визит в Париж, где их с видимым нетерпением ожидал президент Французской Республики.

Однажды утром Николай вошел в комнату, где отдыхала жена.

— Аличка, Солнышко мое, — сказал он. — Я намерен все уладить. Мы с тобой не поедем в Париж.

Александра поправила подушки под головой. Она села в кровати и долго молча глядела на мужа.

— Ники, ничто на свете, никто не сможет заставить меня отказаться от этой краткой отлучки, о которой я так мечтала. Только подумай, мы будет вдвоем с тобой, вдалеке от этой толпы придворных, которая нас так утомляет. И я вновь увижу Париж, мне так хочется, мне это просто необходимо... Подойди поближе, дорогой, посмотри на меня повнимательнее: я теперь держусь молодцом, ты даже не поверишь, я уже не настолько слаба, как утверждают все твои медоточивые кузены.

Николай подошел к кровати.

На самом деле, в это утро лицо у Александры было каким- то помолодевшим. В обычно печальных глазах разгорался огонек, который придавал ее облику вид невесты. Николай был так взволнован. Он ласково гладил ее по голове, по белокурым волосам с медным отливом, которые спадали на восхитительные

плечи его супруги. Он, поцеловав ее тонкие запястья, прошептал:

— Я просто хотел, любовь моя, уберечь тебя ог перенапряжения. Но если тебе так хочется совершить эту поездку, то для чего мне скрывать, что и мне этого хочется никак не меньше!

— В таком случае отправь депешу нашему послу. Сообщи ему, что мы прибудем в назначенную дату в Париж. Мы поедем туда поездом,., мои глаза уже радуются, — сколько чудес им предстоит увидеть...

Государя с государыней в Париже на вокзале встречал граф Муравьев-Амурский. Он отвез их в Компьенский дворец, который французское правительство предоставило в полное распоряжение царя.

Великая княгиня Милица предупредила его, что Их величества имеют обыкновение окружать себя оккультистами и различными медиумами, и тогда услужливый граф однажды вечером представил супружеской чете одного знаменитого чудотворца, который, как полагали, обладал безграничными магическими возможностями. Его настоящее имя было Низье-Вашо, но он выдавал себя за доктора и называл себя Филиппом.

В своих «Мемуарах» Морис Палеолог рассказывает, что этот Филипп открыл свой врачебный кабинет по оказанию психологической помощи, где консультировал и лечил своих пациентов внутренними флюидами и энергией астральных тел. Было известно, что французская полиция не раз задерживала Филиппа по обвинению в применении незаконных методов в медицине, но, как выяснилось, он при этом проявлял свое полное безразличие к гонорарам и всякого рода вознаграждениям, что говорило в его пользу, и его отпускали. Он даже отказывался от фантастических сумм, которые предлагали ему богатые пациенты.

Александра тут же привязалась к этому добряку, пригласила его приехать в Россию, вместе со своей дочерью и ее мужем, профессором Лаландом, который в своих статьях, опубликованных в «Анналах медицинской науки Франции» подтверждал исключительные способности своего тестя, и его высокие нравственные устои. Тем не менее тайная царская полиция, — охранка, — по приказу небезызвестного П.И. Рачковского, заведующего загранагентурой в Париже, провела расследование. Полученные результаты не вызывали никаких сомнений. Они были переданы министру внутренних дел Сипягину, и такая поездка доктора психологии была официально подтверждена.

После возвращения домой царь с царицей хотели присвоить

Филиппу почетную степень доктора медицины русской медицинской академии Санкт-Петербурга.

Филипп вначале осенью совершил довольно короткую поездку в русскую столицу, после чего приехал во второй раз перед наступлением зимы.

Такое невежественное суеверие государей вызывало беспокойство у Священного синода, в частности, в лице весьма почитаемой персоны, епископа Феофана, которого не на шутку тревожило такое увлечение императрицы этим колдуном.

Филиппа, тем не менее, радушно принимали, его осыпали подарками, и даже приглашали его с женой переехать в Россию на постоянное место жительства. Во Франции Жозеф Кайо напрасно старался, пытаясь всех убедить, что Филипп — всего лишь обыкновенный авантюрист изЛиона. Его личность уже хорошо знали как в Париже, так и за границей, а его высокая нравственность и его эзотерические способности все восхваляли до небес, о нем писали восторженные статьи лучшие врачи того времени в медицинских журналах.

Филипп, уезжая из России после второго там пребывания, пообещал императрице, что сделает все возможное, чтобы у нее родился сын, наследник престола.

Через несколько месяцев, весной 1902 года, Александра вновь оказалась в интересном положении. Она написала магу во Францию благодарственное письмо.

Все оккультисты Франции и России объединялись, сравнивая свои предсказания в отношении исполнения такого пожелания. Ветерок оптимизма гулял по Царскому Селу. Черногорские великие княгини, занимаясь столоверчением, вызывали духи умерших, советовались с ними, и многие призраки отвечали им так, как они того желали, — то есть очень скоро на свет появится мальчик, который очарует императорский семейный очаг. Но, увы! Когда первые листочки стали пробиваться на ветвях деревьев, когда трещал лед под теплыми лучами весеннего солнца вдоль всей Невы, всем пришлось столкнуться вновь с печальной очевидностью: новая беременность Александры оказалась на самом деле миражом, — это была мнимая беременность.

Это событие стало новым предлогом для суровой критики верований царицы и ее мужа, их затворнического, строгого образа жизни в уединении в Царском Селе, и эта критика в основном раздавалась из Аничкова дворца, где свекровь копила свой гнев, направляя свои острые стрелы, чтобы унизить достоинство русского трона и тех, кто на нем восседал.

Повсюду стали распространяться самые фантастические

слухи о новых знакомых царицы, говорили о каких-то приглашенных во дворец иностранцах, о посещении дворца колдунами. Если их послушать, то можно было бы представить себе, что вновь находишься в мрачном Средневековье. Достопочтенный епископ Феофан, этот святой человек, до мозга костей преданный короне, придворный священник и духовник Их величеств, теперь ставил перед собой единственную цель, — сделать все, чтобы в конечном итоге восторжествовала православная христианская вера, несмотря на все эти невежественные, богохульские ухищрения, которые увлекали весь двор вместе с его государями. Теперь, как никогда прежде требовалось чудо от Господа, чтобы успокоить Александру и оградить ее от презрительного отношения к ней со стороны свекрови. Феофан провел в беспрестанных молитвах и посту две недели, после чего понял, что, наконец, нашел такое решение, которое умиротворит сердце его императрицы.

XV.

«Как же мы мало знаем о вещах, происходящих на нашей Земле!» — записала в 1902 году в своем дневнике Александра. Она вспоминала Филиппа, который в своем гипнотическом сне слышал голос Великой Екатерины, и та сказала ему, что у императрицы Александры в скором времени родится сын.

Великая Екатерина И! О ней думала царица в тот зимний вечер 1902 года, ивот что она записала в дневнике: «Кто мог бы предположить в Дармштадте, где я получала суровое воспитание у пастора Фрогга, когда отец, этот неисправимый атеист, называл меня «пуританкой», что я в один прекрасный день осмелюсь вызвать дух усопшей страстной русской императрицы, жизнь которой была продолжительным, сплошным романом о сладострастии? Я ждала. Неужели духи умерших на самом деле существуют?»

Каждый день Александру донимала враждебность семейного окружения, и она все чаще предавалась глубоким медитациям или погружалась в бесконечные молитвы перед драгоценными иконами в ее частной домашней церкви, или призывала себе на помощь души всех тех, которые, как она чувствовала, незримо витают вокруг.

Вот что сказала Великая Екатерина в своем последнем «интервью», данном Филиппу:

«У тебя будет сын. Но он будет слабеньким и чахлым. Малейший несчастный случай может оборвать нить его жизни. Без твоих осторожных рук ему не обойтись, иначе он рискует погрузиться в море крови, но ты будешь начеку, и он будет спасен, если будешь молить Бога и будешь беспощадной к врагам своим.»

Александра вновь переживала эту сиену, — их было трое, ее новая фрейлина, ставшая ее конфиденткой, Анна Вырубова, Филипп и она, Александра. Они сидели за круглым столиком на одной ножке, их сплетенные руки образовали над его крышкой круг. Вдруг какая-то неведомая, сверхъестественная сила его подняла, и заговорила Екатерина. Александра накануне ничего не пила, не спала, и отлично помнила последние слова своей великой предшественницы.

«Умей выбирать верных друзей, таких, которые преданы тебе душой и телом. Искусная шпага сумеет защитить твоего сына от ненависти и фанатизма».

Она сейчас была одна, сидела в своей комнате, где охваченные ярким пламенем поленья в большом камине

отбрасывали причуд ливые тени на потолке, и Александра углубилась в анализ этих странных слов, которые она услыхала на сеансе оккультизма.

Искусная шпага? Нет, это, несомненно, не шпага Куропаткина, который не скрывал своей антипатии к ней. Ну уж и не Сергея Витте, который совсем недавно вдруг впал в либерализм и теперь требовал у царя уступок этим опасным нигилистам. Может, шпага великого князя Николая Николаевича, который правда, больше озабочен сохранением своей офицерской чести и военными подвигами, чем истинной привязанностью к ней? Может, шпага кайзера Вильгельма, шумные протесты которого вечно отдают лицемерием. Станет ли он когда-нибудь защищать русскую царскую династию?

Александра перебирала варианты, словно ее ребенок — наследник—уже жил, который мог, кроме своего отца, стать ей опорой. Вечером она рассказала обо всем Николаю, который не слушал ее, как обычно, весьма рассеянно, а напротив, был ее рассказом сильно взволнован.

Он всегда, по своему характеру, был фаталистом, из-за чего получил репутацию ленивца, но он никогда не терял своей абсолютной веры в Бога:

— Бог найдет нам такого человека, когда наш сын появится на свет... Не волнуйся, Аличка, мужайся! Сделай это ради меня. Наша с тобой любовь воспринимается как личное оскорбление нашими придворными, которые за нами постоянно шпионят... Пусть радуются, но только в меру, и лишим злобной надежды наших врагов, — будет же разыгрывать полную беспечность, будем веселы, — веселье порой прокладывает путь к мужеству.

* * *

Часто утверждают, что Анна Вырубова оказала на императрицу наихудшее влияние. В обширной литературе на эту тему рассказывается о «глупых* поступках этой личности, которая, конечно, никогда не была уникумом, но вообщем была не такой уж плохой женщиной. Ее неинтел- лигентность, отсутствие образования заставляли только разевать рот от удивления весь царскосельский двор и всех завсегдатаев светских салонов столицы. Анна Вырубова была дочерью Александра Танеева, честного работящего чиновника, который был заведующим личным кабинетом императора. Его генеалогическому древу мог позавидовать любой, — еще бы, — внук генерала Толстого, адъютанта Александра II, правнук маршала Кутузова, героя наполеоновских войн, у него были

близкие родственники в семье знаменитого графа Кутайсова, большого друга императора Павла!.

У нее были музыкальные способности, и знаменитый композитор Чайковский заинтересовался ее талантом и обучал ее пению, когда ей было семнадцать лет. Но из-за болезни легких и последовавшей за ней начальной стадии паралича языка молодой девушке пришлось отказаться от занятий вокалом и от всякой светской жизни; ее здоровье, однако, потом восстановилось после того, как отец Иоанн Кронштадтский окропил ее святой водой.

Она еще не была замужем, когда ее приметила Александра. В своих «Мемуарах* (Анна Вырубова. «Воспоминания о моей жизни», Париж, Плон, 1921), которые она опубликовала уже после революции, Анна остро и критично описывает придворную среду и представителей высшего русского дворянства. Этого ей, конечно, не простили свидетели краха самодержавной власти, в характере которых неискренность и претенциозность занимали далеко не последние места. Они по разным причинам трактовали все известные факты на свой манер.

Екатерина Радзивилл яростно набросилась на нее, утверждая, что именно Анна Вырубова сумела настроить императрицу против высшего дворянства своей страны.

Но Александре совсем не требовались суждения, сколь суровые, столь и невинные, этого человека, ибо она сама могла вполне здраво характеризовать свое окружение.

Именно этой молодой женщине, которая становилась с каждым днем все более ее близкой подругой и конфиденткой, Александра решила целиком довериться, особенно, после предсказаний Филиппа и тех странных слов, которые она услыхала из уст усопшей Екатерины.

В своем альбоме, подаренном ей накануне свадьбы, ее гессенской фрейлиной Марией фон Арнхит, Александра излагала все факты и записывала все беседы, которые ей казались наиболее важными.

Вот что можно там, кроме всего прочего, прочитать по поводу ее одной беседы с Анной:

«Эта девушка делает все, чтобы поднять мой дух в минуты уныния. Это — отважная, услужливая девушка, которая знает жизнь. Но муж у нее грубиян, не в своем уме. Он служит офицером на «Петропавловске», и во всяком случае не навязывает ей своего неугодного присутствия. На днях мы беседовали с ней по поводу тех лиц, которые нас окружают. Она мне открыто, не таясь, выложила все, что она думает о великих князьях, большинство из которых глупцы и развратники, великих княгинях, которые распутны и ревнивы, генералах, лишенных

способностей, раболепных министрах, которые не только не думают всячески поддерживать царский трон, а напротив, его подрывают к собственной выгоде.

Среди всей этой публики, говорила она мне, только один человек вызывает у нее симпатию. Это — генерал Орлов. По крайней мере, он храбр и щедр. К тому же он — самый красивый кавалер в империи. «Вы тоже такого мнения, Ваше величество?» Я ничего ей не ответила, потому что не люблю, когда меня прямо так допрашивают. Генерал Орлов, на самом деле, блестящий мужчина. Он мне нравился, ибо я вполне могла бы рассчитывать на его шпагу и его храбрость, если бы мы жили во времена королев, которые могли положиться на шпагу и отвагу своих подданных. Но сегодня, против тайных врагов, которые нападают из-за спины с улыбкой на лице, какое требуется оружие, чтобы их поразить?»

Эта краткая выдержка из альбома Александры отлично иллюстрирует, в каком состоянии духа пребывала она в эту мрачную зиму 1902/1903 годов, когда ей приходилось выносить оскорбления, замаскированные под цветистую, кружевную лесть, со стороны собственного двора и двора своей свекрови, что портило ей немало крови.

15 ноября 1902 года, когда с большим размахом в Царском Селе отмечалась очередная годовщина Марии Федоровны, и был устроен большой обед на двести кувертов, произошел один неприятный инцидент, который оставил на сердце Александры еще одну дополнительную рану.

Накануне, из личного ларца молодой царицы, по ее поручению знаменитый золотых и серебряных дел мастер Г. Фаберже отнес в Аничков дворец браслет, украшенный изумрудами, стоимостью 45 ООО рублей, вместе с любезной запиской и поздравлением по случаю дня рождения от невестки.

После трапезы, когда громадный банкетный зал постепенно пустел, а приглашенные переходили для дальнейших развлечений в примыкающие салоны, Мария Федоровна направилась к своей невестке, чтобы ее обнять, но заключая ее в объятия, прошептала ей на ухо:— Всем этим безделицам, дитя мое, я предпочла бы цесаревича. Этого же хочет народ. Гораздо проще такой милой женщине, как вы сделать подарок, чем сына!

Вдовствующая императрица, щелкнув, открыла свой веер и отошла от невестки, весьма довольная нанесенным ей ударом кинжала.

Александре стало не по себе.

Такая злоба просто ее уничтожала. Она уединилась в своем будуаре, и там, вдали от равнодушной ко всему толпы, дала волю

слезам, когда вдруг дверь отворилась и к ней заглянул царь, — он повсюду искал пропавшую супругу:

— Аличка, почему ты снова убегаешь от нас всех?

Но когда он увидел ее наполненные слезами глаза, сжатые губы, то туг же с раскаянием опустился перед своей горячо любимой женой на колени.

Она, успокаиваясь, гладила его по голове, но не могла говорить, у нее не хватало сил , да она и не хотела ничего ему рассказывать об этой безобразной сцене, чтобы не ранить еще больше своего доброго мужа.

Так она одержала новую победу над собой!

* * *

Императрица пообещала Николаю перебороть свою усталость перед этим двором, свое отвращение к высшему обществу, которое постоянно подвергало ее резкой критике. Она согласилась устроить этой зимой официальный бал, ведь подобные балы так нравились высшей аристократии! Через свою подружку Анну Вырубову она сообщила генералу Орлову, что она намерена подарить ему один танец, — вальс. Генерал Орлов командовал лейб-гвардейским полком улан, в котором царица как раз была почетным шефом.

Александр Орлов был кавказцем по происхождению. Он не имел никаких родственных уз с потомками фаворитов Екатерины Великой, — князьями, братьями Орловыми. Он по своей службе осуществлял охрану царского дворца, в котором обитали Их величества с членами своей семьи, и часто оказывался на виду из-за своего усердия, доброты и полной безграничной преданности короне.

В тот вечер на балу Александра, памятуя о данном обещании и положив руку на плечо офицера, прошлась с ним по кругу в вальсе. Он был отменный танцор. Он был весь переполнен гордостью и робко обнимал за талию императрицу, которая тоже оробев, все же чувствовала смущение своего кавалера, и чтобы ободрить его, нежно ему прошептала:

— Генерал, вы прекрасно танцуете...

— Ваше величество мне льстит, — ответил он. — Такую высокую честь, оказанную мне, я не забуду до последнего своего вздоха и буду всю жизнь хранить живое воспоминание об этом чудесном вальсе.

Императрица, куда более глубоко взволнованная, чем можно было бы по ней догадаться, повинуясь какому-то своему женскому чутью тянулась к этому прямому человеку с мужественным лицом

отважного немногословного воина, не позволявшему себе лишних жестов, — для нее он был словно предупреждением о грядущей защите, которую она непременно получит от него. Уже давно подавляющее большинство подходивших к ней людей казались ей ужасно равнодушными, если не враждебно настроенными.

Она поговорила об этом своем впечатлении наедине с императором, который очень хорошо знал своего командира улан.

— Знаешь, этот Орлов такой замечательный человек, он безгранично предан короне. Как я счастлива, что, наконец, встретила при дворе хоть одного мужчину, достойного моей симпатии!

Она сообщила мужу о своем намерении пригласить генерала на встречу в своем узком кругу в ближайшую среду.

На что царь заметил:

— Дорогая, ноу него нет надлежащего титула... Не слишком ли много чести ты оказываешь ему, приглашая к себе на личный прием?

Но Анна Вырубова поспешила заверить свою подругу, — генерал — потомок одной из самых респектабельных семей. Он сумеет отвлечь ее, Александру, от ее горестных размышлений. В Московском гарнизоне, а затем в Киевском, где он служил, Орлов слыл завзятым дон-жуаном, и все женщины просто сходили по нему с ума.

... Итак, в среду на следующей неделе генерал Орлов явился на чаепитие в интимной обстановке к государыне. На следующий день императрица узнала от великого князя Михаила, который отличался язвительным язычком, как и его матушка, что уже многие позлословили по поводу ее вальса на последнем балу и этого частного приглашения.

Он сам сказал министру императорского двора барону Фридрихсу: «У нас императрицы всегда имели фаворитов, но это весьма редко касалось императоров!»

И когда Николай, любящий подразнить жену, без всякой задней мысли сообщил ей об этой сплетне, Александра воскликнула:

— Это мой-то фаворит, генерал Орлов? В таком случае к ним можно причислить и барона Фредерикса, и графа Сергея Витте, я тоже с ними танцевала на балу... На самом деле, уж лучше бы мне на следующий день после свадьбы запретили впредь танцевать на балах, если достаточно одного вальса, чтобы скомпрометировать царицу!

...Но пересуды не утихли. Открытая симпатия царицы к генералу Орлову давала Марии Федоровне обширный полигон, с

которого она могла посылать свои отравленные стрелы.

Тем временем наступила весна, и Александра продолжала свое новое знакомство с такой непринужденностью, которая не могла избежать внимания ее мужа, Николай, который был страстно влюблен в свою жену, не испытывал к ней ни малейшей ревности. Напротив, можно сказать, что улыбки, которые дарила его Солнышко грели его самого, — и следует признать, что он пропускал мимо ушей все коварные замечания своего окружения, но все же порой пытался заставить умолкнуть злые языки.

Вот что можно прочитать в дневнике императрицы от 24 мая 1903 года:

«Как я была бы счастлива, если бы вела жизнь простой женщины. Этот друг, которого мне посылает Небо, никогда бы не обращался со мной как с государыней!»

Что она этим хочет сказать? Кажется, что в этой грустной ремарке сквозит сожаление.

Может, Александру все же волновал генерал Орлов? На этот вопрос очень трудно ответить: Княгиня Екатерина Рад- зивилл, — которая не отличалась особо нежным отношением к своей героине, — утверждает в своей более чем критической книге, что, несмотря на все, что было сказано по этому поводу, не смотря на то, что худая молва с удовольствием использовала любой предлог, чтобы опорочить любой жест царицы, ее дружба с Александром Орловым никогда не выходила за пределы обычного товарищества, какими бы ни были тайные помыслы каждого из них...

Из своего роскошного логова вдовствующая императрица вела лицемерное сражение со своей невесткой. И это «неприличное увлечение», которое она испытывала к простому военному, предоставляло ей возможность постоянно донимать своего сына, портить ему настроение.

Но Николаю, напротив, было очень приятно, что его супруга предпринимает постоянные усилия, чтобы перебороть свою грусть и улучшить свое слабое здоровье, организуя различные приемы и стараясь быть как можно чаще на виду, и он не придавал абсолютно никакого значения тем неприятным слухам, которые передавала ему мать.

Тем не менее, так как у императрицы состоялось несколько интимных встреч в узком кругу, на которых присугство- вал генерал, однажды утром Николай решил застать врасплох жену, Анну Вырубову и злосчастного генерала Орлова. Для этого он приказал сопровождавшему его офицеру молчать, не раскрывать рта, хотя тот должен был по уставу громко дол ожить о приходе государя. Гнев чуть окрасил его обычно бледное, непроницаемое

лицо. Однако, когда он, неожиданно войдя в комнату, увидел всю троицу, которая сидела за яшмовым круглым столиком, подаренным ему эмиром Афганистана, он успокоился.

Оказывается, фрейлина, генерал и Александра вызывали дух Петра Великого,

Царь подошел к ним. Он все понял. Он теперь был совершенно уверен в себе, и сам довольно робко спросил у духа Петра:

— Будет ли у меня сын?

— Будет, от Александры Федоровны, — ответил знаменитый его предок, но будет ли у тебя сил, чтобы защитить его?

Взволнованный этим спиритическим сеансом, осознавая всю беспочвенность подозрений в отношении связи его жены со знаменитым командиром полка, он вежливо поговорил с генералом, чувствовавшим себя так неловко рядом с императорской четой, и даже пригласил его на ближайшую охоту в лесах Гатчины.

Александра ликовала. Тогда она сделала в своем альбоме такую запись:

«Да, я совсем не бесконечно счастлива, но я все же близка к счастью. Мой горячо любимый Ники понимает мою дружбу с генералом Орловым и поощряет ее. Это — такой храбрый человек, и я не сомневаюсь в том, что встретила в его лице ту искусную шпагу, которая защитит моего будущего сына!»

Наступило лето. Александра не осмеливалась больше делать записи в своем альбоме. Как бы он не попал в руки Марии Федоровны, которая, несомненно, переманила на свою сторону с помощью денег или других милостей одну из ее горничных.

Очень часто после полудня втайне верный генерал навещал Александру. Эти свидания, хотя и не подпольные, все же держались в секрете. Бдительная Анна Вырубова всегда стояла на страже возле двери маленького салона. Никто другой, кроме одного царя, не мог быть посвящен в эти сокровенные отношения.Кроме частной жизни государей, существовала еще и другая жизнь, жизнь страны, которая теперь создавала немало проблем для царя и его правительства. Революционное движение, организуемое и поощряемое знаменитыми нигилистами, охватывало все более широкие слои населения в различных губерниях.

Далеко-далеко, на другом краю империи, на Дальнем Востоке, множился с невероятной скоростью небольшой народец Японии. Активная деятельность японцев, проходившая за тысячи километров от Санкт-Петербурга, вызывала у русских только легкое презрение. В начале своего цар- ствования Николай II

столкнулся с некоторыми трудностями в отношениях с правительством Кореи, которое уступило некоторые территориальные концессии по берегу Амура некоему Бренеру. Япония уже в то время выражала свое с этим несогласие. В 1902 году знаменитый полковник Безоб- # разов, который позже много добавит к своей известности, переметнувшись в 1917 году к большевикам, в качестве весьма скромного коммерсанта, приобрел права на эксплуатацию громадных лесных массивов в этом регионе.

Безобразов стал одним из первых авантюристов, который открыто злоупотребил легкомысленным доверием Николая, Он заинтересовал министра внутренних дел Плеве и самого царя в этой афере, ставящей своей целью расширение лесных разработок.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие князья Михаил и Владимир, некоторые высокопоставленные личности стали главными акционерами этой компании. Все высшие в ней посты были переданы адмиралу Алексееву, его близкому другу — Абазе, русскому послу Павлову и полковнику Безобразову, который был назначен заместителем государственного секретаря. Все эти важные люди уже ворочали миллионами, а так как Япония не желала оставаться в дураках из-за этой спорной прибыльной индустрии, то они своими действиями только способствовали ухудшениюрусско-японских отношений. Но все они ничего не знали об истинном военно-промышленном потенциале этой отважной нации, которая была готова в любой день вступить в битву, и теперь война с Японией не только маячила на горизонте, но и являлась для них весьма желанной.

Шеф царской политической полиции М. Лопухов выражал свое скептическое отношение по поводу такого возможного исхода, и тогда министр внутренних дел Плеве поспешил заверить государя, что если японцы пойдут на такую авантюру и возьмут в руки оружие, то Россия их просто раздавит в течение нескольких дней!

Со своей стороны, эта хитрая лиса в золотой шкуре, Вильгельм И, совсем не возражал против экспансии своего кузена на Востоке. Он сумел успешно сыграть на слабой струнке царя, на его убеждении, что он является душеприказчиком самого Христа на Земле, и он находил для этого нужные, действенные слова:

«Господь, несомненно, избрал тебя, чтобы, благодаря тебе, восторжествовал закон Христов на Дальнем Востоке. Таким образом, и Корея, и Манчжурия должны принадлежать тебе. Великая битва, которую ты должен повести с Японией, будет

окончательной битвой между христианской и буддистской религиями... Ты в ней неизбежно победишь, так как за твоей епиной стоит всемогущий Иисус Христос».

Подобные призывы, может, и не оказали бы особого воздействия на другого государя. Но Николай, казалось, был человеком безвольным, отнюдь не земным. Прежде всего, он был мечтателем, мистиком, и неоспоримая мягкость души его, если и не мешала быть ему интеллигентным человеком, то все же лишала его всякого недоверия к другим и тактического мышления, этой основы командования в такой ситуации, в которой оказался он.

9 февраля 1904 года началась война между Россией и Японией. Весь мир замер в удивлении. Каждому было ясно, что Николай в силу своей слабости, ринулся в весьма опасную авантюру. Александра пыталась удержать его от такого неразумного шага. Она никогда и не думала о том, стоит ли России расширять так далеко территорию своей империи. Какая в том необходимость? Она ничего не знала ни о финансовых махинациях, ни о чудовищных спекуляциях, которые в патриотическом угаре, лишь подталкивали царя к принятию своего фатального решения.

Вильгельм II отлично знал, что делает: поощрять Россию к ведению такой войны означало для него ронять ее в глазах Франции, ее союзника, подрывать морское могущество Англии, короче говоря, иметь определенное преимущество при блуждании по международному лабиринту начала XX века.

Александра била тревогу. Ее новоиспеченный, единственный друг генерал Алексей Орлов одним из первых отправился на фронт, в Манчжурию.

Злополучный министр внутреннихдел Плеве желал этой войны. Это он громогласно утверждал, что Россия выйдет очень скоро победоносной из этого военного конфликта, и в результате престиж императора возрастет, — а это было уже очень необходимо, — минеры революции продолжали свою опасную работу. Николаю, таким образом, предстояло совершить самую большую ошибку за все свое царствование. Он так и не понял, в какую ловушку затягивает его Вильгельм, который писал ему:

«Отныне, мой дорогой Ники, мы с тобой станем двумя великими адмиралами в мире. Я становлюсь адмиралом Атлантики, а ты — адмиралом Тихого океана, и мы оба будем властвовать над Англией*.

Своему рейхсканцлеру, князю Б. фон Бюлову, кайзер, заметив, что тот не очень одобряет русско-японскую войну, раскрыл свой замысел:

— Бюлов, царь, вероятно, плохо соображает. Его задача сейчас — ехать в Москву, призвать Святую Русь к оружию, и, взяв в руки крест, мобилизовать на борьбу весь народ...

Вы, к сожалению, не видите той громадной опасности, которая мне, как Германскому императору яснее ясного, — «желтая» угроза. Это — самая страшная угроза, которая когда либо возникала в отношении к белой расе, христианской цивилизации. Если русские сегодня уступят японцам, то не пройдет и двадцати лет, как желтолицые захватят Москву и Позен, и вся Европа будет разрушена...

Вот такими театральными, эмоциональными декларациями все диктаторы во все времена рисовали такие пугающие картины, чтобы подчинить невежественные народные массы во всем мире не столько своим идеям, сколько своим интересам.

Отдавал ли себе Николай отчет в том, как сильно желали члены его семьи, начиная с его матери, этой войны, чтобы умножить раз в десять собственное состояние? Все говорит о том, что он был простофилей, жертвой обмана этого мира, жадного до денег.

И когда в самом начале конфликта хорошо подготовленные японские армии, умело пользуясь преимуществами своего географического положения, показали себя грозным противником, способным заставить капитулировать своего славянского противника, Вильгельм воспользовался и этим, чтобы выступить против доброжелательного нейтралитета, соблюдаемого Англией в отношении Японии.

Россия тайком имела доступ в порты французских колоний и пользовалась щедрыми услугами французских производителей вооружений. Предоставленный России Францией громадный заем в несколько миллиардов франков служил для финансирования этой безрассудной, достойной сожаления войны, которая покрывала позором престиж дома Романовых.

Вероломный Вильгельм убеждал своего кузена, что именно франко-английский договор стал истинной причиной русских неудач на войне.

Но несмотря на поражение, Николай не утратил своего душевного равновесия. Несмотря на то, что многие авторы о нем писали, он обладал все же довольно сильным характером, и его было очень трудно сломить. Он никогда не ставил под сомнение верность своего союзника — Франции, хотя кайзер, раздраженный таким договором, изобретал всевозможные версии о предательстве, только чтобы разъединить два дружеских народа.

* * *

Ужасная война, которой было суждено унести столько русских жизней, значительно подорвать престиж государя, продолжалась, а епископ Феофан тем временем тайно, всерьез преследовал свою главную цель, — помочь императрице в постоянных молитвах добиться желанного. Спириты с колдунами на какое-то время впали в немилость в Царском Селе, и, воспользовавшись этим, русский клир решил как можно скорее одержать над ними верх и отвлечь императрицу от богохульственных верований и вернуть ее к христи - анскому алтарю. Феофан часто вспоминал слова отшельника из Саратова, Серафима, который когда-то, еще до начала нынешнего царства, предрек: «Будет война ужасная, несчастная, множество смут будет внутри Руси. Отец восстанет на сына своего, брат — на брата. Но потом царствие просияет и император будет жить долго...»

Серафим принадлежал к той славной когорте добрых, неканонизированных монахов, так называемых «старцев», которые на протяжении истории удерживали страну своими легендарными деяниями от погружения в мракобесие, колдовство и пророчество.

Было известно, что Серафим при жизни пользовался громадным уважением среди крестьян, оказывал на них свое благотворное воздействие. Его скромная жизнь отшельника, его долгие размышления о силе молитвы, его омовения в ледяной воде в проруби, его высокая набожность снискали ему уважение и почету братии основанного им монастыря* После его смерти все надеялись на его скорую канонизацию. Чтобы быть причисленным к лику святых, тело кандидата должно пролежать нетленным в земле сто лет. С помощью министра внутренних дел Плеве, епископ Феофан, хранивший верность царице, делал все, что мог, для открытия мощей Серафима,

Нужно было действовать в этом направлении с большой осторожностью, так как при царствовании императора Александра Ш в одном из гротов на Кавказе были обнаружены семь святых мощей, честь принятия которых в своих церквах оспаривали как православные обшины, так и местные раскольнические секты.

К великому огорчению исследователей, выяснилось, что все трупы принадлежали разбойникам и бандитам из одной знаменитой шайки, которые были замурованы в этом гроте и в результате все умерли от голода.

Посему к работе приступили с чрезвычайной осторожностью, чтобы открыть мощи Саровского для поклонения. Было известно,

что во время вероломного вторжения Наполеона, когда горела Москва, этот добрый монах залечивал раны и совершал чудеса как в армии, так и в гражданской среде.

Но придворный священник Феофан натолкнулся на противодействие своему проекту Победоносцева, обер-прокурора Синода, который не желал, чтобы с помощью божественной силы облегчать страдания самодержцев.

Но все же Плеве с другими удалось добиться своего. Могилу монаха вскрыли: Местных архиепископ отказался подписать протокол открытия мошей, хотя в нем говорилось, что тело оказалось нетленным, хорошо сохранившимся. Этот служитель Господень был настолько скептически ко всему настроен, что рассерженный Плеве своей властью Назначил другого, который и подписал Протокол. Чин канонизации был совершен в Сарове при большом стечении народа и в присутствии самого царя Николая II. Чтобы доставить удовольствие императору, все придворные несли новоявленному святому свои подарки — ковры, драгоценные камни, иконы с дорогим окладом, различные приношения по обету; со всех концов России стекалось множество странников, убежденных в том, что им будет явлено настоящее чудо.

В Сарове Николай 11 строго исполнял все положенные по такому случаю обряды, чтобы тем самым оказатьсвою защиту новоявленному святому Серафиму. Вместе с женой они подолгу молились в местной церкви. Потом они преклонили колена перед источником, в котором святой монах совершал свои омовения. Говорят, что слепые обретали зрение, погружаясь в эти святые воды, а паралитики — свои поврежденные члены.

После этого Александра сама опустилась на колени перед могилой Серафима, и долго ревностно молилась. Когда наступила ночь, она потребовала от свиты удалиться, сняла с себя всю одежду и погрузилась в воды святого источника...

Все высокопоставленные личности, сопровождавшие в Саров императорскую чету, находились под большим впечатлением от святости этих мест, от поразительной ночной тишины, от проявляющейся здесь высокой духовности. Многие свидетели не раз говорили об этом в своих воспоминаниях после революции — княгиня Варвара Долгоруко- ва, княгиня Вера Голицына, княгиня Нарышкина, — все эти статс-дамы, которые были уверены в счастливом будущем материнстве своей царицы.

Княгиня Нарышкина тогда была знаменитой благотворительницей, женой губернатора и в каком-то роде высшей правительницей в Тамбове. Ее жизнь оборвалась в 1919 году, когда ее, хрупкую старушку, привезли на ее стуле на

колесиках прямо в тамбовский революционный трибунал больт шевиков. Ее расстреляют в ее же поместье, но эта отважная женщина успеет бросить в адрес своих палачей несколько гневных слов:

— Для меня все вы — убийцы, негодяи, воры и разбойники, и я счастлива умереть, чтобы только больше никогда вас не видеть.

В 1904 году в России проходили очень важные события. Саров и Дивеево превратились в самые популярные места паломничества в империи после канонизации Серафима, и одновременно с этим к великому несчастью дома Романовых разразилась русско-японская война, несмотря на все уговоры несчастной Александры, которая советовала мужу не выполнять того, что требовал от него кайзер Вильгельм.

И вот чудо свершилось! Это удивительное чудо, — когда тысячи русских семей обрядились в траур по убиенным в армии и на флоте, когда повсюду не прекращались забастовки, организуемые революционерами всех мастей и национальностей, что создавало в стране еще больший хаос в тот момент, когда требовалась тотальная мобилизация сил для победоносного завершения войны с Японией.

Да, чудо, в которое уже практически никто не верил, свершилось, — Александра снова забеременела, и она относила это чудо своим долгим молитвам и многократным обращениям к блаженному Серафиму; она была уверена, что на сей раз разрешится от бремени мальчиком, обязательно.

Но Николай чувствовал себя человеком несчастным, словно его кто-то сглазил. Эта война с Японией, которую он начал, поверив заверениям кайзера о том, что он непременно будет победителем, постепенно превращалась в настоящую катастрофу.

Александра, еще более ослабевшая из-за этой, пятой по счету беременности, стала ужасно нервной, она сильно переживала из-за постоянных поражений императорской армии и мягко, но все же настойчиво, упрекала мужа в том, что эта не нужная никому бойня только еще больше отдалит его от своего народа. А что будет, если Богу будет угодно наказать их за это, и он вновь пошлет им девочку?

Этим жарким, знойным, кровавым летом, когда на глазах рушились все надежды на русское продвижение в Манчжурии, министр внутренних дел и шеф корпуса полиции Вячеслав Плеве лежал в центре столицы, у Варшавского вокзала, в луже крови после покушения на его жизнь, совершенного 15 июля.

Тут же был назначен его преемник — князь Святополк-Мирский, и этому более прямому, более тонкому человеку, чем Плеве, удалось добиться от царя и его полиции некоторого

замедления жестоких репрессий...

Не прошло после покушения на Плеве и месяца, когда 12 августа 1904 года, наступила первая счастливая дата этого столь мрачного царствования, дата, запечатленная в сердце каждого русского. Сто один выстрел из пушки Петро- Павловской крепости возвестил всему миру о рождении цесаревича Алексея Николаевича.

Произошел всплеск, похожий на взрыв, народной радости. За несколько часов ее волна пробежала по океану светлых надежд. На время были забыты заговоры анархистов, катастрофа в Манчжурии. Несмотря на унизительную для России войну Святая Русь была вся объята священной радостью, которая, словно ярким светом, стала освещать пошатнувшийся престиж Романовых.

Через десять лет нахождения в браке Александра после четырех рожденных подряд в «пурпуре» девочек произвела на свет мальчика.

Сильно ослабевшая из-за большой потери крови при родах, императрица лежала в постели, шепча благодарственные молитвы. Она попросила свою молодую подругу Лили Ден принести ее драгоценный альбом, в котором она делала свои записи с 1902 года, но уже не прикасалась к нему целый год. Слезы радости текли у нее по щекам.

И своей слабой рукой она написала такие фразы, которые говорят о ее радости и гордости матери:

♦Осветитесь же мрачные страницы, верные свидетели всех моих терзаний, тревог и страхов. Как мне хотелось бы сейчас быть Шиллером, чтобы воспеть свою радость. Наконец-то у меня есть сын! Сын! Плоть от моей плоти будет властвовать над самой большой империей в мире. Нужно, чтобы он царствовал, царствовал вопреки всем и вся, этот бесконечно обожаемый мною малыш, которого Господь мне позволил иметь, и моя любовь к нему будет защищена до последнего моего дыхания.

Ники, моя любовь, не скрывай от всех своего счастья. Забудь на время о катастрофах в Манчжурии и при Цусиме. Мы оба так счастливы! По крайней мере, будем счастливы. Благодарю же Тебя, Господи!»

XVI.

Николай не мог, сколько бы он этого не хотел, позабыть о катастрофах в Манчжурии и при Цусиме. Враги царского строя, возраставшие числом, многочисленные недовольные и тайные агенты Германии, — уже были такие! — были заинтересованы в ослаблении страны и для этого успешно использовали полное поражение русских армий в войне с Японией.

Вполне понятно, что радость самодержца достигла своего предела, когда, наконец, свершилось это чудо, и Бог послал ему сына, столь долгожданного наследника престола, — но он при этом довольно быстро забывал, причем в переломный момент для своей империи, что он был не только отцом, главой семьи, но еще и императором, то есть отцом для всего русского народа. И этот доверявший ему, наивный, преданный ему народ был готов ради его славы вынести самые тяжелые испытания, траурные одеяния, и даже такое, что непереносимо для славянской души, — горечь поражения.

Когда десятки тысяч русских солдат умирали на полях сражений в Манчжурии, умирали там за безнадежно давно проигранное дело, на войне, ставшей истинной причиной революции в России, крещение младенца проходило с неописуемой пышностью, раздавались награды, новые дворцовые назначения: баронесса Фредерикс, жена министра императорского двора была назначена фрейлиной. Предшественник ее мужа на этом посту граф Воронцов-Дашков, генерал от кавалерии, генерал-адъютант стал наместником на Кавказе.

Крещение новорожденного проходило в церкви в Царском Селе. Княгиня Голицына несла на руках шитую зол о- том подушку, на которой всем демонстрировали маленького князя. Большая часть членов императорской семьи почтила своим присутствием торжественную церемонию. Ради такого случая в Санкт-Петербург приехал и прадед новорожденного, датский король Кристиан IX, несмотря на свой довольно почтенный возраст, — восемьдесят семь лет! По древнему обычаю, родители на подобной церемонии участия не принимали. Службу вел отец Янишев, которым в течение долгого времени был исповедником императорской четы. Он торжественно, громогласно произносил имя новорожденного — Алексей!

Для Алексея выбрали символическое имя в честь русского царя XVII века Алексея Михайловича, Тишайшего, последнего из московских царей, отца Петра Первого, при котором была

воссоединена с Россией Украина, возвращены Смоленская, Северская и другие земли под русскую корону. Со всего мира поступали поздравительные телеграммы.

Полулежа на своей кушетке императрица принимала у себя многочисленных важных персон, которые приходили к ней, чтобы поздравить ее с рождением сына и пожелать младенцу и матери всяческого процветания. Она вся сияла от радости, но лицо у нее сильно осунулось, щеки впали, а ужасная бледность говорила о ее усталости, что не могло не тревожить окружающих. Когда Николай был рядом с ней, он не скрывал своего счастья, и не проходило ни одного дня, чтобы он не встречался с ней в такой обстановке доброжелательства и покоя. Все придворные медики были всерьез встревожены состоянием здоровья императора. После перенесенного брюшного тифа в Крыму, царю удалось восстановить свои силы, но все равно он чувствовал определенную слабость.

В конце лета Россия, несмотря на ужасные новости, поступавшие с войны, жила в обстановке какого-то перемирия. Была объявлена широкая амнистия организаторам различных покушений на жизнь государственных чиновников, а также различным подрывным элементам, подстрекающим на выступления толпу. Такое время взаимного доверия, так называемая «русская весна», к сожалению, длилась недолго.

Даже вдовствующая императрица, несомненно, расчувствовавшаяся запоздалым рождением этого венценосного младенца, немного смягчилась по отношению к своей невестке. Осенью состоялось несколько завтраков в узком кругу, на которых обе императрицы казались самыми лучшими подружками в мира, что, однако, не сказалось на обычной сдержанности той, которая была помоложе.

Не слишком ли поздно? Все эти многочисленные обвинения в холодности Александры, в ее ненависти к высшему русскому дворянству страны, не совсем справедливы. Ее постоянно поносили самые знатные придворные: в течение десяти лет ее свекровь настойчиво поливала ее саркастическими замечаниями и оскорблениями. Так могла ли она в момент своего триумфа, когда она, наконец, исполнила порученную ей миссию, родила маленького Романова, наследника престола, сразу же покончить с недоверием к своему окружению, которое, на ее взгляд, ее так ненавидело.

Когда небо над вековыми деревьями Царского Села все больше розовело, когда октябрь месяц приносил из Финляндии ледяные ветры, когда раньше зажигались в домах лампы, когда по-прежнему в столицу поступали неутешительные известия с

мест военного конфликта, несчастные царственные родители сделали для себя одно ужасное открытие, — Алексею еще не исполнилось и семи недель, когда у него проявилась болезнь, с которой он и явился на этот свет. В своем дневнике от 8 сентября 1904 года царь писал:

«Сегодня утром у нашего маленького Алексея началось по неизвестно какой причине кровотечение; кровь текла у него из пуповины. Это продолжалось до вечера, почти безостановочно. Мы вызвали хирурга Федорова. Он сделал перевязку. Боже, как ужасны такие мгновения тревоги!»Такие кровотечения повторялись изо дня вдень, и приходившие все больше в отчаяние родители уже начали испытывать нешуточный страх.

Все видные врачи столицы, и даже знаменитые иностранные профессора были тут же вызваны к изголовью маленького страдальца, который сохранял полное спокойствие и давал себя обследовать без всякого раздражения.

Среди самых знаменитых врачей-практиков, склонявшихся над трагической колыбелькой ребенка, был и доктор Боткин, придворный императорский медик, который сохранит на всю жизнь восхитительную верность своим господам и предпочтет умереть, чем их покинуть. Он поставил страшный диагноз, которого так боялись родители, — гемофилия!

Всего за одну ночь прекрасные белокурые волосы императрицы стали седыми. Она не желала, чтобы ей подносили зеркало, и лишь искренне, с сильным акцентом, повторяла, — пусть я стану самой безобразной на свете, самой ужасной из всех женщин на земле, лишь бы жил мой сын! Николай, который был всем этим огорчен до глубины души, с трудом переживал такую жуткую весть. И в силу своего характера, — фаталистического и порой детского, — он полагал, что стоит не принять поставленный диагноз, как он тут же окажется ложным. Он, конечно, пытался утешить свою несчастную Жейу, эту мать, которая так надеялась на счастливый исход й которая, приведя свой утлый корабль надежд в порт, потерпела там полное крушение.

В следующие недели наступило некоторое затишье. Но к концу года, всякий раз, когда ребенок падал или обо что- то ударялся, то у него на руках иногда появлялись маленькие шишечки. За несколько дней они ужасно набухали. Причем они были синего, почти черного цвета. Кровь, просачивавшаяся через кожу, не сворачивалась. На два дня царь заперся в своем рабочем кабинете, отказываясь видеться с кем бы то ни было, кроме жены. Николай предавался черным мыслям. Он вдруг вспомнил, что родился вдень, когда православная церковь отмечает праздник

святого Иова, самого несчастного из всех служителей Господних! Царь, опустившись на колени перед образами, шептал:

— Я и есть как Иов, обреченный на страшные страдания, я глубоко в душе своей убежден, что все предпринимаемые мною усилия не получат в этом мире своего вознаграждения.

Александра, сраженная такой ужасной вестью, не встречалась ни с кем , кроме членов самого узкого семейного круга. Ее медик заявил, что здоровье ее сильно пошатнулось. После очередного обследования, выяснилось, что у нее налицо все симптомы серьезного сердечного заболевания. Ей приходилось это скрывать от близких, и в первую очередь от Николая, — у него и без того столько огорчений! И эта оболганная, унижаемая всеми женщина, — все это признают, — и самая замечательная из матерей, обладала такой кипучей энергией, которой так не доставало ее мужу, поклялась себе, она вылечить своего сына, вылечит назло всем докторам. Как и у всех людей с благородной душой, душой, повинующейся Судьбе, это новое ужасное испытание, которое насылал ей Господь, лишь укрепляло ее веру, а не ослабляло ее. Все эти выводы медицинской науки тщета человеческой помощи, разве не зависят от удивительных чудес Всевышнего? Алексей будет жить, он выздоровеет, и отныне она станет только ему одному посвящать всю свою жизнь, ежедневно, ежечасно, ежеминутно.

Она лишь добавляла страсти в свои повседневные долгие молитвы. Можно сказать, она бросала вызов Господу, не желала подчиняться суровой действительности, и это будет почти верно. Теперь она посвящала всю свою жизненную энергию сыну. Она была твердо убеждена, что Господь не отберет у нее ребенка, которого она у Него вымаливала всеми своими силами. Наконец, этот хилый новорожденный не был лишь будущим всемогущим императором, то также был и залогом прекрасной супружеской любви, любви, которую она дарила своему мужу.

Наступила зима, ее дни обволакивались непереносимой мглистой серостью, и какое-то мрачное оцепенение охватывало Александровский дворец. Слуги, ничего не понимая, старались соблюдать скорбную тишину во всем доме, и вся обстановка в нем напоминала сюжет сказки «Спящая красавица», когда все вокруг если и не походило на мертвое царство, то, во всяком случае, на работу сильно замедленных автоматов.

Год близился к своему концу, словно переживая траур. Торжества по случаю рождения цесаревича, которые на какое-то время снимали тягучую озабоченность со всех сословий, омрачались серьезными событиями, произошедшими в середине декабря.

Сразу одно за другим последовали два сообщения. Японский адмирал Того, применив отважный тактический маневр, разгромил порт-артурскую, а затем и владивостокскую русские эскадры. Теперь от Корейского пролива до берегов Камчатки японцы становились хозяевами на море, а поражение трех русских Маньчжурских армий в Мукденском сражении заставило русские войска отойти на северо-восток, к Харбину, что еще больше осложнило там ситуацию.

Первые же дни нового, 1905 года принесли капитуляцию русского Гибралтара на Дальнем Востоке, — военно-морской базы Порт-Артур, этого крупного арсенала на крайней точке Ляодунского полуострова.

Императрица, которая все больше не доверяла советам своего кузена кайзера Вильгельма, была объята страшной тревогой. Она уже отказалась в душе от блеска своего царствования, не думала о каких-то значительных успехах внутри страны, и теперь с каждым днем все сильнее разгоралась ее любовь к сыну, которого она так боялась потерять, этого столь долго ожидаемого наследника, и эти заботы заставляли ее внимательно следить за внешними событиями. Как же так? Почему Николай не собрал побольше информации, прежде чем с головой ринуться в эту ужасную войну без всякой на то надобности, и в результате все обернулось против него самого?

Она, увы, не знала, — и это было к лучшему, — что не крупномасштабные спекуляции, которые проворачивали ее свекровь, ее дядья и шурины и которые породили эту чудовищную историю, почти заставили Николая вмешаться в эту авантюру, не имея при этом ни единого, малейшего шанса на победу...

А многие биографы, недостаточно глубоко изучив этот вопрос, утверждают, что именно Александра, ее поведение, привели к падению трона Романовых!

Какое наглядное проявление презрительного отношения к фактам!

* * *

Знаменитая историческая дата — 9 января 1905 года, — нанесла фатальный удар по династии Романовых. В это Кровавое воскресение, русская монархия начала сама себе рыть могилу, чего, несомненно, можно было бы легко избежать.

Впервые на несколько дней всеобщая забастовка парализовала Санкт-Петербург, поддерживаемая различными революционными течениями, которые теперь возникали повсюду.

Страх перед этим безумием овладел столицей. Число бастующих достигло 140 ООО.

Революционеры, эта куда более грозная сила, чем полагала царская полиция, «обработали» многих рабочих в индустриальных предместьях города. Это были в основном молодые люди, которым никогда и в голову не приходила мысль собраться всем вместе, чтобы выразить свои требования правительству и подвергнуть острой критике его действия. Но нигилисты из-за рубежа подстрекали их к мятежу, сильно преувеличивая ошибки власти, которая переживала в это время великую драму тяжелой войны.

Один энергичный священнослужитель, который в силу своего призвания стал тюремным священником, поп Гапон, решил организовать из забастовщиков большое шествие, хотя подавляющее большинство забастовщиков и понятия не имело, из-за чего они бастуют. Отец Гапон, ученик Толстого, обращался с призывами к мирным рабочим манифестациям и напоминал им как истинный последователь учения Христа, что ни в коем случае нельзя отвечать насилием на насилие. В результате его престиж рос в рабочей среде и среди разночинцев, и вот в это знаменитое теперь воскресенье он собрал около двадцати тысяч забастовщиков и организовал мирное шествие во имя Христа и его наместника на земле — русского царя.

Эти разочарованные, простые, по существу, добрые, очень верующие люди, не могли не прислушиваться к словам святого человека, которые был так же беден, как и они, который тоже оплакивал гибель своих близких, дяди, отца или брата на фронтах Манчжурии, и его проникновенные слова несли их измученным душам утешение.

Так их шествие ширилось, продвигалось вдоль набережной Невы, затем по Невскому проспекту, мимо фешенебельных аристократических кварталов. Одни манифестанты несли на руках свои домашние иконы, другие распевали церковные гимны, и все они, повинуясь убедительному голосу попа, направились прямо к Зимнему дворцу, где их добрый царь-батюшка должен был внимательно выслушать их скромные требования и мольбы. А вот какие фразы тогда звучали над головами: «Отец ты наш, мы просим у Тебя справедливости и защиты. Нет мочи терпеть дольше... Ваше величество, не отказывайте нам в помощи, разрушьте стену, отделяющую Вас от нарбда! И Ваше имя навсегда будет вы- сёчрено & наших сердцах».

“Гапон не имел ничего общего с подстрекателями, этими Коммунистическими шпионами, которые в Германии, Польше, Швейцарии, проводили совместную работу по медленному, но

верному разрушению русской империи, при тайном, доброжелательном поощрении со стороны германского императора.

Поп Гапон был известен своей искренней любовью и привязанностью к простому люду. Он был чист душой. Он искренне верил, что организуемые им сбориша рабочих могут в конечном итоге улучшить их жизнь под руководством гражданских и религиозных властей, сделают их более гуманными людьми, и не позволят революционному вирусу проникнуть в рабочую среду, чему всячески противодействовал этот священник.

Но в этом сборище различных групп, которые присоединялись к его шествию, Гапон терялся. Целое море недовольных людей выплескивалось на улицы города. У каждого было свое требование. Эти люди в своей наивности верили в добро, и пока проявляли уважительное отношение к высшей власти: «Царь-батюшка освободит свой народ от его угнетателей». В толпе несли портреты царя, церковные хоругви, и все с обнаженными головами распевали знаменитый гимн старой России «Боже, царя храни!».

Неоднократно говорилось, что эта самая многочисленная манифестация в истории России, абсолютно не проявляла никаких агрессивных устремлений и была совершенно мирной по своему характеру.

К двум часам пополудни различные рабочие шествия должны были соединиться на площади перед Зимним дврр-„ цом.

И тут-то и началось то, что впоследствии в истории получит название «Кровавое воскресенье».

Кто же отдал этот чудовищный приказ полиции стрелять по демонстрантам ?

Совершенно ясно, что не царь. Но с него никак недьзя снимать вины за то, что он не был в достаточной степени проинформирован, не был особо встревожен этим очень важным и серьезным событием. Да, в данном отношении простить этого Николаю нельзя. Никак нельзя было допускать, что из-за его беззаботности, полного отсутствия интереса к общественной жизни в тот год, оппозиция, весь этот хор недовольных делали из него тирана, кровопийцу, чудовище, которому нет прощения...

В тот момент, когда поп Гапон поднял руку с распятием, чтобы провести переговоры с конным жандармом, раздался первый выстрел, за ним, второй, потом — десять, сто. Сотни убитых и раненых падали на снег. Кровь ручейками текла на всех городских улицах. Пехотинцы, при поддержке казаков и гусар, отрезали все пути отступления мятежникам.

Потрясенный Гапон ходил от одного лежавшего на земле к другому, молился, помогал перенести раненых, закрывал глаза убитым и вскоре пропал в толпе. Когда наступили сумерки, по городу поползли самые отчаянные слухи. Весь город содрогался от приступов ужаса. Николай, — и это его самая большая ошибка, как по совести, так и в политике, — был плохо обо всем информирован и отказался принять депутацию забастовщиков. И приказ, отданный его министром, стрелять по толпе, навсегда отдалил его от своего народа.

Очень трудно понять, как этот религиозный человек с благородной душой не предотвратил такой трагедии, для чего ему потребовалось бы лишь сделать знак рукой. Ему нужно было выйти на балкон и сказать своему народу:

«Дети мои, вы правы, я — ваш батюшка, ваш отец. Я го- тов сделать все возможное, чтобы покончить с вашей нищетой, принести вам облегчение. Забудем об этой страшной войне. Расходитесь по домам, не теряйте веры в меня. Ваш царь вас любит всех и вам непременно поможет!»

Как же так получилось, что ни одна душа, ни один министр, ни один друг, не посоветовал несчастному царю вы- ступить с таким обращением к народу? Таким образом он мог бы спасти свой трон и до конца своего царствования пользоваться уважением и преданностью своего народа, народа, который и со своими достоинствами и недостатками все еще хранил веру в него и оставался преданным ему до смерти... Этот расстрел толпы 9 января 1905 года стал символом ненависти революционеров, сигналом к их выступлению, которые с тех пор неутомимо работали, чтобы добиться краха империи.

* * *

Николай, который совершенно не ведал, каковы истинные обязанности самодержца, не знал главных проблем своей страны, никому не мог навязать свою волю даже при всем своем самом искреннем желании. Он замыкался в себе, всегда был воплощением серьезности, сентиментальности, мечтательности, врожденной религиозности, и все эти события его жизни только усиливали его экстатическое состояние, направленное к исполнению только одной воли Господней.

Николай жил в роскоши, жизнь русского царя вообще отличалась блестящим великолепием; но громадное его состояние нисколько не удивляло его и не придавало уверенности в себе. Он любил пышные религиозные церемонии, принимал в них участие, но в отличие от других правителей, и, в

частности, кайзера Вильгельма, он на них всегда был подчеркнуто строг и серьезен, он не делал ничего только ради того, чтобы произвести должный эффект на окружающих или продемонстрировать, что его непомерное тщеславие удовлетворено:

Да и в повседневной жизни он всегда одевался очень и очень скромно.

Царица вполне разделяла такую его манеру. Все чаще супружеская чета, не забывая, однако, что она — чета императорская, старалась избегать показного к себе раболепия, помпы, церемонного отношения к их высокому положению.

К тому же Александра с тех пор, как ей стало известно об истинном состоянии своего сына, постоянно искала какой бы то ни было предлог, чтобы избежать нескромных вопросов своего окружения, и все более углублялась в долгие молитвы и обряд покаяния. Она очень мало знала о гуманитарных науках и была не в силах помочь избавить цесаревича от его болезни. Только дух святых, слова визионеров, проявления любящих душ, предшествующие появлению анге- лов-хранителей, способны вызывать у нее доверие и настроить на медитации.

В то же время твердость ее характера не позволяла ей подчиняться реальности. Нужно испытывать Бога. Нет, он не может ее покинуть! Ведь то, что она просит у Него, не столь трудновыполнимая вещь, — простая, справедливая просьба: «Здоровья, восстановление здоровья маленького существа, которое призвано стать господином своего народа и тем самым оправдать громадную веру своих родителей в Него, Господа».

Можно сказать, что эта несчастная мать, как и другие матери, произвела на этот свет здорового ребенка, ей не следовало бы связываться с опасным общением с оккультными силами, спиритизмом; не следовало бы искать в среде этих полубезумцев, шарлатанов, авантюристов и блаженных миражи невозможного,

В то время, когда и мператорская супружеская чета нежно склонялась над кроваткой, на которой наследник часто испытывал ужасные приступы своей болезни, настоящая лихорадка всеобщего недовольства все больше охватывала империю, Санкт-Петербург и множество губерний.

Александра писала своей сестре принцессе Виктории Баттенбергской: «Мы проходим через чудовищные испытания... Какой тяжелый крест приходится нести моему Ники. Рядом с ним нет ни одного человека, которому он мог бы доверять... Сколько ему пришлось познать горьких разочарований. Но он не теряет духа и уповает на милосердие Бо- жие. Он продолжает упорно работать, но нехватка таких людей, которых я называю

«настоящими», сурово дает о себе знать... Плохих всегда -г- хоть отбавляй, они всегда под рукою*., другие из ложной скромности пребывают в тени. Нам нужно чаще встречаться с людьми, чем мы с ним это делаем. Но это так трудно».

Чуть ниже царица пишет о своем разочаровании Санкт-Петербургом.

«Санкт-Петербург — город испорченный, это даже не частичка России. Русский народ глубоко, искренне предан своему государю, а всякого рода революционеры используют его имя как жупел, чтобы заставить его выступить против своих господ. Как мне хотелось бы получше во всем разобраться, быть здесь человеком полезным... Я люблю свою новую родину. Она так молода, так сильна, в ней так много хорошего. Сегодня нас окружают одни старики и зеленая молодежь, и Ники предстоит решать весьма трудную, горькую задачу... ♦

Когда Александра писала это письмо сестре, рассказывая ей особытиях на японской войне и о Кровавом воскресенье, в Санкт-Петербурге, повсюду в стране начались серьезные беспорядки, особенно в Москве.

В Москве — мятеж, волнение, полная неразбериха.

Великий князь Сергей Александрович, военный губернатор и начальник Кремля принимал у себя только самых близких друзей. Его жена, великая княгиня Елизавета, всегда такая живая, такая веселая, стала холодной и сдержанной. Было известно, что студенты, участники одной банды анархистов, повсюду следовали за супружеской четой, везде их выслеживали. Великая княгиня Мария и ее брат, молодой князь Дмитрий, племянник военного губернатора, дважды проезжая на своем экипаже, подверглись нападениям с целью покушения на их жизнь. Бомбы взорвались, но им удалось уцелеть.

16 февраля в Большом театре был устроен концерт в пользу раненых на войне, на котором присутствовали все представители высшей городской власти. Уже ставший знаменитым молодой певец Шаляпин имел громадный успех. Весь московский бомонд сиял драгоценностями, военные блистали своими яркими мундирами и регалиями, — но вся эта знать хотя была немного встревожена тем ненадежным, даже опасным положением, которое сложилось в городских предместьях, но все равно шумела, хлопала, отпускала громкие замечания, многие болтали без умолку, словно ничего такого особенного в большом городе не происходило, и все было так же прочно, так же надежно, как в лучшие деньки царского строя.

На следующий день, 17 февраля, великий князь Сергей Александрович, который всегда упрямо осуждал происки

революционеров и выражал свое полное презрение к городской черни, погиб от бомбы террориста, — вслед за министром Плеве.

В своей благотворительной рукодельной мастерской в Кремле великая княгиня работал а с девушками- мастерицами, когда вдруг услыхала сильный взрыв. Она сразу бросилась во двор вслед за полковником Мюллером, — и там перед ее глазами открылось чудовищное, неописуемое зрелище. Среди обломков кареты лежало только окровавленное туловище ее мужа, великого князя, и было видно, как в его разорванной осколками груди еще билось сердце.

— Где же его голова? — вскричала великая княгиня. Все принялись искать голову, но так и не нашли. Все тело генерал-губернатора было разорвано на невероятное множество мелких кусочков. Преступником оказался один молодой человек по имени Иван Каляев, которого задержали на месте преступления и отправили в тюрьму. На следующий день убитая горем Елизавета, несчастная вдова, как истинная христианка отправилась к нему в камеру и там сказала ему, что прощает его за совершенное злодеяние. Но Каляев все равно был повешен.

С тех пор она никому не сообщала подробности этого состоявшегося у нее разговора с ужасным преступником. Она наденет по убитому мужу траур, который не снимет до самой своей смерти, станет настоятельницей Марфо-Мари- инской обители и целиком посвятит себя благотворительной деятельности.

Известие об этом зверском убийстве вызвало у царицы состояние полного оцепенения. Какой же злобный демон сводит с ума Россию, превращает этот добрый народ в банду убийц?

В мае 1905 года в Америку был направлен председатель Совета министров Сергей Витте для ведения переговоров о заключении мирного договора с Японией в городе Портсмут, который положил конец этой позорной войне.

Витте настолько удачно справился с порученной ему императором миссией, что в результате ему и всем его потомкам был пожалован графский титул.

Сергей Витте, ставший графом Витте, человек подготовленный, знающий, сметливый, к счастью поборник мира, без заключения которого репутация России продолжала бы стремительно снижаться, был удачлив на всех должностях, — министра, дипломата, политика. По материнской линии он был голландцем, а его отец был выходцем из Прибалтики. Витте очень скоро проявил все свои многочисленные таланты. Он был одним из тех блестящих государственных умов, которые подсказали Александру III идею строительства Транссибирской железной

дороги, — и эту идею подхватил вновь Николай II.

Великий князь Николай Николаевич считал его человеком гениальным. В тот момент, когда первые революционные вспышки стали окрашивать стекла окон Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, царь, наконец, осознал, что только один человек — Витте — может справиться с мятежами.

Нужно было либо идти на столкновение с собственным народом, который был готов залить своей кровью всю страну, либо принять какие-то меры, даже пойти на какое-то ограничение самодержавия.

Сергею Витте удалось вырвать у Николая уступку — создать парламент и принять Конституцию.

Только гений этого человека мог излечить страну от той болезни, которая все сильнее подтачивала ее здоровье.

Царь — и это было одно из его самых умных решений — попросил Витте составить меморандум. Нужно было любой ценой избежать установления военной диктатуры в стране.

Великий князь Николай Николаевич, этот отважный вояка, понимая всю серьезность сложившейся ситуации, однажды воскликнул: «Если император не примет программу Витте, если заставляет меня стать диктатором, то я пущу себе пулю в лоб у него на глазах из этого револьвера».

И он принялся, выпучив глаза, размахивать тяжелой кобурой.

К словам Витте все же прислушались, и так по желанию царя в России появилась первая Дума. Таким образом, в России началось продвижение к установлению монархии, может, и не конституционной, такой, как в Англии, но в любом случае монархии, лишенной абсолютизма. Государь сохранял за собой право назначения и отзыва министров.

И как это часто случается, этот великий реформатор Витте так и не был по достоинству оценен всеми оппозиционерами царскому строю, а высшие круги дворянства попросту его презирали. Его постоянно обвиняли в том, что он расшатывает вековые устои царской власти. Александра со страхом нервно следила за этим политическим кризисом в стране, за тем, как над троном Романовых собираются грозовые тучи. Она требовала от своего мужа твердости и стойкости. Была ли она в этом права? Кто знает? Ее постоянные заботы о здоровье маленького цесаревича, которому предстояло взойти когда-то на престол, заставляли ее отказаться от любого умаления престижа царской династии,

В ее знаменитом тайном альбоме, который приходит на помощь исследователю, пытающемуся понять, в каком состоянии она на самом деле находилась в это время, можно прочитать одну

запись от февраля 1905 года:

«Доктор Баклаков поделился со мной своими опасениями по поводу слабого здоровья цесаревича Алексея. У моего сына проявляется наследственная болезнь всех Гессен- Дармштадтских, в этом, к несчастью, уже не может быть никакого сомнения. Но я его спасу,спасу силой своей любви! ...Алике будет царствовать. Он будет сочетать в себе интеллектуальное превосходство Гессен-Дармштадтских и самой чистой славянской красоты. Потому что мой сынок — очень красивый. Он будет самым очаровательным принцем до того, как потом стать самым блистательным императором...»

Александра предавалась долгим медитациям, сидя у кроватки ребенка, который всегда легко засыпал и не проявлял особой нервозности. Она страдала от бессонницы, и это не могло не тревожить ее близкого окружения. Она целыми часами молилась и часто встречала зарю в своей молельне, стоя на коленях перед образами.

В этотужасный 1905 год Анна Вырубова, наконец, получила развод, зоила от своего болезненно мрачного супруга, и теперь могла посвящать гораздо больше времени служению государыне.

С каждым днем укреплялись близкие, сокровенные отношения между двумя женщинами.

Вдовствующая императрица, незамедлительно воспользовавшись этим, распустила слухи, порочившие такую их крепкую дружбу. Разве можно было обвинять Александру в каком-то пороке, не выставляя себя при этом на посмешище? Но Мария Федоровна использовала в своих целях постоянные страдания матери, видевшей, какие тяжелые приступы смертельной болезни изматывают ее маленького сына, тем более что она знала, что Александра все чаще запирается у себя для религиозных занятий, что ее часто посещают спириты, которые только хотели ободрить царицу, вселить в нее надежду, и вдруг решила, что ее невестка — истеричка, что мадам Вырубова отъявленная авантюристка, которая запустила свои коготки в плоть своей легкой добычи, чтобы окончательно погубить ее, что ее дом превратился в очаг мистики и религиозных безумств...

Александре очень скоро стало известно о тайных нападках нанее со стороны свекрови. А она-то после рождения Алексея думала, что между ними установлен мир, мир навсегда!

Император под влиянием матери постепенно накапливал недоверие к этой Анне Вырубовой, которая, по существу, не была женщиной злой или слишком влиятельной. И он пошел на конфликт, чтобы, наконец, покончить с насмешками всего двора. В начале лета, однажды утром, он вошел в комнату жены.

— Алике,— начал он, — тебе придется расстаться с этой мерзкой интриганкой, которая вредит нам обоим. Я должен лично показать пример в тот момент, когда моя страна охвачена настоящим безумием. Откажись от дружбы с ней!

Александра, уязвленная его словами, молча смотрела на него. Она, правда, нисколько не рассердилась, подошла к нему, посмотрела ему прямо в глаза:

— Ники, как же ты мог дойти до того, чтобы согласиться с моими врагами, и первой среди них — твоей матерью, — которые обвиняют меня в мистицизме и безумии? Ты же сам не против вызова этих милосердных духов, которые разделяют со мной тот ужас, который я переживаю, когда смотрю, как наш ребенок все ближе к могиле с каждым приступом его болезни...

Она была спокойной, даже не дрожала. Не повышала голоса. Она была такой искренней, такой безыскусной, такой простодушной в своей защите, что царь был поражен и смутился. Она продолжала:

— Скажи им всем, что ты молишься вместе со мной, что ты вызываешь дух своего отца, духи всех своих славных предков, Девы Марии, чтобы все они оказали защиту тому существу, которое лежит в этой трагической колыбельке. И они тоже назовут тебя безумцем, как меня и Анну..,

Одним из самых главных качеств государя было его умение выслушивать других, и с этим никто не спорит. Он с сосредоточенным лицом слушал, что говорила ему жена.

Нет, не в силу каких-то колдовских чар, как об этом часто говорили и писали, взял он сторону Александры, а просто потому, что сознавал : все, что говорит она — справедливо, что и сам он поддался на удочку ее завистников и врагов.

Больше никогда, никогда не станет он слушать эти злые языки, этих гадюк, — пообещал он ей. Ему и самому нравилось слушать разговоры о потусторонним миром, и ему не хотелось накладывать на это запрет. И такое отношение царя спасло Вырубову, которая уже начала собирать свои вещи, чтобы исчезнуть из дворца навсегда...

Н иколай, которого столько историков обвиняют в слабоволии и бесхарактерности, грохнул кулаком по столу, за которым сидела его мать, приводя в порядок бумаги.

Ошарашенная Мария Федоровна сразу поняла, что на этот раз она зашла слишком далеко.

Когда в отставке Вырубовой было отказано, приблизительно в те же дни в императорской семье был пущен еще один мерзкий слушок.

Во время приема в английском посольстве бабушка

цесаревича в присутствии сударыни Шарыгиной, княгини

Орбеляни, графини Демидовой и некоторых других статс-дам, сказала:

— Никогда бастард не сядет на московский трон. Я этого не допущу,..

О таком высказывании матери царю стало известно в тот же вечер, и на следующий день он дожидался, когда проснется Мария Федоровна, чтобы потребовать у нее объяснений. Неужели случайно позволила она себе еще раз подействовать на чувствительную душу сына?

— Поосторожнее, матушка, прошу вас! Вы всегда считали меня слабаком, но на сей раз я окажу вам сопротивление, стану защищать честь своей жены и свою собственную...

Она попыталась оправдаться:

— Ну, во-первых, сын мой, я не произнесла такого слова, — люди всегда все переврут...

Но гнев царя не спадал:

— Как вы посмели выдвинуть такое отвратительное обвинение против моей любящей и самой любимой жены...

Мария Федоровна струхнула:

— Что ты, я не выдвигала против нее никакого обвинения, просто повторила то, что мне сказали.,, вот и все,..

— Кто вам это сказал ?

— Люди...

— Ах, люди... Люди... Я знаю этих людей. Это те люди, которые за моей спиной готовят гибель моего строя, которые хотят убить меня... это те люди, которые говорят, что я тиран и что я мучитель своего народа...

— Успокойся же, дитя мое,,.

— Это — праведный гнев, гнев возмущения! Пусть оплаченные вами горничные, пусть разные авантюристки, любительницы шантажа осмеливаются распространять такие слухи, это все, конечно чудовищно, но они меня не трогают... но вы... Вы, моя мать, вы, бывшая когда-то сама русской императрицей, распоясываетесь, восстаете против нас...

Вдруг напряженное лицо Николая смягчилось. На губах появилась ироничная улыбка... Послышался даже легкий смешок. Ошарашенная Мария Федоровна стояла перед ним, боясь пошевельнуться...

— Я знаю, кто пустил этот мерзкий слушок. Этот бравый генерал Орлов, вот кто... И этот человек был так мне всегда предан... Ну, говорите, имейте достаточно мужества, чтобы признать, что я прав, что виной тому — он.

Мария Федоровна опустила голову. И тихо прошептала:

— Его имя нд самом деле было мне названо...

Николай гоиел к двери. Повернувшись, он бросил на мать надменный взгляд.

— Вы мне нанесли больную рану, но я покидаю вас, исполненный решимости, — завтра же я прекращу все эти сплетни. Я наведу порядок. Прошу вас относиться к нам с добрыми чувствами, мы оба этого заслуживаем, и она, и я...

Но 25 сентября комендант Донварский передал царице короткую записочку от генерала Орлова:

«После посещения отца Иоанна Кронштадтского я был принужден пообещать, мадам, удалиться... Я бережно храню, Ваше величество, воспоминания о Вашей доброте и вашей поистине императорской грациозности. До тех пор, покуда Господь позволит мне жить на этой земле, я буду всегда молиться за Вас и за всех Ваших близких. Посылаю Вам маленький золотой медальон, подаренный мне одним из моих дядьев, который принадлежал славному генералу Скобелеву. Мне будет оказана высочайшая честь, если Его императорское высочество цесаревич будет носить его на Себе. Это — талисман, дарующий непобедимость!»

Александра поняла, что злобные козни ее свекрови вновь увенчались успехом. Но Николай и на сей раз не поверил тому, что подозревала его мать. Но ради своего царского достоинства он был вынужден удалить своего верного слугу, слугу короны, который теперь мог бы вернуться в Россию, только получив личное разрешение государя.

В туже ночь Алексей ударился о ножку столика, и у него началось обильное кровотечение. Ничто не могло остановить кровь. Доктор Боткин, который теперь и дневал и ночевал во дворце, заявил, что он бессилен и ничем не может помочь ребенку.

Александра плакала, чуть не обезумев, в объятиях мужа.

Николай, теряя от таких страданий самообладание, вдруг воскликнул:

— Теперь нужно только чудо!

И императорская чета, опустившись на колени на ковер в комнате, вновь с еще большим пылом принялась умолять Господа сжалиться над несчастным мальчиком.

XVII.

К постоянным тревогам Александры о состоянии здоровья ее сына, добавилась еще одна печальная новость: генерал Орлов, направленный с особой миссией по распоряжению императора в Египет, был найден мертвым в своем номере в Каирском отеле 17 октября 1905 года.

Говорили о самоубийстве. Местные власти, подчиняясь чьему-то нажиму, неохотно, но все же скрывали результаты проведенного расследования. Тайный курьер императрицы, направленный ею на место происшествия, чтобы все узнать о несчастной жертве, привел в Санкт-Петербург достаточно много весьма серьезной информации. Генерала, чтобы там не утверждали, убили, — но это преступление было совершено не по прямому приказу русского императора, а в результате политических закулисных махинаций, которые направлялись из-за границы, из Германии...

Проявленное при этом известии хладнокровие Александры лишний раз доказывало, как умеет выносить эта великая женщина удары Судьбы, с каким великим достоинством.

Она знала чутьем медиума, что ее муж был непричастен к этому убийству, но, как она опасалась, определенная часть окружения вдовствующей императрицы в Аничковом дворце могла иметь отношение к этому делу.

Теперь единственный ее друг, который всегда ее подбадривал, который, не задумываясь, предлагал ей свою шпагу для защиты слабосильного цесаревича, наследника империи, был убит выстрелом из револьвера каким-то негодяем...

Можно было, конечно, довести до конца расследование, — выявить виновных,.. Может, как раз этого и ожидали ее враги. Женская мудрость Александры подсказывала ей не проводить расследования, о чем она и сказала мужу... теперь ей в утешение оставались лишь молитвы о несчастном ее слуге, с которым так жестоко расправились в далеком Египте, Она могла отыскать его следы, следы его духовности, в продолжительных беседах с вызываемыми ею духами, которые всегда оказывали ей поддержку.

У царицы все обострялось ее «шестое чувство» по мере того, как Господь испытывал ее терпение и смиренность. Даже сам епископ Феофан, исполненный сострадания к царице и ее голгофе, одобрял, — правда с некоторой наивностью, — присутствие при дворе разного рода ясновидящих, блаженных, знаменитых юродивых, увечья которых или сумасбродство порой

выдавалось за знак небес.

Одна полупомешанная Дарья Осипова, во время своих медиумических снов уходила в потусторонний мир и там общалась с духами, но ее природная грубость, вульгарный до похабщины язык просто шокировал государя и государыней, и они попросили ее удалиться из дворца.

Князь Овятенский по наущению одного монаха из Оп- тиной пустыни, помолившись святому Николаю-угоднику, вдруг открыл в изуродованном теле одного горбуна по имени Митя Коляба человека, способного толковать все невидимое.

Этот еще довольно молодой человек, хромой, наполовину ослепший, наполовину заика, издавал какие-то нечленораздельные звуки. Александра хорошо знала, что Господь часто, чтобы посильнее покарать горделивых и скептиков, намеренно превращает своих гонцов в дурачков или помешанных, но она, несмотря на то, что о ней писали, сохраняла при этом такое здравомыслие, такую ясность ума, что ее глубокую веру никак не могли поколебать подобные представления.

В это время в Санкт-Петербурге объявился знаменитый доктор Бадмаев, бурят по национальности, большой оригинал, с озера Байкал, который сменил свое азиатское имя Жамсоран на русское и стал Петром Александровичем. Он открыл в столице странную тибетскую аптеку и там давал медицинские тайные консультации своей клиентуре, — представителям высшей санкт-петербургской знати.

Бадмаев, этот светский колдун, с внешностью героя-соблазнителя из романа, вполне мог быть опасным агентом на службе могущественных врагов. Он предлагал своим «пациентам» за большие деньги (ибо деньги, роскошь, почести были для него самым главным, и он ради всего этого в равной степени мот служить и добру, и злу) экзотические, редчайшие травы, которые было так же трудно отыскать, как алмазы.

Николай у него тоже консультировался. Рецепты, выписываемые этим бурятом, сильно интриговали императора, любившего все необычное, причем гораздо сильнее, чем об этом писалось. Может, Бадмаев в один прекрасный день откроет какой-то чудодейственный эликсир, который спасет жизнь его сыну?

Несмотря на все предпринимаемые ею усилия, чтобы скрыть свою материнскую боль, свои страхи потерять своего, дорогого сына, Александра все же не могла долго сохранять все это в тайне, и слухи стали неизбежно распространяться повсюду.

Многие добрые души хотели ее успокоить, приободрить. Многие задумывались, к чему, к каким способам можно прибегнуть, чтобы вывести царицу из тяжелого состояния. Почти

ежедневно ей приходилось принимать у себя послов, министров, генералов, которые старались ее утешить, как могли. Каждый вместе с тем, хлопоча возле Александры, рассчитывал на продвижение по службе, зорко выслеживал такую желанную возможность. Но сама царица была занята лишь одним — поисками эффективных медицинских средств для больного ребенка. Ее упрекали в том, что она отказывается от балов, от приемов в своем роскошном дворце, но, скажите на милость, как можно развлекаться там, где ее маленький мальчик ведет борьбу за жизнь с демонами смерти?

Она получала цветы, письма, обещания молиться за нее и ее сына. Благочестивые люди, которым до сих пор была непонятна причина такого ее уединения, заверяли ее, что будут неистово молиться за выздоровление цесаревича, но от этого несчастной матери становилось еще хуже.

Она не могла, конечно, подвергать сомнению искренность некоторых просьб или пожеланий скорейшего выздоровления ее ребенка, которых поступало так много, хоть отбавляй! Но ее приводило в отчаяние лицемерие многих родителей, многих близких, и она все больше сомневалась в их искренности и все меньше и меньше открывалась реальному миру. Только одному Николаю было известно в каком узилище пребывает ее нежное сердце. Все ее четыре дочери до конца не понимали всю серьезность состояния своего младшего брата.

И вот в этой драме на свет выходит черная магия. Ну как можно предположить, что Бог при своей безграничной доброте мог допустить такую ужасную несправедливость?

Ночью, когда ее никто не видел, царица бесшумно вставала со своего императорского ложа, чтобы не потревожить спящего мужа, и часами ходила кругами по спальне, подходила к окну, отдергивала штору; часто она обращалась к звездам, сияющим там, высоко-высоко в небе... Ну, какую еще нужно принести жертву этим невидимым могучим силам, чтобы спасти Алешу?

На стене видна ее тень. Царица вместе с тенью опускается на колени на ковер и, обливаясь слезами, умоляет Господа ниспослать ей все казни, все самые тяжкие испытания, только чтобы жил ее любимый ребенок, это ее сокровище, этот красивый мальчишка, которого не должны у нее отнять...

* * *

Уже несколько месяцев в салонах Санкт-Петербурга все говорили о каком-то странном монахе, не рукоположенном священнике, весьма скромном на вид, который совершал

необычные исцеления...

Княгини-черногорки, которыйс всегда влекло ко всему сверхъестественному, различным проявлениям спиритизма, нашли способ с ним познакомиться. Он даже вылечил старого лакея великого князя Николая Николаевича, от лечения которого отказались все врачи, во-первых, потому что он стар, а во-вторых, потому, что он был парализован и ноги его не слушались... И вдруг к этому старику вернулась прежняя жизненная энергия, он встал на ноги, вновь мог служить своему хозяину, который любил его как своего старого родителя и ничего от него не требовал, только, мол, живи себе на здоровье...

Однажды, когда Александра секретничала со своей конфиденткой в своем будуаре, Анна Вырубова вдруг предложила:

— Ваше Величество, может, мне позвать этого колдуна, о котором говорила великая княгиня Милица? Кстати он тоже меня спас от какой-то странной болезни, когда мне казалось, что я постоянно пребываю в каком-то оцепенении...

Александра довольно скептически воспринимала слова своей фрейлины, и глаза ее оставались холодно-равнодушными. .

— Мое дорогое дитя, благодарю вас, конечно, за заботу, но после стольких подобных экспериментов всех этих колдунов, которые оказывались абсолютно бессильными, нетрадиционной медицины, которая тоже оказалась беспомощной для излечения моего несчастного ребенка, я уже теперь верю в одно, что способно его спасти, — в милосердие Божие!

* * *

Анна Вырубова, чтобы нелицеприятного о ней не говорили, по существу, никогда не была злой женщиной. Она происходила из семьи царских служащих, и как это водится в их среде, ей всегда хотелось нравиться тому, кто по своему положению стоит выше ее. Но такое пристрастие было свойственно не ей одной. Чрезвычайно набожная, гораздо менее корыстолюбивая, чем все остальные статс-дамы, относящиеся к ней с откровенным презрением, она искренне, нежно любила государыню, и только революционным ордам удалось их разлучить после той драмы, которая разыгралась в 1917-м...

Она приходила в отчаяние от своей болезни — частых нервических кризисов, вызванных ее неудачным браком, а потом и разводом с лейтенантом Вырубовым, и вот, этот знаменитый «старец, о котором говорила уже вся столица, монах из сибирского села Покровское, Григорий Ефимович Распутин, по

существу, вырвал ее, несчастную, из рук смерти, исцелил...

На Вырубову не произвел особого эффекта отказ Александры встретиться с ним. Она тайком поговорила об этом с великой княгиней Милицей, к которой обычно царица прислушивалась, и та, однажды вечером попросила у царя разрешение привести «старца» во дворец. Вскоре в своем дневнике Николай сделает такую запись: «Мы познакомились с Божьим человеком, Григорием из Тобольской губернии».

Сколько же было написано по поводу этой странной личности! В своей книге* о нем я попытался развеять нелицеприятную легенду о нем, созданную, главным образом, многочисленными врагами несчастной императрицы и происками различных политических партий.

Его известное влияние, оказываемые на царскую семью, никогда не шло вразрез с интересами короны. Он был единственным человеком на свете, который смог принести истерзанному болезнью мальчику Алексею Николаевичу Романову некоторое облегчение. Как же Александре не благодарить Небо и Бога за то, что они послали ей на помощь этого человека?

Какая же обезумевшая от горя мать при виде своего умирающего ребенка, станет скупиться на благодарности тому, кто пришел, поговорил, благословил и спас?

Вот что произошло, вот что стало началом долгих, почтительных, близких отношений между русскими самодержцами с этим звездным полубродягой, наделенным почти божественной силой. Его главным призванием, совершенно естественно, была любовь к другим, которая проявлялась и в его загулах и в его постах, его уходах, и в его несомненно могучей целительной силе, которую он передавал не только маленькому цесаревичу, но и многим другим людям.

Английский генетик Д.Б. Холдейн писал: «Распутин завоевал империю, остановив кровотечение у цесаревича». Этот ученый видит в нем самозванца. Но на каких конкретных фактах основывает он свое суждение? Все свидетели, даже отъявленные враги «старца» признают, что его гипнотическая власть превышала все, что до этого можно было себе представить в отношении всех опытов с гипнозом и вмешательства сверхъестественных сил.

Всякий раз, когда Григория Распутина в срочном порядке вызывала в Царское Село императрица из-за того, что у ее больного ребенка начинался очередной криз и кровь безостановочно текла, он входил к нему в комнату, подходил к кроватке маленького больного, который целовал ему руки... и

кровь останавливалась.

Этого «старца» называли краснобаем, распутником, и все в его деревне в Сибири называли его презрительным прозвищем — Гришка. Он принадлежал к тому слою сибирских крестьян, мужиков, которые отличались как своей склонностью к таинству, так и своим примитивизмом. После того, как ему явилась Пречистая Дева, когда он был еще ребенком, и он не утонул в реке вместе с младшим братом, Григо- рий долгое время избегал тяготения к невидимому, сверхъестественному. Он женился, был образцовым мужем. У него родилось трое детей, две дочери и сын. Но к нему всегда все относились как к лентяю, бродяге, потому что он постоянно отправлялся в дикие неизвестные места, где только одни редкие отшельники молились в полной, не нарушаемой ничем тишине.

Вот в чем был истинный принцип призвания Распутина. Он брел почти как слепец в бурную эпоху, и его дарования неумолимо влекли его к тому месту, где его ждала его миссия и вместе с ней его смерть, — к высшему русскому обществу, этому активно действующе му миру, погрязшему в роскоши, наделенному властью и могуществом, миру, который баламутил весь Санкт-Петербург, не обращая никакого внимания на тревоги своего государя и государыни, как и на тот невероятный хаос, в который погрузилась вся страна после окончания русско-японской войны. Распутин в своем потертом крестьянском кафтане в своих заляпанных грязью сапогах, бородатый, всклокоченный, пожирал в городе своими широко открытыми глазами этот крупномасштабный спектакль упадка и разврата, который он не умел объяснить, но который его так пугал.

Он, конечно, не святой. Просто он — крепкий мужик, крестьянин, который был всегда ближе к лошадям, чем к людям. Он обладал дикими животными инстинктами. Но они никогда не принуждали его к дурному поступку. Этот образ «женщины в бело-голубом», образ Пречистой Девы его преследовал повсюду, он видел его в каждой женщине, с которой сталкивался. Он был «неотесанным» ясновидящим. Он едва умел читать. Только уже в зрелом возрасте он одолел алфавит и теперь мог ставить свою кривую подпись на бумаге.

Епископ Феофан в Санкт-Петербурге встречал его, помогал ему и преклонялся перед его религиозной силой. И тогда перед ним распахивались двери всех дворцов с их толпами полубезумцев во власти эротических снов и воображаемых авантюр... И тут же все спекулянты, все авантюристы, шпики, околачивавшиеся в привилегированных кругах, смекнули, какую выгоду можно получить от такой яркой личности. Это был взрыв

бочки с порохом, пролет кометы над Невой, — всех петербуржцев околдовал этот святой человек из села Покровское! Россия всегда пребывала в экстазе и в страхе, в благости и в пагубе, — чувства славян часто достигают потолка в доверии и недоверии, в любви и в ненависти, в гостеприимстве и ксенофобии...Можно сказать, даже поклясться, что Григорий Распутин грелся под первыми лучами своей славы, даже не понимая, что же такое это с ним происходит...

Если ты родился среди необозримых глубоких сибирских сугробов, вдали от любых проблесков цивилизации и вдруг очутился в громадном городе, самом космополитическом во всей Европе, в котором полно невиданных богатств, где постоянно, ежедневно появляются новые изобретения, где жизнь развивается и в хорошем и в дурном направлении, где спаиваются различные миры, то тебя удивить уже ничем невозможно, и в том, что его, замшелого мужика, однажды вечером пригласили к себе хозяева его страны, сам царь, самодержец по божественному праву, глава Церкви империи, Григорий не видел ничего особенного. Он испытывал к этой разодетой супружеской чете, переживавшей постоянные мучения, особую нежность, о которой все эти враждебно к нему настроенные словоблуды-биографы стараются не говорить.

Прежде всего, он чувствовал родительскую привязанность молодого отца (ведь и сам он был отцом и у него был сын, правда, немного старше цесаревича) к несчастному, больному ребенку. Между маленьким немощным принцем и сибирским колдуном сразу установилось какое-то чувство соучастия, чувство такое знакомое, такое человеческое, такое простое, заботливое!

Александра теперь заливалась слезами радости перед алтарем Пречистой Девы, — Богородица, наконец, обратила внимание на голгофу императрицы. Именноона послала им этого невежественного мужика, который лишь наложением рук на лоб цесаревича тут же добивался его исцеления... и умиротворения души ее, царицы...

Ребенок тихо спал. Догорали одна за другой свечи канделябра. Николай, сестры, его жена, на цыпочках вышли из детской.

«Старца» хотели оставить во дворце. Его просили, умоляли остаться. Ему приготовили апартаменты... Но он отказался. Он всегда в подобных случаях отказывался, и этот человек, которого называют дурным гением царя, который своим губительным влиянием на него привел империю к краху, ничего не принимал, — ни денег, ни богатства, ни почестей...

Он говорил о любви. Он говорил о сообществе людей, у

которого нет границ, нет разделения на сословия. Он знал, что Пречистая Дева послала его к самодержцам, чтобы говорить им о любви. За свои долгие молитвы, за свою психическую концентрацию он требовал только одного, — чтобы царь выслушивал его. Он говорил ему:

— Отец наш, батюшка, вижу я, что ты не знаешь народа своего. И он тебя не знает. Вы живете отдельно друг от дружки, и это весьма прискорбно...

Я вижу тебя насквозь, ты такой простой, такой хороший, ...тогда почему же какие-то человечки в сером снуют по казармам, заводам, рынкам, где тебя называют тираном? Какой же ты тиран, скажите на милость!

Закинув голову, этот сибирский колдун громко расхохотался, обнажая свои крепкие, волчьи зубы. Схватив с подноса, поставленного лакеем рядом с ним, стакан мадеры, он жадно выпил большими глотками сладкое вино. Он продолжал:

— Отец наш, царь-батюшка, да ты самый лучший из всех... я провел много времени в одиночестве в холодной тундре, я долго бродил по диким, первозданным дремучим лесам, и там, во время своих скитаний, я обрел силу видеть, что скрывается в человеке за его внешним ликом. Да, я могу сказать, что скрывается за ликом епископа, князя, графа. Там скрывается отъявленный негодяй, вор... И часто среди тех, кого эта твоя идиотская полиция отправляет на каторгу, есть прекрасные, абсолютно невинные люди, которые молятся за тебя...

Ошарашенная его словами Александра слушала этого человека так, как еще никого прежде не слушала! Какие могут быть сомнения? Да. Господь послал этого странника, чтобы убрать возведенную вокруг нее преграду ненависти и человеческой глупости. Теперь речь шла не только о ее ребенке, но и о ней самой, ее глубинной сущности, ее Судьбе, ее любви. Как ей самой и Николаю требовалось просветление!

Однажды вечером, когда он набросил на плечи поношенную шубу, надел на голову меховую шапку и взял в руки фонарь, чтобы идти домой, чувствуя себя непринужденно й даже по-семейному развязно, не заискивая перед своими императорскими хозяевами, он опустился на колени, чтобы поцеловать на прощание ручку им пратрицы, та ему сказала:

— Григорий Ефимович, приходи как-нибудь ко мне днем, в мой салон. Нужно поговорить. Ты должен найти решение. Одна проблема мучает меня, не дает покоя...

— Приказывай, матушка...

И он исчез в снежной темной ночи, опустившейся на Царское Село, словно саван, как будто сама смерть выбрала для себя этот

заснувший дворец, в котором царила настороженная зимняя тишина, в качестве места, где ей придется задержаться.

* * *

Александра заканчивала утреннее чаепитие в обществе Лили Ден, жены морского офицера, служившего на императорской яхте, которая своей скромностью, своим почтением, лишенным лести и угодничества, сумела заручиться ее доверием. Лили Ден была женщиной красивой. Клан вдовствующей императрицы считал ее личностью маловажной, но кто были они сами эти разодетые трещотки с перьями на шляпках, для чего рядились в судей?

Лакей объявил о приходе «старца».

Лили Ден тут же встала, чтобы уйти. Императрица ее остановила:

— Нет, дорогая моя, — сказала она, — вам многое известно о том, что говорят в городе, я хочу, чтобы вы с ним познакомились. Скажите свои впечатления, это весьма для меня важно.

Лили Ден снова уселась возле глубокого кресла, обитого сиреневым шелком, на котором сидела царица.

Вошел Распутин. Казалось, ничто его не смущало. Он шел широко, словно мерил большими шагами землю у себя на родине, и ничто ему не мешало, никакие препятствия. Он подошел к государыне, поклонился, перекрестил ей лоб в знак благословения двумя пальцами.

— Григорий, хочу представить тебе мою молодую подругу, которая очень хотела познакомиться с тобой.

«Старец» поднял глаза, посмотрел на молодую женщину. Она по-светски протянула ему руку. Он, подойдя к ней, сказал:

— Вижу, что красива ты, молода. Ты счастлива. Вижу, что счастье от тебя не отвернется, ибо не знаешь зла..,

— Зла, мой отец, — удивленно повторила Лили,

— Да, зла! О нем мы думаем, оно цепляется ко всем нашим самым простым мыслям... Из-за него люди и несчастны... Тебе это не грозит...

— Но, святой отец, — перебила его Александра, — но ведь есть люди, никогда никому не сделавшие зла, и, тем не менее, они страдают...

— Да, конечно... Но это другое дело... От Бога ничего не скроешь. Всегда нужно платить по счету. Порой приходится нести ответственность за других...

Очаровательная посетительница, видимо, не желая мешать их беседе, встала. Императрица взглядом похвалила ее за это.

— Ты уже уходишь, голубка? Я тебя напугал?

— Нет, отец мой. Нужно возвращаться в Санкт-Петербург. У меня муж...

— Как ему повезло... Передай ему, что Григорий не дает в обиду хорошеньких женщин...

Она чуть улыбнулась, сделав реверанс перед своей августейшей подругой, вышла из салона.

— Присаживайся, святой отец. Мое материнское чутье говорило мне, что ты можешь сделать для моего ребенка гораздо больше любого опытного медика.— Люблю я, матушка, твоего цесаревича...

— Вот твой самый главный секрет. Ты любишь тех, кого исцеляешь. Поэтому хочу попросить тебя о чем-то. Но прежде я должна исповедаться перед тобой...

— Ну, я готов тебя выслушать матушка. Если бы кто-то сказал мне, что самая прекрасная государыня в мире мне когда-то доверится...

— Я не только доверяюсь тебе, Григорий Ефимович, я связываю с тобой все свои надежды... Только ты, ты один, можешь излечить меня от болезни, которая меня изводит...

— Ты несчастна с батюшкой?

— Наш царь-батюшка—самый благородный из всех мужей на свете, самый почтительный, уважительный, самый нежный. Когда я оказываюсь в его объятиях, то чувствую себя снова молодой девушкой, — и это-то после пяти беременностей!

— Ну так чего же желать лучшего? Ну, я понимаю, твои тревоги из-за больного Алеши...

— Это моя самая главная беда... Но есть и другие. — Она чуть приподнялась в своем кресле. Своим рассеянным взглядом она, казалось, следила за уходящим днем за окном. Слезы застыли в ее глазах, и этого не мог не заметить «старец».

Он сидел, не двигаясь, словно застыл. Этот человек, о котором говорили, что он ведет себя повсюду с поразительной грубостью, обладал чисто крестьянским состраданием к страждущим. Он не желал ей навязывать свою волю, не хотел задавать сейчас ненужных вопросов. Он терпеливо ждал.

— Должна тебе открыться, — продолжала царица, — знаешь, с детства я испытываю какую-то странную раздвоенность своего всего существа...

— Как это — раздвоенность, — спросил он с трогательной наивностью.

— Ну, это такое ощущение, — как бы тебе пояснить, — когда ты не одна, а тебя две в одной. Понимаешь? Это назы - вается раздвоение личности...

— Ну, а как же иначе? — воскликнул он, вздымая руки к небесам. — Ты называешь это раздвоением личности... Постараюсь не забыть...

— Послушай, Григорий... клянусь тебе, что с того момента, как я появилась на этом свете, я никогда не замышляла дурного, никогда его не желала никому и никогда ни с кем дурно не поступала. Но мне кажется, что чьи-то черные крылья уносят куда-то все мои светлые мечты, они иногда закрывают передо мной действительность... Я была ребенком, которого мать просто обожала, самой младшей во всем доме... когда мне исполнилось шесть лет, смерть унесла от меня мою дорогую мамочку...

И вот с тех пор мне кажется, чтоу счастья, почестей, кратких приятных отдохновений есть своя изнанка, — так сказать, противоположность. И они меняются местами. В каждом человеке обретается микроб несчастья, и он множится, заполняет непосредственное пространство...

...Распутин слушал ее с самым серьезным видом. Рукой он разглаживал свою всклокоченную бороду, похожую на густую шерсть лесного зверя. Он, слушая ее, покачивал головой. Императрица продолжала:

— Когда мое сердце, изголодавшееся по любви, дало мне понять, что Николай целиком отвечал моей мечте, я вся излучала громадную радость. Мы тогда были в Англии... Моя бабушка, английская королева, обручила нас. Мой будущий супруг был таким молодым, таким пылким. Я видела в нем настоящего рыцаря из легенды, который не только дарил мне корону, но и всеми своими силами оказывал мне защиту... Мне было ничего больше не нужно, — лишь принадлежать ему, принадлежать всей своей сущностью, целиком, отдавать ему свою жизнь, чтобы руки его всегда сжимали меня в объятиях. Он был всегда таким веселым, очаровательным, он знал, что такое радость жизни.

И вдруг мы получили ужасное известие: император Александр III был при смерти, и его медики ничего не могли поделать...

— Нужно ведь когда-то умирать, — прошептал Распутин, — понимаешь, голубка?

— Мой будущий тесть был очень сильным, крупным человеком, настоящий колосс. Человек из крови и стали.

И всего за несколько недель он угас... Николай, который никогда и не думал, что он так скоро станет императором всей России, расстался со мной, уехал на родину, чтобы присутствовать при предсмертной агонии своего отца. Мне тоже пришлось приехать в Россию из Дармштадта, чтобы присутствовать при его последних минутах жизни, затем

следовать за его гробом и въехать в свою будущую столицу в черном траурном одеянии. Мой брак все комментировали по-разному. Меня обвиняли в том, что я несу смерть...

— Не стоит говорить так, матушка. Смерть настигает только эгоистов и скряг. Тот, кто любит, не умирает..,

— Да слушай ты, Григорий! Через некоторое время мы приехали в Москву, где при громадном стечении народа, клира, нас с ним короновали в полном соответствии с вековыми русскими законами. Весь город сиял, все были веселы и счастливы...

— Да, да вспоминаю, мне говорили об этом. Разносчики мелких товаров приходили к отцу, рассказывали. Вечерами они после ужина рассказывали о всех этих чудесах... Они говорили, какая бы была красивая, со своими золотистыми пышными волосами, и как святость отражалась на ваших лицах с будущим мужем, когда епископ благословлял ваш брачный союз.

— А знаещь ли ты, что на следующий же день произошла страшная катастрофа?

— Что за катастрофа?

— Разве ты ничего не слыхал о давке на Ходынке? Угощения на столах, раздача подарков, привлекли громадную толпу, началась толчея, давка, и ничто уже не могло этому помешать...

Мы с императором хотели сблизиться с народом в этот день нашего счастья, используя для этого самый простой метод: предложить вкусную еду, напитки, раздать подарки, объявить амнистию политическим, отменить на год все налоги и вот > ~ на тебе! Черные крылья, о которых я тебе говорила, вновь унесли все мои светлые мечты, мои слишком заманчивые надежды.С каким страхом в душе, унынием, жаждой покаяния, покидали мы тогда с Николаем Москву. Ты знаешь, что эта суеверная, злопамятная Москва, которая всегда противилась делам великого Петра, перестала быть столицей всей России, ты знаешь не хуже меня, что она никогда не прощает...

Распутин встал. Видимо, ему не понравились слова государыни:

— Москве нечего тебе прощать, матушка, ты не виновата, в том, что тогда произошло. Господь судит не поступки, а злонамерение... Кто же и в чем может упрекнуть тебя, голубка?

— Конечно, не Бог, и не ты, кого Он послал ко мне,., но люди...

— Люди — это взрослые дети. Давайте им погремушки, пусть как следует поиграют, неплохо выпьют, посовокупля- ются, — ах, прости, не след об этом говорить, но тем не менее, это очень важно, поверь мне. Дайте им титулы, копейку, пирожные,

знамена, если им этого очень хочется, и тогда они никогда не станут творить зла...

— Григорий, сразу по тебе видно, что ты до сих пор жил в дремучих лесах, степях, да монастырях...

— Но я бывал и в кабаках и этого от тебя не скрываю. Иногда старые пьяницы-попрошайки вызывали у меня куда больше доверия, чем ухоженные, лоснящиеся попы, изо ртов которых с тонкими презрительными губами часто слетают охулки, обвинения во всех грехах абсолютно невинных женщин...

Он все больше расходился. В маленьком салоне становилось темнее, словно кто-то набросил на него серое покрывало. Слуга принес зажженный факел. Императрица его отослала назад. Она, казалось, уже устала. Но все же продолжала через силу:

— Григорий, после нашей грандиозной свадьбы, просто феерического, пышного коронования, после того, как я познала счастье быть обожаемой супругой своего мужа, мне нужно было отвечать упованиям страны, всего народа, — дать России наследника престола, но в этой связи мне при- холилось так страдать от едкой критики со стороны свекрови и всех членов царской семьи, этих ревнивцев...

— Но ведь ты его дала, клянусь святым Василием!

— Да, но это произошло совсем недавно. Но перед этим было несколько опасных беременностей, я произвела на свет четырех дочерей, и наконец, в награду за все перенесенное мною зло Господь послал мне ребенка, но у него чудовищное заболевание, заболевание, которое, судя по всему наследственное, его передавали друг другу женщины моей семьи...

— Эту болезнь можно вылечить. Он выздоровеет, могу тебе в этом поклясться.

Может, Пречистая Дева явилась в детстве ко мне для того, чтобы направить меня к тебе... Я должен был спасти твоего цесаревича... Если, как говорят, Господь любит Россию, то я ее обожаю... Думай постоянно о ней, матушка, укрепляй ее, приближай ее, как можешь, к своему мальчику. Ничего не бойся... До тех пор, покуда я с вами, ни с вами, ни с ним ничего не произойдет. Получил я повеление из мрака. Я поведу Алешу по тропе жизни... Это — моя миссия... Тот, кто помещает выполнению этой моей миссии, тот лищь ускорит падение России в бездну...

Александра встала. Опустилась на колени.

— Благослови же меня, Григорий, святой отец. Я в этом дворце вся дрожу от страха. Я чувствую, что сама виновата в тех несчастьях, которые меня преследуют.

— Никакие несчастья тебя, матушка, не преследуют. Старайся

только царствовать с добротой, с всепрощением, не забывая о благородной роли своей материнской...

— Николай боится царствовать.

Распутин помог ей встать с колен.

— Матушка, все это не столь серьезно, как кажется. Но нужно любить. Нужно молиться. Лично я молюсь за вас обоих и денно и нощно.

Вдруг тихо, бесшумно отворилась дверь. В комнату вошел царь.

Он знал, что его жена беседует с Распутиным.— Григорий, надеюсь, тебе удалось утешить нашу горячо любимую царицу...

Александра пошла навстречу мужу.

— Ники, с каким наслаждением я слушала слова отца. Он пообещал мне, что наш ребенок будет жить...

Император заключил жену в свои объятия и все время поглядывал на нее, словно объятый страстью влюбленный.

Из темного угла, почти невидимый, Распутин благословлял их обоих.

Он выходил из салона с такими словами:

— Денно и нощно думаю о том, как помочь вам обоим, батюшка и матушка. Но никогда не забывайте — царствовать можно лишь через любовь. Лучше уйти, удалиться, чем накликивать смерть и проливать кровь...

XVIII.

Большая любовь Александры к мужу теперь усиливалась еще и нежным материнским чувством к нему, которое все больше давало знать о себе. Шли годы, а царица еще с далекого прошлого, всегда видела в нем отважного рыцаря из легенды, своего возлюбленного, который явился к ней в ее дремучие немецкие леса, чтобы прожить вместе с ней всю жизнь, настоящую эпопею взаимной нежности, и она наверняка будет видеть в нем такого героя всегда, даже в размытом будущем, но теперь он становился все более чувствительным, слабым, все более уязвимым. Теперь он был таким серьезным, озабоченным, собранным, но в его порой мрачном лице не было ни капли горечи. Он знал, был уверен, что эта разделяемая ими обоими страсть делает ее его верной соучастницей, его идеалом, целью существования! В глазах императрицы всегда сквозил немой вопрос: «Ники, ты несчастен? Ты так страдаешь... Но ты же знаешь, что я готова разделить с тобой все, что бы не выпало тебе... Иногда и жаркий поцелуй, который подсказывает сердце, становится щитом... он защищает от всех, злых нападок, разгоняет опасные, густые тени...»

И она давала советы, вникала в мельчайшие подробности, пыталась объяснить многое из того, что и сама не понимала. Она настаивала, чтобы он принял разумные, мудрые меры, упрекала его в избытке деликатности, в нерешительности при принятии некоторых важных решений. Он на нее за это не сердился, он брал ее за руки, смотрел ей прямо в глаза и говорил без всякой печали:— Мое маленькое Солнышко из-за меня скрыто за туманом и облаками.,. Прости меня, Александра, но я так сильно тебя люблю.,.

Она клала его голову себе на плечо, ласково гладила его ладонью по шеке и ровным тоном, не поднимая голоса, причитала:

— Ники, дитя мое, Ники, мой самый обожаемый человек на свете, кто же будет любить тебя так же сильно, если не я? Я обешала тебе, клялась никогда не вмешиваться в политику. Я держу свое обещание вот уже десять лет, но сердце мое наполняется все большей тревогой... все вокруг получают от тебя слишком много, вытягивают из тебя все, что хотят. Нужно ведь как-то на это реагировать... Небеса поставили тебя на царствие, во главе этой империи не для того, чтобы постоянно во всем сомневаться... Царская династия — это крепкая цепь, которая не может разорваться, она должна противостоять любому давлению,

любым бурям, нападкам этих бандитов... Мы с тобой окружены людьми лукавыми, равнодушными, завистливыми,..

Николаю совсем не нравился столь пессимистический взгляд жены на их окружение, и он попытался ей возразить.

— Ну что ты, Алике, у меня превосходные, настоящие патриоты.

— Но все они — чиновники... Может и способные, насколько им это дано, но они не знают народа, его чаяний, упований...

— Знаю я, знаю, Агсикс. Порой я испытываю приступы глубокого уныния. Как хотелось бы родиться где-нибудь в другом месте, в другой стране... Кто знает, где? Ну, скажем, в одной из деревенек, в Крыму, который мы оба так любим. Ах, как было бы приятно сидеть в благоухающем садике над морем, прислушиваться к ровному биению своего сердца и к звучанию наших двух душ...

Вдруг она произнесла хорошую, рассудительную фразу:

— По-моему, ты не самодержец... Ты — поэт... Но, любовь моя, посмотри на действительность. Теперь, когда Господь подарил нам наследника, у нас больше нет права на сомнения. Он нам во всем поможет...

Как всегда, ему нравилась христианская уверенность жены, он улыбался, а она уже вела его к узкой, продолговатой молельне, примыкающей к ее будуару, и оба они там опускались на колени, и в их жарких молитвах находила отражение их безупречная, сильная любовь.

* * *

Николай никогда не давал повода свидетелям его жизни усомниться в его врожденной доброте, его мужестве, честности, но увы, он не был рожден для высшей власти. Понимала ли его властная, упивавшаяся своим высоким рангом мать отсутствие такой способности у сына? Порой хочется в это верить, верить ее сомнениям, иначе чем объяснить постоянную ее критику его любых действий?

Такую трагическую дилемму дарю навязывали эгоисты-бюрократы, эти интриганы-придворные, которые не сталкивались ни с каким противодействием своим мелким, корыстным делишкам, и делали управление страной все более трудным, все более опасным занятием.

Неужели на Святой Руси перевелись великие люди, государственные мужи, гениальные политики, в стране, которая была всегда богата на невероятно талантливую элиту?

Но революционное движение, которое только усилилось в

результате последствий Кровавого воскресенья, отбивало у многих министров охоту плодотворно работать. Лишь значительно позже, после падения монархии и хаоса, сопровождаемого большевистским разграблением страны, — сколько официальных должностных лиц, среди которых были даже дальние родственники царской семьи, в силу любви к парадоксу из-за личной ненависти или просто из- за желания видеть «перемены», помогали этим жалким агентам, прибывшим из-за границы, чтобы сеять смуту среди рабочих, крестьян, солдат, которые всегда, на протяжении веков, верой и правдой служили императорскому двуглавому орлу.

По этой причине, выдавая желание народа за свое собственное, Николай согласился создать в стране нечто вроде парламента — Государственную думу.

Но, увы, эта Дума постоянно проявляла свою агрессивную неуступчивость, Николай предоставил ей для работы прекрасный Таврический дворец. Пятьсот восемьдесят депутатов требовали от царя введения всеобщего избирательного права.

Граф Фредерикс не скрывал своего болезненного впечатления от этих так называемых «народных избранников», на физиономиях которых явно проступала яростная ненависть к консервативным партиям, желание всячески их провоцировать. Этих людей называли «крысами», В каждом из них на самом деле было что-то крысиное. Министр финансов В.Н. Коковцов однажды изучал одного человека, — крупного телосложения, высокого роста, в рабочей блузе и в сапогах. Этот рабочий с нагловатой усмешкой разглядывал императорский трон, и в эту минуту был более похож на недовольного интеллигента, чем на работягу. Председатель Совета министров тоже смотрел на его злобное, ничего хорошего не предвещавшее мрачное лицо, и шепнул на ухо Коковцову: «Не думаете ли вы, что вот такой тип запросто может бросить в нас с вами бомбу?»

С каждым днем требования Думы становились все большими, все неуступчивыми: проведение радикальной реформы земельной собственности, освобождение из тюрем всех политических заключенных, отзыв царских министров и назначение на их посты тех, кого изберет Дума!

На каждом заседании Думы в зале царила невероятная суматоха, депутаты безобразно вели себя, не проявляя никакого уважения к этому величественному дворцу и даже присутствию Николая. Царь теперь только и думал о том, что же ему делать с этим распоясавшимся собранием. В конце концов решение было принято: роспуск! Председатель Совета министров, несчастный Горемыкин, не справлялся с напором обезумевшей толпы, и в

июле 1906 года был вынужден подать в отставку. Его на его посту сменил Петр Столыпин. Это был еще довольно молодой, крепко сбитый мужчина, с твердыми, мужественными чертами лица. Царь на сей раз сделал верный выбор. Столыпин приказал запереть все двери в Таврическом дворце. Дума, в которой царили фрондистские настроения, была распущена. Царский указ об этом был развешен на всех входах в здание. В тот же день группа депутатов решила нелегально перейти границу в Финляндию.

Они устроили импровизированное заседание в густом лесу и там заявили, что Дума не умерла, что она еще жива, и обратились с призывом к народу: «Не платите больше налоги в казну, не отсылайте новых рекрутов в армию до тех пор, покуда царь не отменит своего декрета о роспуске Государственной думы».

Это бурное, агрессивно настроенное сборище вошло в историю под названием «Выборгского воззвания».

Ее первый призыв, по сути дела, к революции, услышан не был. Это, если хотите, только доказывало еще раз, что русский народ все еще слепо следовал за своим царем и его правительством. Напротив, этот Выборгский мятеж вызывал у простых русских мужиков недоверие к проведению любых перемен.

Прошел год. Царь, исполненный решимости больше не повторять такой опасный эксперимент, требовал от своих министров более полной информации о нуждах народа и хотел уже перевернуть эту страницу тревожного либерализма.

Но Столыпин, этот посланный Провидением человек, который был готов обратить все свои силы, весь свой престижна пользу старого трона Романовых, заклинал императора отменить свое решение.

— Ваше величество в своем Манифесте дало обещание своему народу. Нужно, следовательно, его держать, если не поступаться высоким достоинством Вашего величества...

Николай уступил. Правда, не испытывая при этом никаких иллюзий. Но он любил верного Столыпина, его конструктивный ко всему подход, и у него было ясное предчувствие: вот этот человек передо мной, который требует от меня вновь открыть Думу, сделает много добра для страны.

Год 1906-й завершался. Над страной висел кровавый туман. Сколько было обвинений в адрес царицы, которая требовала от своего мужа не уступать, не повиноваться угрозам, шантажу со стороны революционеров! И, тем не менее, жизнь показала, что она была права, потому что все эти годы террористы трудились без роздыха, не выпуская из рук револьвера и бомбы. Сколько было убито важных лиц, которые оставались непреклонными при

соблюдении установленного порядка, имперских традиций в стране: министр внутренних дел Плеве, министр внутренних дел Сипягин, министр народного просвещения Боголепов, граф Игнатьев, Бобриков, Старинкевич, префект Лониц, обер-прокурор Павлов, генералы Мин, Карангосов, Ализанов.

За шесть летних недель произошло шестьсот тринадцать покушений, убито двести сорок четыре человека... А блистательная аристократия Санкт-Петербурга продолжала критиковать государыню, требовавшую большей твердости в проведении репрессий...

Осенью царица сопровождала мужа, который, как всегда, в это время любил поохотиться в Польше, где императорская чета обычно останавливалась в замке в Спале. Александра взяла с собой племянницу, дочь своего брата, эрцгерцога Эрнеста Гессен-Дармштадтского. Через два дня в бюллетене двора сообщалось о внезапном заболевании ребенка, — у девочки начался гастрит. На следующий день несчастная умерла. Об этой довольно странной кончине немало злословили. Доктор Хирш, который повсюду сопровождал императорскую чету, отказался подписать официальное заключение о смерти. У него были доказательства того, что в тарелку с бульоном маленькой жертвы был брошен кем-то сильнодействующий яд. В результате быстро проведенного расследования выяснилось, что домашний слуга за столом поставил тарелку с ядом перед ребенком, а на самом деле она предназначалась императору!

Когда в стране, при дворе, в императорском окружении происходят столь трагические события, то не пора ли подумать о чем-то другом, и не увлекаться только одной критикой, постоянно проявляя свою враждебность по отношению к высшей власти в стране?

Либерально настроенное общество интеллектуалов, по сути дела, поддерживало убийц. Во время предвыборного собрания партии кадетов под председательством ее лидера П. Милюкова кто-то сообщил об убийстве вице-адмирала Г. Чухнина эсером, матросом Акимовым. Тут же весь зал встал и разразился громкими аплодисментами. Дума отказалась осудить этот возмутительный акт «красного террора». Столыпин, который только что пришел к власти, занимался первоочередными делами — наводил порядок в стране. В этом ему помогало все население страны — мелкие коммерсанты, рабочие, крестьяне. Каждый вносил свой посильный вклад в право защиты от анархии. Народ сохранял спокойствие, не бунтовал против царя, только правящий класс, эта дворянская фронда занимала враждебную позицию и неустанно подвергала острой критике трон. Промышленники,

прежде всего, немцы и евреи из-за рубежа, имевшие в стране крупные фабрики, поддерживали своими иудиными монетами очаги революционной агитации.

Знаменитый миллионер того времени Савва Морозов посылал банковские чеки Ленину, — адвокаты, университетские профессора, журналисты пропагандировали в своих выступлениях идею тотальной анархии. Нужно во что бы то ни стало уничтожить этот царский строй, которого больше никто в стране не хочет! Вся страна была охвачена тревожным брожением. Прежде всего потому, что средний русский никогда монархистом не был. Он был всегда по своей сущности анархистом. Никто не думал о том, какие будут последствия, если уничтожить основы власти, — главное, поднести факел к бочке с порохом, все опрокинуть, разорить, после чего произнести волшебное слово — свобода, и тут же все обновится, все будет просто великолепно, воссияет дружба и наступит такое изобилие, о котором прежде и не мечтали...

Да, да все пойдет, пойдет, как надо, — как поется во французской революционной песенке!

Теперь в высшем свете только осуждали царя за отсутствие в нем энергии, в том, что он ничего не смыслит в управлении империей.

Нужно признать, Николай проявил свою проницательность, передав Столыпину всю полноту власти.

Таку руля появился Столыпин, мелкопоместный дворянин из деревни, несколько тучный, бородатый, с энергичным полным лицом. Он совсем не был похож на раболепных слуг короны, он не был похож и на чиновника бюро- крата, на этого субчика-ловкача, в подернутом пылью личном деле которого часто скрыты его малодушие и трусливость вкупе с самой откровенной некомпетентностью и желанием упрямо взбираться по социальной лестнице, чтобы добиться такого влияния, которое поможетему получше облагодетельствовать себя и обдурить своего начальника.

Петр Аркадьевич Столыпин, истинный патриот без слабинки, видел далеко, за горизонтом, он улавливал в раболепных преувеличенно подчеркнутых поклонах императору, в притворных восхвалениях его придворных признаки все более усиливающегося склероза общества, его скорого краха. Его очень уважали в Думе, где его широкоплечая медвежья фигура, его зычный голос, его красноречие, основанное на точных суждениях и скорых, доходчивых объяснениях, обеспечивали ему среди всех первое место. Порой лицо его наливал9сь кровью, и он, словно храбрый лев, бросал своим противникам:

— Вам меня не запугать!

Когда левые уже демонстрировали свое желание под видом созидания все разграбить, все переделать, он, поднимая руку, выкрикивал в их сторону:

— Вы хотите великих потрясений? И даже не знаете, почему. Пусть каждый из вас подумает, а нам нужна великая Россия!Этого могучего политика все пожирали глазами, В своем просторном сюртуке, с тяжелой золотой цепочкой от часов, болтавшейся на его выпуклом животе, он уверенно шел между членами фракций и, как положено, улыбался, избегая ненужной фамильярности, соизмеряя свои упреки с предостережениями, и все смотрели на него — одни с восхищением, другие со страхом вперемежку со злобой, но все — с подчеркнутым уважением.

Николай, видя, как он активно работает, обретал большую уверенность в себе. При нем была созвана вторая Дума. Он неустанно повторял царю, который был очень мало убежден в пользе такой «машины для разъединения».

— Ваше величество тем самым убедит всех, что лучше открыто противостоять врагам, чем предоставлять им выгодное для них покрывало подполья, которое позволит им вас еще только больше предавать и упрямиться...

Этот человек не только обладал выдающейся, достойной подражания, мудростью, но он еще и «горел» на работе.

Сколько десятилетий человектакого высокого ума, такого горячего сердца и благородной души не стоял на первых ступеньках царского трона!

Он родился в 1862 году в Дрездене, а воспитывался в Санкт-Петербурге, где его отец занимал одну из руководящих должностей. Через своих родителей он принадлежал к той «элите», которая часто может сделать немало хорошего, но которую развращали слишком большой достаток и необремененная никакими трудностями жизнь.

Петр Аркадьевич больше любил сельский покой, чем шумный город. Когда он был губернатором Саратова, то ему в 1905 году было поручено подавить крестьянские бунты, которые разжигали в этой губернии сомнительного рода агенты определенной иностранной державы. Он с этим весьма успешно справился.

Кроме своих прочих замечательных человеческих качеств, Столыпин еще обладал и большой скромностью, которая даже заставила его поначалу отказаться от места пре- мьерав правительстве. Человек дальновидный и проницательный, он все колебался, не знал, принимать ли ему предложение царя, говорил что его незнание «низов» не позволит ему быть полезным на таком высоком посту.

Как же царь без своих обычных колебаний выражал свое полное доверие такому человеку, как Столыпин?

Нельзя забывать, что одна общая православная вера объединяла государя со своим премьер-министром.

В это время Мария Федоровнатюлучила письмо от своего сына, в котором он так пишет о Столыпине: «Не могу даже сказать, как я люблю, как уважаю этого человека».

Заняв свое кресло председателя Совета министров, Петр Аркадьевич сразу почувствовал, как его сжигает внутреннее пламя, пламя бьющей через край энергии. Он ясно видел перед собой самые жгучие проблемы своей эпохи.

Одной из них после наведения элементарного порядка должен был стать крестьянский вопрос, нужно было найти решения для осуществления вековой мечты любого мужика о собственном земельном наделе.

Царь из-за своей обычной мягкости, от недостаточного знания проблем, с которыми приходилось сталкиваться высшей власти, все еще колебался, отказываясь одобрить предложенные своим первым сотрудником радикальные меры. Он все еще проявлял свою суровость, даже свою жестокость, в отношении тех крестьян, которые принимали участие в столь ненавистных для него бунтах. Но Столыпин успокаивал его:

— Ваше величество, все нужно расчистить! Можно двигаться вперед только по ухоженной почве. Ваш народ напоминает собой громадный сад. В нем есть и сорняки, даже ядовитые травы. Их нужно вырвать и сжечь.

Николаю приходилось предпринимать над собой невероятные усилия, чтобы пойти на репрессивные меры. Александра, однако, несмотря на свое слабое здоровье, напротив, проявляла мужество. Столыпин казался ей тем человеком, который успешно заменит Николая, если возникнет необходимость быстрого осуществления плана возрождения страны.

Столыпин без промедления для наведения порядка приступил к созданию особых судов даже в самых отдаленных районах империи. После того как были получены доказательства, не теряя более ни минуты, тот или иной бунтовщик, совершивший преступление, уже через три дня после ареста болтался в петле на виселице. Репрессии становились такими жестокими, что народ окрестил удавку палача таки- ми словами: «Столыпинский галстук».

Бесстрашный человек, решительно настроенный на установление полного порядка в стране, уже настолько разделенной по каким-то таинственным причинам, действуя с присущей ему бурной энергией, Петр Аркадьевич, казалось, сам

своими действиями наводил руку преступника с револьвером на себя. И он знал об этом.

Он принимал свою Судьбу, какой бы она ни была, он был убежден, убежден своей религией, без малейшего сомнения, что Господь поставил его между слишком слабым царем и слишком беспокойным его народом, чтобы спасти Россию, отдалить от нее покрытый кровавым заревом угрожающий горизонт.

Не прошло и месяца после его вступления в должность председателя Совета министров, когда однажды после полудня в субботу в его загородном доме в окрестностях Санкт- Петербурга прогремел сильный взрыв. Он в это время работал в своем кабинете, и этот ужасный грохот заставил его вздрогнуть. Одна стена дома, выходящая на сад рухнула. Его сын, игравший на втором этаже на террасе был ранен, а дочь Наталья самым жестоким образом изувечена!

Хотя он был в отчаянии из-за страданий детей, он, тем не менее, проявлял свою обычную твердость в разговоре с царем, который выражал беспокойство по поводу состояния его здоровья.

— Ваше величество, я цел и невредим, только несколько чернильных капель попали на мой жилет. Мои дети оправятся от ран. Главное заключается в том, что это неудавше- еся покушение показывает, какова воля Божия! Все будет лучше завтра... передайте царице, пусть не беспокоится, и прошу Вас, попытайтесь снять все ее тревоги!

Николай в лице Столыпина обрел того медика, который мог бы вылечить его больной народ. Он восхищался его благоразумием и его смелостью. Он осмеливался, рисковал, не боялся! Николаю тоже не нужно былобы занимать мужества, если бы только не эта его печальная склонность к фатализму, которая толкала его к колебаниям, к осторожному «А для чего?», что приводило лишь к бездействию...

Начиная со следующего, 1907 года, этот отважный государственный деятель изучал самую главную проблему, проблему земельной собственности. Россия — в основном аграрная страна, три четверти ее населения существовали за счет земли.

Царь Александр II, отменяя в 1861 году крепостное право, открывал для своей страны путь дальнейшего развития, позволявший ей избавиться от этой гангрены Средневековья.

Но, тем не менее, старые основы крестьянского жизненного уклада сохранялись. Крестьяне жили сельскими общинами. Знаменитый «мир», сельская община со своими членами, доминировала над другим любым институтом, и крестьянин не мог жить за ее пределами.

Он должен был спрашивать разрешения у своих соседей, когда ему нужно было купить новый плуг, продать лошадь или сменить работников.

Достигнутые результаты совсем не соответствовали повседневному труду каждого человека, его усилия рассредоточивались, его малопроизводительный труд не приводил к личному обогащению и посему он утрачивал к нему всякий интерес. Столыпин, вырабатывая бессонными ночами свой план, предложил удачное, совершенно новое решение. Система крестьянских общин была упразднена, теперь крестьяне могли выходить из нее на хутора и отруба, и теперь они трудились на основе частной собственности.

Здесь между скобками следует добавить, что все же какая разительная ирония заключена в этом! Именно люди царского строя пришли к такому демократическому решению, а не эти красные «спасители» народа, которые его загонят после революции в еще куда худшее рабство под обманчивым видом «народного благосостояния».

Николай строго изо дня в день следил за работой своего премьера. Он не только не чинил никаких препятствий на пути осуществления этого плана, перевернувшего вверх дном все обычные действовавшие институты, но и горячо аплодировал новой реформе. Он даже сделал щедрое предложение: продать правительству четыре миллиона десятин земли, принадлежащих царской короне. Правительство должно было перепродавать земельные участки из этих площадей по гораздо более низкой цене, чем на рынке, чтобы тем самым оказать материальную помощь беднейшим крестьянам.

Все шло как по маслу. Оба государственных мужа — государь и его премьер-министр — отлично понимали друг друга и выражали друг к другу глубокое доверие.

Тем не менее Николай, этот беспредельно честный человек, который всегда испытывал угрызения совести, знакомясь с некоторыми земельными законами, изданными его предшественниками на троне, пришел к выводу, что он не может подписать такой указ, не получив на это согласия всех членов императорской семьи.

Но семья, всегда желчная, всегда настроенная на резкую критику всех действий несчастного государя, восстала. В ее лоне все могли распускать слухи, порочащие царицу, могли приходить к заключению, что Николай слишком слабый человек и ведет страну к гибели, могли болезненно кривить физиономии при виде появления Распутина в царских салонах или перешептываться о том, что Александра — истеричка, нотам

никто, ни один человек не одобрял либерализма государя, этого его такого гуманного жеста, этого права, даруемого народу, наивному и невежественному, которого они сами на протяжении поколений так жестоко эксплуатировали!

Мария Федоровна тут же заявила, что она против такого наглого «грабежа»! Ей вторил великий князь Владимир

Александрович. Александра же хотела только одного: еще большего сближения царя со своим народом. Она требовала от него не сдаваться, бороться со своими родственниками. Николай благодаря близости жены и находившегося рядом Столыпина, набирался мужества. Он считал, что его примеру последуют и другие крупные землевладельцы империи, эти толстосумы, которые гонялись только за прибылями и никогда не думали об интересах национальной экономики,..

Битва была короткой и быстро подошла к концу. Столыпин с царем победили, выиграли. Императорские земли были проданы, началась грандиозная земельная реформа...

Но, увы, образцовому примеру царя так и не последовали крупные дворяне, — ни один из них не сделал подобного щедрого жеста!

Тем не менее эта добрая весть быстро распространялась повсюду, по всей стране. Целыми семьями народ молился за благородный поступок «царя-батюшки*, который делал столько добра для тех, кто выращивал русский хлеб.

Сразу же возник новый класс, о котором прежде никто и не думал. Целый миллион мелких собственников земли. Но все эти наделы не могли давать свою полную отдачу, если только не была при этом гарантирована стабильность строя.

Порой наблюдались просто комичные сценки: те агитаторы, возмутители спокойствия, которые только накануне требовали своих земельных наделов, вдруг словно по волшебству превратились в горячих сторонников реформы.

Бунты, забастовки, покушения пошли резко на убыль. Перемены, осуществленные в ходе 1908 года, оказались настолько эффективными, что уже в 1914 году девять миллионов крестьянских семей стали собственниками земельных наделов и имели свое хозяйство.

Казалось, наконец-то Небо даровало царю то процветание, которого он требовал для своего народа, своей империи. Даже сама природа оказалась на стороне Столыпина, — жаркое одно лето сменяло другое, зимы выдавались умеренно холодными, в общем, климат был благоприятным для земледелия, шли благодатные дожди, способствовавшие скорейшему вызреванию семян и более тучному урожаю.

К1911 году бюджет империи был не только сбалансирован, но и успешно обеспечивал все потребности страны. Столыпин, сидя за своим громадным рабочим столом, стремился использовать все, что можно, для развития империи, — от небольших кредитов, до громадных займов, которые выделяла России Франция для строительства железных, грунтовых дорог, развития транспортных средств. Вкладывались инвестиции. Заграница, всполошившись из- за быстрого экономического развития России, которое с каждым месяцем только подтверждало свой рост, слала своих наблюдателей, предлагала открывать свои рынки для русских товаров.

Никогда еще в стране не появлялось столько новых шахт по добыче угля и железной руды. Промышленники спешили в Россию со всех стран, предлагали интересные совместные проекты. Компания швейных машин «Зингеру другие американские компании решали открыть в России, во многих ее городах, свои филиалы.

Между встречами с Петром Аркадьевичем и заседаниями Совета министров, Николай весьма скупо уделял время для членов семьи, для этого слабого, хрупкого мальчика, от которого зависело все будущее. Происходившие более или менее регулярно кризы болезни все больше тревожили императрицу.

Как обычно, врачи лишь качали головами. Они поставили свой диагноз мальчик может выжить, если его постоянно уберегать от всех резких движений, от физической усталости. Хотя с физической точки зрения, это был вполне нормальный ребенок, которому нравилось играть, который любил яркий свет, свежий воздух, любил развлекаться с другими членами своей семьи, своими сестрами.

♦Старец» Григорий Распутин не только мог остановить даже самое незначительное кровотечение, но еще и придавать жизненный тонус маленькому больному, силы которого подрывали частые приступы, сильные боли и большие потери крови.

В стране намечалось определенное национальное единство, несмотря на стычки, ловушки и препятствия, создаваемые второй и, прежде всего, третьей Думой, и это проявлялось настолько заметно, что посол Англии в Санкт-Петербурге, сэр Бернард Парес сделал даже такое заявление: «Чувствуется, насколько счастливы все эти люди от сознания того, что могут принимать участие в обшей работе». Столыпину с присущим ему упрямством удалось-таки убедить царя распрощаться с привычным недоверием, с которым он обращался к своему парламенту.

Но, само собой разумеется, все эти убедительные,

одерживаемые правительством успехи нравились далеко не всем, и все эти революционные элементы, и в первую очередь консерваторы, ненавидели Столыпина и делали все, чтобы поссорить его с царем.

В любом случае этот период в жизни России следует подчеркнуть особо. Никак нельзя обходить молчанием те несколько лет, когда рушились все надежды нигилистов и революционеров типа В. Ленина, которые укрывались за рубежом и существовали на деньги дружеских к России держав, чтобы продолжать строить заговоры против ее монархии и того нового порядка, который там был неожиданно установлен.

Радикальный революционер Ленин, горячо убежденный в том, что в России «созрела революционная ситуация», путешествовал, словно медведь в клетке, из одного швейцарского города в другой, порой выезжал и подальше — в Париж, Вену или Мюнхен, чтобы там измерить «температуру» народного благополучия и заодно получить деньги от Германии.

Он, конечно, не был единственным человеком, которому не нравился новый порядок и благополучие в стране. Это тревожило и многих других пастырей свободы с револьверами в руках, мастеров массовых убийств. По Ленину, следовало бы отказаться от выполнения земельной реформы социалистического типа. Будуший диктатор приходил от этого в отчаяние.

Все марксисты были вынуждены констатировать, что самая большая из светлая мечта мертва. Наступали «темные сумерки» с мишурой притворной драмы интернациональной любви, канувшей в вечность. Дочь Карла Маркса Лаура и ее муж Поль Лафарг во время нервного приступа покончили с собой. Они предпочли умереть, чтобы не видеть всю тщету своих усилий для достижения блага народных масс. И это самоубийство было воспринято Лениным просто с удивительной, невероятной суровостью:

— Тот, кто больше не желает работать на партию, больше не способен на это, должен смотреть правде в глаза и умереть, как это сделали Лафарги...

Вот вам и поминальная молитва, — первая, но будут и другие, — которую будут имитировать многочисленные ученики красного учителя и которая свидетельствует о том, какое большое значение революционеры придают, казалось бы, сугубо личному делу.

...Таким образом, Александра была первой, посчитавшей Столыпина спасителем империи в сложившейся ситуации, и так как порой царь проявлял колебания, не знал, стоит ли идти за ним, она использовала весь свой шарм, всю свою мягкость, все

свое терпение, чтобы убедить мужа в том, что премьер прав, что нужно слепо следовать за ним. Однажды вечером, когда оба они сидели за чаем и размышляли, а Николай, казалось, был сильно напуган теми бурями, которые бушуют в Думе, вызываемые враждебными партиями, Александра вдруг произнесла фразу, которая его сильно поразила:

— Любовь моя, нам нужны были два человека: Григорий Ефимович Распутин, чтобы спасти нашего сына, и Петр Аркадьевич Столыпин, чтобы спасти тебя от излишней доброты...

XIX.

Александр Керенский в своих мемуарах вспоминает, как Распутин вошел в царский дворец под маской святости и чуда.

Но нужно прежде уяснить, что Распутин вступил в близкие отношения с государем и государыней без всяких претензий на святость, как это хотят навязать ему другие. Он вошел очень просто, с чистым сердцем, чтобы облегчить участь умирающего ребенка, пришедшую в отчаяние мать, и в первое время своего появления в Царском Селе он был весьма далек от идеи своего сияющего нимба.

Александра с должным пиететом склоняла перед ним голову и шептала ему:

— Григорий, ты наш спаситель, благодарю тебя...

Он же отвечал :

— Я — лишь бедный человек, преданный Господу, tro нужно благодарить...

Правда, были кое-какие истории с кормилицей цесаревича в 1908 году. Ее фамилия была Вишнякова, и она утверждала, что «старец» ее совратил. Она сама в этом призналась императрице, но та ей не поверила, так как обнаружила, что эта Вишнякова входила во многие заговоры, чтобы опорочить имя Распутина. Была еще и знаменитая гувернантка молодых княжон, которая требовала не допускать «старца» в их апартаменты, так как якобы тот пытался всех их соблазнить.

Что же происходило на самом деле?

Существует обширная литература, правда, далеко не лучшего качества, стремящаяся доказать, что этот крестьянин из села Покровское был лишь авантюристом, шпионом, помешанным на соитии сатиром, который только и мечтал о том, чтобы изнасиловать всех женшин, которые ему попадались на пути.

Распутин, этот жизнестойкий сибиряк с примитивными инстинктами не вел, конечно, безупречную жизнь, и не был чужд ни эротике, ни известному плотскому греху. Он сам в минуты просветления погружался в искренние молитвы, просил, умолял Господа избавить его от этой жадной потреб- ности в женском теле, от чего ничто не могло его исцелить.

Но одаренный сверхъестественной силой, человек по природе своей добрый, наивный и лукавый, как и большинство мужиков от земли, он лишь стремился к одному, — облегчить страдания мучеников, помочь несчастным, и его необычным положением, — когда он вдруг оказался в сказке «Тысячи и одной ночи», — пользовалось в гораздо большей мере его окружение, чем он сам.

Этот человек, которому предлагали сомнительные сделки, бесстыдную наживу, предательскую дружбу очень богатые люди, всегда отказывался идти на компромисс. Совершенно верно, что он так или иначе был вовлечен в жизнь страны, в ее политику, и касался тех проблем, которые будоражили всю Россию.

Александра, по мере того как «старец» сближался с ней, чувствовала себя в большей безопасности с ним, чем с придворными и даже с членами семьи мужа.

Главную из причин такого доверия к нему легко объяснить, так что на ней особо останавливаться и не требуется: всякий раз, когда у больного ребенка возникал очередной криз и все окружение готовилось к худшему, Распутин спокойно подходил к нему, к его кроватке, накладывал руки на больное место, и все проходило, даже переставала течь кровь...

Разве этого одного мало для несчастной матери, которая не прожила ни одного дня, не освободившись от страха, что ее сын вот-вот умрет, чтобы привязаться к человеку, который обладал силой такого чудодейственного исцеления?Вся драма жизни Александры разворачивалась в этой детской, куда приходили, а потом, качая безнадежно головами, уходили медицинские светила, самые выдающиеся профессора, такие как Деревенько или Боткин, которые не оставляли матери никаких надежд, а вот простой неграмотный сибирский мужик сумел отогнать приближавшийся тлен смерти, отогнать одним взглядом, одной молитвой, одним коленопреклонением...

Швейцарский воспитатель, которого император назначил воспитателем своего сына, Пьер Жильяр выступил в своих воспоминаниях на защиту царицы:

«У нее не было другого выхода, — писал он. — Она верила всему, что ей говорили об этом человеке, простом выходце из народа, который никогда ничего для себя не просил, кроме стакана доброй мадеры, тягучий вкус которой он так любил, что неоднократно напивался допьяна, но только никогда в присутствии Их величеств».

* * *

По мере того как в петербургских салонах, в Аничковом дворце, где обитала вдовствующая императрица, становилось известно о том, какое все более важное значение с каждым днем приобретала в Царском Селе фигура этого «святого черта», по крылатому выражению знаменитого депутата Думы Родзянко, на царицу обрушивалось все больше суровой критики.

Николаю тоже не давали прохода все члены царской семьи,

которые осыпали его горькими упреками. Только два великих князя — Николай Николаевич и Петр Александрович, те, которые приложили свою руку к приглашению колдуна в царский дворец, поддерживали своего племянника, и даже сами говорили о добытых ими самими неопровержимых доказательствах сверхъестественной силы, которой был наделен старец, этот искусный целитель.

Если оказываемое Столыпиным влияние на внутренние раздоры в России, если благодаря ему было достигнуто определенное умиротворение и даже процветание, то санкт-петербургская аристократия постоянно сокрушалась по поводу того, нто теперь у них жизнь была совершенно другой, не такой, которую ей обеспечивали предыдущие самодержцы. Балы во дворце становились редкостью. Светская жизнь, конечно, не прекращалась, но она проходила вдали от Царского Села, а именно там, по мнению «великих умов», она должна была иметь свой главный источник, оттуда должна была распространяться по всей стране.

Все так жалели этих несчастных четырех девочек царя, которые были обречены жить во дворце, где весь распорядок дня, подъем или отход ко сну, регулировался состоянием здоровья больного ребенка, — лучше ему или хуже, — за которым неусыпно ухаживали обезумевшая от отчаяния мать и исполненный тревог отец, на которого сильно давил тяжкий груз забот по управлению империей.

Жестокосердие Марии Федоровны доходило до упреков сына в том, что при его дворе нет прежнего блеска, и это при дворе, который когда-то славился своими многочисленными помпезными празднествами, балами и пышными приемами. Неужели она при этом забывала, что эти измученные тревогами за ребенка родители сейчас думали совершенно о другом, не о том, как им получше повеселить и развлечь высшее столичное общество. Смягчающими обстоятельствами для нее могли служить узость ее мышления, ее беззаботная жизнь, и воспоминания о своем прошлом царствовании, когда она не испытывала абсолютно никаких затруднений.

Нужно быть как можно более объективным в отношении частной жизни царских детей. Все четыре сестры были на диво сплочены, они обожали своих родителей и озабоченно следили за протеканием болезни цесаревича, их младшего брата. Их апартаменты в Александровском дворце находились как раз над будуаром царицы. Все четыре девочки подчинялись системе строгого воспитания, выработанной когда-то их дедушкой, императором Александром III, главной отличительной чертой

которой была простота и непритязательность во всем.

Никаких роскошных кроватей с балдахинами, никаких мягких помпезных постелей. Лишь небольшие походные кровати, и никакой подушки в изголовье. Их гувернанткам, — англичанкам и русским, — было приказано обращаться с ними как можно строже.

Старшая дочь — Ольга была больше других похожа на отца. Она много читала. Ее сдержанный характер, удивительная мягкость, очень нравились всем слугам. Если Ольга напоминала отца, то Татьяна была похожа на мать. У самой высокой, стройной и элегантной из сестер, Татьяны, были роскошные темно-каштановые волосы и большие серого цвета глаза. Она была девушкой организованной, энергичной, целеустремленной, и всегда имела свои собственные суждения обо всем. «Всегда чувствовалось, что она — дочь императора», — сказал о ней как-то один гвардейский офицер.

Из всех детей именно она принимала окончательные решения, именно она командовала всеми на женской половине. Ее называли «губернаторшей». Только ей поручалось обращаться к отцу, если кому-то из сестер нужна была поблажка, или кто-то из них хотел избежать наказания. Даже Ольга, которая была на восемнадцать месяцев старше ее, соглашалась во всем с ней, так как оказывалось, что она всегда во всем права.

Мария, третья дочь, была самой прелестной: у нее были румяные щеки, густые светло-каштановые волосы и темносиние глаза; у нее было крепкое здоровье, она была отчаянной кокеткой, не хуже маркизы из Версаля, и умела очаровывать всех вокруг. В семье ее звали попросту — Машка. Мария любила рисовать, но вместе с тем была ленива и беззаботна. Больше всего она любила поговорить о замужестве, о детях, и не будь она дочерью царя, родившейся под сенью трона, она могла бы стать для кого-то прекрасной женой и создать крепкий семейный очаг.

Анастасия, самая младшая дочь, родившаяся перед Алексеем, была невысокой, коренастой девочкой, и отличалась в семье своими шалостями и проказами. Она была наделена даром подражания, и охотно обезьянничала, пародируя речь и манеры окружавших ее людей, и иногда ее насмешниче- ство переходило все пределы. Она была девочкой спортивной, — вероятно, ей нужно было бы родиться мальчиком, — на прогулках она резво бегала, лазала по деревьям, скакала, вертелась, словно белочка.

Она была целомудренной, чувственной натурой, но никогда никто не видел, как она плачет.

Девичья гордость не позволяла ей жаловаться. Но ее любящее сердце просто не выдерживало, когда она видела, что кто-то в ее

окружении страдает. И она стоически вместе с остальными сестрами выносила постоянные приступы болезни младшего брата.

Высокое положение, требования церемониала, мало что значили в жизни девочек. Они вместе с прислугой застилали кровати и убирали комнаты. Они часто навещали своих горничных, играли с их детьми, приносили им пирожные, развлекали их, как умели.

Марии Федоровне об этом было хорошо известно, и она это, конечно, порицала. Однажды она сказала князю Орлову:

— Когда я думаю о том, что мои внучки носят пирожные этой ребятне нашей прислуги, мне становится не по себе. Какой стыд! Мой муж никогда бы не допустил такого умаления высоких наших принципов. Не лучше ли проводить время в салонах с детьми наших друзей и не допускать неприличия?

Подобные замечания, которые тут же доносили Александре, коробили царицу.

К счастью, сестра царя, великая княгиня Ольга Александровна, — которая была всего на тринадцать лет старше своей первой племянницы, — была близким другом и благодетелем для всех девочек. Каждую субботу она приезжала из Санкт-Петербурга, чтобы повеселиться вместе с такими же детьми, как ее племянницы, в Царском Селе. Она понимала, что нельзя долго удерживать девочек за стенами дворца, и упросила царицу разрешить им поездки в город. Разрешение было получено. Теперь каждое воскресенье утром тетя и се взволнованные племянницы отправлялись на поезде в столицу.

Долго эта очаровательная сестра царя будет вспоминать веселый, задорный смех своей любимой крестницы Анастасии, о чем она расскажет в своих воспоминаниях уже после революции.

Позже, когда девушки повзрослели, они перестали по утрам принимать холодную ванну и получили право по вечерам на ванну с горячей водой, смешанной с духами. Такую душистую воду, разумеется, доставляли из Франции, из парфюмерного «Дома Коти». У каждой великой княгини были свои любимые духи. Ольга предпочитала «Чайную розу», Татьяна любила «Корсиканский жасмин», Анастасия хранила верность «Фиалке», а Мария, перепробовав множество духов, остановила свой выбор на «Сирени».

Они с большим состраданием относились к младшему брату, этой слабой надежде на будущее их семьи. Они уже знали о всей серьезности его заболевания, которое не позволяло цесаревичу жить так, как живут все маленькие мальчики.

Все сестры его просто обожали, и он, если их не оказывалось

рядом, отправлялся на их поиски. Однажды он убежал от своей няньки и вошел в классную комнату, где занимались сестры. Его они встретили взрывом смеха, и урок пошел насмарку.

Вот в такой интимной обстановке жила семья одного из самых могущественных правителей в мире. Все очень просто, обыденно. Никакой показухи, никакой бросающейся в глаза роскоши. Прежде всего — сплоченность, даже можно сказать, соучастие родителей и детей, да и между детьми — тоже.

Воспитатель Алексея писал о нем: «Он жил нормальной жизнью, когда только мог, — был мальчиком живым и озорным. Вкусы у него были очень простые, и он никогда не кичился своим положением, тем, что он — великий князь, наследник престола».

Но когда начинались, постоянно повторяющиеся приступы болезни, и он истекал кровью, то мальчик становился центром всеобщего внимания и забот; часто медики заставляли его проводить в постели целые дни, и он становился таким грустным и печальным, что не хотел ни с кем говорить.

Царь пожелал, чтобы рядом с его ребенком постоянно находились два крепких мужчины, чтобы уберечь того от шалостей, да и от возможного покушения. В качестве телохранителей к нему приставили двух матросов императорского флота — Деревенько (однофамилец знаменитого врача, лечившего мальчика) и Нагорного. Они одновременно исполняли функции медбратов, оберегали мальчика от травм, были его слугами и всегда должны были доносить, если только у их подопечного начинали проявляться первые, малейшие признаки депрессии.

Цесаревич позволял себе иногда такие шутки, такие проделки, которые ошарашивали его окружение. Однажды, когда ему было шесть лет, он вошел в приемную отцовского кабинета и увидел там министра иностранных дел Александра Извольского, ожидавшего у царя аудиенции. Извольский, увидев мальчика, продолжал сидеть. Алексей подошел к министру и громко сказал ему:

— Когда наследник русского престола входит в комнату, все должны вставать...

Это живой по натуре мальчик, чутко воспринимавший все чудесное, что помогало ему переживать страх перед очередным приступом болезни, пристрастился слушать «старца», который рассказывал ему множество увлекательных историй. Мальчик, казалось, сам вступал в этот нереальный сказочный мир исполинов, карликов, добрых фей, заколдованных зверей летающих, говорящих рыбок, драчливых волков, лошадей, перемещающихся по небу на крыльях, котов, читающих черные

книжки колдунов, сидя на шкафах, в которых набилось полно лукавых домовых...

Родители осыпали сына дорогостоящими игрушками. Каких только игрушек не было у него в детской! Большая железная дорога с куклами в вагонах с длинными косами и кокетливыми шляпками, со шлагбаумами, станциями, домиками и семафорами, сверкающими краской паровозами; целые батальоны оловянных солдатиков, целый набор крепостей и пушек; миниатюрные модели кораблей, которые он мог пустить в плавание по бассейну, и даже крошечные церкви, которые звонили в свои колокола, как и подобает в то или иное время службы.

На дворе было разбросано множество других игрушек, — плюшевые медведи, пингвины, азиатские тигры.

Алексей, которого родители и все в семье называли просто — Алеша, управлял всем этим очаровательным, неописуемым миром, чудесами, вымышленными, сказочными персонажами. Иногда он подолгу впадал в уныние, несмотря на ласковые уговоры своего воспитателя, телохранителей-матросов, членов семьи. Все происходило оттого, что Алексей в своей магической детской, в которой он был хрупким императором, объявлял войну «старушке-смерти», о которой Распутин с присущим ему ироническим смешком сибиряка, говорил, что ее нет, что она уже давно проиграла битву и ретировалась.

Когда отец Григорий однажды спросил его, почему, по его мнению, смерть может оказаться сильнее его, мальчик с серьезным видом ответил:

— Потому что она старше!

Алексей обладал прекрасным музыкальным слухом. Он мог часами слушать, как играют на фортепиано его сестры, и сразу замечал любую неверно взятую ими ноту. В отличие от сестер, он предпочитал балалайку и научился неплохо играть на ней.

Как ему нравилось, когда отец уезжал на охоту в лес, бежать к морю, упиваться свежим воздухом, чувствовать упругий морской ветер, соленые брызги на лице, слушать музыку прибоя.

Ему дарили ручных животных. Его любимцем был шелковистый спаниель по кличке Джой, длинные уши которого волочились по земле. Когда он болел и ему приходилось подолгу лежать в постели, он брал к себе свою собачку, и в его густой шерсти грел свои окоченевшие пальцы.

Кроме того* царь выкупил в цирке старого дрессированного осла, по кличке Ванька, у которого был целый репертуар забавных трюков. Он паясничал не хуже любого клоуна и, как говорят, даже смеялся вместе с цесаревичем над собственными проделками,

которые так развлекали мальчика. Он умел протягивать передние ноги, делая что-то вроде реверанса. Когда Алексей приходил в конюшню, осел, рассчитывая найти сахар в его кармане, бесцеремонно всовывал туда морду и выуживал заветный сладкий кусочек.

Цесаревич очень любил животных, и если бы окружающие прислушивались к его требованиям, то очень скоро весь дворец превратился бы в настоящий зверинец.

Прессе было очень мало известно о повседневной жизни цесаревича, да и в беседах о нем, как обычно, мало упоминали. Александра с Николаем терпеть не могли выставлять напоказ свою личную жизнь. Они старательно оберегали от чужих глаз как их чудесную любовь, так и свой семейный рай.

Народ продолжал боготворить своего царя, и многие искали разные способы, чтобы проявить свою любовь и нежность к цесаревичу.

Примером тому может служить одна забавная история о сибирском охотнике, который приехал с далекого Урала с женой, чтобы вручить цесаревичу свой необычный подарок — ручного соболя. Старый охотник выдрессировал соболя, затратив уйму времени и терпения, потому что этот дикий зверек почти не поддается дрессировке и на контакт с человеком обычно не идет.

Старики приехали в Петербург, истратив все до копейки на далекую дорогу. Дворцовая охрана из кубанских казаков отказалась впустить их в парк, допустить к цесаревичу. Но нашелся среди них один человек с доброй душой, выслушал внимательно стариков, и ему в голову пришла мысль их проверить. Телеграфом запросили их деревню, чтобы там подтвердили их личность, и таким образом убедиться, что они не переодетые революционеры. Старики долго ждали ответа на морозе. Наконец пришел положительный ответ, и об их приезде было доложено императрице. Когда дети узнали, что старый крестьянин-охотник привез им в подарок живого соболя, они не находили от радости себе места.

Император распорядился привести стариков к нему. Муж с женой вошли, и, увидав перед собой царя, как полагается упали перед ним на колени. Царь их поднял.

— А где же соболь? — спросил он.

— Да вон он, царь-батюшка, — сказал мужик, развязывая с трудом узел на котомке.

Неужели у зверей, как и у людей, есть уважение к величию? Может, оно и так, потому что этот дикий, редкий зверек, как только выскочил из своей тюрьмы-котомки, вместо того, чтобы бегать по комнате, вдруг замер и долго-долго, не двигаясь, глядел

на Николая II.

Детям позволили войти. Какой же это был всеобщий восторг! Каждому хотелось поиграть с гостьей. Но зверек уже утратил всякое почтение к императору и стал носиться по комнате, словно безумный, словно черная маленькая молния, переворачивая все на своем пути, а дети громко смеялись, правда, немного оторопев от страха.

Царя, кажется забавляла эта взбалмошная картина не меньше детей. Александра тревожно вертела головой, мысленно подсчитывая возможный ущерб, нанесенный проворным зверьком.

Царь, проявляя свое обычное гостеприимство, пригласил стариков сесть на стулья и принялся расспрашивать охотника о том, как ему удалось поймать соболя. Принесли напитки, угощения. Но старая чета к ним даже не притронулась. Крестьянин рассказывал о своей тяжелой работе. Его жена — о долгих сибирских темных ночах. Сибирь всегда страстно волновала царя. До встречи с Распутиным он, по существу, об этом крае ничего не знал. Теперь он хотел узнать о нем побольше и жадно слушал рассказ своего скромного подданного, которому задавал десятки вопросов.

После нужно было как-то убавить пылкий задор детей, которые так разволновались из-за лесной таежной гостьи. Было совершенно ясно, несмотря на канюченья Алексея, что милый, дикий зверек не приживется во дворце. Александровский дворец — это вам не дремучий лес, в котором много мха, полным-полно грибов, лисиц и лесных веселых духов, о которых рассказывал цесаревичу отец Григорий. Император предложил отвезти соболя в Гатчину, где им займутся охотники.

Тогда старик сказал ему:

— Батюшка царь, ничего не выйдет. Все тамошние охотники захотят заполучить шкуру моего соболя, чтобы продать ее. Они убьют его, а скажут, что он убежал... А нам этого не пережить. Правду я говорю, мать?

Он посмотрел на свою старуху, у той на глаза выступили слезы.

— Да, ты, вероятно, прав. Я бы, конечно, выбрал такого охотника, в честности которого был бы уверен. Но после того, что ты здесь сказал, возможно ты и прав. Возьми его назад, в Сибирь, это — твоя родина. Следи за ним, чтобы он жил как можно дольше. Но помни, не забывай следить за ним хорошенько, это тебе теперь мой приказ! Ведь соболь- то теперь мой. Ну, Господь с тобой!

Старики встали со стульев и снова упали на колени. Алексея пришлось за руку оттаскивать от черного зверька, который

вертелся как юла, жалобно стонал и посвистывал. Александра кивнула, и в комнату вошел лакей с подносом в руках. На нем лежали подарки для сельчан из Сибири: часы, украшенные царским орлом, для старика и дорогая брошка для старухи. Кошелек, набитый деньгами, для обоих.

Они не хотели брать денег. Но царь настоял,

— Это вам — на обратную дорогу. Нельзя же теперь возвращаться после встречи с нами, так как вы выезжали. К тому же в этой сумме и мой пансион для новой подшефной... Алексея — соболя!

Какими безутешными были все дети, — еще бы, у них отнимали из рук такую красивую, живую игрушку.

Царь посадил сына к себе на колени и серьезным тоном сказал ему:

— Люби этого зверька, он — твой, наш тебе подарок. Но все же ему лучше жить влесу, там его свобода, там его судьба...Время шло, все эти недостойные россказни о ней, клевета, ложь, совершали свои обычные круги, а Александра, чувствуя близость мужа, детей, можно сказать, была почти счастлива. Если цесаревич, как обещал Распутин, мало-помалу преодолеет свое постоянное полуболезненное состояние, то ей ничего другого не останется, кроме вознесения благодарственных молитв Господу и времяпрепровождения в семейном кругу.

Ей нравилось наблюдать за тем, как ночь накрывает парк в Царском Селе. В час, когда окна дворца освещались переливчатым светом от принесенных ламп, графиня Гендрикова, или кто-то другой, громко объявляла о времени для вечернего чаепития, которое обычно проходило в ее муаровом будуаре, где приглушенность тонов стенных панелей, мягкость гобеленов и пушистость ковров, источали атмосферу надежности и благополучия. Сюда к ней часто приходили дети. Ольга относилась к матери с глубокой, искренней нежностью. Годы шли, и она все быстрее понимала материнские заботы, которые требовали к себе большего внимания и терпения.

Кроме все прочего, ее еще упрекали и в том, что она, Александра, предпочитала одиночество жизни двора, которой ей надлежало руководить. У нее было гораздо больше способностей, чем у Николая, к исполнению всех обязательств, связанных с царствованием, и постоянной утомительной демонстрацией своей власти, но она никогда не была твердо убеждена в полезности всех этих процедур.

Его природная склонность к религии, к молитве, только постоянно усиливалась все эти годы, когда она страстно умоляла Господа послать ей наследника престола; но и тут ее постигла

трагедия. Ее сын унаследовал страшную болезнь, из-за которой ей приходилось простираться перед образами и, памятуя о бессилии людей, просить у Бога, — этого символа любви и всякой справедливости, — сотворить чудо, чудо исцеления.Она понимала, что скорбь, окрашивавшая все ее дни после рождения ребенка, не могла ускользнуть от проницательных взглядов членов императорской семьи и некоторых придворных, ведь за ней зорко следил весь клан вдовствующей императрицы и многие великие князья. Для чего же ей разыгрывать бесчеловечную комедию, чтобы казаться всем на вершине счастья, удачи, в то время как ее сердце сжималось от тоски?

Ее пытливый ум, конечно, не позволял ей не следить за всеми событиями, происходящими в империи. Она была мало приготовлена к политике, не могла дать нужных ответов на весьма сложные вопросы, связанные с управлением такой громадиной, но она доверялась в этом Николаю, была уверена, что он приведет в надежный порт корабль их династии.

Разве после рождения Алексея самым главным для нее не стала подготовка счастливого царствования для того, кто сменит на престоле ее мужа?

Когда Алексею становилось лучше, ее взор просветлялся. Ей хотелось от радости петь, играть на фортепиано, вышивать занятные, красивые узоры на носовых мужниных платках.

Ну, а дружба?

Александра в дружбе требовала только одного—доверия, но сколько разочарований ей пришлось пережить после своего брака, со сколькими людьми пришлось расстаться, потому что те еще вечером клялись ей в вечной, пламенной дружбе, а на следующий день забывали о данной клятве. У нее не было экспансивного характера, присущего латинянам и славянам. Она, маленькая девочка, воспитывалась в строгой лютеранской вере, которая требовала только строгости, подавления всяких легкомысленных порывов. Она могла быть только серьезной девушкой, а потом и женщиной. Кроме того, ей такая суровость определенно нравилась.

Одной из первых русских статс-дам, которые вызывали у нее чувство взаимного доверия, была очаровательная княгиня Мария Барятинская. Она, к сожалению, не могла проводить все свое время в Александровском дворце, но она не раз доказывала государыне свою верность. Она вполне могла положиться на эту скромную женщину с доброй душой. Александра довольно долго поддерживала со своей подругой переписку. В одном из писем она объясняет ей, что такое для нее дружба. «Моя дорогая Мария, вы, конечно, поняли с самого начала, что я не создана для жизни

императрицы, в таком ее виде, в каком многие ее себе представляют. Балы, полдники, салонные разговоры, тщета взбалмошного света, полные-иронии замечания, педантизм таких лиц, которые живут только для того, чтобы пускать пыль в глаза, и говорить постоянно о себе, чтобы быть всеми замеченными. Нет, такое не для меня, это правда. К тому же я не осмеливаюсь до конца понять себя, и следовательно, себя кому- то навязывать. Чтобы я оставалась сама собой, нужно, чтобы передо мной находился другой человек, такой, которого я чувствую напрямую, человек достойный, искренний. Я не умею блистать на ассамблеях, для этого у меня нет непринужденности, нужных слов, ни духа. Хотите узнать мое состояние моей души? То, что я люблю, то, что меня притягивает, — это внутренний мир человека. Существа чистого, без пышного наряда, без всех обязательств, положенных ему по рангу- Вы должны в этом отдавать себе отчет! Мне приходится отметать множество милых улыбок безразличных людей, потому что я по природе своей — моралистка. Какова моя главная мечта? Помогать другим. Помогать им выходить победоносными из их сражения, из беды, из-под креста, потому что почти все мы несем этот крест...»

Может, та холодность, в которой постоянно все упрекали царицу, была лишь ее постоянной заботой не привязываться ни к кому понапрасну, не транжирить своего чудесного дара — умения дружить. Этот дар не покидал ее до самой смерти, и она часто демонстрировала его по отношению к тем, кого для этой цели выбирала.

Такая особенность Александры вполне заслуживает внимания читателя, потому что ее хулители часто слишком много говорили о ее высокомерии и недостаточном общении с ее окружением.

Она продолжала творить добро и делала все, что могла для тех, кто не требовал от нее глупых улыбок, а лишь моральной или материальной поддержки.

Незадолго до рождения у нее в 1895 году великой княгини Татьяны, она испытывала особую привязанность к грузинской княгине Соне Орбелиани, которая была на три года ее младше. Эта молодая аристократка, совсем недавно появившаяся при дворе, была тут же принята государыней, которая, видимо, догадывалась о ее необычной судьбе.

И она не ошиблась. Эта молодая девушка, блестящий музыкант, небольшого роста, живая блондинка, спортивного подтянутого вида с необычной привлекательностью в каждом своем движении, сразу очаровала ее своим задором и веселым характером. Она всегда вела себя с большим достоинством, довольно скромно, что не могла не оценить царица.

Во время отпуска, когда императорская чета находилась в Дармштадте, княгиня Орбелиани, которая сопровождала ее, вдруг серьезно заболела.

Тогда Александра и осознала, какую глубокую дружбу питала она к своей фрейлине. Болезнь Сони не на шутку ее встревожила, она заботливо ухаживала за ней, сидела подолгу у ее изголовья и решительно отказывалась принимать участие вместе с другими приглашенными в вечеринках и прочих развлечениях, предусмотренных программой пребывания.

Княгиня Орбелиани, чья придворная карьера, по существу, только начиналась, была обречена. Болезнь позвоночника приковывала ее навечно к постели.

Медики были вынуждены сказать императрице правду, — ее протеже не сможет вести нормальную жизнь.

Она прожила еще девять лет, и все эти долгие годы испытаний Александра делала все, что могла, чтобы облегчить страдания этой молодой девушки, всячески утешала ее, умоляла не терять надежду, не отчаиваться, набираться мужества и жить, жить!

Когда она убедилась, что, вне всякого сомнения, смерть скоро наступит, она стала приобщать неизлечимо больную подругу к мысли об утешении в вере, об уповании на Госпо- да. Как только начинался очередной приступ болезни, императрица оказывалась непременно рядом со страдалицей, и такое порой случалось по несколько раз за день. Она потребовала сконструировать для нее инвалидную коляску и специальные ортопедические протезы, чтобы она могла при случае принимать участие в жизни двора.

А ее биографы, тем не менее, беззастенчиво утверждают, что императрица была воплощением безразличия, холодной как лед...

Не вызывает сомнения, что это была настоящая дружба, дружба высшей духовной пробы, которая была прервана смертью. Нужно подчеркнуть, что Александра высоко ценила дружбу, хотела создать вокруг себя кружок друзей по своему выбору, которые имели бы если и не самые высокие ус** тремления, то хотя бы не столь приземленные, как у ее обычного окружения.

И вот, когда место освободилось, его тут же заняла Анна Вырубова (урожденная Танеева), которая стала просто незаменимой для царицы.

Мы не станем здесь защищать эту несчастную, добрую, искреннюю особу от обвинений тех, кто ревновали ее к царице, с которой она поддерживала очень близкие отношения. До трагического конца династии, она проявляла к ней самые уважительные чувства и не раз пыталась спасти всех этих мучеников во время пленения тех в Тобольске, а потом и в

Екатеринбурге.

Анна Вырубова не имела никакого отношения к приглашению Распутина в царский дворец. Его туда привела великая княгиня Милица, которая тем самым хотела оказать помощь пришедшей в отчаяние императрице. Ее преданность «старцу», как и безоговорочная преданность государю и государыне, не могут не вызывать у нас симпатий. Говорят, что она была не очень умной и не обладала никаким шармом! Ну как можно принимать на веру такие высказывания, если и во всех прочих, имевших отношение к ней, нет ни капли объективности?

...И вот когда, наконец, Александра, ободренная обещаниями отца Григория, познала определенный покой семейного очага, санкт-петербургские языки еще больше развязались, стали раздаваться грязные догадки, появились предположения о сексуальных извращениях. Эту несчастную женщину даже обвиняли в преступной любовной связи с Анной, ее подругой. Говорили, что якобы и сам император был в нее влюблен...

...Куда же приведет дорожка общество, которое в своей роскоши, увешанное драгоценностями со своими лакеями, склоняющимися перед ним в три погибели, не удовлетворенное до конца жестокой своей эксплуатацией народа, позволяющее себе любые дорогостоящие капризы за счет бедняков, развлекалось бедами своей государыни и пыталось очернить эту чистую царицу, несущую свой тяжкий материнский крест? Все это, видимо, делалось для того, чтобы самому подняться из грязи... той самой золоченой грязи, которую освещали яркие огни их прекрасных салонов, и при этом свете была так хорошо видна вся ложь их притворных, якобы изысканных манер.

Кто же в таком случае подготовил русскую трагедию уже разложившегося до Николая II режима, если не это высшее общество, представители которого имели трусливую наглость приписывать все свои пороки невинным самодержцам?

XX.

Распутин жил в самом центре столицы, и поэтому можно было легко его найти, чтобы при необходимости, при новом приступе болезни цесаревича, немедленно вызвать его в Царское Село.

Очень скоро «старец» оказался в самом центре внимания общества, о чем он даже и сам не подозревал, и к нему поступали приглашения в самые аристократические салоны. В городе только и было разговоров о его чудесных исцелениях и его странном и могучем благочестии, которое никак не укладывалось в рамки церковных уложений.

Он упивался своей силой, этот, несомненно, большой мистик с грубой душой, и его наивность была сродни легко объяснимому тщеславию. Он жил своей глубокой сокровенной религиозной жизнью, погруженный в молитвы, чтил всех святых в святцах и прежде всего, конечно, Бога — Отца. Его л и вина в том, что его религиозный высокого нацдла пыл вызывал у него похоть примитивного мужика? Он искренне желал быть аскетом, вести простую, строгую и суровую жизнь, избегать всех соблазнов грешной плоти...

Но повседневная его жизнь призывала к другому, совершенно противоположному, отдающие мишурой, показушные предложения, весьма сомнительное усердие многих были любы его сердцу, они волновали его щедрую от природы жадную до любви натуру.

Самые известные дамы из высшего общества наперебой оспаривали друг у друга право пригласить его в свой салон или получить от него столь желанное приглашение на его знаменитые чаепития, на которые по несколько раз на неделе приходили самые выдающиеся адепты.

Чего только не говорили о его влиянии на политику России! Но он как раз от этого отказывался. Ни одна из существующих партий не вызывала у него доверия. К тому же этот «старец» им мешал. На самом деле все эти революционеры, которые повсюду верещали о своем намерении все уничтожить, разорить, что могли они дать позитивного для мужика, чем улучшить его благосостояние? Григорий Ефимович гордился тем, что он — простой мужик, и старался оградить себя от различных компрометирующих его восхвалений. Д ля него, как и для любого русского крестьянина, важнее всего Бог и царь. А теперь его принимали в императорском дворце как какого-то князя... К тому же он полюбил, как родного сына, этого больного ребенка,

цесаревича, который смотрел на него своими умоляющими о помощи глазками. Он теперь вел борьбу со смертью, которая грозилась забрать с собой мальчика. И с этой целью он удваивал свои силы, свое могущество.

Но ему часто приходилось сталкиваться с различными группами, кланами, которые у него вызывали недоверие, даже страх. Кто они такие, — эти знаменитые интеллектуалы, эти студенты, которые, сидя в кафе, кричали о своем желании изменить вес мир с помощью цветистых фраз? Чего стоят все эти вышедшие из моды господа, которые цепляются за#свое состояние, за свои привилегии, которые люто ненавидят и презирают всех и каждого? Чиновники? Бюрократы? Военные? Все они раздуваются от собственной важности, а в их рассеянном взоре нет и следа истинных знаний, никакого искреннего желания общения.

Только государь и государыня вызывали у него чувство любви. Он им не завидовал. Абсолютно нет! Более того, ему их было жаль.

Неужели они такие тираны, кровососы, как о том трубят различные адвокаты и торговцы, которые, сидя до утра в сомнительных кабаках-притонах, обливают грязью власть и монархию?

Ну а церковники? Конечно, отец Феофан поддержал его, когда он впервые приехал в Санкт-Петербург. Но откуда у него такая ненависть к нему, Григорию, когда он встречается с другими священнослужителями, священниками и монахами, членами Святейшего синода?

Ответ все тот же: он, Григори, великий грешник, он творит безобразия, бросается на всех женщин подряд и под видом благословения готов их всех насильничать...

— Это он, Григорий, насильник? — подумал Распутин с ироничной улыбкой. Разве они сами толпами не приходят в его скромную квартирку с такой целью? Наслышались разных скандальных сплетен о его необычайной мужской силе. Нет, разврат не в его духе, но он не в силах отказать себе в половом наслаждении...

Но клевета продолжалась, раздуваемая окружением царицы, которому было невыносимо видеть, как привечают во дворце грубого мужлана, словно правительственного министра.

Григорий верил, верил до конца в неуязвимость своего религиозного могущества. Бог его никогда не оставит. Пречистая Дева поручила ему важную миссию — спасти Россию. А спасти Россию — означало спасти жизнь этого слабенького наследника Романовых, на головке которого должна когда- нибудь воссиять

золотая корона, обеспечивавшая будущее империи.

* * *

Отважный премьер Петр Аркадьевич Столыпин, пользуясь поддержкой царя, проводил свою политику по возрождению страны. Народ сохранял спокойствие. Никто и не помышлял о бунтах. Но правящий класс недовольно ворчал. Фрондирующее дворянство считало, что нужно отстраниться от правительства, которое дает слишком много привилегий мелким коммерсантам и простому труженику.

Николай вместе со своим премьером работали над повышением народного благосостояния, и царь уделял особое внимание народному просвещению. Бюджет министерства народного просвещения постоянно, из года в год существенно возрастал. Так, если на нужды народного образования в 1906 году было истрачено 25 200 ООО рублей, то к 1911 году эта сумма увеличилась на 260 процентов! Во многих губерниях создавались университеты, технические училища, частные и казенные гимназии. За тот же период число учащихся возросло на 420 процентов!

И несмотря на все эти успехи, царя продолжали называть тираном, деспотом, кровавым палачом. Поворачивался же язык называть «кровавым» Николая И у первых большевистских комиссаров!

День за днем, на рабочий стол премьера ложились пачками доносы на «проклятого монаха», ужасного «совратителя» Распут ина, только одно присутствие которого во дворце грязнило семейный очаг Их величеств.

Доносов становилось все больше, и это вызывало у Столыпина определенное беспокойство. Монашенки, бесчестные служанки, которым кто-то платил за ложные показания, приходили в полицейские участки и заявляли там, что «старец» их изнасиловал.

Само собой разумеется, Аничков дворец и вся камарилья вдовствующей императрицы хватались за все эти россказни, чтобы как можно больше досаждать императору. Была даже создана делегация из членов царской семьи, которая должна была убедить Александру расстаться с Распутиным, прогнать этого недостойного человека прочь из дворца.

Александра оставалась самой собой, такой же честной, прямолинейной, верной, и останется таковой до смерти, и она не могла допустить, чтобы так порочили единственного человека, который целый год следил за ее сыном, спасая его от верной

смерти. Борьба становилась все ожесточеннее.

Столыпин, наконец, решился поговорить об этом с императором:

— Ваше величество, больше нельзя держать этого сладострастного «старца» возле вас с супругой. Полиция установила за ним слежку. У меня есть самые неопровержимые документы, свидетельствующие о его скандальном поведении, о его непристойностях, попойках и его бахвальствах, которые постоянно подрывает священный для всех нас престиж Вашего величества...

Император слушал премьера с самым серьезным видом. Он не сомневался в его добропорядочности. Но он все же выступил на защиту этого мужика, этого ясновидящего, который постоянно возвращал к жизни его сына.

Столыпин стоял на своем:

— Ваше величество, велите ему убраться из столицы хотя бы на несколько месяцев. Поймите, вдали от Санкт-Петербурга его враги не станут так активно им заниматься. Я вас прошу, Ваше величество, умоляю...

Столыпину все же удалось убедить царя. Летом 1911 года Распутин уехал. Он знал, что своей опалой он обязан премьеру.

Александра возненавидела Столыпина. Вероятно, этот трус, прислушивающийся к сплетням высшего света, не понимал, что лишает Алексея его ангела-хранителя, что тем самым он обрекал его на верную смерть...

Когда к ней пришел Распутин, чтобы проститься, она не скрывала своего гнева против министра.

— Я, конечно, не смею просить царя отправить его в отставку, ноя проклинаю этого ужасного Столыпина...

Распутин ее перебил:

— Ты не права, матушка. Столыпин — смелый человек. Он хочет добра России. Он — единственный из всех министров, которые любит вас обоих, батюшку и тебя.

Александра со слезами на глазах получила благословение от «старца». Он принес подарки для Алешки. Он сказал ей напоследок:

— После паломничества в святой Иерусалим я вернусь в Сибирь. Но моя жена будет знать, где я. И даже, когда я буду вдалеке от вас, я буду находиться в прямом общении с маленьким. Прощай, матушка, до скорого, мы еще увидимся, обязательно увидимся...

Не следуя придворному церемониалу, не пятясь задом к дверям, как это делают разукрашенные лакеи или тучные, тяжело дышащие чиновники, Распутин вышел из малого салона царицы.

Когда за ним закрылась дверь, царица опустилась в свое глубокое кресло. Будь проклято это высшее общество столицы, — оно заставило ее расстаться с единственным человеком, одно присутствие которого рядом с ее больным ребенком внушало ей только уверенность.

* * *

Столыпин желал только одного, — верой и правдой служить царю и выхаживать больную Россию, Россию, пораженную болезнью раскола. Тот факт, что «старец» был выслан из столицы по его приказу, только подтверждал недостаток надежной информации на стыке администрации и службы разведки. Нужно ли было наживать этому прекрасному человеку, видному государственному деятелю, врага в лице Александры? Она так и не могла понять, по какой такой веской причине премьер осмелился лишить ее единственной поддержки, помощи, необходимой при опасных приступах болезни сына?

Все эти добрые намерения, в своей слепой цепкости, порой бывают куда опаснее ядовитых стрел врагов. Достаточно ли времени он посвятил рассмотрению дела Распутина, провел ли личное расследование всей его подноготной? Ведь ему приходилось читать столько докладов полиции, столько донесений от различных лиц далеко не безупречной репутации и в то же время вести гигантскую работу по социальному и финансовому оздоровлению страны.

Начиная с марта месяца 1911 года, этому великому деятелю пришлось столкнуться с новыми осложнениями. Совет министров выступил против законов, которые должны были быть представлены для голосования в Думе.

Он уже устал от бесконечной борьбы со своими коллегами и все больше убеждался в том, что несмотря на все его усердие, императорская чета не встанет на его защиту, напротив, царь под влиянием царицы уже стал проявлять определенную враждебность против него, Столыпина, и от всего этого он все чаше впадал в уныние. Он искал, правда, напрасно, кто это оказал ему медвежью услугу перед царем, хотя он напряженно работал, работал изо дня вдень, и ему становилось все тяжелее, хотя и положительные результаты были налицо.

В такой вот напряженной обстановке сомнений, выражаемых как самим премьером, так и государем с государыней, проходило это жаркое лето.

В конце августа императорская чета и весь двор с большой помпой отправились в Киев на открытие там памятника

императору Александру II. Столыпин сопровождал Николая II. Обстановка тем временем накалялась: активизировались различного рода революционеры, против которых он не прекращал ожесточенной борьбы, волновались различные партии; одни видели в нем надежду капиталистического общества на процветание страны, другие сурово осуждали его за крутые репрессии за мошенничество, взяточничество, злоупотребления властью.

Первого сентября, во время вечернего спектакля в Киевском оперном театре, во время антракта, к сидевшему в первом ряду, перед оркестровой ямой, Столыпину подошел какой-то молодой человек в черном смокинге, и, вытащив из кармана револьвер, дважды выстрелил в премьера.

Через несколько дней он умер от полученных ран. Стало известно, что его убийцей оказался эсер-террорист Дмитрий Богров, который действовал от имени своей революционной группы, вынесшей премьеру смертный приговор.

В это время было много разговоров по поводу «черной» неблагодарности Александры и Николая. Члены правительства, высшие церковные иерархи подвергались резкой критике в печати за их «холодное равнодушие» к убийству премьера.

Но все это не соответствовало действительности. Несмотря на требования секретных служб как можно скорее выехать из Киева, царьпродолжил свое пребывание в этом святом городе. 3 сентября он приехал в больницу к несчастному пострадавшему, где врачи делали все, чтобы его спасти. Но жена Столыпина не пустила царя к нему, в палату мужа. 6 сентября Николай возглавил панихиду по усопшему.

Сразу после убийства, еще ночью, на место Столыпина был назначен новый премьер — Коковцов, который мудро предотвратил еще одно несчастье: убийца Богров был по национальности евреем, и православное население Киева готовило свою месть — еврейский погром. Предвидя это, Коковцов действовал быстро и решительно, — в город были вызваны дополнительно три полка солдат, которые должны были принять меры, если начнутся беспорядки. Царская семья следовала составленной для нее программе: после короткого пребывания в Киеве императорская чета и вся свита выехали в Крым, чтобы отдохнуть несколько недель в своем Ливадийском дворце.

* * *

Золотая осень предоставляла обитателям Ливадийского

дворца прекрасную возможность как следует отдохнуть. В начале октября туда приехал и новый председатель Совета министров В. Коковцов. Александра в это время страдала от ишиаса и могла стоять не более нескольких минут.

Ей хотелось поговорить с премьером.

Несомненно, ей нужно было прояснить свою позицию по отношению к несчастному Столыпину, которому, как полагали, она стала врагом из-за удаления из столицы по его приказу Распутина. Она говорила премьер-министру:

— Поверьте мне, никак нельзя обижать тех, кого уже нет с нами. Я твердо убеждена, что каждый человек должен заниматься своим делом, тем, что поручила ему его Судьба; как мне кажется, вы сильно преувеличиваете личность Столыпина. Он выполнил свой долг. Очередь — за вами. Я никогда не одобряла мер, принятых им против нашего дорогого друга Григория. Он поддался давлению со стороны клана, восставшего против единственного человека, способного спасти моего сына.

Не следует продолжать его политику. У вас должна быть своя, собственная. Все эти различные партии, которые грызутся между собой, ничто перед могуществом царя. Так что целиком доверяйте ему. Столыпин умер, вы заняли его место. Вы должны служить России, а не низменным устремлениям нашего окружения.

Александра знала, что, испытывая такую ненависть к этому монаху-бродяге, ее враги преследуют ее саму, лишая ее той мистической поддержки, на которую она так полагалась.

Объявленная царским Манифестом свобода прессы, отмена цензуры позволяли газетам публиковать самые отвратительные и самые неправдоподобные статьи о разнузданном поведении Распутина и о его интимных связях с домом царицы.

Ежедневная газета «Голос Москвы» даже осмелилась опубликовать апокрифические письма царицы, — эти письма были целиком сфабрикованы монахом Илиодором, и они, конечно, вызывали весьма достойные сожаления злобные комментарии. Царь был вынужден вмешаться в это дело и запретил прессе даже упоминать имя Распутина. Но хозяева крупных газет, любители шантажа с помощью прессы, только посмеивались над таким запретом. Они без звука платили большие штрафы за неисполнение царского указа, и поток клеветы и лжи вновь стал заливать страницы пери- одических изданий, который обеспечивал им солидный коммерческий успех.

...Тем временем друзья Распутина и еще больше его враги, возноси ли его до небес, говорили о его неоспоримом громадном влиянии, оказываемом им на императорскую чету. Болезнь

маленького Алексея, болезнь настоящая, не вы- мышленная, стала главным сюжетом этой трагедии. Можно еще раз повториться. Вполне понятно, что напутанная слабостью здоровья сына мать выражала всю свою благодарность этому одному человеку, который спасал мальчика от смерти и обещал ей в скором времени полное его выздоровление. Поэтому она верила ему и хранила ему верность, как своему большому другу.

Вся драма как самой Александры, так и всех последних лет царствования Николая, проистекала из страстной борьбы матери, которая противостояла смерти, угрожавшей ее ребенку, прежде всего, потому что она его любила искренней материнской любовью, чего не могли отрицать даже самые злостные ее хулители, и еще потому, что он для нее был символом продолжения династии, которая, как она была уверена, была нужна святой России, нужна, как никогда прежде, для поддерживания ее высокого престижа и репутации.

Александра с таким громадным уважением, с таким повиновением относилась к священным основам религии, что ничто и никто на свете не смог бы поколебать ее в суждениях по этим вопросам.

Верила ли она на самом деле в чистоту помыслов Распутина? Те кто всегда считали ее женщиной недалекой, старались доказать, что этот хитроумный монах-авантюрист мог запросто выдавать себя перед ней за святого человека.

Однако это н е столь убедительно. Стыдливое целомудрие Александры, стыдливое целомудрие, которое будет сопутствовать до последнего дыхания этой великомученице, заставляло ее, несомненно, закрывать глаза на те безумные плотские утехи на стороне «старца», в которых все его обвиняли.

Несмотря на всю свою власть, безграничную веру в этого оболганного всеми человека, она была вынуждена подчиниться решениям, принятым Думой в то время под председательством Михаила Родзянко, и сама просила царя их одобрить.

В начале сентября 1912 года проходили Бородинские торжества по случаю столетней годовщины великого сражения под Москвой, когда русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Кутузова встретились с армией Наполеона в решительной схватке.

Торжества продолжались потом в Москве, которая сто лет назад была сожжена на глазах у Наполеона. Николай принимал участие в церковных службах, приемах, парадах, различных процессиях, произносил речи, присутствовал на балах, концертах, в общем делал все, чтобы усилить народный патриотический порыв. Александра, несмотря на острый приступ ревматизма,

старалась через силу улыбаться, благодарить всех, принимать многочисленных важных персон и беседовать с ними. Балы проходили ежедневно. Великие княгини по возможности вносили лепту.

Император принимал большой парад, в котором участвовало 75 тысяч солдат и 72 тысячи кадетов.

Александра Федоровна вся измучилась, стараясь выдержать такой напряженный распорядок. Наконец, она с мужем и детьми села в императорский поезд, чтобы отправиться на отдых, провести несколько недель в охотничьем домике в Беловежской пуще, в Спаде, где царь так любил бывать вдали от придворного этикета.

В пути они сделали лишь одну остановку в Смоленске. После утомительных церемоний Бородинских торжеств все члены семьи чувствовали безграничную легкую свободу.

Там, в Смоленске, императорская чета встречалась с местным дворянством. Все желали царским особам и их детям приятного путешествия и хорошего отдыха. Со стола, заваленного угощениями и сладостями, Алексей незаметно утащил бокал с шампанским и выпил его. После этого он развеселился, стал шумно вести себя и даже... ухаживать за дамами, обращаясь к ним со словами, похожими на объяснения в любви... Все с любопытством за ним следили. Императрица, несмотря на боли в спине, улыбалась. Когда все вернулись в поезд, он всех занимал шумными разговорами о состоявшемся приеме и жаловался, что у него урчит в животе...

Охотничьи угодья в Беловежье, в Восточной Польше, насчитывали пятнадцать тысяч гектаров дремучих лесов, в которых было полным-полно дичи. Это было единственное место в Европе, где кроме лосей и оленей, еще обитал и зубр, который вот уже пятнадцать веков как исчез из лесов центральной Европы. В Беловежье для царской семьи настало, наконец, время отдыха, полное покоя и радостных развлечений.

День здесь наступал гораздо раньше, чем в Москве, да и дни казались короче. Солнце обжигало благодатным своим жаром лесную поросль, а протяженные облака, набегавшие с севера, были похожи на серебристый пепел на розоватом небе.

Цесаревич развлекался в этом громадном лесном поместье, где никто не отдавал чести, а пожилые господа во фраках с портфелями в руках не появлялись на тропинках, что- бы поприветствовать императора. Все четыре великие княгини с братом совершали импровизированные прогулки, без заранее установленного маршрута по дорожкам в лесу, а слуга почтительно следовал на определенном расстоянии от них, не

спуская с них внимательных глаз.

Александра предпочитала этому влажному теплому осеннему климату мягкий климат Крыма, а дремучему лесу — свой ливадийский сад. Но ее муж, ее дети, были так счастливы оказаться на дикой природе, и им здесь нравилось гораздо больше, чем где-нибудь еще.

Вечерами все катались на лодке на прудах, по берегам которых стояли плакучие ивы, уже ронявшие свои золотистые листочки на водную, застывшую гладь. Александра умела в такие минуты расслабиться. Слуги приносили большие одеяла, меховые подушки, устраивали из них среди высокой травы для нее ложе, на котором отдыхала фея-императрица. К ней приезжали гости, но обычно ненадолго, чтобы ее не утомлять. Анна Вырубова иногда читала ей вслух, но, видя, что императрица дремлет, поднималась и тихо, чтобы не потревожить ее сна, удалялась.

По утрам царь со своими дочерьми катался верхом по красивым лесным тропинкам. Он очень любил эти утренние вылазки со своими детьми. Цесаревич все время был рядом с матерью и катался на ближайшем пруду на лодке. Ему не разрешалось далеко уходить, чтобы не заставлять волноваться царицу и тех людей, которые были к нему приставлены для наблюдения.

Александре, как и ее бабушке Виктории, нравилось обметывать кружевами белье, и у нее был свой секрет ремесла. Если она оставалась одна, и никто ей не мешал, она начинала вышивать на носовых платках мужа его инициалы и маленькие царские короны. Этот усердный, поистине пчелиный труд ее успокаивал, погружал ее в благодатную тишину, и она в такие минуты переживала две свои самые большие радости на земле: размышлять о своих интимных отношениях с мужем, который заключал ее в свои крепкие объятия, и внимательно следить за шалостями ее дорогого маленького сыночка, этого хрупкого Алеши, который, казалось, последнее время себя гораздо лучше чувствовал.

Иногда, когда она оставалась одна, а люди из свиты держались на почтительном расстоянии, она поднималась со своего лесного ложа, опускалась прямо в траве на колени и начинала молиться. Взор ее туманили блестящие, словно звездочки, слезинки. Она молилась Пречистой Деве, благодарила ее за трогательное к ней, Александре, внимание.

Иногда Алеша по утрам бегал по лужайке, собирал цветочки, злаки, дикие фрукты, незрелую, почти белую землянику, и все пригоршнями нес матери и дарил ей.

Вечерами все собирались в двух больших гостиных.

Установленная там электропроводка постоянно барахлила и дети шумно радовались, когда слуги вносили лампы и рас- станляли их повсюду, а они были похожи на выпуклые звезды, такие добрые и яркие. Несмотря на то, что все ставни плотно закрывали, на свет все равно слеталась мошкара, устраивавшая свои замысловатые танцы над матерчатыми абажурами или вокруг закопченного стекла лампы.

Пили горячий чай, и он, словно кипучий собеседник, звал к размышлениям. Каждый в такие минуты мог мечтать о чем угодно, призывать в своем воображении всех мыслимых химер! Великая княгиня Ольга и ее сестра Татьяна, конечно, вспоминали очаровательных принцев, которые их соблазняют на своих турнирах, или о манерных танцах, о которых столько говорили, но их не видели, так как жили они уединенно в Царском Селе, вдали от светской суеты...

Николай любил читать, прежде всего русских авторов. Он страстно любил Чехова и передал свое влечение жене. Александре тоже нравился замечательный стиль писателя. Однажды она сделала весьма любопытное суждение:

— Ники, почему все мы так любим Чехова? Не потому ли, что он напоминает нам осень? Может, наша молодость уже прошла?

Царь растерялся и не смог сразу ответить на ее вопрос. Он только с нежностью смотрел на нее. Она продолжала:

— Может, совершенная любовь — спутница одиночества и тишины?

Спать ложились рано, и все обитатели этого особняка засыпали в тиши лесов, и вместе с ними засыпали звери и птицы.

Однажды утром Алексей закапризничал, потребовал, чтобы и его взяли на прогулку верхом, вместе с отцом и сестрами. На веранде, где все пили утренний чай с булочками, намазанными маслом, с ломтиками сыра, которых каждый брал столько, сколько хотел, члены семьи приступили к обсуждению своей программы на день.

На глазах цесаревича выступили слезы. Он видел, что отец колебался, не знал, отказать ему или нет в таком большом удовольствии, — покататься верхом вместе со взрослыми, но суровый взгляд царицы стал явным запретом, и теперь ребенку приходилось расставаться со своей светлой мечтой.

— Мое дорогое дитя, — мягко сказала она. — Разве ты не хочешь составить мне компанию, погулять со мной возле пруда? Я расскажу тебе одну интересную историю про князя Игоря...

Алешу, тем не менее, такое предложение мамочки заинтересовало. Он хотел было надуть губы. Но теперь ему расхотелось. Он очень любил свою мамочку, он знал, что она и

без того много страдает, для чего ее еще огорчать?

Он согласился и утешился. Погода была прекрасной, безветренной.

А всадники тем временем готовились к выездке, которой так завидовал ребенок. Он долго, стоя на крыльце, провожал их взглядом. Но из дома уже вышли матрос Нагорный, мама, госпожа Вырубова, две горничные, один слуга- провожатый и пошли по аллее по направлению к полянке и пруду. Алеша подумал, что хорошая погода позволит ему покататься на лодке, а эта лодочная станция такая красивая, — она находится среди розовых кустов, а стрекозы, водяные лилии, маленькие разноцветные рыбки имели там свой двор, который был куда менее скучным, чем двор его отца.

Александра расположилась поближе к воде, у самого ее края. Лодка неподалеку, привязанная канатом к дереву, ожидала великого мореплавателя.

Он быстро подбежал к ней, так ему хотелось поскорее очутиться на водной глади, прыгнул на нее, но оступился и ударился об уключину внутренней поверхностью бедра правой ноги. Александра тут же вскочила со своего лесного ложа. Закричала:

— Наташа, Тила, Нагорный, да поскорее вы, маленький упал...

Бравый матрос с удочкой в руках шел к тихому месту, чтобы порыбачить. Он оглянулся на крик царицы. Сразу сообразив в чем дело, помчался к ребенку, который сидел в высокой траве и плакал.

Его подняли, отнесли в дом. Доктор Боткин немедленно осмотрел мальчика. Поначалу ему показалось, что ничего серьезного нет, — больно будет, конечно, совершенно ясно.

Чуть ниже паха у ребенка появилась небольшая припухлость. Нужно его уложить в постель.

Александра, сердце которой бешено колотилось в груди, внимательно следила за каждым жестом доктора, за каждым покачиванием его головы.

— Ну что, доктор? Это серьезно?

— Успокойтесь, Ваше величество. Пока это небольшая болячка. Ничего серьезного. Но все же пусть полежит двое суток в постели, покуда не рассосется эта припухлость.

Конец недели ознаменовался хорошей вестью, — состояние здоровья цесаревича не вызывало у медиков никакого беспокойства. У него ничего не болело, и бедро снова стало таким, как прежде, нормальной формы. Теперь мальчик мог подняться, мог ходить, играть, как и прежде.

Обрадованные члены семьи готовились к переезду в другой охотничий домик, еще более изолированный, расположенный веще большей первозданной глуши, — это был старинный охотничий домик польских королей — Спала.

До места назначения нужно было долго ехать по песчаной дороге, покуда среди лесных делянок перед глазами не появлялось это лесное жилище, похожее на дом дриады, лесной нимфы, или, если подойти более прозаично, на избу лесника.

Домик был похож и на сельскую корчму, затерявшуюся в густых лесах. Этот домик был целиком деревянным. Комнат в нем было очень много, но все были очень маленькие, словно монастырские кельи. Коридоры были такими узкими, что широкоплеч ие охотники с трудом могли в нем разойтись при встрече. Одному из них приходилось прижиматься к стене.

Из-за окружавшей домик густой растительности, в комнатках всегда царил сумрак, и приходилось зажигать свечи даженем.

Экзотика этих мест, лесная непроницаемая тишина, просто очаровывали императорскую чету. Вокруг дома по этой зелени протекал небольшой ручеек, он ласково журчал, словно ворковала голубка. От домика в разные стороны разбегались тропинки; все они вели к опушке, которую местные крестьяне называли «кружок волшебниц». Там прямо посередине была поставлена скамья. Часто император, сидя на ней, мечтал о чем-то своем.

Во время своих очень кратких отпусков, император страстно предавался охоте, которой посвящал все свое время. Охота обычно начиналась с раннего утра и длилась целый день. Приглашенные им благородные польские дворяне принимали участие вместе с ним в охоте на оленя. Вечером после обеда окровавленных убитых оленей раскладывали перед домом на траве. Егеря стояли неподалеку, держа в руках зажженные факелы, а царь со своими гостями подходи- ли и осматривали свои трофеи. Охотничьи собаки громко лаяли, и их перекличка нарушала первозданную тишину этих мест, как будто они звали другого хозяина, который укрылся в лесной чащобе.

Первые дни наступившего октября были на удивление теплыми. Николай забывал о всех своих заботах, преследуя верхом на коне дичь; он делал остановки, стоял в засадах, скакал на полном галопе, — в общем испытывал все те радости, которые приносит охота, причем охота совместная с польскими аристократами, которые вели себя достойно и не кривлялись перед ним, как это часто бывало во время официальных встреч.

Алексей на самом деле стал выздоравливать после падения в лодке. Александра попросила молодого учителя Пьера Жильяра

начать заниматься с сыном французским языком. Это была первая встреча швейцарца с цесаревичем. Он еще ничего не знал о природе заболевания мальчика, только отмечал у него очень сильную бледность. «Я был поражен тем, что на его лице не играл румянец, и тем, что его почему-то носят на руках, как будто сам он не мог ходить».

Александра, как и всякая мать, беспокоилась о сыне, который был вынужден сидеть в темном доме, без солнечного света и свежего воздуха. Однажды она решила взять его с собой на прогулку и посадила мальчика в экипаж между собой и Вырубовой. Вначале все шло отлично. Алексис удивлялся, что белочки в лесу позволяли ему приближаться к ним. Сколько он читал о них в сказках! Он с удовольствием наблюдал, как они перескакивали с ветки на ветку, словно виртуозы-циркачи на трапециях!

Экипаж то и дело подбрасывало на кочках на песчаной дорожке. Каждый толчок отзывался у него болью. Вдруг цесаревич побледнел как полотно. Из-за частых судорог он не мог пошевельнуться.

— Мамочка, мне очень больно, — пожаловался он. Александра, не спускавшая глаз с сына, велела остановиться.

Цесаревич жаловался на сильные боли в ногах и в паху. Он не плакал, но его исказившееся от боли лицо красноречиво говорило о том, как плохо ему было. Напуганная государыня распорядилась повернуть домой. Никто и не предполагал, что они уже отъехали так далеко, — до дома теперь оставалось километров десять. И на всем пути обратно Алексей чувствовал себя все хуже. «Когда мы подъехали ко дворцу, — вспоминала Вырубова, — его уже вынесли из кареты почти без чувств...»

Доктор Боткин, который никуда из дома не отлучался, осмотрел мальчика и обнаружил обильное кровоизлияние в бедре и паху. Этой ночью в Спале никто не сомкнул глаз. Хлынул поток телеграмм. Из Санкт-Петербурга один за другим стали прибывать знаменитые специалисты. Следом за докторами Федоровым и Деревенько приехали педиатр Острогорский и хирург Раухфус, доктор Рауст.

Они окружили кроватку цесаревича, но ни их знания, ни их опыт помочь в этом случае им не смогли, — ребенку лучше не становилось, теперь приходилось ожидать только худшего.

«Бедный ребенок сильно страдал, — писал Николай матери, — боль приходила приступами и возобновлялась каждые четверть часа. Из-за высокой температуры у него начинался бред, который продолжался и днем, и ночью. Каждое его движение вызывало у него дикую боль...»

«День и ночь Алексей Николаевич кричал от боли; окружающим было так тяжело слышать в коридорах его постоянные крики, стоны, — они были слышны и за стенами дома», — вспоминала впоследствии Вырубова.

Одиннадцать суток государыня не раздевалась, не ложилась в постель и почти не отдыхала, — часами она просиживала у изголовья своего маленького больного сына. Иногда на несколько мгновений погружалась в дрему, но вопли больного ее тут же пробуждали, что доставляло ей еще больше страданий.

— Господи, Господи, смилуйся же Ты над моим маленьким. Пусть буду страдать только я, страдать столько, сколько Тебе захочется. Я — ведь сильная женщина, могу его заменить, но только оставь ребенка мне, не отбирай его у меня...

Иногда Алексей широко открывал свои большие глаза, в которых сквозил страх, подолгу, жалобно смотрел на мать, и мольбы срывались с его горячих губ.

Эти мучения продолжались более десяти дней. Иногда Николай менял у изголовья больного Алике, но он держался гораздо хуже, чем Александра. Анна Вырубова сообщает, что «однажды, войдя в комнату сына, услышав его отчаянные стоны, государь выбежал, и, запершись в своем кабинете, расплакался».

Врачи не оставляли никакой надежды несчастным родителям. Они теперь были уверены, что мальчик умирает. Алексей и сам так думал и ожидал только одного, — что смерть избавит его от страданий. Однажды он спросил у матери:

— Мамочка, когда я умру, мне уже не будет так больно, правда? Помоги мне умереть, мамочка... мне так больно...

В другой раз, когда боль немного отступила, он тихо сказал:

— Маленькую могилку мне выройте на полянке в лесу... чтобы я мог видеть, как вокруг резвятся белочки.

...Несмотря на страшную драму, которая разыгрывалась в спальне мальчика, в охотничьем домике жизнь шла своим чередом. Государи, и прежде всего Александра, делали все возможное, чтобы скрыть состояние предсмертной агонии, в котором находился цесаревич, наследник престола. Всем четырем его сестрам было строго наказано развлекать гостей, приглашенных, чтобы те не разъехались по домам.

Несмотря на все предосторожности, тяжелая болезнь наследника не могла долго оставаться абсолютной тайной. И в польских селах, и в Санкт-Петербурге, и даже за границей уже ходили тревожные слухи, один фантастичнее другого. Журналисты гадали, что же произошло с наследником. В лондонской «Дейли мейл» в пространной статье бесстыдно утверждалось, что мальчик подвергся нападению анархиста и был

тяжело ранен при взрыве бомбы. Цесаревич якобы находился уже при смерти. Все понимали, что фатального исхода можно было ожидать в любой момент, и тогда министру двора, барону Фредериксу было разрешено выпускать ежедневный медицинский бюллетень о истинном состоянии здоровья цесаревича.

Узнав о тяжелой болезни наследника, русский народ все больше сплачивался, организовывал большие коллективные богослужения. Специальные молебны за здравие проводились и в больших соборах, и в маленьких церквах, затерянных в глуши деревень. Все русские люди желали скорейшего выздоровления цесаревичу. Перед чудотворной иконой Божьей Матери в Казанском соборе Санкт-Петербурга день и ночь молились верующие.

Царю приносили мешки писем. Солдаты, казаки, студенты, купцы, священнослужители, — все писали царю, чтобы выразить ему свои соболезнования. Порой казалось, что развязка вот-вот наступит. Царица не отходила от своего сына. Она видела эти его неимоверные страдания, и однажды утром даже пожелала ему смерти-избавительницы.

Но Алексей еще дышал, и агония продолжалась. Вечером, когда свита настороженно ожидала известий в гостиной императрицы, в дверях появилась принцесса Ирина Прусская, сестра Александры. Лицо у нее было бледным как полотно. Она попросила всех посторонних удалиться и сообщила, что состояние мальчика безнадежно. Николай, побледнев, сделал знак доктору Федорову, и они оба вышли из комнаты.

Император решил, что мальчика нужно немедленно причастить, что и было сделано. Царица поручила барону Фредериксу отослать в Санкт-Петербург бюллетень, составленный в довольно осторожных выражениях, но из которого народ мог бы понять, что наследник престола Николая 11 находится на грани смерти. Именно той ночью, когда не оставалось никакой надежды, царица, бунтуя против неумолимой реальности, решила обратиться к Распутину. Она попросила Анну Вырубову телеграфировать ему в Сибирь, в Покровское, где он теперь жил в ссылке, чтобы тот помолился за жизнь ее сына. Ответ не заставил себя долго ждать. Через несколько часов в Спале получили ответную телеграмму, в которой этот мужик-колдун утешал императрицу:

— Бог увидел Ваши слезы и услышал Ваши молитвы. Не убивайтесь. Мальчик не умрет. Не позволяйте докторам слишком его мучить».

Сумерки опустились на охотничий домик в Спале. На следующий день утром ребенок еще был жив. Александра с

большим облегчением говорила сестре:

— Знаешь, я уверена. Я знаю, что Господь не заберет у меня сына. Медики постоянно меня огорчают и говорят об обратном. Ноя держусь...

...Александра с ее громадной верой, которую многие бессовестно называли «религиозной истерией», оказалась дальновиднее своих врачей. Она оказалась права. На следующий день ребенок уже довольно легко дышал, и кровотечение пошло на убыль.

Можно ли назвать «чудотворцем» того бесплотного, тихого целителя, который приступил к своим действиям после получения телеграммы от Распутина в Спалу? Медики пытались объяснить выздоровление цесаревича различными способами, это чудодейственное выздоровление, которое наступит через несколько дней у них перед глазами.

Может глубокая вера в Бога, укоренившаяся в материнском сердце такой его страстной почитательницы, как Александра, оказалась сильнее науки и спасла маленького умирающего?

Прошел почти год, прежде чем Алексей снова смог ходить. После своего «воскресения» он перестал быть мальчишкой. После Спалы Алексей стал совсем серьезным мальчиком, более задумчивым, более внимательным к другим. Он теперь иначе смотрел на могущество своего отца, самодержца, о котором ему всегда с такой торжественностью в голосе все говорили. Его отец — всесильный монарх, но он был не в состоянии избавить его от болей в ноге, разогнуть ее, сделать здоровой.

Однажды, когда он учился снова ходить и сделал несколько первых, неуверенных шагов в парке Ливадийского дворца в Крыму, опираясь на руку матери, он спросил ее:

— Мамочка, а ты веришь в то, что папа может не дать нам умереть?

XXI.

Как только улеглись все беспокойства по поводу опасного состояния здоровья цесаревича там, в Спаде, Александра вдруг осознала, что теперь ей следует предпринимать усилия в другом направлении, — поддерживать престиж империи, Центральную Европу сотрясала междоусобная борьба. Австрия при поддержке своего главного союзника — Германии — проявляла все большую агрессивность. Вена еще в 1908 году заявила об аннексии Боснии и Герцеговины, которые находились под суверенитетом Оттоманской империи-

Сербия проявляла свой яростный, враждебный настрой. Белград рукоплескал дипломатическим представителям Франции, России и Англии и забрасывал камнями окна австрийской миссии. В то же время Болгария стала независимым царством.

Еще туманной осенью царь поставил в известность своего кузена Вильгельма II о том, что занятая им позиция может оказаться фатальной для всей Европы. Россия давно не раз обещала оказать помощь Сербии в случае ущемления ее рационального суверенитета, — а разве такая угроза не исходит от Турции и Австрии?

К тому же двуличие Вильгельма, его упрямое желание убедить всех в том, что Австрия — его самый надежный союзник и посему он не может сохранять нейтралитет, разжигали аппетиты Франца Иосифа, который мечтал об усилении собственного престижа и экспансии на юге.Несмотря на определенное спокойствие, турки тайно пользовались полной поддержкой Франции и Англии, и это добавляло им агрессивности. И тогда Греция, Черногория, Болгария и Сербия, заключив между собой что-то наподобие пакта, развернули против Константинополя враждебные действия, которые напоминали настоящую войну.

Оба великих князя, мужья черногорских принцесс, с восторгом подталкивали Россию к участию в этом конфликте, который мог бы залить кровью всю Европу.

Великий князь Николай Николаевич, гораздо более воинственно настроенный, чем царь, не вылезал из его кабинета* Царском Селе, пытаясь перетащить на свою сторону племянника:

— Ники, долг России поддержать требования балканских стран. Твой отец, об уходе которого все мы скорбим, никогда не упустил бы такого шанса...

— Война — это вам не шанс, — возразил дяде царь.

— Ты меня должен понять, ведь под угрозой престиж русской

короны. Наше поражение в Японии — следствие трусости, и русский народ до сих пор из-за этого сильно переживает. Впервые народ ощутил все могущество нашего дома, наши армии непобедимы... Ты, наверное, уже забыл о том, как тысячами привозили раненых, как был всем недоволен народ, все эти мятежи, бунты...

— Именно потому, что я ничего не забыл, я и не собираюсь поддерживать твоих безумных планов...

Великий князь, «военная косточка», как говорят поэты, был безутешен. Он пользовался громадной популярностью в армии. Он отлично знал, что все генералы, все офицеры горели желанием реванша, чтобы отомстить за жестокое поражение от Японии и вернуть себе прежнюю славу, вызвав небольшую, не столь кровопролитную войну на Балканах.

Великие князья в силу семейного задиристого духа, как и сам царь, стремились как можно больше усиливать могущество империи Романовых, утверждать господство русских в Восточной Европе, и посему с каждым днем предпринимали все новые, более вызывающие демарши, взывали ко всем министрам Николая и открыто требовали войны с Турцией.

Всю зиму 1912— 1913 гг. Александра каждый вечер ветре - чалась с мужем, разговаривала с ним и терялась в этой пучине вопросов.

Нужно ли было отдавать приказ, чтобы отправить молодых здоровых людей на страшную бойню, нужно ли разделять их с семьями, множить семейные драмы, вызванные смертью и ненавистью?

Александра, возвысившаяся над своим положением в силу печальной материнской любви, думала только о своем сыне. Нужно было во что бы то ни стало сохранить для него эту вековую русскую корону, увенчать во всем величии его голову ею, стяжать тем самым для него еще большую славу. Разве он не заслужил ее, как и любой другой великий князь, хотя бы за те ужасные страдания, которые он испытывал из- за того, что она, того сама не ведая, передала ему худую кровь всех Гессен-Дармштадтских?

Но грохот пушек, отчаяние семей, у которых отнимали здоровых мужей, сыновей, отцов, разве все это не пострашнее?

Царь, на которого со всех сторон оказывали такое сильное давление, предчувствовал, что скоро наступит момент, когда к его личному мнению уже не станут прислушиваться. Ведь не только его дядья, — все профессионалы-военные, — подталкивали его со все возрастающим азартом к объявлению войны, но и многие политики, большая часть которых

преследовала при этом личные интересы, возможности быстрого обогащения— особенно в области производства вооружений или военных поставок в другие страны. Там они все надеялись получить важные, хлебные посты, как только эти страны будут завоеваны, — чему будет во многом способствовать твердый русский контроль над Дарданеллами. Все они ежечасно донимали этим теряющего терпение царя. В Санкт-Петербурге по улицам маршировали взволнованные полки солдат с духовым оркестром во главе, и все они с радостью, весело, выражали свое желание немедленно идти на фронт.

Однажды вечером, около шести часов, к императрице пришел Распутин.

После ссылки, куда его отправил Столыпин, фамильярности у него по сравнению с первыми годами пребывания в столице поубавилось. Несмотря на чудо, сотворенное в Спа- ле, старец понимал, что уже не может, как прежде, бесцеремонно посещать в любое время Александровский дворец.

Тем не менее его сразу приняли, не заставив ждать. У царицы ужасно болели ноги. Она сидела в кресле, укрыв их одеялом, свисавшим до пола.

— Матушка, так хотел увидеть тебя, совсем исстрадался.,.

Императрица нахмурилась. На ее печальном лице появилось вопросительное выражение.

— Что с тобой, Григорий? У тебя произошло какое-то несчастье?

— У всех у нас произошло несчастье, у всех русских...

— Что ты имеешь в виду?

— Царь собирается втянуть нашу несчастную страну в войну. Так я тебя предостерегаю, — это будет концом России.

Императрица с трудом встала с кресла. Испуганно перекрестилась:

— Господь с тобой, Григорий! Не говори так и не думай об этом. Мы с Николаем озабочены только одним, — как сделать нашу страну счастливой, процветающей...

Но «старец», видимо, закипая от гнева, продолжал:

— Я против любой войны, матушка. Люди доброй воли всегда могут договориться, все уладить... Батюшка не должен совершать такой тяжелой ошибки, она будет смертельной для его царствования. Нельзя допустить кровопролития...

Александра искала нужные, подходящие слова, чтобы защитить царя, объяснить этому мужику возникшую ситуацию.

— Ты слишком чист душой, Григорий, ты человек простой. Но ведь наша страна подписала кое-какие документы, взяла на себя определенные обязательства... Он дал торжественное

обещание Балканским странам оказать им помощь в случае нападения на них. Мы должны им помочь...

Но Распутин, все больше распалялся, его лицо побагровело. И он, назидательно покачивая указательным пальцем, продолжал:

— Матушка, Господь дал мне святую возможность исцелить твоего сына — нашего горячо любимого цесаревича. Я сумел остановить кровотечение, когда этот хрупкий мальчик обескровливал. Ноя не смогу остановить кровь, которая по приказу Николая, прольется завтра, когда русские храбрецы пойдут драться не за свои, не за наши интересы, а будут отстаивать чьи-то привилегии, доставлять добычу, которой жаждет эта продажная, бесчестная свора политиков, окружающая вас, угнетающая наш народ... Матушка, в ноги тебе брошусь, умоляю тебя, помоги мне вас спасти, спасти Россию. Сделайте все, что можете, прогоните меня от себя, продолжайте выбрасывать деньги на ветер, принимайте с почестями всех этих лицемеров, которые врут вам в лицо, жалуйте им титулы, увенчивайте гербами, дарите им дворцы, осыпайте своими милостями, только не начинайте войну. Сейчас тебе говорю не я, моим голосом говорит святая Русь...

Александра слушала его, и сердце у нее сжималось от боли. Она чувствовала, что этот монах-бродяга прав, Ей тоже была ненавистна сама мысль о войне. Она его подняла и сказала:

— Хорошо, Григорий. Приходи завтра утром. Сам скажешь обо всем царю...

* * *

На улицах Санкт-Петербурга было полно военных, — проходили парады, и тяжелый топот солдатских сапог был похож на ритмические удары молота по булыжной мостовой.

Распутин торопливо шел по площадям, запруженным народом, вдоль набережной, где тоже собирались толпы, чтобы поглазеть на марширующих солдат. Все, казалось, были ужасно веселы. Никого, видимо, не страшили нарастающие признаки близкой войны, которые были заметны в предместьях, особенно, на уличных перекрестках. Бодрые здоровяки со знающим видом обращались с речами к прохожим.

— Турция всегда нас только провоцировала. Наш царь-батюшка абсолютно прав — нужно помочь нашим соседям прогнать турок из Европы, прогнать раз и навсегда!

Эти горлопаны продолжали своими громкими призывами подстрекать толпу:

.— Подумать только, они же настоящие дикари! Да даже не

христиане! Царь должен показать им, что мы их не боимся. Пусть лучше оставят в покое наших друзей-славян...

Григорий Ефимович дошел до вокзала. Поезд в Царское Село уже отходил. В своем вагоне он увидел много знакомых лиц, многие узнавали его. Все хотели с ним поговорить. Но он, повернувшись нарочито ко всем пассажирам спиной, разглядывал через окно однообразный пейзаж предместья, порой перемежавшийся лесными рощицами.

Сердце у «старца» сильно колотилось в груди. Он чувствовал, какая на него свалилась ответственность. Царица сама назначила время и место для аудиенции с царем. Так что ему действовать! Он, простой сибирский мужик, обладает гораздо большей силой убеждения, чем все эти хитрые лисицы, переодетые в министерские мундиры, которые только на словах разглагольствовали о благе народа, асами безжалостно гнали русскую молодежь на войну, хотели превратить этих молодых людей в «пушечное мясо». Казалось, что все эти пушки отстаивали идеи, но их жерла, выплевывающие смертельные заряды, на самом деле служили тем, кто набивал себе карманы, торговцам, которые продавали свой товар, — одни другим.

Григорий не выносил саму идею развязывания войны. Но он не терял надежды перед грозящей опасностью, ведь императрица, как и он сам, хорошо понимала необходимость совместных с ним, Григорием, действий. Она его поддержит, она не позволит своему мужу сотворить такую глупость, на которую его толкает кровожадное окружение.

...В Александровском дворце его не заставили долго ждать. Царь, предупрежденный о визите, принял Распутина в первую очередь, ранее многих важных персон, с головы до ног обвешанных орденами и медалями, которые толпились в царской приемной.

Распутин вошел. Пылкий настрой заставил его в эту минуту позабыть об обычном ритуальном церемониале. Он, глядя в потолок, с напряженным лицом, большими шагами шел к громадному рабочему столу царя. Он подошел к нему почти вплотную и, стуча кулаком одной руки по раскрытой ладони другой, заговорил, даже скорее закричал:

— Царь-батюшка! Война — дело неугодное Господу. Она наносит Ему оскорбление, ибо посягает на творения Его. Война — это ничто иное, как «избиение младенцев» ради прибылей торговцев, которые наживаются за счет других, ибо сильный угнетает слабого. Люди доброй воли, такие христиане, как мы, обязаны решать все споры иначе, не с помощью бойни и кровопролития.

Царь хотел было его перебить, ответить, но Григорий все более распалялся:

— Я вижу, что в результате не будет победителей ни на одной, ни на другой стороне. Наоборот, все проиграют. Ты знаешь, что Россия только-только пришла в себя от ужасного поражения от Японии. Стоит ли напоминать тебе, как упал престиж России после ее катастрофы на морях? О, ты, самый человечный из всех царей на земле! Ты гораздо лучше своих предков осознал нищету всех нас, своего несчастного, неграмотного народа. Ты стал понемногу улучшать его жизнь, своим указом открыл последнему крестьянину путь к обогащению. У всех у нас теперь появился собственный земельный надел, обильно политой нашими слезами. Так не разрушай сделанного дедом твоим, того, что сделал этот твой хороший министр для страны. Мы только увидали из подземелья свет Божий... Теперь уже не встретишь такой жуткой нищеты в деревнях... старики и дети теперь едят досыта. Хорошие урожаи собираем. Так, царь-батюшка, употреби власть свою великую, выступи против войны, к которой тебя подталкивают все эти люди с черной душой, они же первыми начнут хулить тебя, если победа окажется не на их стороне... Ты человек на диво благочестивый, так вспомни же заповедь Божию, — «не убий!» Это — священная заповедь, как и все заповеди Христа, сына Божьего... Не смей ему перечить, не повиноваться. В Его силах липпвд тебя трона. Ибо трон сей не тебе уже принадлежит... Тебе дал его Господь, чтобы ты готовил его для нашего горячо любимого Алексея... Ты ведь не хочешь, чтобы этот чудный ребенок однажды сказал бы, — «по вине моего отца миллионы матерей оплакивают своих сыновей...» Имей в виду, — если твоя армия пойдет на Турцию, здесь, в стране, революции не миновать...

Николай II, немного ошарашенный вольностью «старца», только что вернувшегося из ссылки после сотворенного им чуда в Спале и осмеливавшегося читать нотацию ему, верховному правителю всей России, смешался, не знал, что ему ответить. Но внимая искренним увещеваниям этого простого мужика, который с такой страстностью выступал против войны, он смягчился и внимательно продолжал выслушивать Григория.

Среди многих глупостей, гулявших тогда по столице, была еще одна, — якобы Распутин убедил царя употреблять целительные «тибетские» настойки, приготовленные врачевателем Бадмаевым, из-за чего поведение монарха становилось каким-то неестественно замедленным, а его воля все больше атрофировалась. Вот еще одно из суеверных предположений хулителей Распутина!

Николай, совершенно успокоившись, старался утихомирить и своего собеседника.— Григорий, расскажи-ка ты лучше мне о моих крестьянах, о том, с какими проблемами на земле они сейчас сталкиваются. Ты так здорово умеешь подмечать то, чего им не хватает, то, чего они хотят. Алики, моя дорогая жена, сказала мне, что ты умело отстаиваешь их интересы, и ты куда лучше всех губернаторов знаешь нужды каждого... транспорт... скот... Ты бы сейчас не стоял передо мной, если бы не знал, не был уверен, что я, прежде всего, всем вам Отец, и что жизнь всех вас не менее мне дорога, чем моя собственная... больше не задавай мне никаких вопросов. Ступай с Богом, будь во всем уверен. Я никогда ничего не делаю, прежде как следует не подумав. Все что ты сказал мне, приму к сведению, не забуду ни слова. Ну а теперь ступай к Алексею, расскажи ему какую-нибудь забавную историю. Он так хочет тебя послушать...

Оба они замолчали.

Распутин вышел из кабинета царя так же робко, как и вошел, но внутри у него все кипело, и он был готов дать волю своему гневу.

Побыв немного с цесаревичем, он возвращался в столицу. Он сиял. Пока еще было рано говорить о его победе, но «старец» знал, что победа уже близка, он ее непременно одержит.

И на самом деле, через три дня после встречи с царем, утренние газеты, которые нарасхват вырывали друг у дружки прохожие, сообщили о том, что русского вторжения на Балканы не будет! Мир таким образом был спасен!

* * *

Этот мир, сохраненный на обрыве пропасти, был оценен не всеми, лишь меньшинством. Великий князь Николай Николаевич, которому стало известно, откуда подул ветер, повлиявший на отказ царя начать войну, тут же примчался к Распутину на Гороховую и дал волю своему высочайшему гневу; он выругал последними словами Распутина, сказал, что тот ничего не вызывает у него, кроме ненависти, за этот миротворческий шаг, предпринятый перед государем.

Великий князь спал и видел мобилизацию всех вооруженных сил России. Во-первых, новая война могла бы стать реваншем за позорное поражение от Японии. Во-вторых, не сильно задевая монархию, одним из столпов которой он сам был, он продемонстрировал бы всему миру, что его племянник Николай, отказываясь воевать, не соответствовал своему высокому положению самодержца, что цариица оказывала на него

громадное, просто губительное для царствования влияние.

В царской семье уже стали поговаривать о низложении царя и о заточении царицы в монастырь! Разве великий князь не признавался самому себе, что желание некоторых передать древнюю корону Рюриковичей именно ему, Николаю Николаевичу, ему очень и очень льстило?

А вот этот проклятый монах-бродяга, этот мерзкий интриган, большой любитель молитв и бесстыдных оргий, как о том сейчас открыто говорила пресса и ведь двор, — осмелился ему перечить, стать препятствием на его пути!

И все из-за этой Александры — она всегда клялась именем Распутина и передавала мужу все взгляды этого ренегата и предателя...

Как это ни странно, народ совсем не выражал особой радости, особого энтузиазма из-за наступления относительного спокойствия в результате принятого царем решения.

Повсюду продолжали свою подрывную работу революционные течения, которые из-за границы настраивали на нужный лад умы и были готовы воспользоваться любой возможностью, любым проявлением недовольства, чтобы вновь и вновь призывать к уничтожению царского строя, — народные массы и даже армия, жадно прислушивались к лозунгам, которые громко выкрикивались на любом углу.

Опасные научные открытия д ля массового уничтожения и истребления людей, технический прогресс, острая конкуренция в промышленности создавали в Европе весьма тревожную обстановку. Теперь становилось известно почти всем народам, что средства убеждения враждебно настроенных руководителей включали возможность гибели не сотен тысяч, а уже миллионов мужчин, женщин и детей. Даже обычная ссора между этими увешанными наградами князьями, богатства и роскошь которых уже не вызывали у толпы такой спокойной, как прежде, реакции, могла в любой момент разгореться и привести к сотням или тысячам жертв среди мирного населения.

В такой мрачно-погребальной обстановке осуществляли свою сатанинскую мечту организаторы революции, которые руководствовались собственными целями, собственными интересами под предлогом достижения народного благосостояния, продвигали вперед по доске свои пешки с холодным трезвым расчетом, причем с помощью как всех этих идеалистов-интеллектуалов, искренних просвещенных лиц, так и откровенных бандитов, которые знали, какие баснословные барыши можно извлечь из такой сумасбродной ситуации.

В России, в гораздо большей мере, чем вдругих европейских

странах, был заметен разрыв между невообразимым богатством аристократов и невыразимой бедностью народа, и такое положение вело к возникновению между ними большого недоверия и вызывало все большую горечь. Непроницаемые перегородки отделяли все сословия общества. Мелкие помещики теперь боялись своих крестьян, так как за год происходило множество мятежей, и они постоянно возобновлялись. Мужики с опаской поглядывали на своих господ, которые наживались на них и при этом жестоко с ними обращались. Рабочие, которых подстрекали к забастовкам организаторы восстаний из-за рубежа, в частности из Германии, выражали глубокую ненависть к своим хозяевам; имперская бюрократия сохраняла свой уверенный холодный тон, так как именно она двигала колесики государственной машины.

Глухая злоба охватывала мелкий люд, служащих, ремесленников, провинциальный клир, в отношении интеллектуальных кругов, против всех этих надменных чиновников с университетскими дипломами, чьи сыновья разговаривали на культурном языке, свободно ездили за границу и презирали миллионы менее счастливых соотечественников.

В стране возникало огромное число различных партий, кланов. Каждый клан, каждая партия, желала провала членам другого клана, другой партии. Царь даже не мог осознать, до какой степени слово «национальное единство» было пустым звуком!

В это время, когда уже множились первые признаки революции, царица постоянно поощряла царя к выполнению одного своего проекта, который все в общем одобряли, кроме, вполне естественно, двора Марии Федоровны. Вдовствующая императрица из принципа пресекала любую инициативу, исходящую от невестки.

Но все министры, наиболее важные государственные советники, принимали к сведению робкую инициативу Александры придать торжествам по случаю 300-летия Дома Романовых, общенациональный масштаб, чтобы таким образом мобилизовать все здоровые силы в обществе, всех конструктивно мыслящих людей.

Разве первый из Романовых не сел на трон в 1613 году? Вот уже целых триста лет одна династия царствовала в России, строго блюла ее интересы и сохраняла свой престиж. Не наступила ли пора вспомнить об этом, пробудить все русские сердца напоминанием о легендарных именах в ее истории, усилить самое главное в русской душе — любовь к родине. После многих препирательств проект все же был одобрен. Царь тоже считал, что

эти торжества, которые заставят всех вспомнить о борьбе и величии России, о мужестве всего русского народа, окажутся весьма кстати, чтобы еще сильнее сплотить все еще очень разъединенный народ вокруг трона, народ, раздираемый абсурдным соперничеством во всех сословиях, народ, который таким образом получит реальную возможность окончательного радостного примирения.В охваченной тревогами Европе, где по-прежнему создавались ложные и настоящие альянсы, где интриги шли своим чередом, охватывая все маленькие балканские народы и великие державы, не спускавшие уже с них глаз; некоторые политики подвергали критике решение Николая II с большой помпой и размахом отметить событие общенационального масштаба, и утверждали, что сейчас подобное просто ни к чему. И тогда многие попытались извратить замысел императора, который собирался отметить это важное историческое событие и устроить такие звонкие торжества, которые станут последними радостными и веселыми торжествами в царской России.

Хотя дом Романовых, по существу, прекратил свое существование после смерти дочери Петра Великого, императрицы Елизаветы, в 1761 году, последние правящие Романовы были потомками Павла I, матерью которого являлась Екатерина Великая (она была принцессой Ангальт-Цербт- ской, то есть немецкой принцессой), а «официальным» отцом — император Петр III (немецкий принц Шлезвиг-Гол- штейн-Готторпский). Но на самом деле Павел I был сыном первого любовника Екатерины — Салтыкова, что заставляет нас считать нынешних Романовых Голштинами, или Ангальт-Цербстами, или Салтыковыми, но никак не Романовыми.

В то время один знаменитый генеалог провел тщательное, глубокое исследование, чтобы установить* сколько в процентном отношении крови Романовых у Николая II, после чего заявил, что «официально» у государя оставалось только восемь сотых крови Петра Великого, причем если руководствоваться истинной, а не вымышленной историей...

Даже такой верный друг, как доктор Боткин, без всяких обиняков считал ошибкой идею проведения торжеств по поводу трехсотлетия дома Романовых, к которому нынешний монарх имел столь слабое, весьма отдаленное отношение.Как бы там ни было, но теперь, после стольких лет, прошедших после русской трагедии, можно обо всем судить иначе.

Александра, всегда бдительно следившая за престижем своего мужа, делала все, чтобы его не уронить, а еще больше возвысить в глазах народа, выступила с инициативой осуществить такой план.

Некоторые свидетели еще совсем недавно писали, что знаменитые торжества, посвященные 300-летию дома Романовых, производили на всех потрясающее впечатление и надолго сохранились в их памяти.

В июне 1913 года великий князь Павел опубликовал в Париже книгу, переведенную профессором Эшаниновым, — «Царствование Его величества Николая II», в которой не без определенной куртуазности, присущей всегда книгам такого рода на основе воспоминаний, нарисовал более или менее правдивую историю семьи Романовых.

Ни сам император, ни Александра не заблуждались на сей счет. Им было известно, что во всех уездах, во всех губерниях империи принимали посланцев революционных групп. Многочисленные забастовки, проходившие, правда, без серьезных последствий, дерзкие декларации членов государственной Лумы, которые тут же подхватывала враждебно настроенная пресса, принуждали этих революционеров искать любой предлог для общенационального возмущения и протеста. Не рисковали ли в определенном смысле и сами государь с государыней, решившись провести празднества, которые не имели почти никакого отношения к их родословной?

Но успех праздника был бесспорным, — в течение нескольких недель по всей стране царило такое веселье, которое уже не наблюдалось на протяжении нескольких поколений.

Государь с государыней совершили символическое паломничество по тем губерниям, где находилась колыбель семьи Романовых. В Москве, Владимире, Ярославле, Костроме, — в едином общенациональном порыве все забывали накопившиеся с годами огорчения и обиды, вдоль берегов Волги выстраивались целые толпы людей, которые следовали за императорской четой.

Первый из Романовых — Михаил был избран царем в шестнадцатилетнем возрасте, после периода Смуты, двух Лжедмитриеви правления Бориса Годунова. Поднимаясь по иерархической лестнице, он стал еше и Московским патриархом.

Все члены императорской семьи посетили тот монастырь, в котором скрывался от врагов Михаил Романов. По какому-то странному стечению обстоятельств, тот монастырь, в котором жил основатель династии, назывался Ипатьевским! Ипатьевским назывался и тот дом в Екатеринбурге, где одной самой черной в русской истории ночью все члены царской семьи были расстреляны, и их кровью окрасился пол в страшном подземелье.

В древнем городе Кострома, в котором, казалось, каждый дом, каждая улица сами представляли собой реликвии, связанные с основанием их династии, последним государям Романовым был

оказан восторженный прием, они были встречены таким ликованием, на что не могли рассчитывать даже в самых своих смелых ожиданиях.

Вдоль берегов Волги, по которой двигалась царская флотилия, выстроились священнослужители в своих шитых золотом и серебром ризах, украшенных драгоценными камнями, с хоругвями в руках. Над великой русской рекой плыл мелодичный колокольный звон множества церквей и затихал где-то вдали. На пристанях, украшенных цветами, зелеными гирляндами, хоругвями и знаменами, Александру с Николаем, таких счастливых, несмотря на все испытания, таких еще молодых и влюбленных шумно встречала громадная толпа, что камердинерами и придворным приходилось успокаивать ее, и просить людей не так громко хлопать, так как из-за их оваций ничего не было слышно.

В тех местах, где пароход подходил к самому берегу, начиналась такая давка, такая толчея, чтобы первыми увидеть царя с царицей и опуститься передними на колени, что пришлось особой службе наводить порядок. Старики ˆкрестьяне, которых посылала на встречу с государем каждая деревня, тут же начинали произносить свои речи. И во всех них слышались те же слова:

— Царь ты наш дорогой, батюшка! Да будет славным царствие твое. Мы все тебя так любим. Ты — наша надежа, царь! Мы тебе все желаем долгих лет жизни...

Другие паломники, пришедшие в оцепенение из-за переживаемых глубоких чувств, тоже хотели произнести несколько слов, но так как у них ничего не получалось, они лишь подносили руки к губам и посылали императорской чете воздушные поцелуи, а маленькие детки у них на руках, бросали им цветочки...

Люди хотели подойти поближе к царскому пароходу, дотронуться до него, и многие крестьяне стояли по грудь в воде, чтобы перехватить взгляд государя или государыни. А те, кто помоложе, подплывали к пароходу и барахтались в воде, словно дельфины, выражая свою громадную радость.

Эта бьюшая через край народная радость вселяла в Александру большую уверенность. Однажды она даже не выдержала, расплакалась. Царь бросился к ней, подумав, что ей плохо. Она взяла себя в руки. Она прошептала чуть слышно:

— Ники, вот наша настоящая семья. Вот наши истинные друзья. Не забывай об этом. И только у одного человека достало мужество это сказать, — у отца Распутина...

Николай нахмурился. Только, чтобы удовлетворить Род-

зянко, утишить гнев матери и всех членов семьи, он распорядился удалить от двора Распутина, но сейчас он все равно думал о нем, о том, что говорила ему жена.

Празднование трехсотлетия дома Романовых достигло апогея через несколько дней в Москве. В солнечный июньский день Николай въехал на коне в Москву. На Красной площади он спешился. Вслед за группой священнослужителей, громко распевавших псалмы, он под вопли толпы — виват! — перешел через Красную площадь и вошел в Кремль. Это был настоящий триумф, который утешал их, заставлял забыть о черных днях и о раздорах, разрывающих их семью.

После возвращения в Санкт-Петербург в самый разгар лета праздник продолжался, — давались роскошные балы, что противоречило россказням некоторых придворных, среди которых была и Екатерина Радзивилл, о том, что императрица якобы лишала весь свой двор, свое окружение, своих дочерей радостей светской жизни и заставляла всех их вести такое жалкое существование, которое никак не соответствовало их высокому положению!

Санкт-петербургская знать, которой всегда так нравилось блистать, закатила для Их величеств такие великолепные, незабываемые торжества, такие потрясающие балы, которых никогда не забыть, тем более что это были последние беззаботные, веселые императорские балы в России.

На таких балах для точного описания праздничных нарядов, блестящих военных мундиров и драгоценностей, украшавших всех дам, потребовалось бы искусство волшебницы-феи из сказки, — везде стояли громадные букеты цветов, переливался звонкий хрусталь, а шампанское текло рекой. На одном из них состоялся дебют Ирины Александровны, племянницы императора и любимой внучки вдовствующей императрицы Марии Федоровны, первый ее выход в свет.

Великая княгиня Ирина, — с которой я имел честь познакомиться во время ее ссылки в Париже, часто приглашала меня за свой стол, — тогда она была еще молодой девушкой. Ее неповторимая легкая походка, которую она сохраняла до конца жизни, всегда вызывала восхищенные взгляды всех, кто оказывался рядом.

Она видела, как к ней подошел самый красивый молодой князь той поры, Феликс Юсупов, сын княгини Зинаиды Юсуповой, который, после того как его старший брат погиб на дуэли, стал единственным наследником самого большого состояния в империи.

Их помолвка была короткой, уже в феврале 1914 года они

сочетались браком в церкви вдовствующей императрицы в Аничковом дворце, и в тот же вечер, став мужем и женой, они уехали в свадебное путешествие в Египет...

На том же балу произошло одно печальное событие. Великая княгиня Татьяна выпила стакан оранжада, который, как потом выяснилось был приготовлен на сырой воде. Вода в то время в Санкт-Петербурге была такой нечистой, что перед употреблением обязательно требовалось ее кипятить.

Несчастная Татьяна заболела брюшным тифом, и их преданный семейный доктор Боткин проводил у изголовья больной долгие часы в самый критический период протекания болезни.

Довольные поразительным успехом торжеств по случаю трехсотлетия дома Романовых, убежденные в том, что русский народ, несмотря на пессимистические предостережения со стороны некоторых их близких, их любил и сплачивался вокруг них, Николай с Александрой завершали

1913 год в умиротворенной атмосфере, вознося хвалу Господу, который несомненно, оберегал их взаимную любовь...

Несмотря на неторопливую, но активную работу по расколу, которой занимались некоторые революционные течения из-за границы, чтобы покончить с определенным, намечавшимся улучшением жизни народа, — чем особо отличались промышленные круги Германии, — русский народ все же сохранял спокойствие. Он продолжал трудиться, не помышляя о бунтах против государя. Но правящий класс все недовольно ворчал, фрондистски настроенное дворянство старалось держаться от всего подальше, а писатели, журналисты, адвокаты, университетские профессора, в общем, вся эта интеллигенция, подталкивала страну к анархии. Русский народ не знает чувства меры, особенно в политике. Он — не монархист по убеждениям, он — анархист. Середины не дано. Ленин учуял нужный момент, чтобы собрать воедино все разрушительные силы в обществе, чтобы поставить их на службу самому великому своему фарсу под маской свободы!

Тем не менее в начале 1914 года Санкт-Петербург жил в относительном спокойствии, без всяких потрясений. Все знали, что знаменитый русский магнат Савва Морозов отправлял Ленину банковские чеки, поддерживал призывы к выступлениям в солдатских казармах и на фабриках.

Класс буржуазии, левая интеллигенция считали теперь хорошим тоном всячески поощрять подрыв основ порядка; и теперь не только молодые люди симпатизировали различным темным элементам, призывавшим к измене, но и пожилые,

устроенные в жизни люди полагали, что обладают «чувством будущего*, когда дискредитируют все то, что делали царь с царицей для блага народа.

Г од начался с неожиданно появившегося указа царя о введении в стране «сухого закона». Одновременно с этим Николай в довольно грубой манере освободил от обязанностей председателя Совета министров Коковцова. Он, в качестве утешения, получил титул графа, и был заменен на своем посту Иваном Логгиновичем Горемыкиным, довольно пожилым, печального вида человеком.

Правительство до сих пор получало большую часть своих доходов от монополии на продажу водки, и революционеры громко обвиняли министров в том, что они в результате обогащаются за счет разорения народа. Однако нужно подчеркнуть, что Николай II сделал для свое го народа гораздо больше, чем его предшественники. В силу своей мягкости, чувства справедливости, царь решил принять «сухой закон». И тут же этим воспользовалась оппозиция, — все начали истошно кричать, что «сухой закон», — это тиран- ский закон, который ограничивает свободу народа.

В то же время начинало поднимать голову организованное движение мятежников, которое подтверждало худшие опасения. Бастующие рабочие не знали, что им требовать, и не могли точно сформулировать свои претензии.

Когда кое-кого из них задерживали, то никто из них толком не мог объяснить властям, по какому поводу те бунтуют, и многие из них — то ли по доброй воле, то ли по принуждению, — признавались, что им за их выступления платила какая-то таинственная организация, которая требовала за свои деньги, чтобы они бросали работу и создавали повсюду беспорядки.

В Санкт-Петербурге за все время правления Николая еще не было достигнуто столь блестящих успехов. Все городские улицы были ярко освещены, набережные Невы отражали ослепительный свет громадных люстр в таких роскошных дворцах, которых прежде еще не видели. Магазины ломились от самых разнообразных продуктов, в особых местах торговали дорогими деликатесами, в ювелирных лавках толпились клиенты (ювелирный дом Фаберже стал главным центром притяжения всех изысканных дам империи). Чуть ли не каждый день появлялись самые невероятные, порой противоречивые сенсационные сообщения о жизни двора и высшего общества. Такие скандалы весьма прельщали всех праздношатающихся, которые, выходя от парикмахера или сапожника, минуя книжную лавку, чайный Салон или магазин мод какой-то почтенной француженки,

повторяли все сплетни, добавляя в каждую какие- то пикантные детали, возникшие у них в воображении или просто выдуманные.

Разве самым громким не стал скандал с Нижинским, о котором судачили, роняя фиалки, до хрипоты все дамы?

После представления балета «Жизель» театр Его императорского величества запретил танцору выходить на сцену. По какой же причине? Дело в том, что Нижинский вышел танцевать в очень плотно облегающем и очень коротком трико и из него выпирало то, что обычно мужчина должен скрывать. Какая наглость! Какое бесстыдство! Княгини с Украины, прибалтийские баронессы, жены послов открыто высмеивали артиста. Вдовствующая императрица, как говорили, бросив несколько негодующих, уничтожающих взглядов на сцену из своей императорской ложи, встала и покинула театр. Нескольких молодых девушек, которые только что осуществили свой первый визит в высшее общество, возмущенные такой непристойностью матери в панике тащили за руку к выходу. Нижинского уволили.

Но в основном повсюду царило веселое настроение из-за недавно состоявшихся торжеств, посвященных трехсотлетию дома Романовых, и оно давало о себе знать во всем юроде. Все только и говорили о балах, на которых часто присутствовали великие княжны, дочери Николая 11, которые беззаботно там развлекались на радость всем петербуржцам.

В Аничковом дворце Мария Федоровна давала великолепный бал в честь своих внучек. Этот бал посетила и Александра Федоровна, но она пробыла на нем только до полуночи. Царь, сопровождавший дочерей, оставался до половины пятого.

В поезде по дороге в Царское Село он пил горячий чай и слушал, как его девочки восторженно обменивались своими впечатлениями...

Тем временем великая княгиня Ольга, красивая, застенчивая девушка, достигла своего восемнадцатилетия, и теперь в царской семье стали подумывать, — не выдать ли ее замуж, правда, не оказывая в этом на нее никакого нажима. В качестве возможного претендента на ее руку называли принца Уэльского. Хотя императрица очень желала такого брачного союза, но дело дальше разговоров так и не пошло. Принц оставался холостым до 1936 года, и на двадцатый год русской революции он, будучи королем, отказался от трона только ради того, чтобы жениться на миссис Уоллис Уорфилд Симпсон. Более серьезные виды были связаны с кронпринцем Каролем, наследником румынского престола. Намечался даже полуофициальный визит императорской четы в Бухарест. Но состоялся только короткий однодневный визит в румынский порт Констанцу на Черном море.

Весь день румыны разглядывали эту русскую девушку, понимая, что она могла стать их королевой. Но сама Ольга была решительно настроена против такого брака. Она призналась воспитателю Жильяру: «Я не хочу этого. Папа обещал не принуждать меня. Я не хочу покидать Россию. Я русская и хочу остаться ею на всю жизнь...»

Великая княгиня, бесспорно, была привязана к своим сестрам, матери, которой тоже не очень нравилась такая идея — отправить свою дочь в другую страну, на чужбину, о которой она ничего толком не знала. Брачный проект таким образом провалился. Императрица не желала навязывать свою волю дочерям, если только речь не шла о благополучии русской короны.

Как теперь было приятно, как легко жить в Александровском дворце!

Весной 1914 года цесаревич почти совсем оправился от криза в Спале, произошедшего восемнадцать месяцев назад, и теперь, к радости родителей, только чуть заметно хромал. Он даже мог без особых усилий сгибать больную ногу. Каждый день Александра благодарила Пречистую Деву, опускаясь на колени перед образами в своей небольшой, узкой молельне. Она не забывала об обещании Распутина вылечить ее ребенка, и сердце ее наполнялось благодарностью к этому мужику. Однажды майским ясным утром царь, который с семьей отдыхал в своем любимом Ливадийском дворце, решил взять сына на прогулку в горах. В такой прогулке в окрестностях Ливадии должны были принимать участие только одни мужчины. Александра с дочерьми остались дома сидеть за пяльцами.

После завтрака к крыльцу подкатили два автомобиля для туристических поездок. В первый сели Алексей с отцом, его воспитатель Пьер Жильяр и еще один офицер с царской яхты «Штандарт», во второй — матрос Деревенько и один из казаков личной охраны.

Как было приятно находиться в этом лесу, пропитанном чудесным бальзамом! Целью вылазки была высокая бурая скала, которая называлась Красным пиком, с которой открывался величественный вид на долины внизу и бирюзовое море. С другого склона открывался удивительный вид на цепь высоких острых заснеженных вершин, любоваться ко- торыми было одно удовольствие.

Они подошли к площадке, на которой лежал чистый, рыхлый снег. Отец разрешил сыну поиграть со снегом. Мальчик бегал, подпрыгивал, катался по снегу, падал, поднимался, в общем резвился, словно медвежонок, вырвавшийся из клетки на волю.

Царь внимательно следил за сыном, чтобы тот не совершил какую-то оплошность. Какой чудесный денек! Николай впервые поверил, что тяжкое испытание там, в Спале, осталось позади, что его мальчик выздоровел, что он может вполне рассчитывать занять трон, когда пробьет его, Николая, час отправляться в невидимый, потусторонний мир.

Александра видела, в каком отличном настроении возвращались отец с сыном. Оба были такие спокойные, умиротворенные. Александра улыбалась. Тихо спросила царя: «Может, Господу угодно покончить с нашими испытаниями, как ты думаешь? И. теперь снова всех нас ждет впереди только радость?»

Император нежно привлек ее к себе и смотрел на нее ласково, как обычно. Эти незабываемые крымские вечера обещали им море блаженства.

Но лето 1914 года было примечательно не только этим. И политический барометр в Европе указывал на «ясно». Повсюду люди уезжали в отпуска. Слухи о близкой войне, которыми кишела весь прошлый год пресса, казалось, рассеялись после первых благодатных майских дождей.

Короли, императоры, главы государств совмещали исполнение своих обязанностей с отдыхом, они наносили визиты друг другу, совершали морские прогулки.

Званые обеды, парады, дефиле, балы, дружеские пожелания занимали главное место в программах визитов главных лиц, ответственных за европейскую политику.

Однако под этой внешне благополучной картиной все резче проглядывали внутренние противоречия. Союзники объединялись: английский король Георг V нанес визит в Париж, к кайзеру приезжал австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд, президент Франции Раймон Пуанкаре посетил в Санкт-Петербурге русского царя.

20 июня произошло событие, исполненное глубокого символизма: энергичный британский адмирал сэр Дэвид Битти, командующий первой эскадрой линейных кораблей флота Его величества, привел свою флотилию на Балтику с дружеским визитом. Тысячи русских приходили полюбоваться на английские корабли, стоящие на рейде в Кронштадте. Военно-морская мощь Великобритании производила на них должное впечатление, и многие теперь видели в лице Англии своего надежного союзника.

После того как Битти со своей эскадрой покинул русские берега, царская семья отправилась на своем «Штандарте» в ежегодный двухнедельный круиз вдоль берегов Финляндии.

Но спустя четыре дня, 28 июня, когда все наслаждались на

борту морской прогулкой, они узнали об ужасной вести, — в боснийском городе Сараево был убит австрийской эрцгерцог Франц Фердинанд!

XXII.

В 1914 году Австро-Венгерская империя со своим сорокамиллионным населением представляла собой пестрое лоскутное одеяло, сотканное из различных провинций, национальностей, разбросанных по Центральной Европе и на севере Балкан. Три пятых ее населения составляли славяне. Но империей фактически управляли не они, а два неславянских народа, — австрийцы и венгры, и славянские народы, стонавшие под двойным ярмом, — Оттоманской империи и Вены, мечтали только о реванше и о настоящей независимости.

Одной из таких беспокойных славянских областей было маленькое независимое королевство Сербия, о которой Германский император говорил, что это — не страна, а «логово бандитов». Но Сербия обладала большим влиянием на небольшие королевства, раболепно служившие австрийскому орлу, и явно представляла собой большую угрозу для Франца Иосифа, а его генеральный штаб разрабатывал планы ее уничтожения. Начальник австрийского генерального штаба фельдмаршал Конрад фон Хотцендорф во всеуслышание называл Сербию «маленькой опасной гадюкой».

Однако уничтожить свободолюбивую Сербию было не так-то просто. В 1914 году Францу Иосифу было восемьдесят четыре года. Он взошел на трон давно, в 1848 году, и все его правление было отмечено громкими трагедиями. Его брат Максимилиан, став мексиканским императором, был расстрелян повстанцами. Его единственный сын — наследный принц Рудольф — покончил жизнь самоубийством вместе со своей любовницей в охотничьем домике в Майерлин- ге. Жена Франца Иосифа — знаменитая императрица Елизавета— пала от кинжал а террориста в Женеве. Егоплемянник и наследник престола Франц Фердинанд не подчинился его воле и женился на особе не королевской крови — графине Софье Хотек. После этого брака старый император соглашался предоставить право на престолонаследие Францу Фердинанду при одном условии, что ни один из его детей от Софии не будет претендовать на престол. Ненависть между дядей и племянником не убывала. Его жена София подвергалась при австрийском дворе всевозможным унижениям, там постоянно подчеркивали, что она — низкого происхождения, и расстроенный этим эрцгерцог постоянно устраивал громкие скандалы, требуя от императорской семьи изменить свое отношение к его жене. Франц Фердинанд, памятуя о преклонном возрасте нелюбимого дядюшки, надеялся, что в будущем, после

его смерти все уладится.

Трезвый политик, он стал заигрывать со славянами и даже официально допустил их к участию в правительстве. На эрцгерцога ополчились все. Австрийские и венгерские министры вовсе не желали делить власть с третьей силой — славянами. Но, с другой стороны, славяне опасались, что участие их представителей в правительстве заставит их всех расстаться со своей мечтой о создании Великого Южнославянского королевства.

В качестве первого примирительного шага Франц Фердинанд решил нанести официальный визит в Сараево с целью укрепления дружбы. Одновременно он собирался принять участие в маневрах австрийской армии в горах Боснии. Чтобы усилить эффект своего дружеского жеста, Франц Фердинанд взял с собой жену, мать его троих детей, лишенных Францем Иосифом прав на наследство.

В этот день Франц Фердинанд был в мундире австрийского фельдмаршала, над его шляпой развевались перья плюмажа.

Его радушно встречали горожане с высоко поднятыми руками в знак приветствия, все улыбались, в витринах магазинов были выставлены портреты эрцгерцога, повсюду, со всех сторон трепетали флаги и знамена. Жаркое солнце ярко освещало этот пропитанный духом Востока город. Кортеж из шести машин медленно ехал по городским улицам. Он с Софьей находился на заднем сиденье второго открытого авто.

Когда процессия приближалась к ратуше, шофер машины эрцгерцога увидел, что кто-то из толпы бросил в них какой-то предмет. Он нажал на акселератор. Машина рванулась вперед и бомба, которая должна была взорваться на коленях Софьи, рванула под колесами следующего автомобиля. Два офицера охраны были ранены. Молодой серб, бросивший бомбу, бросился бежать через мост, но был схвачен полицией.

Когда эрцгерцог вошел в ратушу, он был бледен и сильно напуган.

— Приезжаешь к вам с визитом, — сказал он, едва сдерживая свой гнев, — а вас встречают бомбами!

Губернатор провинции язвительно спросил его: «Неужели вы считаете, что все Сараево наводнено убийцами?* Было принято решение возвращаться другой дорогой. Но шофер первого автомобиля, вероятно, забыв об этом, вновь поехал по старому маршруту. Кто-то из второго автомобиля крикнул ему:

— Дурак! Не туда...

Шофер, спохватившись, резко затормозил. Машина остановилась в пяти метрах от глазеющей толпы. В эту минуту какой-то молодой, стройный человек, лет восемнадцати, вытащив

из кармана пистолет, произвел два выстрела по супружеской паре. София пыталась закрыть собой мужа. Франц Фердинанд продолжал сидеть прямо. Никто в суматохе и не заметил, что он тоже ранен. Вдруг его безжизненное тело стало сползать с сиденья, кровь из раны в горле хлынула на его зеленый мундир. Через пятнадцать минут в зале, где официанты готовили охлажденное шампанское для приема, эрцгерцог скончался. Итак, преступление было совершено. Убийцей оказался девятнадцатилетний Гаврило Принцип — босниец сербского происхождения. Таким образом, австрийское правительство получало отличный предлог, чтобы «раздавить эту маленькую гадюку» — Сербию, и, начиная с этой минуты, судьба всей Европы кардинальным образом менялась.

* * *

В это время к царской семье вновь вернулись прежние тревоги. Когда члены семьи поднимались в Петергофе по трапу на яхту «Штандарт», чтобы отправиться в ежегодный круиз вдоль берегов Балтийского моря, Алексей вдруг оступился и подвернул лодыжку. Нога стала болеть, и к вечеру боли стали невыносимыми. На следующий день, утром, яхта бросила якорь в одном из финских фиордов. Ребенок сильно страдал. Кровотечение продолжалось всю ночь, сустав распух, утратил подвижность. Доктор Боткин не отходил от больного. Он все время ободрял императрицу, которая была бледной как полотно. Мол, не все так уж серьезно,

Ни министры, ни сам император не допускали и мысли, что подлое убийство в Сараево может привести к войне. Он решил в столицу не возвращаться, атак как состояние цесаревича немного улучшилось, было принято решение продолжать круиз.

Через день после смерти эрцгерцога на «Штандарт» пришла еше одна важная новость, всполошившая всю семью: произошло новое покушение. На сей раз речь шла о Распутине. Такая новость быстро облетела яхту, но все говорили об этом только шепотом. Все теперь надеялись, что со «старцем» покончено, хотя никто не осмеливался говорить об этом открыто. Императрица не скрывала своего тревожного состояния. Она постоянно молилась и ежедневно посылала телеграммы в Покровское. Вскоре она узнала всю правду. Распутин от раны не умер. Его перевезли в больницу в Тюмень, состояние его было довольно серьезным, но врачи считали, что им удастся спасти ему жизнь.

— Что же произошло?

Когда Распутин 27 июня возвращался в свою деревню, за ним

незаметно следовала по пятам одна женщина, блаженная, — ее звали Хиония Гусева, и, как выяснилось позже, ее подослал монах Илиодор. Эта склонная к истерическим припадкам женщина долго следила за «старцем», в его деревне. Когда Распутин шел на почту, чтобы отправить телеграмму императрице, она подошла к нему на углу одной улицы и протянула руку за подаянием. Когда Распутин остановился и стал шарить в карманах, чтобы дать ей несколько монеток, она вонзила ему в живот нож и тут же принялась истерично орать: «Наконец, я убила Антихриста...»

Какое, однако, странное совпадение, — два дня, два покушения и оба они будут иметь серьезные трагические последствия. Распутин был тяжело ранен. Ему удалось каким- то чудом избежать смерти. Две недели врачи не могли поручиться, что он выживет. Ему пришлось провести на больничной койке почти все лето.

Он тогда еще не знал, какие ужасные грозовые события заволакивали небо над Россией. Его отсутствие в императорском окружении в это время помешало ему сыграть свою спасительную роль не только во имя царя, но и во имя всей Европы.

Самую большую ответственность за трагедию 1914 года нес, несомненно, кайзер Вильгельм Н. Разумеется, его союз с Австрией требовал от него выполнения определенных взятых на себя обязательств. А драма в Сараево стала лишь удобным предлогом для возобновления всех жалоб со стороны Франца Иосифа в отношении сербского народа.

Этот престарелый деспот, который всегда мечтал о громких триумфах Габсбургов и о господстве над всем Балканским полуостровом, без малейших колебаний, решил воспользоваться договором с Германией и составить такой наглый, такой оскорбительный ультиматум, который она не могла бы отвергнуть.

Такой ультиматум и был составлен в Вене* Его канцлер и министр иностранных дел граф Бертольд зачитал его на заседании Совета министров, и все его коллеги шумно одобрили этот провокационный документ.

— Нам не нужен никакой дипломатический успех, нам нужно как можно больнее унизить сербский народ, и толь- ко крупная боевая операция поможет нам покончить с этой неразрешимой проблемой.

Берлин в равной степени был такого же мнения. Но Вильгельм лицемерно заявил, что Сербия не склонит головы даже перед таким ультиматумом, и война в таком случае неизбежна. Он советовал Францу Иосифу действовать быстро, стремительно. Нельзя допускать в этот конфликт другие страны. Нужно

поскорее поставить весь мир перед свершившимся фактом.

Оба императора от души радовались ловушке, которую они расставили. Но 25 июля все их макиавельские замыслы были развеяны ответом Сербии, прозвучавшим как гром среди ясного неба. Этот храбрый народ не был готов к вооруженной борьбе. Сербы, стараясь избежать военного столкновения, принимали все условия ультиматума, причем с такой покорностью, что в Вене просто опешили. Сербия даже шла на такие уступки, которые могли задеть их национальное достоинство. Белград предлагал уладить все спорные вопросы мирным путем, после чего дожидаться вердикта, вынесенного Международным судом в Гааге...

Теперь во все канцелярии руководителей европейских государств и днем, и ночью, непрерывно поступали новости, которые порой противоречили друг другу.

«Мир сохранен», — утверждали в Лондоне. В Париже придерживались точно такого мнения. Санкт-Петербург, где желали только мирного разрешения конфликта, терпеливо ожидали окончательного решения. Наконец, 28 июля Бертольд со своими коллегами его приняли. Австрия отвергла капитуляцию Сербии и собиралась объявить ей войну.

Вильгельм и не собирался призывать Вену к благоразумию. 27 июля его посол в Париже барон фон Шен телеграфировал: «По мнению французов, если Германия и Франция предпримут совместные действия, — одна в Вене, а другая — в Санкт-Петербурге, — то можно будет найти разумное решение, которое обеспечит нам мир».

Но Вильгельм на это жестко ответил: «Пусть действуют только в Санкт-Петербурге».

Не стоит считать, что германский генеральный штаб слепо выполнял все указания Вильгельма. Барон Хольштейн, эта самая одиозная фигура, отлично охарактеризовал императора в одной сжатой фразе: «У императора лежит сердце к театру, а не к политике».

Австрия отвергла капитуляцию Сербии и объявила ей войну. 29 июля, в 5 часов утра, австро-венгерская артиллерия начала обстрел столицы Сербии Белграда, находящегося на противоположном берегу Дуная.

В ту же ночь, с 28 на 29 июля, Вильгельм с Николаем обменяли сь телеграммами.

На обвинения в адрес Сербии царь отвечал так: «Преступная война объявлена слабой стране. Возмущение в России, полностью разделяемое мною, огромно. Я предвижу, что очень скоро буду вынужден под давлением, оказываемым на меня, принять

крайние меры, ведущие к войне. Вильгельм, умоляю тебя, во имя нашей старой дружбы сделать все, что в твоих силах, и остановить своих союзников, чтобы они не зашли слишком далеко».

А Вильгельм все пытался усыпить бдительность Николая. Через донесения своих многочисленных шпиков, разбросанных по всей России, своих дипломатических агентов во главе с престарелым германским послом графом Пуртале- сом в Санкт-Петербурге, он знал, что русская империя сейчас к войне не готова, что в доме Романовых образовалось множество трещин, и его противникам нужно лишь немного везения, чтобы увидеть, как он рухнет, и, таким образом, опасный для Германии сосед не сможет оказывать помощь Франции, которую нужно было захватить, — давно такое время пришло...

29 июля германский военный атташе Вильгельма генерал Келиус сообщил ему о своей беседе с князем Юрием Трубецким, генерал-адъютантом царя:

«Царь войны не хочет. Он выражает надежду, что Ваше величество посоветует Австрии не сильно давить на пружину, признать добрую волю Сербии и предоставить рассмотрение этой сербской проблемы другим европейским державам или Международному суду в Гааге.

Но уже 30 июля всем европейским странам стало ясно, что обе немецкие империи решительно отказывались от любого урегулирования. Ими были отвергнуты все предложения о посредничестве от Парижа, Лондона и Санкт-Петербурга, Русский генеральный штаб располагал всеми доказательствами, чтобы опасаться того, что под предлогом войны с Сербией, Австрия тайком готовила всеобщую мобилизацию в стране. К тому же бомбардировки Белграда вызывали такую гигантскую волну гнева русского народа, с которой никак нельзя было не считаться.

Разбушевались страсти православного панславизма, — ими были охвачены Москва, Киев, Казань, Санкт-Петер- бург, Новгород, Одесса. При таком всенародном возмущении Николай старался сохранять спокойствие. Он думал, что хорошо знает своего немецкого кузена. Ведь еще несколько дней назад, во время официального визита в Санкт-Петербург президента Французской Республики Раймона Пуанкаре, он его успокаивал:

— Поверьте мне, я слишком хорошо знаю Вильгельма. Он — типичный немецкий фанфарон. Во всех его поступках полно шарлатанства... Он никогда не осмелится напасть на коалицию Франции с Россией, к которой в скором времени присоединится и Англия..,

Всеми своими силами, всей щедростью своего сердца,

благородством души, Николай стремился избежать войны, несмотря на мнение незрелых умов из его окружения, что она, эта война, никакой смертельной опасности не представляет, и вопреки им эта опасность очень и очень скоро возникла.

Теперь, когда России приходилось решать такую сложную дилемму, Александра не могла сомкнуть глаз ни днем, ни ночью.

С одной стороны, преступления, совершаемые австрийцами в Сербии, которую безжалостно уничтожал вероломный сосед, заставляли Россию оказать ей помощь, а с другой, великий союз, заключенный Александром III с Францией, который ее муж безоговорочно поддерживал, стремясь к еще более тесному сотрудничеству с этой страной, в то же время предусматривал вмешательство русской армии, в случае если немецкие солдаты вступят на территорию Франции.

Александра по-прежнему часами молилась перед образами, умоляла Пресвятую Деву подтолкнуть своим советом императора к верному решению.

Сколько раз ее обвиняли во вмешательстве в политику. В это время она старалась держаться от нее подальше, а позже, когда разыгрывалась драма, ее принудили к взятию на себя такой высокой ответственности против ее собственной воли события, которые от нее совсем не зависели. Если царь примет на себя обязанности верховного главнокомандующего, то ему придется уехать далеко от столицы, и она фактически становилась регентшей в империи и была морально готова к такой роли.

* * *

Знаменитый австрийский ультиматум, предъявленный Сербии, поднес фитиль к бочке с порохом. Все страны Европы были обеспокоены таким недружелюбным жестом, — стареющий император Франц Иосиф никогда бы его не сделал, не осмелился, если бы его к этому лицемерно не подталкивал кайзер в Берлине.

Министры, собравшиеся в тот день в рабочем кабинете царя, понимали, что этот ультиматум, конечно, задевает и Россию.

Великий князь, генеральный инспектор армии, Николай Николаевич и министр иностранных дел С. Сазонов выражали свое возмущение и оба высказывали свое глубокое убеждение: Россия не должна, не имеет права, молча наблюдать за унижением, которому подвергается маленькая Сербия. Нужно выполнять взятые на себя обязательства по оказанию ей помощи, тем более что германская экспансия в этой славянской стране представляла собой и тысячу других опасностей. Войска Николая подтягивались к австрийской границе. Германии только того и

было нужно, хотя это и не было никакой военной провокацией, а лишь мерой предосторожности, направленной против Австрии, чтобы немедленно прийти на помощь союзнику, если против него будет совершено нападение.

Царь писал матери: «Если на нас не нападут, мы не станем ввязываться в драку. Совершенно ясно, что Россия пока не готова к войне».

Наладменный Вильгельм захлопывал все двери дипломатии. Коварный германский император ночью 30 июля прислал царю такую телеграмму: «Только ты можешь спасти мир в Европе, если остановишь свои военные приготовления».

В полдень, 1 августа Германия объявила о всеобщей мобилизации. Николай направил в Берлин свою последнюю депешу:

«Я понимаю, что ты вынужден провести мобилизацию, но мне хотелось бы получить от тебя гарантии, какие я дал сам, что эти меры не означают войны и что мы будет продолжать вести переговоры о сохранении мира, стольдорогого для наших с тобой сердец. С Божьей помощью наша долгая и испытанная дружба способна предотвратить кро- вопролитие. С надеждой жду твоего ответа. Ники».

Но в пять часов пополудни германский посол граф Пур- талес вручил Сазонову ноту об объявлении войны.

Все, жребий брошен!

Императрица с самого начала возникшего кризиса убеждала мужа в вероломстве и коварстве Вильгельма. Она слишком хорошо его знала, презирала его, и все те плохо информированные люди, которые говорили о ее «прогерманских симпатиях» жестоко ошибались.

В то время, когда уже были начаты боевые действия, а германский посол находился на пути в Берлин, Николай получил еще одну телеграмму от Вильгельма: «Прикажи своим войскам ни при каких обстоятельствах не нарушить наших границ и тогда сможешь сохранить мир. Вилли».

И эта телеграмма была получена спустя шесть часов после начала боевых действий. Поздно ночью Александра с Николаем в его кабинете возмущались действиями кузена.

Императрица спросила:

— Ты, конечно, не будешь отвечать на такое предательство, Ники?

— Конечно, нет!

— Он был всегда нам врагом. Твое благородство всегда выводило его из себя. Ведь не ты вверг всю Европу в это безумие, это его рук дело!

2 августа 1914 года в Зимнем дворце царь официально объявил о начале войны с Германией.

В этот яркий солнечный летний день толпа заполнила громадную Дворцовую площадь. Эта весть, как это ни странно, сняла груз со многих. Все были взволнованны, распевали церковные гимны, издавали радостные вопли, — словно всех охватил непреодолимый приступ патриотизма, который вполне мог ликвидировать глубокий раскол в стране. На берегу Невы, куда должен был прибыть царь из Петергофа, толпилась публика. Вся река была запружена парусными яхтами, лодками, катерами, рыбацкими шхунами. Повсюду развевающиеся знамена, трепещущие ленты в руках...

Когда император с императрицей вступили на набережную у Дворцового моста, они были оглушены мощными криками: «Батюшка! Батюшка-царь, веди нас к победе!»

Рядом с Николаем, одетым в мундир, пехотного полковника стояла Александра в длинном белом платье до пят и слушала восторженные крики толпы. Она подняла повыше поля широкой шляпы, чтобы все могли видеть ее лицо. Следом за родителями шли четыре великие княгини, они чувствовали себя стесненно, но все равно мило улыбались. Не было только цесаревича, у него еще болела нога, и он остался, плача от досады, в Петергофе.

Еще никогда энтузиазм народа, сплотившегося вокруг своего императора в час общенациональной опасности, не был таким бескрайним, искренним, переливающимся через край; он исторгал слезы у всех тех, кто словно очарованные, наблюдали за этим могучим, единым порывом любви к своей родине, к своему монарху. Казалось, что время раздоров, неуступчивых политических требований профсоюзов, глухой вражды оппозиции отступает, уступая место гармоничному могуществу народа, который выражает свое полное доверие, более того, глубокую любовь тому, кто поведет их к победе. Тысячи людей, мужчин и женщин, подхватывали священный гимн старой России «Боже, царя храни!», и возбужденная толпа расходилась перед этой скромной супружеской четой, — он в форме цвета хаки, она в белом платье, как простая офицерская жена.

Волна патриотизма охватывала все на своем пути, — солдатские казармы, университетские аудитории, фабрики, заводы, морское доки, заставляла изменить всех свое обычное поведение. Рабочие сменили красные революционные знамена на иконы и портреты царя. Студенты добровольно записывались в армию. На городских улицах восторженно приветствовали армейских офицеров. В деревнях на тускло освещенные улицы по вечерам высыпали жители всех возрастов, крестьяне увлеченно

повторяли громкие слова, которые могли волновать только сердце славянина: «За веру, за царя, за Отечество, за Бога...»

В мгновение ока разбушевавшаяся толпа захватила германское посольство в Санкт-Петербурге. Ворвавшись в здание, возмущенные люди били окна, ломали дорогую мебель, рвали гобелены и картины, выбрасывали на улицу фарфоровую и стеклянную посуду, хрустальные вазы, рушили собрание мраморных и бронзовых скульптур эпохи Ренессанса. Накинув веревочные петли на бронзовых коней, увенчивающих портик здания, эту гордость Вильгельма II, сотни рук принялись тянуть за веревки и сбросили их на мостовую с громадным грохотом, перекрывавшим восторженные вопли негодования и удовлетворения.Теперь царю предстояло ехать в Москву. По древнему обычаю, всегда перед началом войны в Московском Кремле проходил молебен, религиозная служба благословения русской армии. К 17 августа, когда Николай с семьей, прибыл в Москву, весь город кипел еще большим, чем Петербург, энтузиазмом.

Александра, словно лунатик, следовала повсюду за мужем, принимала участие во всех шествиях, всех важных мероприятиях, требуемых короной. Этот бесконечный праздник уже начинал ее беспокоить. Ее материнское сердце, которое всегда чувствовало опасность, угрожавшую ее детям, болело, но она мужественно скрывала все свои страдания. Как могли все эти молодые безумцы выражать такой запредельный энтузиазм перед океаном ненависти, который приводил к преступлениям, кровопролитию, убийствам, продолжительному трауру?

Такой замешанный на трагедии лиризм действовал на нервы императрице. Николай, куда больший, чем она, фаталист, куда больший, чем, она славянин, демонстрировал свое умение приспосабливаться к действительности с помощью только одного слова — ничего! Это «ничего» было словно поговорка для русского человека* «Ничего» — вот он возглас фаталиста, вызывающий паралич мысли, которая заставляет человека не предпринимать никаких усилий, так как глубокая внутренняя вера в совершенство всего божественного убеждало его, что все идет к лучшему при любых, даже самых печальных обстоятельствах.

Человек мужественный, что отличало его от многих государей, которым приходилось решить приблизительно такие же проблемы, Николай чувствовал, как в нем самом и вокруг него укрепляется дух борьбы, дух, который вселяет уверенность в его армию.

Он захотел лично возглавить высшее военное командование

своей страны!

Все министры заклинали этого не делать. Они убеждали, что его нахождение во дворце или поблизости от столицы было гарантией успешного функционирования правительства; он не должен компрометировать себя, ронять свой престиж при проведении военных операций, нести ответственность за их успешный исход; не его это, государево, дело.

Чтобы уступить таким уговорам, он передал все полномочия главнокомандующего своему дяде, великому князю Николаю Николаевичу.

Многие биографы задавались абсолютно беззлобным вопросом, — был ли способен Николай II на настоящую дружбу, так как у окружавших его складывалось впечатление о его одиночестве, одиночестве постоянном, непреодолимом...

В таком наблюдении есть доля истины. Николай был по характеру мистиком. Он к тому же был однолюбом, — любил жену, детей, семейный очаг. Его призвание шло от Бога, и только перед ним, Богом, да перед своей совестью он держал ответ о всех своих действиях.

Не только его душевная щедрость, скорее его гуманизм, которых в нем так и не обнаружили те, кто писал о нем, заставляли его издавать указы о помиловании осужденных на смертную казнь, благодарить за работу своих министров, своих визитеров, этих отважных людей, но существовала граница, граница сокровенной нежности, через которую не мог переступить ни один человек. Как говорится в одной старинной народной песне:

«Истинное русское сердце
Любит лишь раз...»

Именно это беспокоило окружение монарха, членов его семьи, и всех тех, кто по своей занимаемой должности был обязан ежедневно общаться с ним.

Он смертельно устал, ему было сейчас не до веселья, светлые надежды покидали его, но испытываемый им страх, душевная тревога, не завладели им еще так сильно, как другими, и это было заметно по его плавным жестам, по его спокойным ответам.

Служить Богу, посвятить себя целиком России, — вот его первостепенные духовные цели, и еще наслаждаться самой утонченной, самой глубокой любовью в объятиях своей жены, а счастье его и желание все в этой жизни вынести усиливалось с каждым днем возраставшей к нему нежностью со стороны любимых дочерей и любимого сына.

Энтузиазм русского народа, похожий на исступление, с каждым днем возрастал, переливался через край, все хотели

немедленно идти драться с немцами, и такие настроения все больше охватывали толпу, когда перед ней на балконе Зимнего появлялась императорская чета, которая обращалась к ней с горячими призывами, и приходилось долго ждать, покуда не утихнут громогласные «ура!» и хорошо известный рефрен «Боже, царя храни!».

Россия уже прощалась с первыми своими полками, уходившими на фронт. Расставания были эмоциональными, но без тени отчаяния. Национальное единство народа крепло с каждым днем. Теперь в кафе, ресторанах, общественных местах не было слышно привычных разглагольствований студентов и тех, кто был постарше.

Прекратилась скрытая вредная пропаганда, мешавшая славянам действовать так, как они хотели. На вокзалах солдаты набивались в товарные вагоны и в «телятники», которые повезут их на фронт.

В каждой тесно прижавшейся локтями группе священник благословлял воинов. Все были в новенькой полевой форме. Среди них так много пылких, очень молодых, красивых людей.

Никогда еще не было такого единства между царем и народом. Рабочие пели, плакали, молились, эти грязные, грубые люди, самая революционно настроенная часть населения России на глазах превращалась в элитарную группу истинных патриотов, которые были готовы искренне положить свою жизнь за царя!

Сколько же из них вернутся, сколько останутся лежать на полях сражений?

В этой связи можно вспомнить Алексея Толстого, который писал в одном из своих произведений, — «русский народ любил ползать на брюхе перед кем угодно, — будь то царь, Ленин или Керенский...»Это не совсем верно. Спросите сегодня толпы людей, покончивших с советским игом, — хотят ли они вновь установления прежнего режима?

Но в то время, летом 1914 года, вся Россия, — стар и млад, — в едином патриотическом порыве выражали свое желание, свою исступленную готовность служить Отечеству.

Первые дни этой гигантской войны оправдывали наилучшие надежды, и люди в городах, и селах, и деревнях, затаив дыхание, ожидали хороших вестей с фронтов.

Генерал фон Раннекампф (несмотря на немецкую фамилию, он был русским) вступил со своей армией в Восточную Пруссию и там с ходу овладел несколькими немецкими укреплениями. Он успешно продвигался дальше на Кенигсберг.

Злобная ненависть против немцев клокотала в груди каждого русского. Лидеры революционеров, о которых было столько

разговоров на различных собраниях, в светских салонах, и даже в армии, в составе делегации приехали к великому князю Николаю Николаевичу, только что назначенному верховным главнокомандующим, и торжественно по- клялисьему, что до тех пор, покуда не будет одержана победа над Германией, в империи не произойдет ни одного революционного выступ л ения!

Какие красивые, возвышенные слова, исходящие, несомненно, из глубины сердца этих русских патриотов-идеали- стов, которые, однако, не понимали, что секретным оружием врага, немцев, были не их вызывающие ужас снаряды, не грозные дальнобойные орудия, и даже не смертоносный газ, который они могли применить, а коварные широкомасштабные политические маневры, тоже несущие смерть, — пропаганда раскола любыми средствами, включая шпионаж, измену, поддержку коммунистов, живущих за границей, в ссылке. Жена немецкого посла, графиня Пурталес, отличавшаяся своим беззлобным безрассудством, проговорилась, когда прощалась со своими санкт-петербургскими друзьями, отправляясь с мужем на родину. Она переходила от одного к другому и со слезами на глазах, едва сдерживая рыда- имя, умоляла всех членов аристократических семей как можно скорее покинуть Россию, Она была уверена, что очень скоро Россия изведает предсмертную агонию из-за ужасной революции, А подпольная деятельность немцев, направленная против России, продолжалась; ее цель была всем хорошо известна: любой ценой добиваться этого безумия, — уничтожения царского режима, вызывать любые беспорядки, братскую междоусобицу, чтобы уже больше ничего не опасаться!

Как же министры Николая II могли полагать, что они ведут войну с благородным противником?

В Москве патриотический порыв населения не был на- стольно велик. Если петербургская молодежь, даже дворяне со своим рыцарским духом отправлялись на передовую, то молодые московские коммерсанты предпочитали отсидеться или платить большие деньги различным высокопоставленным мошенникам, которые могли, используя свое влияние, направить их в медицинские части Красного Креста!

Императрица Александра, не теряя даром времени, организовывала лазареты, комитеты оказания помощи нуждающимся семьям. Она отказалась от всех светских развлечений, и ее близкие часто упрекали ее за то, что она нигде не показывается.

Ее рабочий дет начиналсяс утренней службы в ее семейной церкви. В монашеском облачении сестер милосердия императрица подолгу работала вместе с двумя своими старшими

дочерями, Ольгой и Татьяной, выполняя обязанности обычной медицинской сестры с таким же проворством и с той же скромностью.

Патриотический порыв, который охватил всю страну в начале войны, выдохся через несколько месяцев. Почему же успешное поначалу наступление фон Реннекампфа обернулось катастрофой?

В каждом русском доме, сельском очаге все люди с нетерпением ожидали добрых вестей, но их не поступало, и вскоре стало известно, что Германия захватила ту часть Польши, которая принадлежала России.

Начались самые ожесточенные, самые кровавые схватки. Но каждого убитого врагом русского солдата тут же на месте заменяли двое совсем еще юных бойцов, которые горели желанием послужить интересам русского императорского орла.

Незадолго до нового, 1915 года Распутин вновь приехал из своей деревни в Санкт-Петербург.

Из-за раны в животе он был вынужден отказаться от бурной ночной жизни, от похотливого разврата, который так смаковали все его хулители в подробнейших деталях. Он вернулся, и его первый визит к императрице был довольно многозначительным. С мрачным, вопрошающим видом он сказал:

— Матушка! Взгляни, какое черное небо над головой. И это не из-за декабрьского снега, окутавшего своим непроницаемым белым одеялом весь город. А потому, что мы с батюшкой не подчинились воле Господней...

Александра, застыв словно статуя, выдержала проницательный взгляд «старца»,

— Отец Григорий... Как же мы могли действовать иначе? Ты был далеко от нас, к счастью для тебя, от всех мук власти. Нужно было выполнять заключенные договора, поддерживать престиж короны, России...

— России, — эхом отозвался Григорий. — Россия никогда не нуждалась в войне, чтобы утвердить свое могущество...

Он все больше распалялся. Теребил узловатыми пальцами свою патлатую бороду:

— Если бы не эта собака Гусева, ткнувшая меня ножом в живот, в нужный момент я был бы здесь, и я бы вырвал из рук государя то проклятое перо, которым он подписывал указ о всеобщей мобилизации...

— Отец Григорий, не богохульствуй. Мой замечательный муж, мой горячо любимый Ники, лишь выражал желание всего народа, он сдержал слово, данное союзникам...

Распутин замолчал. Александра вся покраснела от волнения.

Нет, она не плакала. Она доверяла Григорию, абсолютно доверяла, ведь это он спас ее ребенка от смерти, — но ей не хотелось демонстрировать перед старцем свою растерянность. Нужно было взять себя в руки.

— Отец Григорий, лучше помолись за успехи нашей армии на фронте... Война идет... Нужно ее выигрывать...

Григорий взорвался негодованием:

— Когда люди надругаются над любовью Божией, начинают убивать друг дружку, то не может быть ни победы, ни прошения. Война, матушка, самое тяжкое из всех преступлений. Богу угодно сократить покаяние, которого все вы заслуживаете, но для этого нужно как можно скорее покончить с кровавой бойней, которой нет оправдания.

Он входил в медиумическое состояние, исполняя свою миссию «ясновидящего», и теперь его уже нельзя было остановить, унять.

— Матушка, Россия стоит перед лицом большой катастрофы. Нужно ли тебе говорить, что меня не будет и не смогу я остановить совершаемых преступлений.

Александра, смертельно побледнев, молчала, не произносила ни единого слова. Сердце вновь у нее затрепыхалось, боли, которые вот уже несколько недель как утихли, возвращались, душили ее.

Император, который обычно днем никогда не входил в покои императрицы, вдруг неожиданно появился в дверях.

Он, казалось, помолодел, глаза его блестели.

— Алики! Порадуйся же со мной вместе! Мыс тобой усердно молились Богу, и вот, благодаря Ему, наши армии покрывают себя боевой славой!

Распутин подошел к царю:

— И твое присутствие сегодня здесь, Григорий, — замечательный знак! И ты переживешь вместе с нами эти счастливые мгновения. Наши солдаты — в Ярославе, мы заняли Тар- нополь, Броды и Брзежаны. Нефтяные месторождения Львова не будут снабжать сырьем Германию. Теперь их использовать будем мы, Россия... наконец-томы получаем компенсацию...

Александра, опустив глаза, дрожа всем телом от боли, не находила в себе сил, чтобы подняться. Она продолжала сидеть в кресле, словно наэлектризованная, и смотрела на этих двух мужчин, стоявших перед ней: царь и святой мужик. Кому же из них принадлежит истина?

— Григорий, разве то, что я сообщил тебе, не доставляет тебе радости?

Сибирский крестьянин наклонил свою большую голову с

лохматой гривой. «Старец» старался не смотреть на императора. Он лишь невнятно бормотал:

— Кровь течет повсюду. - - Ты говоришь о еще живых солдатах, которые идут вперед, толком не понимая, куда влечет их дьявол, но почему не говоришь о тех, кто падает на землю, о тех раненых, которые десятками тысяч прибывают отовсюду, о неисчислимых лазаретах, которые принимают их, и там больше нет места, никто не знает, куда их девать, что с ними делать... Батюшка, уже слишком поздно, и покаяния не избежать. Я предупреждал... Слал телеграммы... ну для чего нашей святой России эта война, скажи на милость...

*

— Мы сократили территорию этой краснобайствующей Германской империи, столь опасной для всей Европы.

— Нечего делить шкуру неубитого медведя, батюшка.

— Богенами!

Распутин постепенно оживлялся. Он теперь не стоял, расхаживал большими шагами по комнате.

— Батюшка, прошу тебя, не упоминай имя Божье всуе. Ибо Россия дерется, поступает не по Его воле. Тебе следует поостеречься. Те, кто отказываются от слов любви, гиблые люди.

Николай подошел к креслу Александры, встал за ним. Распутин продолжал:

— Никто лучше меня не знает, что ты — отец наш, что доброе у тебя сердце. Но ты отдал приказ воевать, и мы все погибнем. Да, да, эта война приведет к нашей гибели. И тебя самого не пощадят. Умоляю тебя, батюшка. Ради здоровья твоего сына, которого ты обожаешь, нашего горячо любимого цесаревича, остановиты эту бойню. Только подумай о тех слезах, которые пролились по твоей воле во всей империи, о впавших в отчаяние матерях, предающих земле своих любимых сыновей, этих многочисленных безвинных жертв, подумай о нашей земле, ибо скоро не останется свободных рук, чтобы ее обрабатывать, бросать в нее семена, давать жизнь народу, к которому принадлежим и мы с тобой, и наши дети. Не якшайся ты со всеми этими преступниками, которые и в той, и в другой банде пекутся лишь о собственной гордыне, о своей корысти. Ты, батюшка, совсем из другого теста. Так прекрати же эти массовые убийства, которым нет никакого прощения, а если не сделаешь, то скажут тебе, — кара Господня будет ужасной... Слушай меня хорошенько. Даже я, никогда не знавший страха, ныне дрожу от него...

Когда он говорил, лицо его все больше серело, на нем все яснее проступали глубокие морщины. Его руки с переплетенными пальцами, казалось, молили царя.

* * *

Прошло несколько месяцев после этой тягостной для всех сцены, и Николай был вынужден констатировать, что обстановка в стране значительно осложнилась. В июне

1915 года события на фронте развивались под зловещими знамениями.

Русский народ со своей щедрой славянской душой, столь необъятной, что вмещала всю полноту отчаяния и всю бескрайнюю радость, приносил в жертву сотни тысяч людей, предпринимал громадные, но плохо скоординированные усилия, чтобы выполнить свой долг, победить врага.

Многие раненые, возвращавшиеся с фронта, говорили своим лечащим врачам:

— Наши товарищи там умирают ни за понюшку табаку, мы останемся калеками навсегда, и что же мы за все наши увечья получим? Ценой громадных потерь мы спасли французов и англичан от катастрофы, приняли на себя главное немецкое наступление. Но все это время наши союзники только критикуют нас, строго судят все наши просчеты, не только не жалеют нас, но еше и обвиняют в том, что мы не выполняем взятых на себя обязательств. Они оказывают поддержку руководителям этих подлых революционеров!

Такие горькие слова слышались все чаще, они меняли сознание тех, кто еше верил в поражение Германии.

Знаменитый журналист Булацель написал такую кричащую фразу: «Англия будет воевать до последней капли крови русского солдата». Его статья стала сенсацией.

От журналиста строго потребовали, чтобы он принес свои извинения английскому послу в Санкт-Петербурге, сэру Бьюкенену. Но многие люди одобряли все то, что писал этот журналист и были целиком с ним согласны. В конце концов к Англии обратились с просьбой отозвать сэра Джорджа Бьюкенена.

Лондон отказался это сделать. Между двумя генеральными штабами — русским и английским — все больше утверждался климат взаимного недоверия. Какую игру на самом деле вела Англия? Вдруг все словно прозрели, — оказывается, и само название столицы — немецкое! Тут же Санкт- Петербург был переименован в Петроград.

В окружении царя, при дворе и в армии, множество генералов, министров и фрейлин носили немецкие фамилии, и когда стали поступать сообщения о первых поражениях русских армий, то многие "в своей детской непосредственности стали

искать среди этих лиц признаки измены!

Более того, сам тот факт, что Россия сражалась на стороне демократических стран против монархий Центральной Европы, превращался в обоюдоострый меч в руках русского царя.

...Шли месяцы. Все чаще слухи о кровавых поражениях русских ранили гордыню толпы, лишали ее надежды.

Революционеры, которые совсем не затаились, теперь искали любой предлог, чтобы обращать свою так называемую пропаганду против Германии в злейшую кампанию против монархических идей.

Опытные подрывники разжигали в умах рабочих глухую ненависть к императрице. Ее теперь не называли иначе кроме как «немка».

К тому же ее слепая страсть к Распутину вызывала почти у всех желание ее побольнее унизить. Говорили, что этот «проклятый монах» хотел заставить царя подписать сепаратный мирный договор, Его обвиняли даже в шпионаже. А ее — в порочных склонностях. Доходили до ужасных утверждений, что царь лишился всякой власти, что теперь Распутин правит Россией.

Александра не желала слышать все эти чудовищные обвинения в адрес «старца». Небо над империей все темнело, с каждым днем война становилась все более жестокой, а ее исход все более неопределенным, и императрица все глубже погружалась в религию, и делала то, что считала своим долгом для отстаивания священных основ православной веры.

Она знала, что она непопулярна среди народа, но она его все равно любила, любила искренне, ведь это он, этот народ, позволил ей сесть на трон рядом с Николаем, на трон Романовых. Она упрямо отказывалась верить в возможную революцию в России. И если ее провоцировали, осмеливались в ее присутствии говорить об этом, она неизбежно, холодным тоном, отвечала: «Только эта гнилая аристократия, окружающая нас, способна организовать заговор и осуществить революцию. Слава Богу, есть еще народ!»

Из-за постоянно ухудшающегося положения на фронтах, царь был вынужден возложить на себя верховное командование русской армией, а великого князя Николая Николаевича отправить на Кавказ в качестве наместника и командующего Закавказской русской армией.

Александра волей-неволей в такой ситуации становилась регентшей.

Лето 1915 года стало весьма драматичным для империи, и знаменовало собой необычную дезорганизацию в армии, которая

проигрывала одно сражение за другим. На всем громадном протяжении фронта, от Балтийского моря до Карпатских гор, русские армии, несмотря на проявляемые чудеса героизма, постоянно отступали.

Николай стал образцом мужества, самоотречения, что уже ставило его гораздо выше всех остальных государей, которые принимали участие в этой темной европейской авантюре.

Когда французский посол в России Морис Палеолог выразил свое искреннее беспокойство по поводу того, что царь напрасно рискует своей жизнью, находясь на передовой, тот ему ответил: «Может и нужно стать искупительной жертвой ради спасения России. Что ж, я и стану такой жертвой. Да сбудется во всем воля Божия!»

Вод в такой мрачной атмосфере, в которой отчаяние шло рука об руку с недоверием, а народ становился внушающим беспокойство, даже враждебно настроенным стадом, в высших кругах, в царском окружении началась беспощадная борьба с Распутиным. Этот развратник-бродяга, как утверждали, стал близким советником царицы и теперь искал любые способы, чтобы заставить царя подписать сепаратный мире Германией.

Все эти обвинители, однако, умалчивали об одном, — что такой сепаратный мир, которого на самом деле хотел Распутин, на деле означал окончание кровавой бойни на фронте, прекращение голода в русских губерниях, а его способности ясновидящего подсказывали ему, что продолжение военного конфликта может привести только к еще большим смертям, катастрофам, гибельным опасностям для всей страны.

Другие политические и идейные течения, сторонники Ленина, многие промышленники, которые мечтали еще больше обогатиться в смутное время революции, — уже успешно предавали национальные интересы, и, по сути дела, готовили страну к прекращению боевых действий с Германией.

В такой трагической обстановке царивших повсюду страшных беспорядков депутаты Думы поклялись убрать мешавшего им всем «старца». Родзянко, Пуришкевич и другие депутаты решили расправиться с Распутиным, убить его.

Вероятно, им помогал сам дьявол, коли они для этого выбрали холеную, обтянутую тонкой лайковой перчаткой руку этого красивого извращенца князя Юсупова, который сумел совершить подлое предательство, достойное вероломства Борджии или Медичи, и заманить «старца» однажды ночью в свой дворец на набережной Мойки. Он был очарован миловидностью своего будущего убийцы, который с помощью нескольких помощников уготовил Распутину самую отвратительную, самую

гнусную смерть, подобной которой не сыскать в анналах истории преступлений, совершенных на протяжении многих веков.

Смерть настигла Распутина в декабре 1916 года. Она вызвала в России самый невероятный хаос с оттенком трагизма в ее истории, который нарушил гораздо более серьезно европейское политические равновесие, чем то, какого опасались все страны, находившиеся в состоянии войны.

XXIII.

Ужасное убийство Распутина было совершено молодым аристократом, связанным через свою жену с царской семьей, — разве не к такому выводу пришел Женевский революционный комитет?

В глазах народа это преступление показывало, как окружение царицы ее постоянно провоцировало, постоянно осуждало.

Когда о смерти царского фаворита стало известно, толпы людей в Петрограде не сдерживали своей радости. Повсюду организовывались шумные, веселые манифестации. Сводки с фронта, пусть даже самые плохие, отходили на второй план. Все носили портреты Феликса Юсупова и великого князя Дмитрия. Здравицы в их честь оглашали все улицы.

Какая-то странная истерия овладела горожанами, столь взбудораженными поражениями русской армии, платной ложью тех, кто смешивал императорскую чету с грязью. В салонах важных городских начальников, чиновников, финансистов, государственных деятелей всегда было полно гостей.

Волна ненависти к императрице вздымалась все круче. В этом пока еще имперском городе ни одна добрая душа и не вспоминала, что государыня, эта несчастная мать, которая постоянно мучилась из-за смертельного заболевания сына, тоже могла горько страдать из-за ухода единственного человека, который его на самом деле защищал. Нет, в заледенелой столице, где зима уже сковала все каналы и обнажила деревья в многочисленных городских парках, к всеобщему отсутствию интереса к состоянию царицы, примешивалась безграничная радость по поводу того трагического события, которое произошло накануне глубокой ночью.

Первые дни довольно осторожный оптимизм высказывали царские министры и двор. Политическая ситуация должна была кардинально измениться к лучшему из-за смерти проклятого монаха. Но и этот оптимизм вскоре иссяк.

Александра заперлась в своих апартаментах и не желала никого видеть, кроме дочерей и Анны Вырубовой. Из своей ставки в Могилеве на похороны Распутина прибыл император. У него было непроницаемое лицо. Он все время молчал, и было трудно догадаться, о чем он тогда думал. Императрица с императором решили похоронить Распутина в дальнем конце Царскосельского парка, рядом с тем местом, где Анна Вырубова собиралась ставить церковь. Она и выделила участок для могилы и для памятника.

Панихида проходила в торжественной обстановке в часовне Федоровского собора. На ней присутствовали только императорская чета и Анна Вырубова. После заупокойной службы, перед тем как заколотить крышку гроба, царица положила на грудь своего «духовника» два предмета: маленькую иконку с собственноручной подписью, а также скрепленной подписями императора наследника и великих княжон такое письмо:

«Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение, чтобы оно не покидало меня на печальном и тернистом пути, который мне предстоит пройти на этой земле. И поминай нас там, наверху, в своих святых молитвах. Александра».

Подняв глаза на розоватое зимнее небо над Финским заливом, императрица молчала. Несмотря на ужасные боли в пояснице и последние три ночи, проведенные ею без сна, она стояла прямая, словно статуя, не выдавая своего грызущего ее изнутри отчаяния, которому она стойко не давала воли.

Никто, ни один человек, кроме мужа и детей, не должен был замечать всю глубину ее печали. Николай, когда они возвращались из церкви, хотел было ее поддержать, но она тихо сказала ему:

— Ники, только никакой слабости! Кто из нашего окружения заслуживает видеть мои страдания?

Испытываемое к этим подлым трусам отвращение все же действовало ей на нервы. Парь хотел как можно скорее замять все это дело.

НоАлександра придерживалась другого мнения ирешительно требовала, чтобы правосудие восторжествовало, независимо от высокого положения убийц. Нужно было, по ее мнению, принять самые строгие меры против всей этой дворцовой камарильи, которая являлась вдохновительницей этого ужасного преступления.

Царь, низко опустив голову, сказал своему адъютанту:

— Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обагрены кровью мужика!

Без умолку звонил телефон. Один за другим великие князья заступались за молодого великого князя Дмитрия.

Но Николай оставался твердым как гранит.

— Убийство — всегда убийство! Виновные будут наказаны, — ответил он.

Сестра царя, великая княгиня Ольга Александровна разделяла с братом испытываемый им стыд.

— Мы говорим только о двух именах, которые сегодня ассоциируются с этим преступлением, — это имя великого князя,

внука царя-Освободителя, и имя отпрыска одной из наших самых аристократических семей, к тому же мужа одной из дочерей великого князя... в деле замешан мой собственный племянник, — это только показывает насколько низко все мы пали...

Великий князь Дмитрий получил приказ в тот же вечер отбыть в расположение русской армии, действовавшей в Персии. Феликса Юсупова отправили в ссылку в одно из его имений на юге.

Александра была возмущена до глубины души.

— Как это так! Это чудовище, этот убийца, подлый трус, который может вызывать у всех нас только одно омерзение, сохраняет жизнь? Как же можно допустить, чтобы он вышел сухим из воды?

Царь взял руку жены и, прильнув к ней долгим поцелуем, признался ей в своей слабости:

— Алики, но ты подумай о популярности Феликса в народе, его отношениях с Думой... Сейчас все его считают главным героем. Я ничего не могу с ним сделать, только немного обуздать. Для чего мне углублять яму, разделяющую меня с Государственным советом?

В конце концов она согласилась с мужем.

Такая слепая вера в тех, кого она любила, всегда поддерживала императрицу в самые трудные моменты в жизни. Николай был прав. И, возможно, по воле Господа, сильнейшие, безграничные угрызения совести станут для Феликса Юсупова куда более жестокой карой, чем даже смерть.

Несколько недель Николай пребывал в такой ужасной депрессии, которая была куда хуже одиночества, избранного Александрой. Он уже не совершал свои знаменитые утренние прогулки пешком, к которым так привык.

Казалось, им овладевала накопившаяся столетиями усталость. Никто не осмеливался подойти к нему, никто, кроме жены и детей. Он подолгу стоял в парке, глядя на проплывающие над головой облака.

Первую аудиенцию он дал Родзянко, который пришел к нему, чтобы обсудить множество повседневных проблем, проблем, которые было не так просто решить, — снабжение войск, организация санитарных поездов, нехватка боеприпасов, упорное продвижение вперед противника. Этот государственный муж что-то говорил царю, а тот, подойдя к окну, прошептал:

— Вы только посмотрите, какое чистое небо над головой! Какие красивые леса вокруг! Какая тишина! Вот где по-настоящему отдыхаешь душой! Забываешь обо всех интригах, о всех треволнениях. Как здесь близко подходишь к Богу!

Как глава государства он знал, что духовный отдых, передышка, ему не предназначены Судьбой. Даже если все считали продолжение войны делом бессмысленным, он должен был притворяться, проявлять смелость, не утрачивать надежды...

Он вызвал генерала Гурко и передал ему патриотическое воззвание, с которым он хотел обратиться к армии, в которую все еще верил.

«Час мира еще не пробил, Россия еще не выполнила всех обязательств, навязанных ей этой войной, — среди многих других, — право свободного использования проливов для судоходства, завоевание Константинополя, а также восстановление независимой Польши.

Так будем же неколебимы в своей вере в скорую победу!

Бог благословит наши армии. Он откроет им источник вечной славы и пожалует нам мир, мир, достойный наших героических подвигов, и будущие поколения будут благоговейно хранить по вас святую память!»

Сети клеветы все плотнее окутывали несчастную Александру. Все посетители, побывавшие в рабочем кабинете паря, в один голос утверждали, что монарх находится в ужасном состоянии глубокой депрессии, и в связи с этим обвиняли императрицу в том, что это она подсыпала ему какого наркотического снадобья. Любая ложь, любая пакость, все использовалось, ее хулители ничем не брезговали, лишь бы побольше досадить этой мужественной женщине, которая лишь впустую растрачивала всю свою энергию.

Ее заклятые враги забывали об одном, — что она здесь была ни при чем, царь уже и без нее давно все больше становился неврастеником.

Год 1917-й наступил в обстановке полного упадничества. С каждым днем Николай выражал все большее безразличие к несчастьям, обрушивающимся на Россию, Александра, напротив, демонстрировала свое героическое мужество, была активной и деятельной.

В отличие от царя она знала о тех ужасных предсказаниях Распутина: «Если я умру, если вы покинете меня, то потеряете и сына, и корону за шесть месяцев».

В отличие от Николая она еще чувствовала под ногами твердую почву, ее окружали дети, — сын и ее дочери, — и она не имела права поддаваться отчаянию, терять последнюю надежду. Наплевать ей на все новые преграды, все более непреодолимые, которые множились с каждым днем. Главное — это любовь, которая без изъяна, любовь единственная, уникальная, которая останется у нее на всю жизнь, такая чистая, неоскверняемая. Она

была ей благодарна, прежде всего, ей, потом России, своему сыну за то, что сумела сохранить хладнокровие, и искала в молитвах, в своих медитациях свет Божий, который поможет ей справиться со всеми проблемами. Эта замечательная женщина, слишком недооцененная историками, продемонстрировала всем силу своего характера, и все различие в темпераментах, ее и ее мужа.

Александра со своей энергией, со своей склонностью всегда побеждать, сумела отсрочить заговор по ее физическому устранению, который все плели вокруг нее.

Ее обвиняли в проведении политики с присущим ей фатальным деспотизмом. Увы! Как же она могла проводить такую безрассудную политику, если она была незнакома с государственными делами, а ее жизнь в постоянном беспокойстве за своего сына, ее роль первой сестры милосердия империи, несущей ответственность за соблюдение гигиены и сохранение здоровья, как на фронте, так и в тылу, не давали ей возможности принимать участие в правительственных интригах.

Она оставалась глухой, может и напрасно, ко всем тем, кто болтал о падении престижа империи и императора.

Но как просто было всем этим предателям, которые с каждым днем все больше завладевали рычагами войны и правительства, обвинять ее в обратном. Они ничем не пренебрегали, использовали все, чтобы доказать, что она куда больше немка, чем русская, и стремится заставить царя заключить тайный договор с его врагами, договор, направленный против интересов народа.

Как раз наоборот, — всем своим существом, всеми своими силами, теряя душевное равновесие, старалась она разжечь в Николае огонь борьбы, пламя умелой защиты, священное желание превзойти самого себя как высшего правителя страны, короче говоря, царствовать как должно.

* * *

Летом 1915 года после побед, одержанных немцами, Ставку пришлось перенести из Барановичей в Могилев. Здесь верховный главнокомандующий со своим штабом располагался в доме генерал-губернатора, в большом особняке на холме, у излучины реки. Здесь Николай II, целиком осознавая свою великую ответственность перед Историей и перед Богом, исполнял свои обязанности главнокомандующего.

Шаг у него стал куда тверже, спина — прямее, и об одиночестве теперь приходилось только мечтать.

В этом с виду робком, закрытом человеке, скрывалась

беспокойная личность, личность самодержца, упрямого, решительно настроенного, который несмотря на все события, препятствовавшие этому, стремился удерживать свой пост абсолютного монарха.

Не пребывал ли он в постоянном конфликте с самим собой?

Постоянно терзаемый суевериями, которые не имели никакого отношения, как утверждают, к влиянию, оказываемому на него Распутиным с царицей, он никак не мог преодолеть своих тревог, недоверия, кризов мистицизма, которые часто разрушали все планы высшей власти проявить свою силу в отношении тех, кто плохо служил короне.

А в это время уже созревал заговор. Было известно, что никакими уступками разоружить Думу не удастся, что угроза революции становится все более реальной с каждым днем. Николай попытался сформировать «правительство удачи». Нужно было придать его политике нейтральный оттенок, чтобы получить гарантированную возможность заниматься исключительно вопросами войны, которая становилась все более ожесточенной с каждым днем, и начать готовить крупную кампанию 1917 года, который так скверно начинался...

Весьма уважаемый всеми, но очень престарелый князь Голицын был назначен председателем Совета министров, стиль его руководства был настолько безликим, что даже Дума ничего не могла выдвинуть против его с виду благотворной работы.

Оппозиция расширялась изо дня в день и все больше раскалывалась, Было решено созвать Земство, что-то вроде высокого совещания для принятия важных политических решений. Но в стране еще оставалось немало преданных сторонников короны, которым совсем не нравилось проведение такой шумной народной манифестации. Царю об этом доложили, и он запретил проводить «это сборище».

Дурное настроение политиков, казалось, способствовало распространению дурных вестей. Под личиной образцового порядка царил полный беспорядок, дававший столько поводов для восстаний в армии и гражданских бунтов. Всюду с горечью говорили о нехватке боеприпасов, что не могло не сказаться на судьбе сотен тысяч солдат, которым приходилось умирать под ураганным артиллерийским огнем немцев. Делалось все, чтобы парализовать работу военных заводов, не поступало достаточно продовольствия для фронта и тыла, для крупных городов, в которых население было фактически лишено продуктов питания.

Возмущенный запретом царя на проведение Земства, видный деятель оппозиции князь Львов организовал у себя тайную встречу четырех главных лидеров движения и ознакомил их со

своим планом действий: низложить царя и на его место поставить великого князя Николая Николаевича. Будет создано ответственное правительство, которое и возглавит он, князь Львов. Один из заговорщиков, городской голова Тифлиса Хатисов, пообещал поставить обо всем в известность великого князя Николая Николаевича, ныне наместника на Кавказе. Князь Львов даже разработал особый код, если будет получен положительный ответ великого князя. Хатисову нужно было лишь отправить телеграмму такого содержания: «Лазарет открыт. Приезжайте».

Хатисову пришлось дважды выполнять порученную ему миссию, и, к чести семьи Романовых, чести, которую многим ее членам не удалось сохранить, великий князь Николай Николаевич дважды отказался от такого предложения, которое посчитал наихудшей изменой по отношению к своему племяннику.

Этот человек заслуживал еще большей похвалы, если учесть, что этот военачальник на протяжении всей своей карьеры считал себя великим стратегом, а его лютая ненависть к императрице позволяла ему мнить себя единственным спасателем царского строя!

Но этот человек обладал лояльностью, уважением к собственному высокому положению, был пропитан духом семьи, который не позволял ему, в отличие от других, куда более близких родственников царя, совершить ему измену, даже в силу личной неприязни, глухой жажды мести за отставку от верховного командования, или, может, даже трусости, в чем он себе никогда не признавался.

1916 год завершался в мглистом тумане, окрашенном кровью. Наступали жестокие холода.

Царица все еще носила траур по Распутину, и теперь вновь оказалась во власти сильных тревог. Цесаревич Алексей снова заболел. Кровь его текгёа, как текла онау «старца», как текла она у миллионов мужиков.

Измена наносила не только видимые телесные раны, но и раны невидимые, моральные, не менее болезненные, и их было куда больше, чем у раненых на фронтах, миллионы из которых так и не получали необходимой медицинской помощи от армии плохо подготовленных хирургов и медсестер, которые, сколько ни старались, так и не могли спасти всех.

Ленин со своими выкормышами в это время находился в Германии. Он только ждал своей части добычи, как гончий пес, и такой сигнал ему очень скоро подадут либо Родзян- ко, либо Гучков.

В это время появилась оппозиционная группа военных штабистов. Во главе этого нового движения оппозиция встанет Гучков, председатель Центрального военно-промыш- ленного комитета. Началась подготовка к государственному перевороту. Среди заговорщиков в царской военной форме, — Якубович, Туманов, Фидбих, Туган, Барановский, Энгельгарт, Но не они вели главную игру. Теперь было нужно, чтобы крупные депутаты, видные личности, чаще посещали фронты в качестве народных избранников, как это бывало во времена Французской революции. Гучков, Род- зянко, Демидов тайно готовили поражение армии, они призывали павших духом бойцов к массовому дезертирству.

Как легко указать пальцем дорогу к побегу, который только и может спасти жизнь этим людям, измотанным лишениями и страданиями, не получавшим к тому же никакой медицинской помощи; у которых кружилась голова от постоянного недоедания.

Генералы, занимавшие самые высокие посты в армии, выбирали скользкий путь, путь измены. Предать царя, предать Россию, которой угрожает оккупацией Германия, предать свой народ, который уже отдал все свои силы, всю свою кровь, чтобы только не оказаться в руках ненавистного врага. Начальник генерального штаба Поливанов был с ними заодно, среди других можно привести имена Рузского, Алексеева, Крымова, Хогандокова, Брусилова и многих других...

С помощью надувательства и обмана, с помощью коварства, напоминающего о нравах времен императора Нерона, Думе удалось протолкнуть свою кандидатуру и вручить портфель военного министра Поливанову. Царь по своей обычной мягкости подпишет этот чудовищный указ, считая, что такова воля всего его народа.

* * *

Столица была не столь напугана буйствами толпы, множеством возвращавшихся с фронта солдат, беспокойными домохозяйками, которые выстраивались в длинные очереди перед продуктовыми магазинами задолго до их открытия, — сколько заговорами, которые плелись за шелковыми шторами на окнах и золотистыми колоннами богатых дворцов.

Один из самых крупных промышленников, устраивал роскошный обед, на который были приглашены все видные фигуры Петрограда и даже один член царской семьи, сын великого князя Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны, княгини Саксен-Альтенбургской. Речь идет о князе Гаврииле Константиновиче. С ним на обед пожаловали несколько

дворцовых офицеров, — граф Капнист, адъютант военного министра, Озеров, член Императорского государственного совета, Путилов, еще один видный промышленник, и кактолько вкусная еда с изобилием шампанского разгорячила всех гостей, тут же начались разговоры о необходимости срочно поменять правительство в России. Все они, получавшие высокие доходы, вальяжно восседали за столом среди серебряных тарелок, кувертов из позолоченного серебра и бокалов из самого дорогого на свете хрусталя, а изысканные яства им подавали вышколенные лакеи в ливреях старого режима, а их жены поблескивали целыми ручейками драгоценных камней; кошельки у них у всех — туго набиты деньгами, так что им ничего не стоило пережить драму страны, страдавшей все больше и больше от войны, от сознательной, намеренной дезорганизации рубежей обороны на фронтах, и теперь им ничего другого не оставалось кроме как вести разговоры о заговоре, клеветать и лгать, разворачивать широкую кампанию, чтобы унизить, оболгать своего хозяина. Да, на самом деле прекрасное общество, ничего не скажешь!

Озеров говорил князю Гавриилу:

— Единственный способ спасти монархию, Ваше высочество, — это незамедлительно созвать всех членов вашей семьи, представителей знати и армии, чтобы все они единодушно заявили, что император со своими обязанностями не справляется, что он не способен царствовать, что нужно провозгласить царем его сына, цесаревича, и сделать при нем регентом великого князя.

— Не находите?

Князь Гавриил против этого не возражал. Он даже пообещал поговорить об этом со своими дядьями и кузенами, чтобы те тоже подключились к таким действиям.

Кто-то предложил тост за «интеллигентного царя, осознающего свои обязанности и достойного своего народа».

Так вырисовывались очертания еще одного заговора. Четыре гвардейских полка должны были осуществить ночной марш-бросок в Царское Село и арестовать царскую семью. Императрицу сразу же отправляли в монастырь, прибегая к этому традиционному для России способу избавления от всех нежелательных цариц. Царь отрекался от престола в пользу сына, регентом которого будет назначен великий князь Николай Николаевич.

Предполагалось, что великий князь Дмитрий, замешанный в убийстве Распутина, будет руководителем заговора и будет командовать войсками мятежников.

Великий князь Кирилл Владимирович и великий князь Андрей Владимирович с кузенами отправятся в свой дворец на

Невском и оттуда будут добиваться принятия такого его назначения, во имя «блага всего народа».

Все шло хорошо. Но среди членов царской семьи оставались еще люди с верным сердцем и честной душой, которые взбрыкнули перед этой пучиной измены и трусости. Великий князь Дмитрий Павлович, пылкий, горячий молодой человек, далеко не рядовой лояльности, отказался принимать участие в таком позорном сговоре, и его последними словами, которые могли бы повторить некоторые Романовы, приложившие руку к одиозной революции, были такие: «Я не намерен нарушать данную присягу».

Несмотря на такую тревожную обстановку, мужественный император совершал еще одну поездку в Ставку в Могилев. Она станет последней. Он отказывался верить, что сложилась чрезвычайно серьезная ситуация. Он все еще находился под впечатлением нежного расставания с женой, когда уезжал из Александровского дворца.

Царское Село заледенело в своей неподвижности, — столбик термометра опустился до 38 градусов, Александра под воздействием своего нервного состояния, не подчинявшегося ее собственной воле, предавалась глубокой печали в связи с уходом Распутина. Но она старалась, старалась изо всех сил, не быть столь уязвимой для горя, несчастий, чтобы подавать своему горячо любимому мужу пример высокой любви и полной уверенности в себе.

Николай мысленно слышал, как она повторяла:

— Я так ошиблась, полагая, что Россия меня ненавидит. Соберем же все наши силы, чтобы еще больше теснее сблизиться с народом. Я знаю, кто меня ненавидит, и всегда знала, — вот это развращенное, продажное высшее общество, которое только и думает о том, как бы посытнее поесть, в волю потанцевать, которому важнее всего личные удовольствия, адюльтер, макиавелльские замыслы, в то время как вокруг течет кровь... кровь... много крови...

Этой ледяной ночью, Николай, взволнованный этой последней беседой с женой, сам страдал, ему казалось, что и он сам истекает кровью вместе со своими несчастными солдатами, которые по его приказу убивают таких же солдат на тысячекилометровом протяжении фронта.

Может, ему внезапно стало страшно?1-1ет, конечно, хотя в этом его часто упрекали, — просто он привык жить возле самой опасной стороны реального. Но в нем всегда присутствовала святая любовь к Богу. Ему приходилось бороться со своей совестью. Разве его долг императора, его честь союзника Франции

и Англии, не заставляла его продолжать войну, чего она ему не стоила бы, и слепо при этом верить в свою победу?

Иногда он вспоминал слова Распутина, которые его очень тревожили.

«Старец» как-то сказал: «Останови кроворазлитие, пока не поздно. Пролитая кровь превратится в океан, который поглотит всю страну, твой трон, и в нем ты захлебнешься...»— Кого же мне упрекать в этом нынешнем развале, кроме самого себя, — мучительно размышлял Николай в своем изматывающем одиночестве...

В четверг, 23 февраля, он проснулся в своем вагоне, когда его императорский поезд остановился в Смоленске.

После полудня он уже приступал к исполнению своих обязанностей верховного главнокомандующего. Его там давно ждали генерал Алексеев и все члены его штаба. Он, конечно, никому из них не мог рассказать о том, что у него творилось на сердце. Ему сейчас было грустно вдвойне. Во- первых, он вспоминал нежные объятия жены, горячо любимой Атександры, и во-вторых, скучал о дорогом маленьком Алеше, который на этот раз с ним не поехал, так как он сам и две его сестры Ольга и Татьяна заболели краснухой.

Какая-то безделица привлекла его внимание. На своем рабочем столе, среди вороха бумаг, депеш, военных карт стола маленькая коробочка. Оказывается король Бельгии награждал русского императора Боевым крестом...

В садике, окружавшем его резиденцию, шел снег. К монарху относились с подчеркнутым, особым уважением все, — от генерала Алексеева до последнего часового.

Но все вокруг, — и деревья, и дорога, и подходы к монастырю, куда он ходил по вечерам предаваться духовным размышлениям, были покрыты льдом. Твердое прозрачное вещество, в котором нет жизни, холодное, как сама смерть.

Он с нетерпением ждал новостей, и уже знал о начавшихся в столице беспорядках. А накануне все казалось куда зловеще, — он получил донесение о том, что некоторые его войска встали на сторону бунтовщиков. Знал ли он, что его окружение давно уже готовило эту чудовищную комедию, переходя от одной лжи к другой, в зависимости от интересов денежного мешка и политики: да народ вас с Александрой просто обожает, что вы, народ вас с Александрой просто ненавидит. Где же, скажите, истина?

В своем личном дневнике, который самым чудесным образом был обнаружен, правда только во фрагментарном виде, в некоторых опубликованных книжках ясно прослеживается его

самоотречение во имя народа, который и тогда не знал, да и сейчас, по-видимому, не знает, как он его любил и как старался быть достойным его, несмотря на все усилия врагов его унизить. Он писал: «Повсюду вокруг меня — измена, трусость, обман».

Для чего после этого заставлять нас поверить в его беззаботность, равнодушие, в его помутившийся от напряжения и усталости ум, в то, что он был не в силах постичь всю глубину переживаемой империей драмы. Ах, бросьте, господа!

Напротив, нужно говорить о ясности ума Николая, который вдали от жены и детей, сумел точно определить возникшее перед ним препятствие, и он погружался в молитву, чтобы обрести душевный покой. Его погруженная в мертвую тишину штаб-квартира, навевала отходную, утрату всех надежд, напоминала театр, в котором разыгрывался последний акт трагедии, а все декорации сцен ненависти находились там, в русской столице. В Петрограде нет хлеба, нет дров. Народ страдает.

По широким улицам проходили народные шествия, люди громко кричали: «Хлеба... хлеба!»

Другие с глазами, налившимися кровью, орали: «Мир! Дай нам мир, Николай!»

На некоторых площадях собирались пьяные матросы, раненые солдаты. На Невском все подхватывали «Рабочую Марсельезу». Там собрались главные зачинщики восстания. От этих людей с покрасневшими рожами несло водкой, выходит, они не были такими уж несчастными.

Их вопли только подстрекали толпу.

Все хлебные лавки были разграблены, не больше повезло и магазинам. Некоторые районы города пострадали от анархии больше, чем другие, — особенно Выборгский и Васильевский Остров.

Германская пропаганда была организована на широкую ногу. Хорошо оплачиваемые подрывные элементы влекли за собой это большое стадо баранов. Толпа орала: «Долой войну! Долой Германию! Долой царя!»

Несколько рабочих было убито подоспевшим казачьим отрядом. На перекрестках улиц возникали перестрелки. Толпа разбегаласьпо всем направлениям, все кричали: «На дворец! На дворец!»

Эти банды пьяных не понимали, что делают, и, приняв большой красивый магазин за резиденцию царя, принялись его грабить. Положение ухудшалось с каждым часом.

В тот же день царь сел в свой поезд, чтобы ехать в Царское Село. Он понимал, что теперь ему самому придется быть втянутым в эту трагедию, которая начинала разыгрываться вокруг

него; но сейчас его больше всего тревожило положение жены и детей. Он знал, что сейчас они одни в большом Александровском дворце. И эта мысль терзала его.

И сейчас он вновь обращался к своей православной вере, памятуя, что любовь способна творить чудеса, и теперь нужно было во что бы то ни стало преодолеть это враждебное пространство и подчинить своей императорской воле невозможное.

Был солнечный, яркий зимний день, и лучи его проникали через окно вагона. Поезд уверенно, не сбавляя скорость, катил по рельсам. После полудня позади осталась Вязьма, за ней Ржев, а вечером он миновал Лихославль.

В 2 часа ночи 14 марта царский поезд, прибывший в Малую Вишеру, расположенную всего в двухстах верстах от столицы, вдруг замедлил ход. Один офицер, поднявшийся в вагон императора, сообщил ему, что революционно настроенные солдаты с пушками и пулеметами преградили путь. Любань и Тосно в руках восставших. Поскольку прямой путь в Петроград и Царское Село был отрезан, царский поезд мог дальше следовать по трем направлениям; либо повернуть на восток, на Москву, либо на юг, на Могилев, либо на запад, на Псков, где находился штаб Северного фронта под командованием генерала Рузского. Во время обсуждения решили выбрать последнее направление. Царь согласился и сказал: «Итак, на Псков».

В восемь часов вечера царский поезд медленно въехал на Псковский вокзал. Никакого почетного караула на перроне не было. Императора встречали генерал Алексеев и его заместитель генерал Данилов. Царь, еще не зная, что Рузский его тоже предал, отобедал вместе с ним. Ему сообщили, что в руках восставших оказались еще Гатчина и Луга. Рузский , поднявшись в вагон царя, сообщил ему угрожающие новости: гарнизон Петрограда и Царского Села 8ышел из повиновения, включая его личную гвардию, казачий эскорт и гвардейский экипаж, которые во главе с великим князем Кириллом Владимировичем ушли из Царского Села. Сообщение о предательстве его личной гвардии стало для Николая тяжелым ударом.

Слушая доклад Рузского, царь принял решение. Он попросил генерала телеграфировать Родзянко и согласиться с тем, от чего долго отказывался: создание правительства, приемлемого для Думы, которое будет наделено всеми полномочиями для экстренного решения всех проблем государства. Рузский поспешил к телеграфу.

Но в Петрограде уже было сформировано Временное правительство. Дума с Советами договорились о том, что

Николай должен отречься от престола в пользу своего сына, а великий князь Михаил, брат царя, станет регентом. Для решения этого вопроса лидеру нового правительства установили контакты с командующими армий на всех фронтах. Утром 15 марта ответы командующих были получены в Ставке генералом Алексеевым и переданы Рузскому в Псков. Мнение всех было единодушным: Николай должен отречься.

В Пскове после раннего утреннего завтрака Рузский положил на стол перед императором результаты телеграфного опроса генералов. Николай был потрясен. Он побледнел.

В вагоне стояла мертвая тишина. Никто не разговаривал, все присутствующие затаили дыхание.

Неожиданно, резким движением он отвернулся от окна и спокойным, твердым голосом заявил: «Господа, я решил отказаться от трона в пользу своего сына Алексея». Николай перекрестился, все остальные последовали его примеру.

— Я благодарю вас, господа, за безупречную и верную службу. Надеюсь, что вы будете так же ревностно служить моему сыну.

Текст отречения, составленный в Ставке под руководством генерала Алексеева, передали царю. Николай подписал его, — документ был датирован 15 марта (по новому стилю) тремя часами пополудни. При подписании его присутствовали два члена Думы, — Гучков и Шульгин, — в качестве свидетелей. Они должны были доставить его рано утром на следующий день в Петроград. Все было сделано наилучшим образом, точно по сценарию. Царь, подписывал этот важный документ еше и потому, что не хотел устраивать кровавой бойни на улицах Петрограда, он понимал, что каждая минута промедления погружала его страну в пучину братоубийственной войны.

Николай не тянул, легко расставался с короной. Главное для него сейчас — не она, а победа над Германией, спасение Отечества. Таковы были все его мысли. И, разумеется, о безопасности в Царском Селе, отой опасности, которой подвергалась жизнь царицы и их детей.

Александра! Был ли еще какой другой, такой же мужественный человек, как Николай, который ничем не выдавал своего внутреннего состояния? Как мало теперь значил для него высокий священный титул царя, главы самой большой империи в мире! В эти решающие его судьбу минуты он терзался только одним, — тем, что он не был сейчас рядом с ней, его дорогой и любимой, с верной ему, такой благочестивой Александрой, которая всегда возводила вокруг него стенку из хрусталя, через которую не были видны непристойности и безобразия этого мира.

Александра! Александра! ...Сердце, казалось, с каждым своим ударом звало ее. Она, конечно, знала свою Голгофу.

— Что с царицей? С детьми? — прямо спросил он у Гучкова.

— С ними все в порядке, — ответил депутат.

В девять вечера Николай лично переписал текст своего отречения, который по многим пунктам отличался от текста, заготовленного для него его «верными предателями*.

Потом подписал новый документ с торжественным, умиротворенным выражением на лице, словно его представление о высшей справедливости на Земле в данный момент ограждало его от низости его окружения...

Вот текст составленного им документа о своем отречении:

«Ставка

Начальнику штаба

Милостью Божией, Мы, Николай II, император всей России, царь Польши, великий князь Финляндии и прочее... доводит до сведения своих подданных следующее:

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу было угодно ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною думою, приняли Мы за благо отречься от престола Российского и сложить с Себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему, великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению святого долга перед ним, повиновению царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вы** вести государство Российское на путь победы,

благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Николай.

Псков, 2 (15 — по новому стилю) марта.

15 час. 3 мин. 1917 года».

Николай весь этот ужасный день сохранял невозмутимое, полное спокойствие. 16 марта, в час дня, после тридцатичасовой стоянки, императорский поезд в полной тишине отошел от платформы, направляясь в Могилев, где Николай хотел попрощаться с армией. Он был удовлетворен своим полным самоотречением. В своем вагоне он лег спать и проснулся уже после Западной Двины. Этот продолжительный сон благотворно сказался на нем, казалось, бывший царь помолодел, хотя лицо его было по-прежнему залито смертельной бледностью.

Николай все время думал об Александре. Наконец он скоро ее увидит! Он упрекал себя за эгоизм, хотя, конечно, мысль о том, что каждую минуту его солдаты гибнут под германскими пулями, не покидала его.

Но заговор военных, политика, проводимая членами его семьи, теперь задвинули его на задний план. Разве в таком случае он не имел права думать о своей личной жизни, жизни мужчины, мужа, возлюбленного? Нежные руки Александры, словно пуховой воротник, обнимали его за шею, и в этих ее объятиях он так нуждался! Она умела его утешать, облегчать его угрызения совести, соединяться с ним в молитвах перед святыми образами, каяться, а без покаяния нельзя оправдать ничью жизнь.

Он вновь видел перед собой Ливадию, цветастое море, оливковые деревца, виноградники, а вдалеке, в горах, стада овец с пастухами.

Наконец, ему представлен бессрочный отпуск, и он сможет заниматься своим любимым делом, чуть л и не ставшим для него манией, — сажать цветы и наблюдать за тем, как они всходят, как лопаются их зеленые бутоны.

На перроне в Могилеве его встречали все члены его штаба в полном составе с военным оркестром. В последний раз ему отдавали воинские почести. Он застыл, словно статуя.

Он выражал такое же притворное равнодушие и понимал, что столько же притворства в соболезнованиях его первых помощников. И, сгоняя с губ ироничную улыбку, он вдруг подумал:

— Я был создан для того, чтобы стать садовником. Мне былсˆбы гораздо лучше возделывать мой сад...

XXIV.

Все эти полные драматизма дни Александра оставалась в полном одиночестве с больными детьми на руках во дворце в Царском Селе. Царь прислал ей телеграмму, в которой сообщал, что скоро приедет. Она была датирована 13 марта, 15 час. И передана из Вязьмы. Больше никаких известий...

Императрица сохраняла спокойствие, словно надела кирасу мужества. Она видела, как постепенно пустеет дворец. Где же все министры, все большие военачальники, государственные мужи? Где они?

Из Петрограда, до которого рукой подать, поступало очень мало новостей. Все очень и очень тревожные. Город фактически в осаде восставших. Может* они и остановили в пути императорский поезд? Александра все время задавала себе вопросы, думала, сохраняя самообладание, о возможном выходе из положения. Но сейчас ее заботило только одно — уход за детьми. Корью заболели все четверо. Только одной Марии становилось немного лучше.

Все телеграммы, которые она посылала Николаю, возвращались. Телеграф не работал. Александровский дворец был словно в осаде. Все дороги были перерезаны.

Ей сообщили, что возбужденная толпа из трехсот тысяч человек приближается к дворцу. Ее две конфидентки Анна Вырубова и Лили Ден начинали трусить. Александра умоляла их взять себя в руки. Она говорила им:

— Нечего бояться. Все в руках Божиих. Как только приедет император, все образуется!В девять часов по телефону сообщили, что мятежники движутся ко дворцу. Очень скоро был обстрелян караул, всего в пятистах метрах от дворца. Винтовочные выстрелы слышались все ближе. Из окна императрица увидела командира дворцового гарнизона генерала Ресина, который стоял посередине двора среди своих подчиненных. И вдруг без всяких колебаний, даже не осознавая, какая опасность ей грозила, она, накинув на плечи меховое манто на свое черное платье сестры милосердия, выбежала из дома.

Куда же она? За ней бросилась единственная выздоравливавшая из дочерей, семнадцатилетняя великая княжна Мария. Не мог не последовать за своей императрицей и граф Бенкендорф. Александра в этой морозной ночи шла к солдатам, чтобы лично обратиться к ним.

Ее верная подруга баронесса Буксгевден наблюдала за ними из окна. Войска находились в боевой готовности. Первая шеренга

стояла, опустив одно колено на снег, за ней стояли другие, держа оружие наперевес на случай отражения внезапной атаки. Императрица и ее дочь переходила от одной шеренги к другой, она говорила им, что полностью доверяет им, что надеется на их защиту больного цесаревича.

— Я его мать. Жизнь его — в ваших руках, Вы все в какой- то мере мои сыновья. И нам нужны вы, чтобы его защитить…

Престарелый граф Бенкендорф только удивлялся, — откуда у императрицы столько сил, чтобы быть такой решительной, трезвомыслящей, совладать со своими нервами. Она даже предложила нескольким гвардейцам зайти во дворец, погреться, выпить горячего чая, чтобы хоть на некоторое время, побыть в тепле, позабыть о трескучем морозе на улице.

У опрометчивой великой княгини Марии, которая выскочила из дворца на мороз в легком пальтишке, произошел обморок. Ее принесли во дворце, ее осмотрел медик и тут же поставил диагноз — воспаление легких…

На следующий день никаких известий от ее мужа так и не поступило, но к своему громадному разочарованию, Александра узнала, что войска покинули дворец, дезертировали. Их командир, великий князь Кирилл Владимирович, отозвал их.

Из окна императрица видела еще тех, кто остались. На рукавах их шинелей была белая повязка. Это был знак перемирия между охраной дворца и революционными войсками, находившимися в Царском Селе. Условия перемирия были таковы: если на обороняющихся не станут нападать, то и верные государыне войска не выступят против бунтовщиков в Царском Селе.

Громадный дворец, в котором царская семья провела столько счастливых дней, теперь находился в жалком состоянии. Не было воды, электричества… Александра, у которой отказывали ноги от все усиливающихся болей в пояснице, не могла подниматься по лестнице из своих апартаментов на второй этаж, где жили дети. Она обычно для этого пользовалась лифтом, но теперь он не работал. Она это делала медленно, с трудом, задыхаясь, с частыми остановками. К счастью, она еще могла пользоваться своим креслом-каталкой. Она ехала в нем через огромные, неосвещенные залы, в которых не было слуг, все они ее покинули. Так она приезжала к Анне Вырубовой, к другим членам своей свиты.

В своем кресле она не чувствовала постоянно отзывающегося нестерпимыми болями тела, и, будучи, твердо уверенной в том, что Бог ее не покинет, она не желала распускаться, была готова ко всем выпадавшим на ее долю несчастьям и не собиралась

склонять перед ними головы.

Некоторые вернувшиеся из города лакеи наводили страх на весь дворец. Они, мол, собственными глазами видели листовки, в которых говорилось об отречении царя. Императрица отказывалась этому верить. С трудом приподымаясь на своем кресле-каталке, она произнесла только одно слово — «Измена!».

Ей также сообщили, что двоюродный брат царя, великий князь Кирилл Владимирович, нацепив на папаху красную ленточку, заставил весь свой Морской экипаж императорской гвардии присягнуть на верность революции! Можно только лишь добавить в этой связи, что революционеры сами были возмущены таким вероломством, такой его трусостью, и в результате «свободный гражданин, великий князь» счел за благо скорее смотаться в Финляндию...

В пятницу, 16 марта, разразилась очередная снежная буря. В семь часов вечера во дворец прибыл великий князь Павел Александрович, дядя царя, человек мужественный и лояльный. Он прошел прямо к императрице. Он и сообщил официально ужасную весть царице.

— Дорогая Александра, — прошептал он, сдерживая рыдания, мешавшие ему говорить, — как мне хотелось бы быть рядом с ним в эти тяжелые минуты...

Александра, меняясь в лице, с ужасом взирала на него. В глазах ее загорелись огоньки негодования. Она чувствовала что ей нечем дышать.

— А Ники! — еле произнесла она. — С ним что-нибудь случилось?

Великий князь отлично понимал, в каком состоянии находится его августейшая племянница. Он поспешил ее заверить:

— Не волнуйся, с Ники все в порядке. Он чувствует себя хорошо...

Низко опустив голову, чуть преклонив голени, словно она хотела молиться, Александра безжизненным голосом, но твердо сказала:

— Павел Александрович, если Ники пошел на это, значит, так было нужно. Я верю в милость Божию. Господь нас никогда не покинет. Отречение! Мой дорогой, такой несчастный... совершенно один там. И меня не было там, рядом с ним, чтобы утешить его.

Голос ее заглох, она, пробормотав еше несколько неразборчивых слов... вышла из комнаты.

Спустя некоторое время графиня Бенкендорф, баронесса Буксгевден и другие придворные пришли к императрице, чтобы

заверить ее в своей личной преданности. Она была смертельно бледной. Графиня Бенкендорф взяла ее за руку. Слезы катились по этому красивому лицу, которое переживаемые императрицей страдания делали еще краше, еше благороднее. Она взяла себя в руки и сказала:

— Все к лучшему... Не будем же проявлять слабость. На все воля Божья. Если Господь насылает на нас это несчастье, то только для того, чтобы спасти Россию. Это — единственное, что сейчас важно.

Когда от нее все уходили, она громко плача, закрывая лицо руками, упала в стоявшее у стола кресло.

* * *

Со скоростью метеора население дворца редело. Большая часть придворных бежала. Никто и не помышлял о том, чтобы защитить императрицу, все срывали с эполет императорские вензеля и еще больше выпячивали свою трусость смехотворными поступками, — скрывали свою личность или выряжались в нечто невообразимое. За какие-то двадцать четыре часа измена свила себе уютное гнездышко во дворце, и теперь все отпирались от связей с двором, которые теперь считались позорными и компрометирующими, а те, кто еще их поддерживали, ставили перед собой главную цель, поскорее разорвать их.

Невозможно описать безграничную, упоительную глупость, мелочность, неверность тех, что только накануне с удовольствием демонстрировал свои глубокие монархические убеждения, и теперь клялся в верности революции, осыпая оскорблениями скорее глупыми, чем обидными, — например, царя называли полковник Романов, а царицу — «немка». Даже последние слуги, которых увольняли из-за конфликта с хозяевами, не вели себя так гнусно, как все эти важные лица, имена которых гремели по всей империи.

Одним из первых дезертиров, которого скорее беспокоила личная безопасность, чем спасение души, был знаменитый отец Василий, духовник царской семьи, которому прежде Александра так доверяла.

Доктор Острогорский, известный специалист по детским болезням, который лечил всех великих княжон, сообщил в письме императрице, что больше не сможет приезжать во дворец лечить ее детей, так как все дороги, ведущие в Царское Село «ужасно грязны».

Абсолютно равнодушная к этому массовому исходу беглецов, которые не проявили даже элементарной вежливости, —

попрощаться с государыней, Александра ждала приезда только одного человека. Возвращения своего горячо любимого супруга. Где он? Почему ей ничего о нем неизвестно?

Однажды утром она получила телеграмму. Николай возвращался в Могилев, чтобы попрощаться с войсками. Александре стало сразу легче. Значит, на самом деле, Николай отрекся от престола. Слава Богу. Значит, он — жив и здоров, скоро вернется... Да, конечно, его царствование завершилось, но разве нельзя быть счастливыми и без царства?

Легкая улыбка тронула ее губы на бледном лице. Царствовать — дело не очень простое, да и не очень приятное... Они оба еще довольно молоды. Их обоих впереди ждет спокойное, безмятежное счастье. И оно станет для них обоих наградой. Они будут жить скромно, вдали от всего этого шума и гама, который окружает высшую власть с ее тщеславием. Прежде всего следует заботиться о тех кого любишь, не обращать внимания на происки врагов, тех, кто внес свой вклад в крещение России огнем и кровью, и только молиться, молиться за спасение ее...

Александра старалась сохранять хладнокровие. Она тяжело вздохнула, ее высокая грудь, вздрогнув, опустилась.

— Ведь сам Господь доверил нам святую Русь, — размышляла она, — и нужно постоянно, бдительно следить за ней, как за капризным ребенком.

Перед дворцом остановился автомобиль. Как поздно, однако, 2 часа ночи. Александра все еще стояла на своем постоянном ныне посту, у окна, вот уже несколько дней ожидая чудесного мгновения, когда за стеклом появится знакомый силуэт ее горячо любимого мужа. Она прильнула к оконному стеклу. Какие-то люди вышли из автомобиля. Несколько военных, один гражданский, хмурый, с бородкой. У всех на папахах — алые ленточки, — обязательный теперь признак революционной принадлежности. Последний оставшийся в дворце часовой у решетки преградил им дорогу. Бородатый потребовал, чтобы тот ему отдал воинскую честь. Кто же он такой? Через несколько минут царица все узнает.

На первом этаже раздавались чьи-то голоса. Вероятно, там зашел спор. Офицер императорской гвардии, привлеченный шумом в столь поздний час, заявил непрошеным гостям, что их не знает и не может пропустить внутрь дворца. Завязалась дискуссия. Тон разговора накалялся. Эти двое гражданский и военный, — по их словам, прибыли, чтобы встретиться с императрицей. Ей об этом сообщили. Она согласилась их принять в гостиной на первом этаже. Она с трудом спустилась по лестнице, испытывая ужасные боли в ногах. Она подошла к ним

одна, без сопровождающего, холодная и высокомерная, настоящая императрица. Оба эти человека невольно вытянулись перед ней, замерли.

У обоих был растерянный вид. От смущения оба покраснели.

Александра подошла к военному. Это был генерал Корнилов. Она обратилась к нему:

— Что вам угодно, генерал?

Генерал от волнения не мог найти нужных слов и решил прежде представить своего напарника.

— Ваше величество, это — господин Гучков, военный министр в новом правительстве.

Императрица молчала, и видя, что его слова на нее не произвели абсолютно никакого впечатления, генерал продолжал невнятно бормотать:

— Ваше величество, я вижу, что вам ничего неизвестно о том, что происходит в Петрограде, и здесь, в Царском Селе? Мне очень неловко объявлять вам об этом... но лишь в соображениях вашей личной безопасности... Да... я вынужден... В общем, мы вынуждены, Ваше величество, вас...

Он осекся. Трусливый Гучков молчал, сконфуженный своей ролью министра-полуночника.

Александра, встав между ними, повернулась к генералу.

— Знаете, я как раз обо всем очень хорошо осведомлена. Вы приехали, чтобы меня арестовать, так?

Повисла тягостная тишина. Корнилов поклонился:

— Да, Ваше величество, вы правы...

— И это все, что вы хотели мне сказать? — спросила Александра.

— Все.

Без единого слова прощания, без единого жеста, гордая ледяная, величественная государыня повернулась к ним спиной и вышла из комнаты. Пораженные ее чувством достоинства Гучков с Корниловым прошли через вестибюль к выходу, сели в автомобиль, вместе со своими сопровождав* шими лицами.

Во имя свободы эти две марионетки объявили одинокой, беззащитной женщине о том, что она отныне находится в тюрьме.

Когда она вернулась к себе, там ее ждала Лили Ден, Она тяжело оперлась на письменный стол, стоявший у окна. Она не плакала. Она сумела взять себя в руки. Ее конфидентка поспешила к ней, чтобы помочь сесть в кресло.

— Ваше величество, что же там произошло? Там было столько шума!

Она опустилась в кресло и вдруг направила свой пристальный взгляд на гобелен, подаренный ей Францией. На ней

была изображена французская королева Мария-Антуанетта в окружении своих детей. Она отчетливо, выделяя каждое слово, сказала подруге:

— Я больше не императрица, но в любом случае остаюсь сестрой милосердия. Ступайте, посмотрите спят ли мои дети. Да хранит вас всех Господь!

Из-за детей, только из-за них, она отказалась от предложения Ден бежать с ней в Финляндию. Да и теперь побег невозможен. Вдруг острая боль в колене заставила ее вскрикнуть. Она никогда не признавала себя инвалидом, тем более, если нужно было решительно действовать, и теперь все ее существо, как с физической точки зрения, так и с моральной, стремилось только к одному, — к необходимости еде* лать все, чтобы спасти свою семью.

Над ее ложем висела икона, подаренная Распутиным. Она долго глядела на нее, потом легла на кровать, не раздеваясь и долго-долго плакала, постоянно повторяя имя, которое слетало с ее уст:

— Ники... Ники...

* * *

В сопровождении возбужденной толпы, проявлявшей к нему самое глубокое уважение, Николай подошел к своему вагону императорского поезда в Могилеве, чтобы ехать домой, в Царское Село. Его сопровождали четверо депутатов Думы.

Царский поезд прибыл по расписанию и встал на запас- ном пути царскосельского вокзала в 11.30. На платформе представители Думы передали своего заключенного новому только что назначенному, коменданту дворца. Как только царя увезли, члены его свиты в страхе разбежались кто куда, чтобы себя не компрометировать. Последние царские офицеры, незаметно выглядывая из окошек своих купе на перрон, на котором уже не было представителей революции, спешно спускались по лесенке.

Платформа быстро опустела. Только князь Василий Долгоруков, зять графа Бенкендорфа, решил сопровождать бывшего государя и оставаться с ним до конца, чтобы там ни произошло.

Когда Николай ехал по дороге, по обочинам которой стояли часовые, те ему не отдавали чести. Наконец, автомобиль подъехал к подъезду дворца, и Николай с князем Долгоруким вышли из машины. Они по лестнице поднялись в вестибюль, битком набитый незнакомыми людьми, в основном солдатами, которые

пришли специально, чтобы поглазеть на бывшего царя. Некоторые из них курили, а кое-кто даже не думал снять головной убор к присутствии царя. По привычке, проходя через толпу, Николай то и дело в знак приветствия, дотрагивался до околышка своей фуражки, но никто на его жест не отвечал. Он обменялся рукопожатием с Бенкендорфом, и, не сказав ни единого слова, прошел в личные покои. Императрица, дежурившая у окна, видела, как подъехал автомобиль. Дверь распахнулась, и лакей гораздо более звонким от волнения голосом провозгласил: «Его величество император!»

Радостная Александра побежала ему навстречу. Они вошли в детскую и, наконец, оказались одни, одни! Они долго прижимали друг друга к груди, ничего не говоря, и слезы омывали следы поцелуев. Она заговорила первой:

— Ники, любовь моя единственная, только одно твое присутствие здесь, рядом со мной, мне куда дороже любой империи в мире. Наконец-то мы снова вместе! Наконец ты рядом, и мы можем смотреть в глаза друг другу.

Впервые я могу смотреть на тебя, испытывая всю силу своей любви к тебе, как покорная женщина, как твоя жена. Да, твоя жена, которая сейчас любит тебя еще сильнее.

И Николай, который до этой минуты был человеком озабоченным, но стойким, вдруг проявляя слабость, уронил свою голову ей на грудь и зарыдал, зарыдал, словно ребенок. Он долго не мог успокоиться, но когда взял себя в руки, стал неистово покрывать поцелуями руки своей жены и затем, упав перед ней на колени, сдавленным голосом, словно робкий юноша, проговорил:

— Прости меня, моя любимая. Прости мою душу грешную!

* * *

Тем временем Корнилов распорядился заменить верную царю дворцовую гвардию и офицеров эскорта простой солдатней, грубой и невежественной, теми солдатами, которые первыми попались ему под руку. Это означало, что отныне в Александровском дворце устанавливался тюремный режим.

Петроград жил в какой-то странной атмосфере радости, страха и повального пьянства. Все видные государственные деятели прежнего режима находились под арестом, газеты увенчивали лавровыми венками революцию. Слово «Свобода!» теперь звучало повсюду не как благородный призыв, а как прямая угроза! На улицах — полным-полно бандитских рож, солдат, дезертировавших из своих полков, уволенных рабочих, крикливых баб, — все они продавали и с удовольствием покупали листовки с

карикатурами на царя. Самые скабрезные, смачные, глупейшие шутки вызывали взрывы смеха у этой толпы, такой грубой и невежественной, что только различного рода безумства могли вывести ее из состояния апатии.

Перепуганные мешане и дворяне, опасаясь, как бы их не раздели прямо на улице, прижимались к стенам, и, совершив перебежку из магазина и обратно домой, чтобы не умереть с голоду, тут же возвращались в свои красивые особняки и пропадали в их глубинах, чтобы их больше никто не видел.

На улицах Петрограда практически нельзя было встретить ни одного полицейского. Брошенный на произвол судьбы город напоминал собой свалку мусора. Домашние слуги убегали со своего места работы, чтобы вступить в революционные комитеты, в которых накапливались жалобы и угрозы против государя с государыней. В Царском Селе Александровский дворец нельзя было узнать. Двор разбежался, некоторых придворных арестовали. Другие находились уже далеко. По широким коридорам, по которым ранее неслышно ступали по мягким, пушистым коврам, слонялась солдатня в грязных сапогах, в расстегнутых гимнастерках, в фуражках, съехавших набекрень, — небритые, неряшливые, шумливые, они почти все были пьяными. Они бесцельно шатались по дворцу и днем и ночью, бесцеремонно заглядывая в комнаты. О какой верности бывшей императрице могла идти речь!

Граф Апраксин, долгие годы бывший гофмейстером императрицы, под каким-то благовидным предлогом исчез на следующий день после возвращения Николая. Нигде нельзя было найти ни графа Граббе, ни генерала Нарышкина, главы военного кабинета императора. Он так ни разу и не пришел навестить императора. Саблин, любимый адъютант, тот самый, которого вся семья считала своим настоящим другом, Саблин, осыпанный милостями и такими почестями, которые вызывали громадную зависть у его сослуживцев, тут же повернулся к своим благодетелям спиной. Граф Гендриков, бывший вице-губернатор Орла, тоже заявил о своей лояльности Временному правительству. Но глава нового правительства князь Львов отказывался от его услуг. В отличие от этого высокопоставленного государственного чиновника, его сестра, фрейлина императрицы Наталья Гендрикова поступила иначе, — она решила до конца раз- делитьˆудьбу государя с государыней и последует за ними не только в ссылку, но и вместе с ними примет смерть.

Император, несмотря на столько испытываемых неудобств, дезертирств, измен, все же ухитрялся сохранять свою мягкость.

Все же несколько верных слуг оставались с ним рядом. Но среди них не было тех, к кому он был больше всего благосклонен и расположен, и разумеется, мог бы рассчитывать на их поддержку.

Милейший князь Долгорукий, граф Татищев хотели только одного — оставаться со своими хозяевами, и когда им предложили свободу, они с презрением от нее отказались, заявив, что предпочитают разделить судьбу тех, кому они верой и правдой служили и кого любили.

Один провинциальный адвокатишка, который всегда рядился втогу Робеспьера в этом правительстве трусов, становился все увереннее диктатором. Это был Керенский. Теперь он определял императорскую судьбу, от его воли зависело, как с ними будут впредь обращаться.

Как и большинство персонажей этого безумного театра, которым непременно становится страна в тисках восстания, Керенского пьянили те роли, которые он, наконец, мог играть, та неожиданно приобретшая такую важность его личность, которую он придавал себе. Можно сказать, что он сыграл губительную роль в судьбе России.

Опьяненный своим взлетом, встав во главе революционной власти, он всего на несколько месяцев вышел из своего жалкого подполья и теперь принимал шумные здравицы, уверенно передвигался под гром аплодисментов, повсюду представлял себя спасителем нации, поселился в императорских покоях, принимал там иностранных послов и.своих министров в тех самых залах, в которых предыдущие цари и после Николай II принимали членов своих правительств. Все это наполняло этого интеллигента-марионетку духом квасного братства и ярмарочного равенства, отчего он просто терял голову, и такое глупое состояние можно был о даже ему простить. Очень скоро его прогонит Ленин со своими новыми пришельцами, и ему придется бежать как опереточному конспиратору в женском платье, под улюлюканье, прибаутки и плевки распоясавшегося народа, который мечтал только об одном, — схватить все эти одну за другой политические «звезды» и втоптать их в грязь, перемешанную с кровью...

Перед Керенским открывались самые радостные, самые извращенные перспективы, о которых он так мечтал. Когда он был назначен министром юстиции во Временном правительстве, он тут же отправился в Александровский дворец, чтобы поговорить со своими «пленниками»,

Николай протянул ему руку. Керенский стоял перед ним с гордо поднятой головой, с надменной физиономией. Их встреча

проходила в одной из комнат, в которой собралась вся семья. В глубине сидела императрица. За ней стояли две старшие дочери — Ольга и Татьяна. Рядом с ней сын Алексей, который играл со своей собакой. Император представил новоиспеченного «министра» супруге. Александре пришлось делать над собой некоторые усилия, чтобы оставаться спокойной, не сорваться. Она приветствовала его лишь легким поклоном головы. Керенский вдруг под давлением своей обычной посредственности потерял самообладание. Он стал разговаривать с императором, называя его «полковник», но суровый взгляд, который метнула в него возмущенная Александра, заставил его смутиться, и с его уст слетело подобающее — Ваше величество. Ему захотелось показать, что хорошие манеры ему не чужды, и он с видом покровителя заявил:

— Ваше величество, английский король получает о вас всех сведения. Поверьте, этот арест, которому я вынужден Вас подвергнуть, всего лишь чисто символический шаг. Я имею честь торжественно сообщить Вам, что сегодня же на заседании Совета министров я подписал указ об отмене в России смертной казни,..

Какой подлый обман! Государь с государыней молчали. Их достойное поведение, их молчание без признаков враждебности производили должное впечатление на этого кровавого марионетку, который строил из себя великого государственного деятеля. Он вдруг смягчился. Он спросил, не нужно ли им чего-нибудь?

Николай молчал. Александра ответила ему, хотя этого и не хотела:

— Да, господин... Нам нужно немного тишины в этом доме, так как мы все ужасно устали, к тому же две мои дочери больны...

Николаю не понравилась ее такая просьба и Александра, понимая это, замолчала. В обстановке вежливого равнодушия с одной стороны, плохо скрываемой неловкости с другой и завершилась эта встреча.

Вечером, когда Керенский вернулся в свое министерство, он восторженно рассказывал мадам Добровольской, жене своего предшественника, отправленного в тюрьму о своем визите к царю.

— По его взгляду я понял, что передо мной человек бесконечно выше меня. Теперь, когда я поговорил с ним, я знаю, что царь, в отличие от того, что о нем говорят, человек, преданный Отечеству, и что он только и думает о благе России. Это — прекрасно образованный, умный человек... Оказывается, я его плохо знал...

Его окружение рисует его совершенно иной портрет!Нужно в

этой связи подчеркнуть, что Керенский, этот прирожденный комедиант, мог, конечно, произнести такие слова о царе, о которых сообщает мадам Добровольская, но не осмысливая ни одного слова, просто, чтобы ее обмануть и усыпить ее бдительность. Уже на следующий день в пол- ной мере проявилось грубое хамство министра.

Он отдал приказ об аресте Анны Вырубовой и Лили Ден. Вырубова в это время болела, лежала в кровати в своей комнате. С ней теперь будут обращаться как с новоявленной принцессой де Ламбаль. Этому, упоенному своей властью Керенскому очень хотелось во всем имитировать Французскую революцию. Вырубову, по его мнению, нужно было отдать на растерзание толпы, втоптать ее в грязь. Царица, которая тоже очень болела, все же захотела с ней проститься. Ее к ней привезли на ее кресле-каталке. Обе женщины в ужасно нервном состоянии не смогли сдержать слез. Они обменялись обручальными кольцами. Через несколько минут несчастную Вырубову с костылями везли на грузовике, набитом солдатами, в Петропавловскую крепость. Там она просидит долгие пять месяцев...

«Покровительство» Керенского обернулось недостойной комедией. Теперь революционная пропаганда, активизированная немецкими агентами, нападала не только исключительно на Александру. Теперь речь шла о том, чтобы постоянно позорить царя, и делать это с помощью его народа, этих народных орд, которые нападали только на него, побуждаемые к этому продавшейся врагу прессой и некоторыми финансистами, которые внутри страны ожидали отдачи своих колоссальных капиталовложений.

Теперь самым распространенным лозунгом дня становились слова «Измена! Царь — предатель!». В столицах губерний отряды революционных бойцов, в уездах новые избранные народом начальники поднимали ужасный вой. «Он всех нас предал, он нас предал!» Керенский не пошевельнул и пальцем, чтобы прекратить эту злобную кампанию, хотя ему, конечно, была хорошо известна истина. Но к чести русских крестьян, разночинцев, всегда хранивших вековые традиции своей страны, нужно сказать, что всем этим манифестантам они отвечали кровавыми мятежами, потому что тысячи честных людей были возмущены ложью Советов и отказывались им верить.

Дворец-тюрьма, в которой теперь жили Романовы в заточении, с каждым днем все более невыносимом, превращался в место самых отвратительных обысков. Прежде всего супругов разлучили, как вульгарных преступников, их постоянно вызывали на утомительные допросы за закрытыми дверями, чтобы

воспользоваться их малейшей оплошностью, которую их дознаватели могли бы предъявить как еще одно дополнительное доказательство их виновности.

Все их письма, папки документов, личные записки членов семьи были конфискованы, их читали, перечитывали, классифицировали по степени важности, предлагали для ознакомления «народным комиссарам».

С какой-то болезненной алчностью следователи искали любую малейшую деталь, свидетельствующую об измене. Но все их старания были напрасны. Несмотря просто на дьявольское усердие они так ничего и не могли найти предосудительного или компрометирующего.

С началом военных действий царица разорвала все связи с Германией, постоянно проклинала кайзера, уличала его лицемерие во всех его словах, восхваляла высокий патриотизм Николая и призывала Россию вести войну до последнего своего сына против пруссаков, постоянно говорила об их полной невиновности, — ее и царя. После бесконечных дней поисков, следствию удалось лишь обнаружить такие неопровержимые доказательства, которые целиком и полностью противоречили тому, чего они хотели добиться, и в конце концов эти полицейские от революции были вынуждены, скрипя сердце, признать свое поражение.

Теперь бывшие государи могли встречаться со своими детьми всего на несколько часов —. за обедом и по вечерам, за обшей молитвой.

И это были радостные мгновения счастья для всех, радостного настроения, когда каждый старался скрыть от другого свою тревогу, разочарование или страх. Керенский, совершив «кульбит» честности, что Порой с ним бывало, под впечатлением неуязвимости царя, его куртуазного поведения, его врожденной верности стране, его неопровержимой любви к России, а также безукоризненного поведения Александры, ее возросшего чувства собственного достоинства, ее такой трогательной любви к своему мужу, через месяц после завершения следствия, торжественно заявил перед членами Временного правительства: «Государь с государыней чисты. Царя с царицей нельзя обвинять ни в каком предательстве».

Ну что же, можно только поприветствовать этот приступ мужества у Керенского, революционера-министра, — но личности тем не менее весьма загадочной, чье двуличие так никогда и не будет до конца объяснено. Неужели он не знал, что уже слишком поздно, чтобы повернуть в другую сторону общественное мнение? Офицеры, которые несли охрану императорских заключенных,

продолжали вести себя перед ними как грубые мужланы. Их ненависть прорывалась постоянно. Подчиненные военного министра Гучкова бесчестили дворец своими оскорблениями. Они позволяли себе орать на придворных, упрекать их в том, что все они — продажные души.

Как-то в июне Алексей во время прогулки играл с игрушечным ружьем. Вдруг солдаты обратили на это внимание и закричали: «Да он вооружен!» Солдаты конфисковали «ружье» и ушли.

Однажды в парке они убили перед ним маленьких козочек, которых цесаревич просто обожал.Все они безбожно воровали во всех комнатах дворца, — под предлогом инвентаризации забирали шкафы, секретеры, сундуки у великих княжон.

Каждый день комендант назначал дежурного офицера, совершавшего обход дворца. Николай всегда вел себя очень дружелюбно, и всегда первым протягивал руку для пожатия. По привычке протянул он руку и этому офицеру. Но тот отказался пожать руку царю.

У Николая на глазах выступили слезы. Положив ему руки на плечи, он спросил:

— Отчего же, голубчик? Что вы имеете против меня?

Заложив руки за спину, с ненавистным лицом, тот буркнул:

— Нуі за что на свете! Потому что я — из народа. А когда народ протягивал вам руку, вы от нее отказались...

Подобные оценки случались все чаще. Дни шли. Позже Николай поймет, что он, по существу, жил не в реальном, а в каком-то вымышленном мире, который для него создавали придворные и льстецы.

На самом ли деле Керенский пытался отправить императорскую семью за границу? Говорят, что он действительно вел секретные переговоры с английским правительством. Разве Александра не была внучкой королевы Виктории и кузиной короля Георга V? Следует подчеркнуть, что позиция, занятая английской королевской семьей была, по крайней мере, двусмысленной. В первые дни заключения царской семьи в Царском Селе еще было время, чтобы вырвать несчастных из рук их тюремщиков, и если они не хотели принимать их как членов своей семьи то, по крайней мере, могли бы оказать им помощь, как ее оказывают, например, жертвам кораблекрушения. Пришлось довольно долго ждать нерешительного приглашения от Георга V оказать гостеприимство своему несчастному кузену — русскому царю на английской земле. Оно в конце концов, поступило, но содержало в себе столько ограничений, которые читались между строк, что наводило на мысль об искреннем

желании британской короны, чтобы такое событие не произошло. Премьер-министр Дэвид Ллойд-

Джордж делал все, чтобы такой проект не состоялся, он открыто заявлял, что английский народ может оказать плохой прием на своей земле государыне, в жилах которой течет немецкая кровь!

Александра до последнего момента надеялась, что Англия вызволит их из пленения, но никому об этом не говорила. Она не осмеливалась говорить об этом ни с мужем, ни с детьми. Однажды она все же сказала об этом новому коменданту дворца капитану Коцебу. Он хорошо, по-дружески относился к бывшей царице, был убежден в ее невиновности, искренне жалел ее и сочувствовал этой приходившей в отчаяние женщине, но он подчинялся своим командирам, и ничем не мог ей помочь:

— Мадам, хотя я не английский король, но все равно мог бы помочь вам бежать... но сейчас я ничего для вас сделать не могу... не могу...

Императрица жадно набрасывалась на новости каждое утро. Все вокруг лгут, а английские дипломаты в Петрограде были ужасно смущены отсутствием особого энтузиазма у британского двора в отношении приема в Лондоне своих русских родственников. Глава Временного правительства князь Львов со скорбной физиономией официально заявил, что секретные переговоры с британским кабинетом ничем положительным не увенчались, из чего следует, что Англия категорически отказывается принять у себя императорскую чету.

Комедия продолжалась. Керенский, загнанный в угол Александрой, ответил:

— Мадам, Петроградский совет против вашего отъезда.

Позже знаменитый английский посол в Петрограде сэр

Джордж Бьюкенен утверждал, что этот ответ Керенского — чистая ложь, что именно он возражал против переезда русских государей в Англию. Кому из них верить?

Орудовавшие в тени, эти мерзавцы прекрасно знали, что не выпустят из своих рук добычу. Николай, как и его жена, уже давно готовил себя к перспективе английской ссылки, и в этой связи задавал себе тысячу вопросов. Он в своем дневнике записывает, что если теперь он — человек абсолют- но бесполезный для своей страны, то утешением ему могла бы стать его ссылка на принадлежавшие ему земли в Крыму, в Ливадию, с которой его связывали столько нежных вое- поминаний. Он говорил об этом с Александрой. Она его внимательно слушала во время коротких встреч, которые позволяли им люди Керенского. Но теперь она слушала его не так как прежде, иначе. Александра

уже обитала в нерукотворном дворце, в этом бесформенном чертоге без входа и выхода, в этом месте для молитв, очищения, абсолютной, светлой любви.

Ее несколько суровая душа, изнывавшая по мистическому одиночеству, уносилась за пределы жизни земной, куда- то ввысь.

От этого она не любила меньше своего нежного Николая и своих детей. Теперь она всех их вбирала в себя, как русская матрешка, начиненная другими, поменьше, хотя и предстает перед глазами как одна-единственная.

Более проницательная, чем Николай, в отношении всех политических проблем и этого безумия, все больше охватывавшего всю прежнюю империю, она прекрасно понимала, что Англия обхаживает своего нового союзника, — Временное правительство.

Она гнала от себя неприятную для нее мысль о возможном освобождении ее с мужем и детьми по инициативе этого чудовищного кайзера Вильгельма II, который, как говорят, пообещал произвести такой обмен, — за императорскую чету отпустить всех пленных русских офицеров. Нет, теперь она всем своим существом хотела оставаться русской, страдать и надеяться, — пусть она будет пленницей народа, но она будет с русскими. Ее неподрывная вера в Господа делала ее бесчувственной к любой угрозе, к любому наказанию. А мечта о Ливадии была таким утешающим бальзамом для ее сердца, словно тонкий запах давно забытых духов. Николай не отрывал от нее глаз во время их коротких встреч. Ему хотелось знать, разделяет ли она с ним его надежды, его упования? Но как он мог в этом сомневаться?

Однажды вечером, когда к ним снова пришел Керенский и осведомился об их здоровье, Николай откровенно спросил его:

— Если мы лишены возможности ехать в Англию, то почему нас не отправить в Крым?

Как всегда, по своему обыкновению, Керенский ему не отказывал, но ничего конкретного и не пообещал.

Время шло, а беспорядки в Петрограде все усиливались. Все более тревожные вести с фронта давали министрам все больше забот.

Чернь неоднократно пыталась проникнуть за ограду Царского Села, и с каждым днем становилась все реальнее угроза для жизни царской семьи.

Через неделю после последней беседы с императором к нему вновь пришел Керенский.

— К сожалению, — начал он, — князь Львов сказал, что все южные губернии охвачены восстаниями, междоусобной борьбой,

поэтому из наших планов придется исключить и Крым, и Кавказ. Если события будут и дальше развиваться в таком направлении, то мы, боюсь, ничего для вас сделать не сможем. Но я несу полную ответственность за вашу жизнь, за жизнь всех членов вашей семьи!

В пятницу, 11 августа, в этот прекрасный летний день, граф Бенкендорф, верный обер-гофмаршал императора, сообщил ему о приказе, отданном Керенским: царская семья в Крым не поедет, отъезд намечен в какой-то отдаленный город на востоке.

На следующий день, 12 августа, в день рождения цесаревича, по просьбе императрицы из Знаменской церкви для этого скромного праздника в заточении в Александровский дворец принесли чудотворную икону Божьей Матери. «Все были в слезах, — писал Бенкендорф. — Даже солдаты, растрогавшись, подходили приложиться к иконе... Это было как прощание с прошлым, которое уже больше не вернется».

Комендант дворца сообщил своим высоким обитателям, что им отводится двадцать четыре часа на сборы и подготовку к отъезду, чтобы собрать багаж.

Александра горячо молилась за сына перед большой иконой. Она осенила себя святым знамением. Тяжело, но умиротворенно, без печали вздохнув, она, опираясь на руку Николая, прошептала:

— Сколько у нас с тобой было счастья здесь, в Царском Селе! Ники, любовь моя, будет ли оно у нас в другом месте?

XXV.

Теплое лето придавало особый терпкий вкус этой ночи в Царском Селе. Чистое небо, усеянное бледными звездами, освещало тихий парк с его причудливыми тенями. Императорская семья так пока и не знала, куда ее повезут. Дети уже были готовы к отъезду. На первом этаже стояли ящики, сундуки, чемоданы, саквояжи. Все прощались с этим прекрасным, чарующим парком, в котором они так часто играли, забавлялись, где в каждом уголке, казалось, еще хранилось столько приятных воспоминаний о тех первых счастливых годах. Алексей, обычно такой тихий, с таинственным видом, не смог сдержать слез, когда вместе с сестрами посетил в последний раз небольшой островок, где они так часто играли в разведчиков, и огород, на котором они работали с большой радостью.

Подлинным, широким коридорам взад и вперед сновали незнакомые солдаты с хмурыми лицами.

Александра, несмотря на летнюю температуру, дрожала в своем длинном драповом пальто.

В круглой гостиной собрались граф Бенкендорф, фрейлины, горничные, последние оставшиеся слуги.

Как только раздавался шум двигателя автомобиля, подъезжавшего к крыльцу, царь тут же, напрягая слух, вскакивал, выходил из холла. Несколько разтревога оказывалась ложной,

В половине одиннадцатого появился Керенский в сопровождении двух господ. Один был командиром гвардии, а второй... Николай глазам своим не поверил!Николай испытывал такую радость, смешанную с удивлением, которую, казалось, даже было больно вынести.

Это был его младший брат Михаил! Миша, великий князь Михаил бросился в объятия брата.

Ах, какие чувства охватили их обоих после столь долгой разлуки из-за заключения царя.

Но им едва дали немного поговорить. Их ни на секунду не оставляли наедине вдвоем, даже при прощании, когда они пожимали друг другу руку.

Миша сильно похудел и был скорее похож на свою тень. Он старался улыбаться, все время наклоняя голову перед императором, который даже не осмеливался спросить брата, где же он сейчас живет.

Михаил обнял своего племянника, маленького цесаревича, и подарил ему икону.

— Пусть она принесет тебе счастье в пути, Алеша! Не забывай

своего дядюшку!

— А ты к нам приедешь, дядя Миша? — спросил мальчик. — Ну туда, где мы будем?

Тревожные взгляды отца, матери, глаза, наполненные слезами, присутствие четырех молодых девушек, его свояченицы производили на Михаила такое сильное впечатление, что он сам поспешил закончить свидание.

Еще раз он поцеловал мальчика в лобик, а тот делал громадные усилия над собой, чтобы не задавать дяде больше вопросов. Ночной посетитель все же тихо ответил:

— Да, Алеша! Мы еще увидимся... Я приеду!

— Куда же? Куда мы едем? — продолжал ребенок.

На его вопрос никто не ответил, как будто он и не прозвучал. Керенский, словно извиняясь, сказал царице, что, все, свидание окончено. Он повернулся и пошел вместе с комендантом за Великим князем, словно это был эскорт из двух человек.

В полночь узники должны были покинуть место обитания своих предков. Множество гвардейцев помогали слугам выносить багаж. Теперь все ждали, когда приедут грузовики. Бледная сперва ночь, становилась все темнее. Сидя на своих чемоданах, великие княгини старались казаться спокойными, чтобы не огорчать своих родителей.

Шалунья Анастасия играла со своей собачкой, а та постоянно обнюхивала сапоги солдат, которые выходили из дворца и снова входили в него. Она неутомимо бегала за ними. Анастасия взяла ее на руки и легонько постукивала ей по голове в знак наказания.

Было жарко, все сняли пальто. Как только послышались звуки приближающихся машин, они вновь их накинули себе на плечи.

Царь вышел на балкон, он явно нервничал, а Александра, подойдя к сыну, ласково гладила его по волосам. Взгляд у нее был добрый, но какой-то отсутствующий.

Первые проблески зари уже бросали свой сиреневый свет на ветки деревьев. Первые, робкие птички начинали петь, но песнь их была невеселой, словно они понимали в какой печали проходил отъезд семьи. В половине шестого вместе с зарей у дворца появился эскорт в составе драгунов третьего балтийского полка. Несколько автомобилей выстроились в парке. Вновь показался Керенский. Он отказался от чая, который пил и путешественники, и отдав несколько коротких приказов стал прощаться. Он был подчеркнуто вежлив, экономил жесты и слова. Бросил только одну-единственную фразу:

— Гражданин Романов* желаю вам и вашей семье счастливого путешествия.

Царь с царицей, их дети, заняли свои места в автомобилях. За

ними двинулись другие, в которых ехали их немногие последние друзья и прислуга.

Всадники сопровождали кортеж до Александровского вокзала. Уже всходило солнце. Поезд стоял у края платформы. Не один, а два. Граф Илья Леонидович Татищев, генерал-адъютант императора, сам, по своей доброй воле решил сопровождать своего хозяина и ехать с ним в таких же условиях, что и он. Он поднялся в царский вагон, соблюдая как всегда при этом дворцовый протокол.

Поезд, который был предоставлен царской семье для поездки в Сибирь, был, конечно, не столь комфортабелен, как императорский, но все же он отличался определенной роскошью, если еще и учесть, что предназначался он для перевозки арестованных лиц. Поезд состоял из комфортабельных спальных вагонов производства Международной компании спальных вагонов. На императорском поезде теперь разъезжал по своим надобностям сам Керенский. Пол- ковник Кобылинский, который был назначен командиром отъезжающего с царской семьей отряда охраны ехал в одном поезде с императором, а триста тридцать его солдат следовали во втором.

Оба поезда тронулись в путь. Поплыли мимо привокзальные строения, семафоры, за ними — сады с раскидистыми деревьями, которые было плохо видно из-за запотевших от утреннего тумана окон. Вдруг перед глазами путешественников промелькнул золотой купол церкви.

Поезд набирал скорость, после мчавшихся назад последних домов, потянулись зеленые луга, за ними — ухоженные поля.

Вот и Царское Село. Прекрасная императорская деревня тоже быстро исчезла, словно кто-то на нее дунул. Теперь все пассажиры знали, куда они едут. В Тобольск, расположенный далеко на востоке, в Сибири, чтобы объехать все эти опасные для жизни государей края из-за постоянно возникавших там мятежей и усиливавшихся волнений.

Было ли это так на самом деле? Или все это — лишь зловещая мизансцена, разработанная Временным правительством, чтобы заставить всех поверить, что оно старается защитить царя с царицей, сохранить им жизнь, что план их пленения и физического устранения давно оставлен!

* * *

17 августа поезд медленно подошел к Тюмени, городу, расположенному на реке Туре. На пристани, прямо напротив железнодорожной станции, пассажиров ожидал пароход ♦Русь».

Почти всю ночь с возрастающим отчаянием императорская свита переносила багаж на пароход. Уже поздно, и цесаревич, волнуясь, никак не мог понять, почему его не укладывают спать. Он не раз подходил к отцу, спрашивал его:

— Это — очень далеко, туда, куда мы едем? А почему так далеко?

Великая княгиня Ольга, видя, насколько устала, как истощена мать, как и полагается старшей, доброй сестре, посадила ребенка себе на колени и пообещала ему рассказать интересную историю, если он только закроет глазки и попытается уснуть .

Трудно описать эти бескрайние сибирские унылые степи. Путешественникам казалось, что вода вокруг — это всего лишь мираж, и что они все обречены на эту водяную неподвижность, когда пейзаж вокруг совсем не меняется.

Пароход шел так медленно вниз по течению, по этим необозримым водам реки Иртыш, что иногда оба берега скрывались в тумане. Куда ни бросишь взгляд — одна и та же картина: те же поля с золотистым жнивьем, то здесь, то там — хилые березки, словно эти деревца тоже больны. Никаких холмов, никаких, даже самых невысоких пригорков. Время от времени жалобный крик матроса, измеряющего длинным шестом глубину.

Редкие деревеньки проплывали перед глазами удивленной Александры. Леса расстилали свой зеленый шатер, обращенный к бледному небу. Александра молча наблюдала за тем, как проходит их путешествие, стараясь не упускать ни малейшей подробности. Она сдерживала удары своего разволновавшегося сердца. Когда день шел к закату, когда становилось более свежо, она отказалась сойти с палубы и пройти в свою каюту. Она попросила доктора Боткина, который умолял ее не злоупотреблять сырым, холодным воздухом, принести ей бинокль.

— Передайте императору, пусть придет ко мне, я уже вижу крыши домов. Мы подъезжаем к селу Покровское...

Покровское, родная деревня Распутина! Ее дорогого отца Григория! Александре хотелось опуститься на колени. Но она сделала это мысленно. Вот она перед ней, эта богатая деревня; в окнах домов стояли горшки с цветами, на скот- ныл дворах было полно коров и свиней. Дом Распутина можно было сразу узнать: высокий, двухэтажный, он возвышался над простыми крестьянскими избами. Так вот откуда когда- то «старец» ушел и дошел до чертогов императорского дворца, чтобы спасти от смерти ее ребенка...

Николай, которому Боткин передал ее просьбу, подошел к жене. Он нежно обнял ее за талию и затем очень тихо, словно

бесшумно выдохнув, сказал ей:

— Алики, любовь моя, ты правильно сделала, что позва* ла меня.

— Ведь в этой деревне родился наш друг, не так ли?

Они оба увидели дом Распутина, — на целый этаж выше

остальных. Все окна были распахнуты. Оба стали осенять себя крестным знамением в наступающей ночи. Александра, казалось, не могла оторвать глаз от этой деревни, этого спокойного, умиротворенного пейзажа, и она быстро пошла к корме парохода. Николай пошел за ней следом.

— Посмотри, Ники, за кормой остается золотистый след...

— Это — знак верности, моя любовь...

Они принимала это слово так близко к сердцу. Верность! Она, прежде всего, дарила ее Господу, который не мог желать ничего плохого, созданным Им тварям. Ее внутренняя взволнованность прошла. Она улыбалась Николаю, детишкам, которые подбежали к ней, чтобы понаблюдать за закатом солнца, когда оно начнет тонуть в этой широкой, вольготной реке.

— Завтра прибудем в Тобольск, — сказал царь, взяв нежную руку Александры в свою.

В субботу, 19 августа, в конце дня, перед глазами путешественников возникли очертания тобольского кремля и золотые маковки городских церквей. Тобольск, который считался со дня основания столицей Сибири, в 1917 году насчитывал всего 20 тысяч человек. Город, по существу, был изолирован от остальной России и считался «тихой заводью», до которой не долетали громкие события империи. От Тюмени, ближайшего к Тобольску города, нужно было преодолеть по воде более 300 километров.

Постепенно город представал перед ними, словно только что вышел из старинной сказки. На высоком холме, — два с половиной десятка церквей с золотыми куполами. Все они были окружены зубчатой стеной древней крепости. Пароход приближался, и теперь были видны несколько больших аккуратно выбеленных церквей, а дальше — неприглядные административные здания, а по обеим сторонам узких, кривых улиц — одноэтажные деревянные домики выстроились в беспорядке. Когда пароход подошел к пристани, император увидел на ней большую толпу людей.

Императрица велела своим детям перекреститься перед этими возбужденными жителями, которые не спускали с них всех глаз.

В сумерках пароход пришвартовался у причала Западно-Сибирской торгово-пароходной компании, и командир

сопровождающего отряда Кобылинский с князем Долгоруким сошли на берег, чтобы осмотреть жилые помещения, выделенные путешественникам и царской свите.

* * *

Тобольская ссылка началась, и пленники не испытывали особого чувства неудовлетворенности. Здесь царская семья не испытывала больших лишений. В Царском Селе, с негласного разрешения Керенского, охрана каждый день чинила им тысячу неприятностей. Первые недели, проведенные в Тобольске, в конце лета пленники, как это ни парадоксально, чувствовали себя хорошо, им там даже было приятно. Все же славянский фатализм — вещь всемогущая! Сам Николай в это время испытывал такой душевный покой, которого у него давненько не наблюдалось. Разумеется, в строгом доме губернатора, служившем им тюрьмой, об особых удобствах мечтать не приходилось. К тому же им было запрещено выходить из дома или со двора. Им разрешалось посещать утренние богослужения в соседней церкви, но в это время полиция запрещала вход в собор прихожанам.Царь каждый день в девять часов утра пнл чай в компании великой княжны Ольги. Другие дети завтракали в столовой.

Александра не выходила из своей комнаты до полудня. Она по-прежнему мучилась болями в ногах и порой просто не могла сделать ни шагу.

Она посвящала долгие часы молитвам, давала уроки географии и истории своему сыну, чинила одежду мужу и себе и всем детям, так как их гардероб изнашивался и постепенно проходил в негодность. По вечерам играли в бридж. За стол усаживались князь Долгорукий, княгиня Гендрикова, граф Татищев, два преподавателя Алексея, — швейцарец Жильяр и англичанин Сидней Гиббс, доктор Боткин, который постоянно с тревогой следил за состоянием здоровья царицы, старался не допускать излишней усталости пациентки, оградить ее от ненужных треволнений. Николай иногда вслух читал свои любимые произведения — роман «Войну и мир», рассказы Тургенева, Мельникова-Печерского, рассказы Чехова и фельетоны Аверченко.

Иногда великие княжны с братом устраивали спектакли, разыгрывали короткие комедии на трех языках — русском, французском и английском.

В девять часов вечера все собирались на последнее чаепитие на день. В одиннадцать все укладывались спать.

Александра даже в самые худшие дни своего пленения

старалась сохранять бодрый, горделивый вид, быть как можно проще. В отличие оттого, что писали свидетели о ее весьма сомнительной пристрастности, эта женщина с гордо, высоко поднятой головой, умела подать свое доброжелательство с удивительной деликатностью. Чем больше говорилось, что эту фатальную войну Россия неизбежно проиграет, тем больше она старалась сблизиться с народом, она постоянно интересовалась ранеными, военнопленными, в общем судьбой каждого, и меньше всего своей собственной.

Нужно подчеркнуть, что полковник Кобылинский, назначенный Временным правительством «охранять» царя и членов его семьи, который, по сути дела, был их главным тюремщиком, сумел создать вокруг пленников обстановку доброжелательства и уважения.

Николай превратился в садовника и по утрам постоянно, подолгу трудился на небольшой узкой делянке, выделенной ему для сельскохозяйственных занятий.

Он там выращивал кое-какие цветы.

Полковник Кобылинский все больше привязывался к государю с государыней. Ему удалось наладить дисциплину среди своих подчиненных и добиться от солдатни сдержанности и уважения к царской семье. Какая большая разница по сравнению с первыми месяцами заточения в императорском дворце! Но этот странный тип Керенский, о котором никогда нельзя было сказать, что происходит на самом деле в его извилистой душе, узнав о таком своеобразном «перемирии», облегчавшем повседневные тяготы жизни царским домочадцам, в конце сентября прислал в Тобольск двух комиссаров Василия Панкратова и Александра Никольского, назначенных Керенским помогать «надзирать за государями».

Панкратов, главным образом, отличался своей глупостью и вскоре попал под безраздельное влияние Никольского, этого грубого, невоспитанного человека, который считал своей главной работой — постоянное преследование любыми способами своих пленников. Он считал еще своим долгом заниматься политическим образованием своих солдат, этих безграмотных, примитивно мыслящих мужиков, которые слушали с недовольным ворчанием его лекции, воспитывавшие ненависть, грубость, разрушительный инстинкт, чему их учила партия. Он хотел сделать из этих солдат, не имевших никаких твердых политических убеждений «настоящих большевиков».

Никольский очень быстро вошел в свою роль тюремщика, и его большевизм в основном строился на хамстве и грубости, и в результате условия содержания царской семьи стали гораздо

хуже, чем в Царском Селе.

Через несколько дней те, кто слушали его «лекции» перестали с уважением относиться к царю и даже отвечать на его приветствия.

Однажды утром Николай, весело обращаясь к одному из них, сказал ему:

— Добрый день, стрелок охраны!

На что тот ему грубо ответил:

— Никакой тебе я не стрелок, я — товарищ!

Наступила осень 1917 года, покрывшая землю своим печальным ковром из желтых листьев. Охрана продолжала притеснять царских детей. Их отец построил в небольшом садике качели, на которых любили качаться великие княжны. Чтобы им насолить, солдаты исписали их похабными надписями. Так молодые девушки были лишены последнего удовольствия.

На Рождество во время церковного богослужения произошел один неприятный инцидент. Утром, в день Рождества Христова семья пришла в церковь к заутрене. По традиции священник в конце службы провозгласил «многие лета» царю и царской семье. Эту молитву обычно после отречения царя опускали. Узнав об этом, солдаты охраны пришли в ярость. Они даже хотели убить священника Васильева, которого епископу Тобольскому удалось спасти от расправы, так как он его тут же отправил в дальний монастырь. С этого времени всей семье было запрещено посещать церковь и присутствовать на богослужениях. Начиная с 17 февраля все богослужения должны были проходить не в церкви, а в губернаторском доме. Охрана использовала любую придирку, любую мелочь, всякие глупые выходки, чтобы заставить царицу с царем выйти из себя, потерять терпение. Их непроницаемое спокойствие еще больше злило эту банду хулиганов в солдатской форме, которая только стремилась к одному, — творить зло, запугивать окружающих и мучить несчастных, беззащитных людей.

В этой обстановке усиления жестокости, поразительной глупости, повседневных проявлений грубой вульгарности, произошел один парадоксальный инцидент. Несчастный полковник Кобылинский встал перед царем на колени. Выбранный солдатский комитет принял решение запретить ношение погон всем офицерам, включая и царя. С каждым днем Кобылинский терял свои полномочия. Но тем не менее он старался, как мог, оградить государя с государыней от распоясавшейся солдатни. И днем и ночью этот человек, выходец из народа, который никогда не проявлял своих монархических чувств, но который, живя бок о бок с императором и его семьей,

стал понимать, какой чудовищной клевете подвергаются жертвы революции, и стремясь выразить им свое соболезнование, свое негодование поведением солдат, делал все, чтобы хоть как-то облегчить каждое мгновение их пленения.

На глазах у него навертывались слезы. Однажды Николай с присущей ему мягкостью спросил его, в чем дело, отчего он такой расстроенный.

— Вы же видите, что с меня сорвали погоны. У меня больше нет никакой власти над подчиненными. Тут теперь командует Панкратов, а скорее Никольский, потому что он сопровождает все свои приказы ударами плетки. Ваше величество, прошу меня простить... у меня нет ни Вашего благородства души, ни образцового безразличия, проявляемого императрицей... Власть неудержимо ускользает из моих рук. Я не могу быть более полезен Вам, и посему решил просить об отставке... Мои нервы сдают... я совершенно измучен...

Николай поднял Кобылинского с колен.

Император положил ему руку на плечо, в его глазах появились слезы:

— Я умоляю вас, Евгений Степанович, остаться. Останьтесь ради меня и моей жены, ради детей. Вы должны помочь нам. Наше терпение тоже на исходе... Я прошу об этом вас, не как царь, а как ваш друг, ваш брат по несчастью...

И тюремщик с заключенным крепко обнялись...

* * *

Все большая ненависть исподволь захватывала сибирские просторы. Слякотная, серая, без долгожданного тепла весна отрезала Тобольск от остального мира. Но изоляция его усиливалась, когда из Москвы, из главного штаба Ленина, стали приходить приказы о более суровом содержании членов дома Романовых.

Александра сильно страдала, но не подавала вида, с каждым днем делая над собой все большие усилия, так что даже доктор Боткин, глядя на нее, позабыл о ее сердечном заболевании. Она постоянно писала письма своей лучшей подружке и конфидентке Анне Вырубовой, которая вот уже несколько месяцев томилась в Петропавловской крепости в Петрограде.

Религиозная вера императрицы помогала ей преодолевать все боли, не замечать притеснений, угроз солдатни, этих новых рекрутов, набранных из числа крестьян, — партийцев, которые считали своим долгом быть куда еще более грубыми, жестокими и циничными.

Несчастная государыня никогда не демонстрировала сво- его полного смирения. Да, теперь, глядя на нее, можно было сделать вывод, что она отказалась от любой человеческой надежды, но у нее была еще и другая, тайная, которая ее все еще безотказно поддерживала, и почти каждый день она была занята рукоделием — либо шила, либо вышивала. Ей нравился приглушенный свет, лившийся из окна неподалеку, так как к нему подходить близко ей запрещалось, под тем предлогом, что она могла обменяться условными знаками с потенциальными заговорщиками.

Какое лицемерие, какая глупость! Существовали, конечно, многочисленные монархические группы смелыхлюдей, но они не были организованы, действовали порознь, и им ничего не было известно о тех непреодолимых преградах, которые ежеминутно возникали между домом в Тобольске и остальным миром.

В конце концов, казалось, в их среде появился лидер в лице одного достойного презрения человека по имени Борис Соловьев. В 1915 году он подружился с Распутиным, вошел к нему в доверие. Обосновавшись в Тюмени, Соловьев координировал разрозненные усилия с целью спасения тобольских пленников. В августе сразу после отъезда царской семьи в Тобольск, Соловьев поехал в Сибирь для изучения ситуации. Вернувшись в Петроград, 5 октября

1917 года, он повенчался с дочерью старца, Марией Распутиной в Думской церкви.

После прибытия в Тобольск Соловьев быстро установил контакты с императрицей, действуя через одну из ее горничных, некую Романову.

Но этот человек был двойным агентом. Он использовал материальную помощь, желание многих людей помочь организовать побег царской семьи, только ради личного обогащения. Он исправно, сообщал о любой более или менее рассчитывавшей на успех попытке освобождения советскому комиссару.

Соловьев с невероятной изощренностью предателя наблюдал за деморализацией императорской четы, притворяясь, что на самом деле занимается их освобождением, но все это была с его стороны чудовищная, беспардонная игра, цель которой была поживиться за счет их бедственного положения.

Александра оставалась неколебимой. Она писала: «Хотя мы все ужасно страдаем, мир властвует в наших душах. Ни одно страдание не заставит меня задуматься над тем, что произойдет с моим телом. Я страдаю только из-за России. Но и это в конечном счете, — к лучшему. Просто я теперь ничего не понимаю, — может, весь мир сошел с ума?

Какое теплое, радостное солнышко, и все вокруг сверкает инеем. Отныне все для нас — только в прошлом! Как же несчастна моя бедная Россия! Разоряемая изнутри, разрушаемая извне немцами! Остается только надеяться, что наши армии остановят захватчиков.

Я чувствую, как старею* Но разве я не являюсь, тем не менее, перед Господом матерью этой несчастной страны? Черная неблагодарность России по отношению к Николаю разбивает мне сердце, но даже это не мешает мне любить эту страну, как самого бедового из детей».

В другом письме, адресованном Вырубовой, она пишет: «Как хочется мне стать лучше. Но вот смогу ли? Только лишь доброта способна осветить тот мрак, куда погружает нас все больше наша глупость. Гроза близка. Но через смерть обручается душа со Спасителем.Это мое путешествие к большему слиянию с божественной любовью меня так поддерживает».

Денег не хватало. Со стола пленников исчезло все то, без чего, по мнению их тюремшиков, можно было и обойтись, — кофе, сахар, сливочное масло.

Александра так терзалась из-за Николая, из-за своих детей. Она ни на что не жаловалась, не чувствовала никаких нехваток. Что для нее холод, что жара? Говорят, что она теперь такая рассеянная. Но она постоянно следит глазами за своим горячо любимым мужем. Как ей хотелось бы дать ему еше больше своей любви, если такое только возможно.

Однажды вечером, после общей молитвы, он ей показался такпрт озабоченным, с горечью на лице. Она, положив ему голову на плечо, мягко сказала:

— Ники, ты только подумай, сколько на свете несчастных супружеских пар, сколько женщин овдовели, сколько мужчин лишились домашнего очага... А мы с тобой остаемся вместе и будем вместе вечно, вместе с нашими очаровательными детьми, которые никогда нас не разочаровывали. Неужели этого мало, чтобы вынести все? Разве такая привилегия не стоит всех испытаний, насылаемых на нас?

Она опустилась на колени и принялась молиться Пречистой Деве, подбирая для Нее такие убедительные слова, чтобы Она их никогда не разлучала!

Но увы, какшакал, подкарауливающий свою добычу, Ленин решил разлучить царя с детьми. 13 (по старому стилю) апреля 1918 года, когда Алексей, играя во дворе, снова поранился, и у него начался сильнейший приступ гемофилии, за дверью на первом этаже возникла тень человека. Это был комиссар Яковлев. Как всегда этот странный представитель Советов не осмеливался

глядеть прямо в лицо собеседника:

— Гражданин Романов, вы должны готовиться к отъезду.

Николай молчал, заложив руки за спину. Затем, ударив каблуком сапога по полу, он осведомился:

— Нельзя ли узнать, куда я должен ехать?

— Этого я не уполномочен вам говорить...

Тут же несчастный царь вспомнил о распространявшихся в последнее время слухах о том, что Советское правительство решило закончить войну и подписать мирный Брест- Литовский договор с Германией, и его, очевидно, хотят заставить подписать такое злодеяние.

— Я отказываюсь ехать, — ответил император.

— Вы не имеете права отказываться от всего того, что вам предлагают, Я призываю вас выполнить приказ. В случае вашего отказа я буду обязан увезти вас силой...

— Мой сын очень болен. Он нетранспортабелен...

— Ваш сын, его сестры и ваша жена остаются здесь.

— Значит, я должен ехать один?

— Если вы не хотите ехать один, то можете взять с собой того, кого пожелаете. Успокойтесь, я отвечаю головой за вашу жизнь. Будьте готовы, мы уезжаем завтра утром, в четыре часа.

Николай поднялся в комнату цесаревича. Все слуги там, опустившись на колени, молились. Императрица сразу все поняла.

Спокойная, не повышая голоса, не жалуясь, она, стоя перед иконой, разговаривала сама с собой,

— Что же мне делать, Господи? Оставить мужа, который уезжает в неизвестном направлении? Оставить ребенка здесь и ехать за ним?

В какое-то мгновение она, словно л ишившись сил, стала оседать. Ее поддержала под руку дочь Татьяна. Она слабо улыбнулась.

Ребенок затих, он закрыл глаза, пытаясь уснуть. Он уже не стонал.

— Ладно, — решительно сказала она. — Я не могу оставить Николая, допустить, чтобы он ехал один. Я поеду с ним. Радость любви не знает слабости. Помогите же нам пережить эту раздирающую сердце боль от предстоящей разлуки с моим мальчиком. Но я чувствую, что это — не надолго...

Что же предчувствовала эта ясновидящая, увенчанная нимбом смиренного повиновения Богу? Она теперь была сама воплощением силы, такой, перед которой не страшны никакие испытания, никакие муки, никакая разлука, никакая трагедия. Словно находясь в этой великолепной броне своей любви и веры,

она чувствовала свою неуязвимость, несмотря на сомнения своего окружения.

— Решено, Николай, я готова к отъезду. Когда выезжаем?

* * *

В ночьс 14 на 15 апреля, обняв нежно на прощание детей, Александра с Николаем отправились на повозке в Тюмень. Поездка была трудной и изматывающей, по грязным дорогам, где колеса увязали в колее. Повозки переехали через Иртыш, по талому льду, и порой вода достигала середины обода. Когда они подъехали к Тоболу, то, к своему несчастью, обнаружили, что лед на реке начал во многих местах трескаться. Пришлось спешиться и идти по льду пешком. Так безопаснее. Лошадей меняли раза четыре, если не больше. В последний раз — в селе Покровском, и лошадей распрягали и запрягали свежих прямо перед окнами дома Распутина. Перед тем как процессия тронулась дальше в путь, Прасковья, вдова Распутина, бросив проницательный взгляд на Александру, ее перекрестила. Какое же трудное испытание им предстояло, эта худшая из голгоф! Мария не захотела покидать мать.

Императорскую чету сопровождали князь Долгорукий, доктор Боткин, Анюта Демидова, верная горничная императрицы, и два слуги императора — Чемодуров и Седнев.

Судя по всему, на ожидавшем их в Тюмени поезде путешественников должны были доставить в Москву. Но никто так и не узнает, почему были отменены все прежние приказы и поезд пошел в обратном направлении. Лишь из-за мятежей или покушений вдоль железной дороги или потому, что все было приготовлено заблаговременно к расправе? Начиная с 17 апреля поезд вез несчастных от одной станции к другой, и на каждой остановке отдавался строжайший приказ зашторить все окна в вагоне императора, чтобы не пробуждать любопытства этих орд, которые энергично, угрожающе жестикулировали и громко орали, стоя на платформе или прямо на путях, и охране приходилось разгонять взбудораженную толпу. Так, вместо Москвы, поезд был остановлен в Екатеринбурге, где пленники оказались в руках Уральского областного Совета.

Они прибыли туда, в этот уральский город в среду, когда в Екатеринбурге выдался теплый, яркий весенний день. Автомобиль повез их по пустынным улицам, затем по главной улице, на углу Вознесенской он остановился. Несколько автомобилей кортежа остановились вдоль палисадника.

— Что это за дом с таким палисадником? — спросил

император.

— Это дом горного инженера Ипатьева, — ответил ему шофер.

Он слышал, как один часовой тихо сказал другому:

— Дом особого назначения.

Интересно, что это означает — «Дом особого назначения»?

И кто сможет после этого случая утверждать, что лишь случай, вызванный последними событиями во время их переезда из Тобольска привел императора с императрицей в этот злополучный, зловеший дом?

На крыльце дома их тщательно всех обыскали, словно обыкновенных преступников. Там у двери стэял член президиума Уральского Совета и закадычный друг Свердлова, которого Ленин называл «настоящим большевиком», Филипп (Шая) Исаевич Голощекин. Голова — треугольником. Косой рот. Маленькие черные глазки, всегда горевшие лихорадочным огнем или исполненные загадочного томления. Образец революционера-профессионала. Один знавший его военный так отозвался о нем:

—Эго человек, который не остановится перед любой кровью!

Шая Голощекин был законченным палачом, жестоким, настоящим вырожденцем.

Солдаты наружной охраны были в основном рабочими с заводов Злоказова и Сиссета. Они предпочитали стать тюремщиками, лишь бы не работать по специальности. Они получали по четыреста рублей в месяц, зарплату, которая была значительно выше обычной в те времена. Во внутренней охране находились латыши, присланные из Москвы, и венгры из числа бывших военнопленных.

Император не боялся обыска и каждый день вел свой дневник, в котором записывал унизительные подробности их существования. Александра после такого утомительного и долгого переезда мучилась болями в ногах и почти не ходила. Николай, напротив, хотел как можно больше двигаться, выполнять физические упражнения. Ему так не хватало обычных водных процедур. Он писал в дневнике: «Краны в доме не работают, нельзя принести воды из бочки, как все же тяжело быть нечистоплотным».

В святую субботу Господню по требованию доктора Боткина в дом было разрешено прийти священнику с диаконом. Так государь с государыней, стоя рядом, молились и слушали знаменитое песнопение — «Христос Воскресе!*, что наполняет душу любого православного большой духовной радостью.

22 апреля, на Пасху, они услышали треск фейерверка вокруг своего дома. Все похристосовались и пили чай, заедая его

куличом и крашеными яйцами.

Однажды утром к ним пришел маляр и закрасил известкой все окна в доме. Теперь у несчастных пленников складывалось впечатление, что они живут при постоянном тумане. Губительная сырость проникала во все комнаты, несмотря на теплую погоду.

Вечером, в пятницу, 11 мая из Тобольска прибыли последние слуги с остатком багажа.

Перед ними шли дети. Цесаревич еще целиком не оправился после последнего криза. Царь записал в дневнике, что ему исполнилось пятьдесят лет! Он чувствовал себя и слишком старым, и слишком молодым. Как ему дальше жить в такой неуверенности?

Александра не раз призывала его проявлять терпение. А он только смотрел на нее влюбленными глазами, и, казалось, охватившее его отчаяние улетучивалось.

Александра знала, чувствовала своим чутьем, которого не объяснить, что их долгому пути на Голгофу подходит конец. Она не выражала никакого страха. Она выполняла сотни мелких дел для мужа и детей, подстригала ножницами отросшие волосы Николая, меняла компрессы на распухших ногах маленького Алексея.

Вдруг ежедневные прогулки в саду были отменены. Один из охранников, не такой грубиян, как все остальные, сообщил царю, что областной Совет ожидает нападения со стороны анархистов.

Пленникам не сообщали о том, что белая русская армия под командованием адмирала Колчака начала наступление в Сибири, и красным батальонам приходилось отступать, теряя контроль над некоторыми регионами.

Чувствовали ли государь с государыней хотя бы краткое чувство удовлетворения, что-то вроде возмездия своим врагам перед кровавой расправой над собой? Трудно сказать. Но разве нельзя отнести то удивительное спокойствие, которое они оба проявляли в последние дни своей жизни, к надежде на избавление, к постоянному возвышению их душ из-за благоговейной отрешенности царицы?

Этим летом здоровье цесаревича внушало большие опасения. Он уже не мог ходить самостоятельно. Этот несчастный ребенок, обожаемый своими родителями, сдерживался, не кричал, но доктор Боткин говорил, что он ужасно страдает от невыносимых болей. Отец сам вывозил его на прогулку на кресле-каталке. Императрица с дочерьми строго следила за чистотой белья, и они постоянно что-то шили. По вечерам семья собиралась вместе, и все пели церковные псалмы, религиозные песнопения. В ответ разнузданные солдаты на первом этаже в караулке горланили

похабные частушки. Всю ночь напролет охрана ругалась, пьянствовала, отпускала грязные шутки в адрес «Николашки» и его «немки». В начале июля Голощеков застал всю охрану поголовно пьяную. На следующий день был уволен их командир, пропойца и вор, Александр Авдеев, вместе со своими заводскими товарищами. Начальником новой охраны стал Яков Михайлович Юровский, зловещий на вид человек, с налитыми ненавистью глазами, с черной бородой. Прежде он работал часовщиком в Томске, затем фотографом в Екатеринбурге.

Он занял одну из комнат на втором этаже, предназначенную для членов царской семьи. В его распоряжении находился отряд, численностью в двенадцать человек, — все они были латыши и мадьяры. Александра, Николай, их дети, оставшиеся им верными слуги вновь были подвергнуты ограблению, — охранники отобрали у них все ценное, что еще оставалось в их багаже. Теперь всем приходилось думать, где бы найти тайники, чтобы уберечь от жадности охранников последние личные веши, — драгоценности, украшения, золотые монеты.

В воскресенье, 14 июля, утром, когда в дом «особого назначения» пришел местный екатеринбургский священник, отец Сторожев, он увидел Юровского. Тот сидел за столом и пил чай с печеньем. Начальник охраны встал и тоном, не допускающим никаких возражений, сказал:

— Отслужи заупокойную!

Отец Сторожев промолчал.

Не было никакой нужды предупреждать об этом императрицу, — она все сама слышала. Обедню служили в гостиной. Николай привез на кресле-каталке своего сына. На нем была маленькая матроска. На Александре — просторное платье темно-лилового цвета. На ней — ни одного украшения, ожерелья, браслета, на пальцах нет колец. На Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии — белые корсажи над черными юбками. Все они выстроились за креслом брата, ожидал окончания обедни, когда все они смогут приложиться к кресту.

Диакон, снимая свою ризу, сказал священнику.

— Отец, как все это ужасно!

— Что вы имеете в виде?

— Вы видели, какие лица у Николая Александровича, у императрицы. Краше в гроб кладут. Что это с ними? Они даже не повторяли слов песнопений за нами. Может, они чувствуют, что уже мертвы?

...Вечером, 16 июля, около семи часов, Юровский вызвал своего заместителя Медведева и приказал ему отобрать револьверы у часовых.

— Они нам сегодня ночью понадобятся, — объяснил он. — Сегодня ночью мы расстреляем всех. Чтобы никто вокруг не поднимал тревоги… услышав выстрелы.Поздно вечером того же дня вся семья уже крепко спала. Бодрствовала только одна императрица, — она держала в руках маленькую иконку Богоматери, самую ценную для нее теперь реликвию.

В полночь Юровский прошел по комнатам и разбудил всех. Он приказал всем быстро умыться, одеться и спуститься вниз. Он объяснил своим пленникам, что белочехи приближаются к Екатеринбургу, и местный Совет решил всех их отсюда увезти. Юровский подвел всех к лестнице. Николай спустился по ней первым, неся на руках Алексея. Сонный мальчик крепко обнимал шею отца. За ним шли четыре великие княгини. Шествие замыкала Александра. Она с трудом шла, опираясь на руку доктора Боткина.

— Сегодня ночью я буду далеко-далеко, — сказала она ему. — Нет, я не устала, просто мой ангел-хранитель сообщил мне, что я окажусь в очень хорошем месте.

Доктор Боткин едва сдерживал слезы. Он, конечно, предчувствовал, что произойдет самое худшее, но старался развеять свои мрачные мысли. За императрицей следовали верные их слуги, — лакей Трупп, повар Харитонов и горничная императрицы Демидова.Анастасия держала на руках спаниеля Джимми. У всех в руках были подушки для поездки.

Юровский все отлично предусмотрел. Он не будет убивать несчастных своих пленников в их комнатах, чтобы не подымать ненужной тревоги.

По цокольному этажу Юровский привел их в полуподвальную, около двадцати квадратных метров комнату, с тяжелой железной решеткой на единственном окне. Здесь он предложил всем подождать, пока не прибудут автомобили.

Ребенок не мог стоять, царица тоже с трудом покачиваясь, удерживалась на ногах.

Николай попросил стулья для жены и сына. Юровский приказал принести три.

Александра Федоровна взяла себе один, придвинула его к стене и села. На втором царь усадил посередине комнаты своего ребенка, а сам сел на третий; рядом с ним. Дочери передали им подушки. Три великие княгини стояли справа от матери, рядом с ними, прижавшись в углу, стояли Харитонов и Трупп; четвертая великая княгиня — Татьяна с горничной Демидовой стояли слева от императрицы. Все пребывали в напряженном ожидании команды на отъезд.

Не прошло и пяти минут, как в комнату вошли их палачи. За

Юровским выстроились его подручные — Ермаков, Вагенов, какой-то неизвестный, настоящая фамилия которого была позже установлена, Никулин, Медведев, Всего — двенадцать человек с револьверами в руках. Все жертвы уже поняли, что им предстоит. Ни звука не сорвалось с их уст. В этой маленькой комнатке, — размером 6х5 метров, никак нельзя было увернуться от пуль, — дула пистолетов убийц находились придвинутыми вплотную к их жертвам.

Юровский подошел к царю и абсолютно ровным тоном сказал:

— Ввиду того, что ваши родственники, стремящиеся вас спасти, продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил вас расстрелять.

Царь только успел переспросить: «Что?» Это было его последнее, произнесенное им слово. Одновременно раздались двенадцать выстрелов.

Пальба в подвале продолжалась...

Жертвы падали на окровавленный пол. Царь, царица, их три дочери и слуга Трупп были убиты сразу, наповал одной пулей. Под градами пуль пали Боткин и Харитонов. Цесаревич агонизировал, его широко открытые глаза молили о пощаде. К нему подошел Юровский и дважды выстрелил в ухо мальчику. Горничная Демидова после первого залпа осталась в живых и палачи, чтобы не перезаряжать револьверы, добили ее штыками. Анастасия, которая в эту минуту только потеряла сознание, очнулась и закричала. Вся банда набросилась на нее со штыками. Через мгновение она затих* ла. Все было кончено.

Двенадцать трупов лежали в лужах крови. Кровь забрызгала и стены подвала дома Ипатьева, она всколыхнула всю Россию, сотрясла всю ее историю, она стала грозным предупреждением и всем пока еще уцелевшим тронам в Европе, которая пребывала в состоянии полного разброда.

Когда убийцы набрасывались на окровавленные одежды мертвецов, откуда охватившее их пламя высвобождало спрятанные драгоценности, — сапфиры, изумруды, бриллианты, Александра, которой они были теперь абсолютно не нужны, в эти мгновения возносилась в свое истинное царствие. Она уносила в него с собой своего горячо любимого мужа — Николая, своих детей. Их великая любовь, сохранившаяся до конца их искупительной жизни, была чем-то просто скандальным, чего не могла вынести в силу вульгарности своих чувств ни одна так называемая элита в мире.

Очень скоро в воображении народа и тех немногих выживших слуг императрицы возникла фантастическая картина, —

Александра, крепко прижав к груди своего ребенка, цесаревича, бросилась с ним в громадный костер, разведенный в сибирском лесу.

Крестьяне из деревни Копятки долгое время распускали слухи о том, что в лесах в округе, где были сожжены трупы невинных жертв, постоянно происходили чудеса.

* * *

Смогли я своей книгой внести какой-то вклад в жизнеописание Солнышка Николая, этой русской императрицы, которая никогда ни на что не жаловалась, и всегда только стремилась* любви; она была слишком молодой, чтобы идти на компромисс и слишком наивной, чтобы полагать, что часто человек желает такого счастья, которого он не может ни дать, ни получить, и тогда он за это начинает мстить своими дурными поступками, ложью и глупостью.

Мой отец после гибели Александры был ее рыцарем, ее слугой, и я продолжаю его молитвы, прося у Господа немного больше справедливости и немного больше любви к последней русской царице.

Сан-Жорж, Париж, декабрь 1986г.